



АКАДЕМИЯ МАГИИ



ЭЛИС АЙТ

НЕБЕСНАЯ АКАДЕМИЯ  
УЧЕНИЦА И НАЕЗДНИК



# Annotation

Украла яблоки, чтобы накормить малыша-грифона? Расплачивайся обучением в Небесной академии! Так, по крайней мере, решил Тарен Силвейн – красавец, один из лучших наездников на грифонах и преподаватель этой самой академии.

Теперь моя мечта исполнена – я стала студенткой и будущей наездницей. Но помощь Силвейна не была бескорыстной. Он интересуется загадкой моего происхождения и хочет от меня того, что я не могу ему дать...

Удивительный и привлекательный авторский мир.

Обаятельная и приятная главная героиня.

Лихо закрученный сюжет, куда уместились и школьные неурядицы, и дворцовые интриги, и война, и все это – без единой потерянной нити.

Нежная и прочувствованная любовная линия.

Милейшие грифоны!

---

- [Элис Айт](#)

- 

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
  - [Глава 42](#)
  - [Глава 43](#)
  - [Глава 44](#)
  - [Глава 45](#)
  - [Эпилог](#)
-

# **Элис Айт**

## **Небесная академия. Ученица и наездник**

© Айт Э., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

\* \* \*

# Глава 1

## Эйри

– Эйри! Где ты, несносная девчонка! – орали во дворе.

Мимо, тяжело дыша, пробежал здоровенный повар. В его руках весьма недвусмысленно раскачивалась скалка. Я притаилась за бочками и, придерживая набитый яблоками фартук, юркнула в приоткрытую дверь напротив.

Авиарий – огромная клетка для больных, не поддающихся укрощению и прочих «неправильных» грифонов. Даже грифоньи наездники из академии на вершине горы не рисковали подходить к нему близко. А уж из простых людей сюда сунулся бы только сумасшедший.

Что тут сказать? Я определенно не в своем уме!

Потолок в здании заменяла сеть, через которую лился свет. Он освещал несколько «загончиков», почти все из которых были пусты. Я спряталась возле одного из них, перевела дыхание и прислушалась к тому, что происходит снаружи.

Ага. Угрозы, что извергал злющий повар, постепенно стихали в другой стороне.

Я с облегчением выдохнула, шагнула вперед и тут же на чем-то поскользнулась, с трудом удержавшись на ногах. Но яблоки все же рассыпала. Сверкнув на солнце блестящими ярко-красными боками, они покатались по земляному полу авиария.

Шепотом ругнувшись, я бросилась их собирать. Одно упало прямо под доски загона. Я потянулась к нему рукой и, услышав какой-то шорох сверху, медленно подняла голову...

На меня внимательно смотрел огромный карий глаз. Прямо возле моего уха застыл загнутый клюв, способный расколоть камень легким ударом.

Я вздохнула и протянула ему яблоко. Грифон довольно заурчал, ловко его подхватил и, подбросив в воздух, проглотил целиком.

– Давай-давай, Кусачка, красуйся, – сердито проворчала я. – Вымогатель...

Он встряхнулся и хитро мне подмигнул.

Многие считали, что у грифонов не больше разума, чем у лошадей. Я бы с этими людьми ой как поспорила!

– Так... – пробормотала я, оглядываясь.

Кажется, яблок было больше, но искать укатившиеся не хватало времени. Мне еще как-то нужно успеть вернуться на кухню, прежде чем повар обежит всю академию и поймет, что меня нигде нет. А я в этот момент должна ждать его там же, где и была, с самым невинным из заготовленных взглядов. «Вот же я, господин повар. Все время тут и стояла. А? Какие яблоки на преподавательский стол? Ничего не знаю и не видела!»

Но сначала – найти Заката.

Я осторожно двинулась между загонами. Здоровые, сильные грифоны жили на вершине, в гнездах, которые свивали сами. Тех, кто не мог это делать, помещали сюда, в авиарий, где они содержались в загонах, как овцы или коровы. Как оскорбительно для гордых крылатых полульвов-полуорлов! Неудивительно, что сверху пришлось натянуть зачарованную сеть, а к клетке никто не желал подходить.

Загон Заката был пуст. Я растерянно оглядывалась, когда меня дернули за юбку.

Ну конечно! Мелкий проказник залез в соседний загон, выломал доску внизу, просунул туда клюв и теперь тянул меня за подол. Я присела, ласково потрепала неумного грифоненка по пернатой голове, затем выпрямилась, перегнулась через ограду и сунула ему яблоко. Издав радостный клекот, Закат захрустел фруктом.

– Давай, малыш, вот так, – подбодрила я, сразу же подавая ему второй.

Сама не знаю, что меня привлекло в этой крохе. Он родился таким маленьким, что собственная мать отказалась от него, выкинув из гнезда. Другие грифоны тоже отказались его принять. Ему даже имя не дали. Закат – это придумала я сама, а остальные сочли бессмысленным заморачиваться над выбором. Ведь лекари в академии развели руками – птенец вряд ли выживет. Выкармливать его вручную? Ха, попробуй сунься! Это тебе не щенок. Даже совсем юные грифоны опасны – нечаянно откусит тебе руку по локоть и не поймет, что не так сделал.

А я рисковала, таскала яблоки с кухни, где работала, лучшие кусочки мяса, и наблюдала, как малыш день ото дня растет. Может, однажды в него все-таки поверят и снова возьмут наверх, в академию.

Не то что меня. Со мной уже все давно ясно...

Может, я выдумывала, но мне казалось, что между мной и Закатом возникло нечто вроде связи. Он отверженный, и я такая же. На него все махнули рукой, и на меня тоже. Нам обоим не видать Облачных вершин как своих ушей. Но вдвоем было как-то легче, что ли. Я носила Закату вкусняшки, а он в ответ смиренно выслушивал все мои жалобы на жизнь.

Поток печальных мыслей прервали раздавшиеся у входа шаги. Проклятье! Я торопливо присела, прячась за загонами. Еще не хватало, чтобы меня здесь кто-нибудь засек. Тогда точно прощай все мечты о полетах на грифонах. Выкинут меня с работы на кухне – и на Облачные вершины можно будет только издалека любоваться. Из соседнего города!

Кто мог сюда заглянуть, я понятия не имела. Студенты на каникулах, преподаватели и всадники к «неудачным» грифонам не лезут. Кто-нибудь из лекарей или уборщиков? Все они должны быть заняты в этот час.

Человек прошелся возле входа и замер. Давай, проваливай уже...

Но он стоял на месте. Закат зашуршал сеном, пытаюсь дотянуться до оставшихся яблок в моем фартуке, но я прижала палец к губам. Грифоненок тут же стих, уставившись на меня сообразительными золотыми глазами. Я немного сдвинулась, чтобы через доски видеть гостя и понимать, когда он уйдет.

Тот вдруг наклонился и поднял с земли красное яблоко.

Ох, демоновы вилы!

– Выходи, Эйри, – произнес мужской голос. – Тебя же так называли, верно?

Я не шевельнулась.

– Вылезай, – повторил мужчина. – Иначе я позову повара, и вытаскивать тебя оттуда будет он.

В воображении сразу нарисовалась картина, как толстый Мабон протискивается между загонами и застревает там, только скалка сверху торчит. Это было бы смешно, если бы мне после такого не грозило четвертование вместо увольнения. Пряча серую косу, я выпрямилась и наконец увидела, кого так не вовремя принесло в авиарий.

Вот это я влипла...

Тарен Силвейн – самый красивый мужчина в академии. Лучший грифоний наездник, наверное, во всей стране. Лично знаком с королем и королевой. Благородного рода, богат, умен... В общем, недостатков у него не было, одни достоинства. Его окутывал еще и легкий флер скандальности – не только потому, что женщин он менял как перчатки, но еще и потому, что никто не знал, с чего бы такой многообещающий всадник, окончив Небесную академию, сюда вернулся. Все студенты жили одной мечтой – попасть в столицу, служить во дворце, в легендарной Грифоньей страже. Это и почет, и богатство, и все что вздумается!

Но Тарен Силвейн ее бросил, покинул столицу и уехал обратно – работать здесь преподавателем. Официально считалось, что он сделал это из чувства долга – надо же кому-то обучать молодых наездников. В то же время все понимали – что-то там, в столице, а может, и в самом дворце, случилось. Никто не знал, что именно, но какие слухи ходили... ух!

Все это пронеслось в моей голове за миг. Каждая девушка в округе с ума бы сошла, если бы этот синеглазый красавец с безупречной улыбкой обратился к ней по имени. А мне, похоже, предстоит честь еще и быть выгнанной им из академии. Ну прямо повод для гордости!

Я одернула платье. Терять, кажется, уже нечего. Я даже не кухарка, а всего лишь младшая помощница повара. Без гроша в кармане и без знакомств. Поймана на воровстве. Повезет, если просто вышвырнут, а не в темницу отправят.

– Наверное, без толку просить вас не говорить об этом Мабону, господин? – буркнула я, даже не пытаясь выглядеть соблазнительно.

У негласного короля Небесной академии все окрестные красавицы в постели перебивали. Моей в прямом смысле слова серой внешностью его не купить. И стараться нет смысла.

Он окинул меня насмешливым взглядом.

– Ты влезла в авиарий, где содержат самых злобных, не поддающихся дрессировке грифонов. И боишься какого-то там Мабона?

– Никакие они не злобные! – возмутилась я. – Кормите их почаще, тогда добрее будут!



– Этим, значит, ты и занималась? Задабривала их? – мужчина многозначительно подкинул в ладони изрядно запылившееся яблоко.

– Просто принесла им поесть. Кто-то же должен этим заниматься.

– Их кормят три раза в день. И далеко не отбросами.

– Им это расскажите, – я отвернулась.

Зачем стараться что-то объяснить, если все равно моя судьба уже ясна?

Однако Тарен Силвейн не мчался звать повара и вообще не шевелился, только, прищурившись, смотрел на меня. Под этим пристальным взглядом я начала краснеть. Синие, как летнее небо, глаза задержались на моих серых, почти белых волосах, затем спустились к простенькому, такому же серому наряду. Я никогда не надеялась привлечь внимание Силвейна, но вдруг отчего-то стало стыдно за пятна на фартуке и истертый до дыр подол.

Мужчина сделал шаг ко мне. Неожиданно очнулся Кусачка и, оправдывая свою кличку, кляцнул клювом прямо рядом с ухом Силвейна. Тот ловко увернулся и кинул своенравному грифону яблоко. Мгновенно раздался довольный хруст, и Кусачка снова исчез у себя в загоне. Предатель!

Силвейн бесстрашно оперся плечом на столб загона и засунул руки в карманы, продолжая со странным выражением лица оглядывать меня.

– С грифонами раньше имела дело?

– Нет, господин, – ответила я, неуверенно поглядывая на него в ответ.

– И хочешь сказать, ты лучше опытных наездников Небесной академии знаешь, что нужно тем, на кого уже давно плюнули? – насмешливо поинтересовался он и обвел рукой авиарий, не оставляя сомнений в том, что имеет в виду.

«Нет», – уже собиралась сказать я, но не успела.

Грифоненку надоело, что ему не дают яблоки. Он неумело, на неразвитых крыльях взлетел над загонем и бросился, выпустив когти из всех четырех львиных лап, на того, кого считал виновником отсутствия «десерта». То есть на Силвейна.

Сердце у меня екнуло. Еще не хватало обвинений в том, что я натравила грифона на преподавателя!

Но схватить, остановить зверенка я не успевала. Только выкрикнуть:

– Закат, нельзя!

И тут случилось чудо. Грифоненок, уже готовый расцарапать симпатичное лицо Силвейна, неожиданно развернулся назад. Конечно же, для его слабых крыльев это оказался чересчур сложный пируэт. Закат, пискнув, неуклюже брякнулся на землю. Я бросилась к нему, но грифоненок гордо отвернулся и посеменил обратно к своему загону. Теперь уже с обиженным видом – дескать, ну что за люди, даже отгрызть никому ничего не дали!

А Силвейн как стоял с засунутыми в карманы руками, так и продолжил стоять. Только синий взгляд стал суровее.

– Ты дала ему имя, – сухо сказал он.

– Больше никто об этом не позаботился!

– Только наездник имеет на это право, – отчеканил Силвейн.

Я осеклась. От осознания, что я сейчас натворила, начали холодеть ладони.

Мои игры с Закатом были невинными, пока о них никто не знал. Связь с грифоном, которая выстраивалась между ним и его наездником, считалась священной и длилась всю жизнь. Кое-кто из наездников отказывался ездить на других грифонах, если с его собственным что-то случалось. В Небесной академии обычно даже студентов набирали ровно столько, сколько этой весной родилось грифонят. На первом курсе ученик привыкал к выбранному зверю и только в конце года давал ему имя. Так формировались узы, необходимые для слаженной работы зверя и человека. В конце концов, именно благодаря тому, что наше королевство научилось приручать грифонов, оно стало сильнейшим среди всех...

И тут появляюсь я. Мелкая прислуга, еще и незаконнорожденная, о чем свидетельствовали серые волосы. Выскочка, которая настолько обнаглела, что дала грифоненку имя, даже не обучаясь в академии!

Меня не просто выкинут отсюда. Меня прямо здесь и закопают.

– Я н-не хотела н-ничего плохого! – выпалила я.

– Не сомневаюсь, – насмешливо ответил Силвейн. – Только, по моему опыту, с этих слов и начинаются все катастрофы.

Это конец. Мысль о том, что в академии мне работать больше не дадут, была вполне отчетливой.

Под смеющимся взглядом преподавателя я стрелой вылетела из авиария. Но кинулась не на кухню, где мне положено было находиться, а еще дальше – к подножию горы. Там, позади всех важных построек, располагалось жилье прислуги.

Моя комнатуха представляла собой узкое пространство длиной в несколько шагов. Все в нем было в единственном числе: одна койка, одно окно, один сундук для вещей. Тем не менее пожитки я сгребала долго – все валялось из рук. Когда наконец сумка была набита, я закинула ее за плечи и прислушалась к тому, что происходит снаружи.

Вроде бы охрану за мной еще не прислали? Лучше успеть сделать ноги до того, как это случилось.

Я уже вышла во двор – и не выдержала, замедлилась, глядя ввысь.

Это место не зря называли Облачными вершинами. У горы было две головы со «шляпками» из облаков. Шутили, что это из-за грифоньей двойственности: одна вершина нужна их львиной сущности, а вторая – орлиной. Постройки вились спиралью по первой, низшей главе и поднимались к линии облаков, под которой находилась собственно Небесная академия. А еще выше, на второй вершине, – гнезда грифонов.

С самого детства я грезилась о полетах в небе. О ветре в лицо, облаках, которые на самом деле ничуть не мягкие, а очень даже мокрые. Но еще больше – о чувстве свободы, которое дарит полет. Однако нищенке этого никогда не испытать. Чтобы быть ближе к мечте, я устроилась мыть полы на кухне Небесной академии. И вот так по-идиотски все угробить...

Ну, Эйри, только так ты, похоже, и можешь.

Поправив лямку, я направилась к выходу из академии. Никто ни о чем спрашивать не будет, однако лучше на глаза людям не попадаться. Поэтому я решила обойти здания с другой стороны, завернула за угол...

И, разумеется, врезалась прямо в необъятное пузо повара Мабона.

В глазах заплясали звезды. Я как будто с бочонком пива столкнулась.

– Ты что натворила, несносная девчонка? – заорал повар.

– Что? – переспросила я, приходя в себя, и скрестила за спиной пальцы. – Ничего. Честное слово.

– Тогда зачем на кухню приходил господин Силвейн расспрашивать о тебе?

Ох ты ж...

– Н-ничего, – промямлила я, пытаясь бочком пролезть мимо него. – Совсем ничего...

– В таком случае это что такое? – рявкнул Мабон и сунул мне под нос какую-то бумажку.

Я поморгала, вчитываясь.

Демоновы вилы...

Витиеватым шрифтом на гербовой бумаге было выведено: «Получатель сего письма приглашается к обучению в Небесную академию».

А ниже стояло мое имя.

## Глава 2

Я вусмерть запыхалась, когда добежала до основных зданий академии. Пришлось остановиться на несколько мгновений, чтобы успокоить сердце и не вваливаться к Силвейну, задыхаясь.

Хотя что ему говорить, я все равно не знала. Приглашение казалось изощренной насмешкой над моей бедностью и происхождением. Ну и что, что текст написан на дорожной бумаге, а внизу печать? Может, это подделка. Я же не разбираюсь! Обучение на грифоньего наездника – это ведь только для избранных. Даже аристократы туда попадают не все! Другие студенты ни за что на свете не станут мириться с тем, что вместе с ними учится помощница повара. Да и преподавателей мне чем поражать – умением выпекать маковые витушки? Ну да, конечно, это же любимая еда грифонов, ха-ха!

В общем, когда я прошла через ворота бывшего замка, где находились классы и жили преподаватели, в голове была полная каша. Я понимала лишь одно – мне срочно надо пообщаться с Силвейном.

Но его не было ни на тренировочной площадке, ни в столовой. Когда я попыталась зайти в учебный корпус, привратник остановил меня еще у дверей, окинул презрительным взглядом и сообщил, что Силвейна нет и там.

Оставались два варианта: либо жилой корпус, либо Орлиная Голова – вторая вершина, где находилась святая святых академии – гнезда грифонов.

Я задрала голову, вглядываясь в подернутую облаками гору. День сегодня был ясным, лето напоследок радовало солнцем и теплом. Но даже в такую погоду вершину словно окутывало мягкое белое одеяло. Говорили, что это магия – так грифоны в древности скрывали свое жилище от людей. Вряд ли это было правдой. Люди давно научились соседствовать с гордыми полуорлами-полульвами, и академия стояла здесь уже добрых двести-триста лет. Но одно оставалось неизменным – к гнездам абы кого не пускали. Студентов – и то не всех.

Поэтому мне оставалось только направиться к пышно украшенному двухэтажному зданию. Почти все преподаватели



Небесной академии жили прямо здесь, поскольку каждый день подниматься из города у подножия было нелегко. И они явно не скромничали. Хотя ректор все равно их обогнал – он жил в отдельном доме, вход в который «охраняли» два каменных грифона в полный рост.

Я набрала в грудь воздуха. Я впервые заходила в академию настолько далеко. До сих пор самое большее мне приходилось бывать в столовой, куда повар отправлял меня с тележкой еды. У нас, на кухне, ее только готовили, а красиво сервировали уже там. Считалось, что резкие запахи человеческой еды, и особенно дым из печей, раздражают грифонов, поэтому кухня и столовая располагались дальше от учебных построек.

И вот я тут, не могу набраться смелости, чтобы зайти в преподавательский корпус. О боги, как я здесь учиться-то хотела!

Усилием воли я заставила кулак подняться и уже поднесла его к двери...

– Ищешь кого-то? – спросил сзади насмешливый голос.

Я вздрогнула и обернулась. Конечно, это был Силвейн. Руки в карманах, на губах играет улыбка, в синих глазах веселье – и не скажешь, что это преподаватель.

– Вас, господин Силвейн, – сухо сказала я, протягивая ему приглашение. – Пожалуйста, объясните, что это значит.

Он приподнял бровь.

– А мне говорили, что ты умеешь и читать, и писать. Это твой пропуск на обучение в академии.

– Я вижу... – Я нервно переступила с ноги на ногу. – Но я же прислуга!

– Ну да, – спокойно ответил Силвейн. – Поэтому я надеялся на благодарность. Как насчет того, чтобы начать с простого «Спасибо, господин, это именно то, о чем я мечтала всю жизнь»?

Я сглотнула.

Откуда ему это известно? Я ни единой душе в округе ни словом не намекала на свою тайную страсть. Над моей наивностью только посмеялись бы. А когда я стала тайком навещать в авиарии Заката, таская ему вкусности, раскрывать секрет стало еще и опасно.

Разумеется, о нем знала моя мать. Но она в сотнях миль от Облачных вершин и вообще никогда бы не стала иметь дел с

аристократами после того, что с ней случилось!

Должно быть, все мои мысли отразились на лице. Силвейн всмотрелся в него, по-хозяйски взял меня за плечо, развернул и подтолкнул к двери.

– Так. Идем-ка ко мне. Там и поговорим.

Я послушно шагнула в темный прохладный холл. Вокруг никого не было – все, наверное, ушли на обед.

Вдруг проскочила мысль, что Силвейн в таком случае может делать со мной все что вздумается. Никто не услышит и не придет на помощь. У аристократов и так не принято миндальничать с прислугой, а за что Силвейна попросили из Грифоньей стражи, неизвестно. Может, мне пора развернуться и бежать отсюда? Я уже оглянулась на дверь, затем посмотрела на зажатое в ладони приглашение.

Такой шанс выпадает раз в жизни. А я не только не обрадовалась, но и думаю, как бы поскорее избавиться от него. Я что, испугалась встречи с собственными мечтами? Да ни за что!

Я уверенно пошла следом за Силвейном. Он повел меня на второй этаж и распахнул одну из дверей.

– Ну, на мой фамильный особняк это, конечно, не похоже, – скромно кашлянул он. – Но вполне сносно для преподавателя.

– Ох, – только и сказала я.

Ничего себе «сносно»! А умывальник у него тоже из золота?

Пока я рассматривала шикарную обстановку прихожей, Силвейн устроился в кресле и небрежно махнул рукой, указывая мне на соседнее сиденье:

– Садись. И расслабься. Никто тебя здесь не укусит.

И улыбнулся при этом так кровожадно, что я снова вздрогнула. Хоть и красавец, а получилось... впечатляюще.

Все заготовленные слова сразу пропали. Хитрец, похоже, на то и рассчитывал, если судить по ухмылке. Я мотнула головой, пытаюсь прийти в себя.

– Господин Силвейн, без сомнений, я вам очень благодарна. Но обучение в академии стоит целое состояние. Я никогда не смогу выплатить вам эту сумму.

– И не нужно, – равнодушно ответил он. – Я возьму все расходы на себя.

Я уставилась на него.

– Но, господин... Это же пошив формы, полное содержание и меня, и, главное, грифона...

Силвейн пожал плечами:

– Как видишь, я богат.

– Но зачем это вам? – не выдержав, я вскочила на ноги и невольно сжала кончик своей длинной косы. – Я же...

– Та-хей, – закончил он за меня. Бесстрастный взгляд ничуть не изменился. – Полукровка. Твоя мать согрешила...

– Ее заставили! – прервала я.

Да, за такую грубость меня имели полное право наказать. Но и промолчать я не могла.

– Хорошо, – невозмутимо согласился Силвейн. – Твою мать вынудили согрешить с магом. Отсюда и цвет твоих волос – приговор, раскрывающий тайну твоего внебрачного рождения. А судя по тому, что ты всего лишь помощница повара, дар у тебя так и не проснулся. Тебе известно, кто твой отец?

Я подобралась. Мама предупреждала, что однажды так может случиться. Появится кто-нибудь, кто полезет в мое прошлое. Маги – седовласые археи, в чьих жилах текла эльфийская кровь, – находились в обществе на особом положении, даже еще выше аристократов. А соответственно, и богаче, и ближе к трону. Так удобно манипулировать одним из них через его внебрачную дочь...

– Если вы подумываете о шантаже, то вы зря тратите время, – холодно сообщила я. – Мою мать с позором вышвырнули из архейского дома еще до моего рождения. Она никогда не говорила мне, кто мой отец. Хотя пытайте – я не смогу ответить на этот вопрос.

– Сядь обратно, – нарушить спокойствие Силвейна, казалось, не могло ничто. – Мне глубоко неинтересен твой настоящий отец. Сегодня ты доказала, что у тебя появились зачатки ментальной связи с грифоном – вот что важнее всего.

Ноги стали ватными. Я не очень-то грациозно плюхнулась обратно в кресло.

– Связь?

– Закат тебе подчинился, – пояснил он. – Ты сказала ему, что нельзя меня трогать, и он развернулся.

– Но я же просто крикнула: «Нельзя». Это еще не связь!

– Девочка, – ровно произнес Силвейн. – Если ты собираешься окончить академию, а не вылететь из нее в первые же дни, хорошенько запомни первое правило студента: никогда не спорь с преподавателем. Тем более с тем, кто служил в Грифоньей страже.

Я прикусила язык.

– Простите, господин. Я... немного не в себе от таких новостей.

Он кивнул.

– Тогда вернемся к нашим делам. Я спрашивал о тебе на кухне. Мабон сказал, что у тебя неплохое образование – лучше, чем у обычной прислуги. Он был удивлен, когда ты попросилась работать у него.

По выдержанной паузе я поняла, что на самом деле это вопрос.

– В дома археев необразованную прислугу не берут. Мама научила меня всему, что умела сама. Читать, писать, считать, немного географии и истории... Но... еще раз простите, господин... Разве этого хватит, чтобы обучаться езде на грифонах?

Силвейн усмехнулся.

– Хочешь, открою тебе самый страшный секрет Небесной академии?

– Да, – не слишком уверенно ответила я.

Он наклонился ближе ко мне и сделал страшные глаза.

– Самое главное в том, чтобы научиться летать на грифонах, – это наладить с ними тесную ментальную связь. А для этого даже чтение и письмо не требуются.

Силвейн откинулся обратно на спинку кресла и засмеялся, глядя на мое лицо. Смех у него оказался неожиданно звонким, задорным и заразительным. Словно не грозный преподаватель смеется, а студент.

Хотя он вроде бы и не сильно старше меня? Ему даже тридцати быть не может. Он выпустился из академии всего четыре-пять лет назад.

– Только не радуйся преждевременно, – «успокоил» насмешник. – Другие студенты будут образованны гораздо лучше тебя. Самое важное – это, конечно же, умение быстро найти общий язык со своим грифоном. Те, у кого это не получается, прощаются с академией. Но преподаватели будут судить тебя по успехам и в других науках. Мы выпускаем лучших из лучших. Неграмотные девицы к ним не

относятся, вне зависимости от происхождения. Поэтому если не будешь успевать за учебным планом, то тебя тоже выпроводят.

– Понимаю. Но все же не понимаю, господин, почему вас так заинтересовала моя связь с Закатом. На нем же все поставили крест.

– Именно. И на тебе тоже, верно?

Синий взгляд прожег меня насквозь. Я прижалась к спинке кресла, не зная, куда от него деваться. Откуда у меня такое ощущение, как будто мужчина передо мной знает все мои секреты? Включая те, о которых неизвестно мне самой?

– Да, – тихо сказала я.

Внебрачный ребенок. Без крохи магии, которой обладал отец. Я не человек, а ходячий позор. Конечно, на мне поставили крест.

– Хорошо, – произнес Силвейн так, будто во всей этой трагичной ситуации действительно было что-то хорошее. – У тебя есть прекрасная возможность доказать, что весь мир был не прав. У тебя редкий талант – студентам дают год на то, чтобы установить ментальную связь с грифоном, и не у всех это получается. А ты смогла за сколько? Два месяца? Ты ведь пришла к Мабону в начале лета, так? Это очень быстро. Выучись сама, обучи Заката, и если не вылетишь из академии по глупости, то сможешь подняться в обществе на такую высоту, о которой раньше и подумать не могла. Выйдешь замуж за какого-нибудь простолюдина-богача, – он вновь внимательно посмотрел на меня. – Или поступишь на государственную службу.

– В Грифонью стражу? – робко уточнила я.

В воображении уже нарисовались гордые ряды гвардейцев на еще более гордых грифонах, слава и почет...

– Ты та-хей, – припечатал Силвейн.

Греза разбилась на осколки, не успев оформиться. Я вздохнула.

Ладно, Эйри. Нечего раскатывать губу. Радуйся тому, что есть, и благодари богов.

– То есть вы оплатите мое обучение просто по доброте душевной, – подытожила я. – Потому что ратуете за молодые таланты.

– Нет.

Это слово повисло маленькой грозовой тучкой под потолком. Я снова подсобралась.

– И чего вы хотите взамен? Даже если я окончу академию, то не смогу вернуть вложенные в меня деньги еще очень долго.



– Ничего страшного. Подпиши контракт с моей семьей, – Силвейн поднялся и достал из ларца несколько сшитых между собой листов бумаги. – В случае неудачи я устрою тебя на работу в родовое поместье той же помощницей кухарки. Ты ничего не теряешь, а сколько можешь приобрести...

Он не стал заканчивать фразу, позволив ей многозначительно протянуться в воздухе и подразнить мои ноздри ароматом исполненных мечтаний.

Я быстро просмотрела врученный мне документ, при этом с подозрением поглядывая на стоящего передо мной мужчину. Он снова превратился в ходячую беспечность – руки в карманах, небрежная поза.

Впрочем, так ведь и должно быть. Это не его судьба сейчас решается, а моя. Суммы, необходимые на содержание грифона, баснословны. Ничего удивительного, что человек, который вкладывается в мое обучение, хочет со временем их вернуть. В конце концов, род Силвейн не был бы богат, если бы разбрасывался деньгами во все стороны.

Да и контракт в целом был стандартным. Мне не раз приходилось подписывать подобные. Разве что впервые указанная сумма была такой, что я крикнула, обомлев.

М-да. Я знала, что обучение – это дорого. Но что настолько дорого... Даже если меня повысят до кухарки, придется выплачивать всю жизнь!

Я нервно подергала себя за косу.

– Грифоны что, золотыми слитками питаются?

– А ты думала, их всю жизнь можно яблоками кормить? – Силвейн усмехнулся. – Я не обещал, что будет легко. Окончи академию – и выплата долга займет всего пару лет. Грифоны наездники ценятся очень высоко.

Еще бы. Грифоны так редки, что долгое время вообще считались мифом. В нашей стране они живут только здесь, на Облачных вершинах. А если учесть, что не всех удастся выдрессировать...

Я уже собралась поставить размашистую подпись, когда обратила внимание на странный пункт.

– Пойдите. Что значит «См. в приложении пункт о браке»? – возмутилась я.

– «См.» – это значит «смотрите», – великодушно пояснил Силвейн.

– Знаю! – я бросила на него мрачный взгляд. – В договоре нет никаких приложений!

– Ах, прости, забыл вытащить, – с невинным видом сообщил он и вернулся к ларцу. – Там ничего необычного. Обычное уточнение, что если ты выйдешь замуж и родишь детей, то они будут обязаны выплатить твой долг, если с тобой что-то случится.

Я вцепилась в протянутый мне лист, на котором было выведено: «Приложение».

Пункт действительно стандартный. Однако неожиданно «забытые» документы наводили на определенные размышления.

– Вы больше никакие дополнения к контракту не забыли мне показать? – сощурившись, осведомилась я.

– Всего лишь небольшую пачку, исписанную мелким шрифтом, – очаровательно улыбнулся он.

Шутник... Хотя выбор у меня все равно был небольшой. Либо рискнуть ради шанса получить все, либо отказаться – и всю оставшуюся жизнь квакать в болоте, где я родилась. Как бы кто ни хотел иного, мир принадлежит надменным археям и аристократам вроде Силвейна. Если ему приспичит меня обмануть, ни один контракт меня не спасет.

Поэтому я даже не стала особенно вчитываться, макнула любезно предложенное Силвейном перо в чернильницу и подписала договор своим именем. Мужчина довольно кивнул, подождал, пока чернила высохнут, и убрал документ.

– Теперь я твой попечитель, – он внимательно посмотрел на меня. – Ты понимаешь, что это значит?

Я неопределенно пожала плечами. Вряд ли Силвейн захочет играть роль моего отца. Ловеласы вроде него не жаждут заводить детей. Пусть и взрослых.

– Это значит, – терпеливо растолковал он, – что я не просто даю тебе деньги, а за тебя отвечаю. Я сделал тебя студенткой – и если ты будешь плохо учиться, это отразится на мне. Если ты поссоришься с кем-то из студентов или нахамишь преподавателю – претензии тоже пришлют мне. Нам обоим выгодно, чтобы ты училась хорошо и без

эксцессов. И лучше всего тебе беспрекословно выполнять то, что я говорю. Все ли тебе понятно?

– Все, – подтвердила я.

– Хорошо. Чуть позже я предупрежу коменданта общежития, что у нас есть новый студент. Но так быстро комнату подготовить не успеют, поэтому сегодня тебе придется ночевать в старой. Завтра въедешь в общежитие. Если там что-то окажется не так, например чего-то не будет хватать, не замалчивай, сразу иди ко мне. Ты будущая наездница, а к наездникам должны относиться с уважением. Вообще, если в чем-то засомневаешься или почувствуешь неладное, не будешь знать, как себя вести, в тот же миг ищи меня.

Я кивнула, стараясь не слишком откровенно таращиться на Силвейна. Получалось, должно быть, плохо. Впрочем, он наверняка привык к тому, что женщины с него глаз не сводят...

Но я уже сейчас не знала, как себя вести, только вряд ли мне стоило сообщать об этом своему новоявленному попечителю. Он не поймет. Ему неизвестно, что это такое – получать всю жизнь издевки из-за того, что твоей матерью попользовались и выкинули на свалку, а ты вынуждена из-за этого жить в нищете, потому что на «порченной» женщине никто больше не женится.

И вдруг в тебя поверили.

Дали шанс на лучшую жизнь.

Ясно, что Силвейн преследовал и корыстные цели – заработать на мне, но все же...

Все же...

Мне вдруг стало ужасно жаль, что на такую, как я, мужчина вроде него никогда не обратит внимания. Ну, по-настоящему. Со свадьбой и всем вот этим вот, что полагается. А повторять судьбу матери у меня точно не было желания.

В эти синие глаза можно смотреть целую вечность. Я не встречала больше ни одного человека с таким глубоким и ярким оттенком радужки.

Силвейн еще что-то рассказывал, какие-то важные мелочи. Я кивала, по большей части механически. Потом не выдержала и прервала:

– А Заката мне дадут забрать из авиария?

– Пока нет.

– Почему? – огорчилась я. – Я же студентка, и у нас есть ментальная связь.

– Он еще недостаточно развит, – мягко ответил Силвейн. – Повезло, что в авиарии его приняли за «своего», но на свободе другие грифоны его заклюют. Подожди немного, уделяй ему больше внимания – и если не наделаешь больших ошибок, то вскоре он вернется на Орлиную Голову и совет собственное гнездо. Связь с тобой дает ему гораздо больше шансов на то, чтобы не зачахнуть и вырасти до размеров собратьев, – он помолчал. – Вроде бы я сказал все необходимое. Можешь идти.

– Спасибо, – я встала с кресла и замялась, смущенно разглаживая фартук. Просто уйти казалось неправильным. – Э... Увидимся завтра?

Силвейн уже успел отвлечься на какую-то бумагу на столе и удивленно приподнял брови, глядя на меня.

– Господин, – поспешно добавила я.

Он усмехнулся.

– Надеюсь, ты не настолько быстро влипнешь в проблемы, чтобы понадобилось мое вмешательство. Но если тебе так угодно – до завтра.

И снова уставился в исписанный лист бумаги, потеряв ко мне интерес.

Выход, очевидно, мне следовало искать самой. Логично. Я, может, и стала студенткой, а он – моим попечителем, но между нами по-прежнему бездна.

Стараясь не шуметь, я покинула комнату, однако к выходу из преподавательского корпуса пошла не сразу. Воспользовавшись тем, что вокруг пусто, я прижалась спиной к холодной стене, зажмурилась и медленно выдохнула.

Сегодня не мой день рождения, так отчего же жизнь приготовила такой подарок? Поступление в академию, собственный грифон, самый красивый попечитель в окрестностях... Ну и что, что мне потом придется отрабатывать, мой грифон – слабый малыш, а попечитель окутан флером скандальности. Кажется, еще никогда лучшими студентами Небесной академии не были нищие полукровки?

Пора исправлять эту ситуацию!

Улыбнувшись, я прищурилась и наконец зашагала к выходу.

## Глава 3

### Силвейн

Когда Эйри ушла, я перестал прикидываться и со вздохом отбросил подвернувшуюся под руку бумажку.

Девчонку было жаль. Юная, наивная, глазищи – в пол-лица, синюющие, и смотрят с такой преданностью, что хочется порубить в капусту всех, кто посмеет ее обидеть. Неудивительно, что даже Кусачка из авиария, «прославившийся» тем, что пробил череп собственному наезднику и оставил того на всю жизнь дурачком, ее не трогал. Еще и ведет себя девчонка так свободно, как будто уже давно знает, что она не просто служанка. Если поставит себя как следует, за ней не только грифоны – половина студентов будет шлейфом бегать. А там, глядишь, какой-нибудь из них поступится родовой гордостью и женится на ней.

Жаль, это не ее судьба.

Я достал чистый лист бумаги, пододвинул ближе чернильницу и начал выводить:

«Архею Коллару.

Девочка там, где вы и ожидали. Признаки уже начали проявляться. Взял ее под крыло».

Без подписи – подальше от греха. Затем я запечатал письмо, убрал под камзол и поднялся с кресла. До начала учебного года осталось около недели. Послание нужно отправить сегодня же, иначе будет слишком поздно.

А затем – лучше спрятать контракт с Эйри. Во-первых, чтобы его никто не нашел и не уничтожил. А во-вторых, чтобы не вчитался и не обнаружил, какой там подвох...



## Глава 4

### Эйри

Неделя до начала занятий была самой счастливой в моей жизни. Меня заселили в студенческое общежитие, и, хотя Силвейн фыркнул, что комната могла быть получше, я была ею страшно довольна. В ней могли поместиться сразу три моих прошлых каморки! Ну да, вид из окна открывался на стену соседнего здания, а не на долину у подножия, но не могут же в жизни быть одни молочные реки с кисельными берегами.

Заката я каждый день – совершенно законно! – посещала в авиарии и играла с ним до упаду. Честно говоря, я сомневалась, что между мной и грифоненком существует какая-то связь. Слушаться он меня не хотел ни в какую и радостно сгрыз подол почти нового платья. Но если уж Силвейн так считает... Ему всяко виднее.

По крайней мере, я была уверена, что Закат растет. Хотя, когда я с восторгом сообщила об этом попечителю, он по своей любимой привычке только посмеялся и подарил мне линейку.

Шутник проклятый.

На кухне я больше не работала, поэтому свободного времени стало навалом. Пользуясь возможностью, я заранее взяла в библиотеке учебники и проверила, что мы будем изучать в первом полугодии. Содержание книг повергло в легкое уныние – бо́льшая часть была непонятна. Ну, может, в процессе станет яснее.

Постепенно в общежитие с каникул возвращались студенты. На меня никто из них не обращал внимания – наверное, принимали за новую прислугу. Девушка архей в Небесной академии оказаться не могла. Будь я рождена в законном браке, который благословлен богами, то обладала бы колдовским даром и училась в магической академии – Белой. Носила бы белоснежную мантию, а мое лицо украшала бы татуировка, усиливающая природный талант.

Иногда случалось чудо – та-хеи наследовали кроху отцовской силы. Тогда их отца находили, заставляли признать ребенка и затем тоже забирали его в Белую академию. О некрасивом происхождении

юного адепта мгновенно забывали. Археи – высшие, чистейшие маги, среди них не может быть недостойных.

Но это был не мой случай. Три раза в детстве меня проверяли разные археи – в шесть лет, в восемь и десять. Если дар к тому времени не проявлялся, то потом о нем уже можно было забыть. Единственное, что мне светило, – это стать инструментом для политического давления на моего отца. Поэтому мама уехала на другой край страны и никогда не вспоминала о прошлом.

Она не хотела, чтобы мы высовывались. Верила, что так будет лучше для меня. Поэтому, покидая дом два месяца назад, я и не говорила ей, куда на самом деле устроилась работать. Если бы она узнала о предложении Силвейна, потребовала бы бежать как можно дальше от Облачных вершин.

Я думала об этом в тот самый миг, когда рассматривала разложенную на кровати форму студента Небесной академии, сшитую специально для меня. Коротенькая коричневая курточка с «усиленными» плечами и воротником – защитой от пронизывающего ветра, необходимой, когда летишь под облаками. На плече шеврон с вышитой золотой нитью эмблемой академии – орлиными крыльями. Обтягивающие штаны – в юбке грифона не оседлаешь. Высокие черные сапожки, аж сверкающие на солнце.

Как только я надену все это, ни у кого не останется сомнений в том, кто перед ними. Та-хей – полукровка, бастард. Служанка, которая взлетела слишком высоко, причем во всех смыслах. Отношение ко мне мгновенно изменится: слуги будут ненавидеть за то, что я выбилась наверх, а аристократы никогда не признают своей.

Но небо...

Я закрыла глаза, представила себе бесконечную синюю даль – и тут же потянулась к куртке.

Справилась я быстро. Не прошло и нескольких минут, как я крутилась перед медным блюдом, игравшим роль зеркала. Вроде наряд сидит хорошо. Отлично даже!

Довольная, я сделала последний штрих – пригладила успевшие выбиться из косы волосы – и подошла к двери. Мелькнула глупая мыслишка найти Силвейна и покрасоваться перед ним в новенькой форме.

Я тут же отбросила эту идею. Он здесь уже год преподает. Что, студенток за это время не видел? Решит еще, что я с ним заигрываю. Да и вряд ли я для него чем-то отличаюсь от других девушек. Каждый раз за эти дни, когда я к нему приходила с какими-либо вопросами, попечитель подшучивал надо мной, стремился побыстрее отделаться и тут же обо мне забывал.

Что ж, он ясно дал понять, что его волнуют только вложенные в меня деньги и его репутация. Буду слишком часто надоедать, еще лишит своего расположения. А мне этого не хотелось. Заката уже начали кормить лучше, чем раньше, – вместо порченого зерна с затхлым запахом я находила в его кормушке кусочки свежего мяса. Грифоны, в отличие от своих львино-орлиных родственников, могли питаться и овощами, и злаками, и даже сапогами проходящих мимо людей, если выпадала такая возможность, но все-таки это явно не то, что требовалось растущему малышу...

Так, хватит. Я поняла, что оттягиваю момент выхода из комнаты – вот чем на самом деле я занимаюсь, стоя перед дверью и думая о чем угодно, лишь бы не делать шаг вперед. Страх, годами вбиваемый матерью, никуда не делся. Пора встретить его лицом к лицу.

Хотя в первый день ношения формы, пожалуй, стоит ограничиться прогулкой до Библиотечной башни.

Я набрала в грудь воздуха, толкнула дверь и уверенной походкой зашагала по коридору. Несколько встретившихся студентов проводили меня удивленными взглядами – и только. Я мысленно помолилась, чтобы так было и дальше. Может, мама вообще зря меня запугивала?

Но, конечно же, проблемы меня настигли. Случилось это, не успела я отойти от крыльца.

– Эй! – донеслось сзади. – Девчонка! Отнеси мои вещи прачкам.

Я медленно повернулась. Под сенью скрюченного дерева, росшего возле крыльца, стояли трое парней примерно моего возраста. Двое – в коричневой форме, у одного она была черной. Это значило, что передо мной два первокурсника и один старшекурсник, получивший разрешение на полеты.

Обращался ко мне один из младших. Долговязый, бледный, словно солнца не видел все лето, он протягивал мне сложенную грязную одежду, даже не глядя на меня.

– Я не служанка, – ответила я и уже собралась идти дальше, как меня остановил возмущенный возглас:

– Это шутка какая-то?

Говорил все тот же юноша. Его товарищи с интересом смотрели на меня. Старший при этом фамильярно толкнул долговязого и кивнул на мою форму – гляди, дескать, потеха какая.

– Нет, не шутка, – повторила я. – Если тебе нужна служанка, поищи в другом месте.

– Но ты же та-хей!

Он уставился на меня так, будто я оскорбляла его одним своим существованием. Или как будто его мир перевернулся с ног на голову.

– Я в первую очередь студентка, – старательно сохраняя спокойствие, ответила я. – Такая же, как и ты. Могу подсказать, где прачечная, но сама туда ни за кого другого бегать не стану.

Силвейн сказал, что я талантлива. За два месяца добилаь того, чего этот самый выскочка, может, не достигнет и за год. Я молодец, и мне вовсе не нужно сейчас обмирать от страха, верно?

Долговязый, кажется, собирался что-то сказать, но неожиданно к нему обратился старшекурсник, намеренно меня игнорируя:

– Помолчи, Хит. Видишь, кто-то решил пристроить в теплое место свою незаконнорожденную дочурку. Не трать на нее время. После первого полугодия такие сами сбегает отсюда в слезах, потому что не в силах угнаться за остальными. А тебе неплохо бы и самому прогуляться до прачечной, – он с усмешкой хлопнул младшего по плечу. – Какой-то ты совсем тощий стал. Пора немножко подкачаться, а то на грифона залезть не сможешь.

Сам он тренировками явно не пренебрегал. Форма красиво облегла мускулистое и при этом стройное тело. Привлекательностью боги этого юношу тоже не обделили – под густыми темными волосами сверкали жгучие глаза, а такие правильные черты лица могли быть только у аристократа. Пожалуй, он легко мог бы поспорить с Силвейном за место первого красавца академии.

Хотя Силвейн все равно бы выиграл. Просто потому, что он старше и умнее. И не издевается над девушками. Да и внешность у него приятнее. А у этого что-то жесткое, даже жестокое есть в лице.

Приобняв долговязого за плечо, красавчик повел его вниз, к хозяйственным постройкам. Я проводила студентов хмурым взглядом.

Наверное, нужно радоваться, что все закончилось так просто. Они могли бы издеваться надо мной еще долго, а может, и применить силу. С недоумков станется...

Однако сердце отказывалось успокаиваться и билось в груди. Сколько еще подобных сцен меня ждет?

подавив трусливое желание вернуться в комнату и запереться, я неторопливо зашагала туда, куда и собиралась раньше – в Библиотечную башню. Я сообразила, что забыла о третьем студенте, только когда за спиной раздался топот, заставивший меня вздрогнуть.

– Прости, не хотел напугать, – парень обогнал меня и дружелюбно улыбнулся. – Ты правда та-хей?

Он был пониже своих товарищей, и во внешности было меньше аристократичности, как если бы мельника нарядили в дорогой костюм. Вроде бы все чин по чину, но широкие плечи, открытое загорелое лицо и нос картошкой не замаскируешь никакими шелками.

– А кем я еще могу быть, по-твоему? – неласково осведомилась я, подозревая, что впереди ждет новая очередь издевок.

– Извини, – смутился парень. – Я вечно как брякну не попад... Не хотел обидеть. Просто не видел тебя на вступительных экзаменах и удивился, что на курсе будет девушка. Меня зовут Уин. А тебя?

Я неуверенно посмотрела на широкую и мозолистую ладонь, протянутую мне для рукопожатия. Это точно была не рука аристократа. Они лишний раз пальцем шевельнуть не хотят, а незнакомец передо мной работы не чурался.

– И снова прости, – уже третий раз повторил он, неуверенно засмеявшись. – Не знаю, как тут правильно здороваться с девушками. Мне сказали, что вас мало и что преподаватели разницу между мужчинами и женщинами не делают. Дескать, грифоны под нас подстраиваться не будут, поэтому и нормы для всех одинаковы. Хочешь учиться на наездника – честно их выполняй.

– Я тоже не знаю, как здесь принято, – призналась я, пожимая ладонь, и мысленно упрекнула себя, что следовало лучше расспросить Силвейна о негласных правилах академии. – Меня зовут Эйри. И да, я действительно та-хей. Тебя это не смущает?

– Я и сам не благородных кровей, – поделился Уин. – Мой отец в детстве пас овец, а потом разбогател на торговле шерстью. Он всегда говорит, что мы не должны забывать своих корней. Даже титул себе

покупать отказался, хотя денег хватает. Сказал нам с братьями, что если мы хотим, то сами должны заработать себе состояние.

Я покивала, несколько сбита с толку его словоохотливостью. Впрочем, это было даже приятно. Значит, я не одна такая буду на курсе – без роду и племени. Может, мы с этим парнем подружимся и общение с однокурсниками не будет таким ужасным, как мне уже начало казаться.

– А кто были те двое? – поинтересовалась я.

– Хит и Мэйлир, сыновья виконта Кеффила. Не обращай на них внимания. Они такие же выходцы из простонародья, только их дед был возвышен до барона благодаря верной службе королю. Их отец уже дорос до виконта, – Уин заговорщицки понизил голос и даже немного склонился ко мне. – Они ужасно этим кичатся и верят, что это совсем не то же самое, нежели нынешняя знать, которая покупает себе титулы и из свинопасов становится лордами. Мэйлир – старший – задерживаться в виконтах не планирует и целится по меньшей мере в графский титул. С такими, как мы, он за руку не здоровается.

– Понятно. А откуда тебе столько известно? – удивилась я.

– В начале лета проходили вступительные экзамены. Там-то мы и перезнакомились. Желающих было в два раза больше, чем мест, и кое-кто не скрывал, что рассчитывает проскочить благодаря связям. Надо мной только смеялись. У некоторых действительно получилось, но большинство, кто даже не пытался готовиться к экзаменам, пролетели, а я тут, – подмигнул Уин.

– О. Поздравляю! – Вот и все, что смогла я на это выдать. Затем подумала и добавила, чтобы не выглядеть такой же нахлебницей, как те ребята: – А я здесь потому, что у меня заметили талант к общению с грифонами.

– Магический? Архейский?!

У Уина аж глаза округлились. Я тут же осознала, что ляпнула, и поспешила исправиться:

– Нет, что-то вроде склонности. Как некоторые прекрасно рисуют с детства, хотя их никто не учил, или поют. Честно говоря, я пока не знаю, не ошиблись ли во мне, но собираюсь старательно учиться.

– Грифонья стража, да? – мечтательно вздохнул Уин.

Не понадобилось пояснять, что он имеет в виду. Видение бравых гвардейцев на грифонах преследовало меня всю последнюю неделю. А

ведь там и женщинам позволяли служить! Этот элитный отряд выполнял самые опасные задания. Для них не существовало ничего невозможного. А уж какие слава и почет им доставались!

Но главное – все небо безраздельно принадлежало им.

– Ага, – кивнула я.

Уин отвернулся и смущенно кашлянул.

– Когда ехал сюда, я был уверен, что придется учиться среди чванливых аристократов. Приятно выяснить, что не все такие. И особенно, что среди однокурсников есть красивые девушки.

На сей раз я не нашла, что ответить. Лишь чувствовала, как щеки медленно заливаются жаром.

От неловкой ситуации меня спас незнакомый студент, который выбежал с крыльца и помчался по дороге вниз, ко внутренним воротам академии, с воплем:

– Новый архей едет!

Мы с Уином растерянно оглянулись, не понимая, что происходит. Похоже, мы такие были одни. Студенты сразу начали высыпать из общежития, торопливо спускаясь вслед за первым из них. Потянулась вереница даже с тренировочной площадки – прямо в доспехах и с оружием в руках.

Я потеряла терпение раньше Уина и остановила проходящего мимо нас старшекурсника.

– Извините. Разве в академии служит архей?

– Ну конечно! – не успев повернуться, воскликнул он таким тоном, как будто это что-то настолько же очевидное, как зеленый цвет травы.

– А что случилось со старым? – тут же спросила я.

Юноша не ответил – он уже разглядел, кто перед ним, и с недоумением уставился на меня. То ли он не понимал, что та-хей делает в студенческой форме, то ли еще что, но старшекурсник лишь тряхнул головой, будто прогонял какое-то наваждение, и молча поспешил дальше. Мы с Уином проводили его изумленными взглядами.

– Пойдем сами посмотрим, – предложил он.

– Идем, – согласилась я, поглубже пряча нехорошее предчувствие.

Мне в спину бросают, что я пристроенная архейская дочка, и вдруг в академии появляется новый архей. Жрецы говорят, что



совпадений не бывает — это боги ведут нас неведомыми нам путями к своей судьбе.

Но что-то мне этот путь не нравился...

## Глава 5

Карету архея было видно издалека. Она ехала мимо хозяйственных построек к внутренним воротам академии по узкой дороге, которая опоясывала гору. Уставшие кони тянули экипаж так медленно, что, кажется, во внутреннем дворе успела собраться вся академия. Даже те старшекурсники, которые проводывали своих грифонов на скалах, спустились со второй вершины. Теперь они зябко ежились – им пришлось пройти через Туманный венец, как иногда поэтично называли нависшие прямо над академией облака.

Сначала мы с Уином наблюдали за приближением кареты с возвышения, затем присоединились ко всем остальным во дворе. Там мы и узнали, что присутствие архея в академии – дань традиции, тем временам, когда люди только приноравливались жить рядом с грифонами.

Раньше лишь маги умели устанавливать ментальную связь с этими животными. Затем выяснилось, что это под силу почти любому человеку, нужно только натренироваться. Жизненная необходимость в археях отпала. Когда предыдущий, почтенный старец, почил в бозе около полутора лет назад, все были уверены, что нового ему на замену уже не пришлют. По крайней мере, весь прошлый учебный год столица даже не чесалась. И тут – на□ тебе!

Эта новость явно стала неожиданностью даже для ректора. Все ахнули, когда цепляющееся за Библиотечную башню облачное полотно рассекла золотая стрела. На мостовой взметнулась пыль, мне на глаза упало несколько сдутых ветром прядей, а Уин совсем не аристократично присвистнул – над площадкой завис золотой грифон.

Пока он опускался, я не могла оторвать от него глаз. Расцветка грифонов чаще всего была коричневой, иногда черно-коричневой. Золотые были страшной редкостью, настоящими королями своего рода. Когда-то из-за них люди охотились на всех грифонов, считая, что они охраняют залежи золота. Такой зверь мог принадлежать только одному человеку – ректору.

«Правитель» Небесной академии сам уже был немолод. На вид ему исполнилось лет пятьдесят, но он оставался все еще крепким

мужчиной, летал без седла и легко спрыгнул со спины грифона. Зверь тотчас взмахнул крыльями и поднялся к небу, за облака, вновь взметнув женщинам юбки и подняв в воздух нападавшую за день листву.

В этот миг карета въехала во двор. Лошади процокали копытами по серым булыжникам и остановились в начале площади.

Все затихли. С запяток экипажа соскочил слуга и раскрыл скрипнувшую дверь экипажа. Не склоняя головы, из кареты вышел архей.

Это был мужчина лет сорока с жесткими, словно высеченными из камня чертами лица. Хотя он мог быть и младше – сбивали с толку его седые волосы. Такие же пепельные, как у меня.

Я невольно сжала кончик длинной косы. Такова была плата за использование магии – она забирала у хозяина все цвета. Но если я родилась лишь с седыми волосами, то на археях проклятие колдовства отражалось в полной мере: белые волосы, белая, как молоко, кожа, даже глаза белые. Радужка сливалась с белками, из-за чего взгляд археев наводил жуть. Не многие могли его выдержать, не дрогнув.

Татуировка на левой щеке мага заползала на висок, спускалась до подбородка и пряталась под белой мантией. Черный узор напоминал паутину и вызывал неприятные ощущения, вдобавок отчего-то казался знакомым. Я поежилась, но в следующий миг хмыкнула, услышав тихую реплику Уина:

– Надо же, столько проехать – и ни пятнышка на балахоне. Хотел бы я себе такую магию, а то мамка в детстве вечно лупила меня за то, что в грязи извожусь.

Мы с этим парнем определенно подружимся!

А архей продолжал нагнетать, не двигаясь с места и обводя знаменитым «безглазым» взглядом собравшихся во дворе людей. Все по-прежнему молчали. Последний раз мне доводилось видеть магов девять лет назад, во время последней проверки. А многие вообще ни разу в жизни не видели их так близко, чтобы рассмотреть лица. Это же живая легенда! Не хуже грифонов. Только грифоны – вон там, каждый день летают над головой, а магов здесь не было уже полтора года.

– Это Коллар по кличке Каэлданский Паук! – выдохнул незнакомый юноша, стоящий чуть впереди. Тоже в черной форме

старшекурсника. — Он же прямо из столицы. Говорят, он был приближен к королю и его прочили на место главного архея.

— Значит, не так он и хорош, — фыркнул другой студент рядом с первым. — Или провинился чем-то. Многообещающего мага валяться на кровати в академии и поглядывать в окно на неумелых студентов, которые скатываются с грифонов при попытке на них залезть, не отправят. Чем еще ему здесь заниматься?

Да уж, так себе характеристика.

Архей Коллар тем временем сделал замысловатый жест пальцами левой руки. Сплетает нити волшебства, поняла я. Так маги и колдовали — использовали энергию, текущую по миру и доступную только им одним.

Когда он заговорил, его дребезжащий голос чудодейственным образом разлился по всему двору и был прекрасно слышен даже в дальних уголках.

— Меня зовут Коллар, и я новый архей Небесной академии. Рад с вами познакомиться, — сообщил он, хотя воодушевления в тоне не звучало. — Помимо этой, я принес и другую весть. Оракул Мавеннара сделал предсказание.

Вся толпа разом ахнула, включая преподавателей. Этот оракул никогда не ошибался! И предсказания у него всегда были судьбоносные для всего королевства. Потому монархи и держали его поближе к себе — в Мавеннаре, нашей столице.

Коллар не торопился оглашать слова провидца, выдерживая паузу и внимательно глядя на присутствующих.

— В этот год будет явлен эн-хей — архей над всеми археями, — медленно произнес он. — Оракул видел небо и золото в нем. Мы ожидаем, что это произойдет в Небесной академии.

Новый жест — и звук резко оборвался. Над внутренним двором повисла тишина. Коллар как ни в чем не бывало махнул рукой слуге, чтобы тот стаскивал с кареты дорожный сундук, и направился к ректору.

А ко мне поворачивались головы всех, кто находился на площадке. Кажется, на меня уставились даже лошади и вон тот грач на заборе. Глаза Уина округлились, и парень отодвинулся от меня.

Эн-хей — самый могущественный из магов. Человек, который рождается раз в сто лет и сражается бок о бок с королем, чтобы

прославить нашу страну в веках.

Или превратить ее в пепел.

## Глава 6

Из внутреннего двора, некрасиво бросив Уина, я с позором бежала в тот же миг, когда начался этот хаос с переглядками. Они там все с ума посходили? Чего на меня таращатся? Я обычная девчонка без капли волшебного дара! Только волосы серые из-за того, что магия коснулась моего отца.

«Проклятье, а ведь в них-то и вся проблема!» – вдруг дошло до меня. Чтоб эту седину демоны побрали! Советовала ведь мама – не жмись, покупай у торговцев краску из листьев чужеземного дерева хена. Будешь рыженькой – никто не поймет, что ты та-хей. А я такая: ой, да ну зачем, эта краска целое состояние стоит, еще и смывается за пару раз, а я своего происхождения не стыжусь...

Допрыгалась. Похоже, все решили, что раз я в академии единственная с признаками того, что у меня в роду маги, то я и есть первый кандидат в эн-хей.

В голове против воли прокручивалось все, что я знала о величайших магах. В них ярче всего проявлялась кровь эльфов, давно ушедших с континента, а уж эльфы были, считай, целиком сотканы из магии, совсем не то что люди! Потому и легенды об эн-хейх в большинстве случаев были очень даже воодушевляющие. Вот как раз один из них остановил истребление грифонов, научился с ними общаться и подарил королевству такое чудо, как Небесная академия. Ариану Наезднику здесь до сих пор молились как святому, а щит с его изображением висел на главных воротах.

Имя Эмхира Кровавого, наоборот, превратилось в проклятие. Он всего за шесть дней подчинил соседнее королевство, с которым мы много веков были заклятыми врагами. А на седьмой день сжег его дотла – ему показалось, что жители в городе, где он остановился, что-то замышляют. Прошло уже двести лет, но путники рассказывали, что в тех местах земля гладкая, как стекло, и на ней до сих пор ничего не растет. Закончил Эмхир, соответственно, плохо. Его отравили соратники, испугавшись его мощи.

Хорошо, конечно, если я окажусь доброй магессой. А если кто-то решит, что я злая? Меня тоже отравят, пока натворить бед не успела?

Хотя на самом деле больше всего я боялась, что мне не дадут учиться в академии и разделить с Закатом. А без меня малышу не жить. От одной мысли о том, что он навсегда застрянет в авиарии, так и не ощутив на крыльях ветер, на глаза наворачивались слезы.

К кому еще обратиться, кроме как к Силвейну, я не представляла. Да, наверное, меня никто другой и слушать бы не стал.

Оставалась одна проблема – найти его. Силвейн по своей любимой привычке опять как под землю провалился – его не было во дворе ни рядом с ректором, ни среди студентов. Тренировочная площадка пустовала, если не считать словно погрузневших деревянных болванчиков для отработки ударов и побросанного абы как оружия. В столовой тоже никого, лишь шушукающиеся повара, сразу замолчавшие при виде меня.

Я сжала зубы. После того как я из служанки резко выросла до студентки, со мной и так никто из бывших знакомых не рвался общаться. Дескать, больше не нашего полета птица, хочется поболтать – трепли языком с людьми своего положения. А теперь еще и это! У меня хоть единственный друг появится? Надеюсь, хотя бы Закату на все это плевать.

С Силвейном мы встретились скорее случайно. Я наткнулась на него возле учебного корпуса. Попечитель быстрым шагом направлялся к дому ректора. Брови его хмурились, синие глаза опасно сверкали.

– Господин Силвейн! – пискнула я.

– Знаю, – оборвал он. – Не успел спуститься на площадь из Библиотечной башни – был в хранилище на самом верху. Но эту чушь об эн-хее, похоже, слышал каждый таракан в академии.

Я бы засмеялась – если бы сердце не билось так безумно и не было так тревожно.

– Они все подумали, что это я! Но у меня ни капельки, ни искорки, ни пылинки колдовской силы! Я проходила проверку три раза и...

– Тише ты, – Силвейн успокаивающе положил ладонь на плечо. – Я все решу.

Как ни странно, мне действительно стало чуть легче.

Я не одна.

– И как вы все решите? – на всякий случай уточнила я. – Меня не выгонят из-за несоответствия?

– Чему? Туманному предсказанию оракула, в котором не называется ничье имя? – Он фыркнул и склонился ко мне, крепче сжав мое плечо и внимательно глядя в глаза. – Послушай, Эйри. Коллара не зря прозвали Пауком – он старый интриган. Наш новый архей – частый гость в королевском дворце, и я тебя уверяю: если бы он не считал, что предсказание о нем самом, то духу бы его здесь не было. Да и что в этом предсказании говорится – небо и золото? Хеденова лысина, да это может быть о чем угодно! Хоть о ректорской грифонице Заре, хоть просто об осеннем закате...

На слове «закат» я вздрогнула. Силвейн это заметил, вздохнул и выпрямился.

– Предсказание оракула может вообще не сбыться. Пройдет год, и жрецы просто-напросто подгонят под него какие-нибудь события, а энхеем объявят одного из тех, кто и так давно заглядывается на пост главного королевского мага. Я тебе гарантирую, от восемнадцатилетней девчонки – та-хея никто ничего не будет требовать.

– Мне девятнадцать, – возразила я.

– Серьезный возраст, – засмеялся он, заставив меня надуться и сложить руки на груди. – Девятнадцать, девять, тридцать девять – не важно. Археи думают только о себе. Тобой никто интересоваться не станет. Если будешь вести себя так, будто тебя это не касается, то скоро все об этом дурацком предсказании забудут.

– Вы уверены? – засомневалась я.

Он легкомысленно отмахнулся.

– Так же, как в том, что я лучший наездник на грифонах в ближайших ста милях. И вообще, тебе делать больше нечего, кроме как забивать голову глупостями? Займись учебой. Или хотя бы налаживанием личной жизни! Из Библиотечной башни я видел рядом с тобой какого-то юнца...

Силвейн не договорил, уставившись на меня с многозначительной ухмылкой. Я вспыхнула.

– А какое дело, господин попечитель, вам есть до юнцов рядом со мной?

– Никакого, пока они не отвлекают тебя от прилежного изучения наук, – он с показной строгостью погрозил мне пальцем. – Тебе нужно догнать и перегнать людей, которые читали книги, пока ты мыла полы



– или чем ты там занималась, пока не пришла в академию. Так что будь добра, возвращайся в свою комнату и берись за учебники. На□ вот тебе.

Вдруг Силвейн сунул мне яблоко, вытащенное из кармана. Я в растерянности посмотрела на красный фрукт, буквально впихнутый мне в руки. А затем подняла возмущенный взгляд на попечителя.

– Господин Силвейн, мне не девять лет! Не надо обращаться со мной как с маленьким ребенком!

– А это и не тебе, – спокойно ответил он. – Иди Заката угости.

И ушел.

Несколько мгновений я пораженно таращилась ему вслед. Серьезно? Это все, что он может мне сказать?!

Хотелось кинуть яблоко ему в спину и посмотреть, что он сделает тогда. Но здравый смысл победил. Я закрыла глаза, медленно вдохнула и выдохнула десять раз. Так учила мать. Прислугу всегда отчитывают за то, чего та не делала. С этим не получится спорить, это можно только вытерпеть. А для Силвейна я навсегда останусь прислугой.

В конце концов, урок усвоен. Попечитель хотел отвлечь меня от мыслей о выступлении Коллара, у него это получилось. И он показал, к кому действительно стоит обращаться в таких случаях – к моему грифону. Всадник и его зверь – это одно целое. Что бы мне ни готовили боги, я должна пройти это вместе с Закатом, иначе я кто угодно, но не наездник. А Силвейн разберется с остальным. Это же ему важно, чтобы долг был отработан.

Интересно, кстати, есть ли где-то в его договоре пункт, что делать, если я окажусь магом?..

Кружными путями, стараясь не сталкиваться с другими студентами, я спустилась к авиарию. В последние дни у входа начали ставить стражника. Он кисло оглядел меня и отпер дверь.

В ноздри сразу ударил запах сена. В дальнем углу сетку, натянутую над загонами, царапал и кусал грифон по кличке Гордец. На меня он не обратил никакого внимания, зато из своего загона вытянул шею Кусачка, высматривая, не принесли ли ему вкусняшек.

– Прости, – честно сказала я ему. – В следующий раз угощу.

Он обиженно заворчал, совсем как человек, и спрятался за забором.

Я вздохнула. И вот это – опаснейшие грифоны, которых понадобилось запереть в клетке, красиво названной авиарием? То ли я чего-то не понимаю, то ли преподаватели боятся грифонов сильнее, чем нужно.

Я неторопливо зашагала по проходу между заборами. Конечно же, Закат опять воспользовался своими маленькими размерами и перебрался в соседний загон. Он перерыл там всю землю, и застала я его за складыванием большой груды из почвы и сена. Услышав меня, грифоненок поднял голову, смешно встопорщил перья и запрыгал на одном месте.

Радуетя и хвастается тем, какую высокую гору построил, догадалась я.

– Умничка, – похвалила я его. – На, держи. Подарок от Силвейна.

Яблоко тотчас было прожевано и проглочено. Закат еще и хвостом завилял – ну точно щенок, а не царь зверей и птиц. Я не удержалась и потрепала его по макушке.

Мой самый верный друг. Нет, пусть обо мне говорят что угодно, а обучение я пройду до конца – причем как наездник, а не какой-то там эн-хей...

## Глава 7

### Силвейн

Я вошел в архейские покои размашистым шагом, без стука, почти уверенный, что Коллар тут же выставит меня вон. Перед крыльцом мы столкнулись с ректором – он был на редкость злой и даже не взглянул в мою сторону.

Я ему сочувствовал. Не каждый день в вотчину, где ты безраздельно правишь, без предупреждения вваливаются чужаки, которые очень энергично действуют по собственному уставу, без оглядки на тебя. И если большинство нахалов ректор мог не задумываясь выставить из академии или пригрозить серьезными последствиями, после чего смутьяны обычно успокаивались, то с археем такой номер не проходил. Это он мог испортить ректору жизнь, а не наоборот. Ну а я Коллару вообще не указ.

Тем не менее он хмуро глянул на меня, отвлекшись от слуги, с которым в этот момент разговаривал, и выслал его вон. Мы остались одни.

Не утруждая себя формальностями или смущением, я сел в ближайшее кресло и закинул ногу на ногу. Коллар приподнял бровь.

– Вы в академии уже год, Тарен, а гонору не уменьшилось.

Конечно же, он обходился без «господинов» и титулов. Банального «здравствуйте» и ждать не стоило. Спасибо еще, что на «вы», а не «эй ты, мальчик».

– Я вынужден здесь торчать по вашей милости, Коллар, – парировал я. – Так что будьте добры, потерпите «гонор» человека, которому вы растоптали карьеру.

– Вы прекрасно справились с этим сами, – спокойно ответил он, поправил кипенную мантию и сел напротив, устремив на меня неприятный белый взгляд. – Зачем вы пришли? Повспоминать прошлое? Рад бы освежить вам в памяти пару самых смачных эпизодов из тех, по причине которых вы в итоге оказались именно здесь, но у меня нет времени. Надо привести эту халупу в божеский вид. Милостивая Энеда, здесь беднее, чем в монастыре.

Архей с пренебрежением оглядел выделенные ему покои. Обстановка в них и в самом деле была аскетичной. Они принадлежали старому архею, а он никогда не стремился к излишествам. Вдобавок после его смерти в комнатах не торопились делать ремонт, рассчитывая на то, что обязательное присутствие магов в Небесной академии отменят. Поэтому крыша немного подтекала, местами голые стены покрывали плесень и трещины. Ни о каких модных в столице обоях, разумеется, говорить не приходилось. Сущий кошмар для таких людей, как Коллар!

– Вы давно не бывали в монастырях, – заметил я.

Он оторвался от созерцания копоти под потолком и раздраженно посмотрел на меня.

– Вы пришли в остроумии упражняться или все же по делу?

– Я пришел спросить, какого демона вы творите, Коллар. Мы договаривались, что все будет сделано тихо. Я нашел девочку, устроил ее в академию и предупредил вас, что у меня все под контролем. Вы же, вместо того чтобы ждать новостей, внезапно покидаете столицу и приезжаете сюда с новым назначением, не считая, что об этом стоит известить хотя бы ректора. Мало того, вы начинаете знакомство со студентами и преподавательским составом, зачитывая на всю академию чушь про величайшего мага всех времен. Ни на грош не поверю, что интриган вроде вас не мог предусмотреть, как это скажется на Эйри. Она единственный та-хей в академии. Девочка, бастард, простолюдинка. Как, по-вашему, после вашего спектакля мне обучать ее на наездника? Другие преподаватели теперь будут критиковать каждый ее шаг, а студенты заклюют яростнее грифонов из-за одного подозрения, что человек не из их круга может оказаться лучше их!

Я так сжал ладонь на подлокотнике, что старое кресло жалобно скрипнуло от натуги. Белое, лишенное эмоций лицо Коллара так и оставалось ничего не выражающим.

– Если девочка – эн-хей из предсказания, то испытания только закалят ее волю...

– Вешайте эту лапшу на уши тем, кто не знает вас много лет, – перебил я. – У вас что-то не получилось во дворце, и вы приехали сюда, чтобы подогнать предсказание оракула под себя и хотя бы так

заполучить пост главного мага. Но испортить при этом жизнь ни в чем не виноватой девочке я вам не позволю.

Он поджал тонкие губы – на щеке дернулась «паутина» татуировки.

– Тарен, мальчик, вы хорошо подумали, прежде чем угрожать архею?

Я оскалился.

– Кажется, это вы плохо понимаете, кому решили отдавить хвост. Маги умеют многое, но вас человек сто на всю страну. Нас, наездников, три сотни. Это мы охраняем самые сложные границы королевства. И мы поддерживаем тесные отношения друг с другом. Так нас воспитали именно в этой академии – быть командой, единым организмом, потому что только так можно победить врага. Вы – одиночки, каждый заинтересован только в своем собственном продвижении. Если я брошу клич, как вы думаете, к кому король прислушается охотнее – к одному архею или ко всем грифоньим наездникам?

Коллар прищурился и подался вперед, упершись локтями в колени. По «паутине» вновь пошла рябь.

– Как интересно. Я справился о вас, Тарен, когда проезжал через город внизу. Все, что там могли сказать – это перечислить список ваших любовниц, включая, между прочим, дочку бургомистра. Что вдруг случилось с ветреным молодым лордом, что он забыл о развлечениях, о том, как я его вытаскивал из дерьма полтора года назад, и бросился грудью защищать незнакомую безродную девушку?

Я холодно улыбнулся.

– Вы меня вытащили только потому, что вам это было выгодно. И раз уж об этом зашел разговор, тогда напомним кое-что о причине, по которой я вместо Грифоньей стражи оказался здесь. Если я приду к королю и расскажу о вашем участии в тех событиях, это его беспокоит даже больше, чем волна возмущения от наездников.

Магия лишала кожу археев цвета, но я был уверен, что Коллар побледнел. Бесцветные губы дрогнули и сжались плотнее.

– Вы играете в опасные игры, – наконец произнес он.

– Просто не хочу, чтобы вы изуродовали еще одну жизнь. У девочки талант. Не мешайте мне ее обучать, и в конце концов вы получите то, о чем просили с самого начала. Ваша она дочь... – Я

окинул его пристальным взглядом, однако Коллар дураком не был. Он ни единым намеком не выдал свои чувства, оставаясь равнодушным. – Или кого-то из ваших товарищей, в любом случае Эйри станет одной из лучших наездниц.

– Значит, решено. Замечательно, – ответил архей.

На долю мгновения я поверил, что это правда.

Идиот беспросветный.

Белое, словно гипсовая маска, лицо Коллара разрезала улыбка.

– Тарен, то, что девки сами лезут вам в штаны, гением вас не делает. Не играйте в карты, а то просадите все ваше состояние. Хотя, если уж быть совсем откровенным, две недели назад я бы с вами согласился. Но тогда оракул еще не произнес предсказания. Пока я не знаю, кто в этой академии потенциальный величайший маг. Но если Эйри в самом деле эн-хей, который не проявил свою силу в детстве, то это меняет все. Она поедет в Мавеннар и будет делать то, что ей прикажут.

– Вы прикажете, – поправил я сквозь зубы.

Уже было ясно, что этот подонок, даже если он настоящий отец Эйри, признавать ее не станет, а собирается только пользоваться ее силой.

Он расслабленно откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу.

– Знаете, что меня удивляет? Вы так полны прекраснодушных устремлений, что даже не почесались спросить, чего хочет сама девушка. Она дочь архея. Незаконная. Вполне вероятно, она всю жизнь мечтала о том, что в ней проснется огромная колдовская сила. Это же слава, признание, могущество! Кем лучше быть – всего лишь наездницей или человеком, к которому прислушивается сам король? Риторический вопрос. Надеюсь, вы закончили с вашим благородным порывом. А теперь послушайте меня очень внимательно.

Коллар сделал быстрый жест пальцами. Татуировка на щеке как будто шевельнулась сама по себе, и внезапно все звуки вокруг умерли.

Я напрягся. Ткань рукава зашуршала о подлокотник, но не было слышно ничего, что происходило снаружи. Только что с тренировочной площадки доносился стук оружия – и вот он полностью стих. Жужжала где-то в углу муха – и она тоже смолкла.

Я не первый раз сталкивался с магией, поэтому знал, что это кокон тишины. Безопасная штукавина, единственная цель которой – поговорить наедине, чтобы никто не подслушал. Но это не значило, что она не нервировала.

Взгляд Коллара стал жестче.

– Вы чересчур громко говорите о своем секрете, из-за которого больше не служите в Грифоньей страже, а прозябаете вдалеке от столицы. Кажется, вы запомнили о том, что его раскрытие с высокой вероятностью будет стоить вам жизни. И, похоже, вы забыли еще одну вещь: я вам помог в прошлом, но могу и передумать. Вы мой должник, Тарен. Давайте не будем усложнять ситуацию из-за совершенно чужой для вас девушки. Вы, наверное, усмотрели сходство в ваших судьбах, однако не обольщайтесь – его нет, – припечатал архей. – Судя по вашему же предыдущему письму, вы уже заметили, что Эйри – магесса, а ее сила связана с грифонами. Я имею полное право забрать ее отсюда и отправить в Белую академию хоть сейчас. По закону там обязаны обучаться все маги, и вы можете хоть всю Грифонью стражу, хоть кого угодно поднять – против закона и вякнуть не получится. Но пока девушка здесь, и если вам хочется, чтобы так и продолжалось, то в ваших интересах поменьше трепать языком. Обо всех делах, которые нас связывают. В конце концов, это из моего кошелька уходят деньги на ее обучение и содержание ее грифона, а не из вашего. Все, вы свободны. А если кто-то поинтересуется, зачем вы ко мне приходили, объясните свой визит желанием провести давнего знакомого из столицы.

«Пузырь» тишины лопнул. Коллар холодно улыбнулся.

– Еще увидимся, лорд Тарен. Приятного дня, – произнес он тоном, не оставляющим сомнений, что это сказано для проформы, на тот случай, если нас кто-то подслушивает.

Мои зубы скрипнули. Я не стал доводить до того, что меня выпроводят отсюда магией, и вышел сам. Пристальный взгляд Паука провожал меня, пока за мной не закрылась дверь, – я не мог быть в этом уверен, поскольку не оборачивался, но, зная Коллара, наверняка так оно и было.

Только на крыльце я позволил себе остановиться и вдохнуть прохладный воздух, сыроватый от того, что облака к вечеру спустились ниже и уже окутывали Библиотечную башню.

Уже ясно, что вокруг Эйри плетутся интриги. Причем явно большого масштаба, раз археи аж при трех проверках «не заметили» ее дар, затем Коллар выложил огромную сумму, чтобы я стал «попечителем» юного дарования. А теперь тот же самый Паук из-за какого-то пророчества готов начисто об этом забыть.

Что ж. Первый раунд, может, и за тобой, Коллар. Но насчет второго мы еще посмотрим.

Девочку я тебе не отдам. Мою судьбу она не повторит и игрушкой в чужих руках не станет.



## Глава 8

### Эйри

В первый же день учебы нас макнули лицом в грязь.

Всех.

Не было никаких красивых церемоний, знакомства с ректором и преподавателями. Накануне вечером по комнатам прошелся комендант, который напомнил, где и во сколько начинается первое занятие и что с собой брать. Я удивилась – учебники и письменные принадлежности не требовались, а собирали нас почти в самом низу горы, еще даже до завтрака. Тогда-то я и подумала, что все ограничится знакомством с академией.

Ага, раскатала губу.

– Среди вас больше нет лордов и леди! – рявкнул на нас коренастый преподаватель с уродливым шрамом через все лицо. На левой руке у мужчины не хватало нескольких пальцев. Он сказал, что его зовут Куланн. Просто Куланн, без фамилии и титула. – Нет больше юношей и девушек! Вы – студенты Небесной академии, и вы должны доказать, что ее достойны! Бегом марш отсюда и до тренировочной площадки!

Все заозирались. Нас было восемь человек – весь первый курс. Мы стояли шеренгой у Лазурных ворот – так назывался первый, нижний вход в академию. Влево и вправо уходила высокая каменная стена. Не чета крепостной, конечно, но все равно немаленькая – просто так не перелезешь. Впереди находились кухня, жилой корпус для слуг, собственный аптекарский огород и прочие хозяйственные постройки. В общем, заподозрить где-то здесь наличие тренировочной площадки было сложно. А я точно знала, что ее нет.

Было серо и сыро. Никто ничего не понимал. Кое-кто из студентов давил зевки. Почти все приехали издалека и к раннему режиму не привыкли. Им же не приходилось вставать на рассвете, чтобы успеть сварить яйца и кашу на завтрак преподавателям...

Я первая заподозрила подвох, однако подать голос не осмелилась. За меня это сделал Хит – тот самый долговязый парень, который вчера пытался отправить меня в прачечную с его грязным бельем.

– До какой тренировочной площадки, господин преподаватель? – растерянно уточнил он.

Куланн так грозно на него уставился, что тот аж съежился.

– Ты видишь рядом какую-нибудь тренировочную площадку?

– Н-нет...

– Значит, беги к той, которую знаешь! Наверху!

Все замерли, как по команде, задрав головы. Площадка находилась там же, где и академия, – на Львиной Голове, нижней из Облачных вершин. Туда и пешком было непросто подняться.

– Нам прямо в этой одежде бежать? – уточнила единственная девушка среди студентов, если не считать меня.

Видимо, аристократы считали, что это неженское дело – летать на грифонах, и не рвались оплачивать обучение своих дочерей. Поэтому я ожидала от студентки несколько иного. А та выглядела бы настоящей принцессой, если бы не коричневая форма. Белокурые волосы, пухлые щечки, томные карие глаза, аппетитные формы – я в детстве тоже мечтала так выглядеть, пока не подросла и не осознала, что некоторым просто не суждено родиться красавицами.

– У тебя есть под рукой другая? – спросил преподаватель.

– Нет...

Куланн помолчал, обводя нас взглядом. Никто не шевелился.

– Вы все небось мечтаете после учебы служить в Грифоньей страже?

– Да... – раздались неуверенные голоса.

Окончить престижную академию, выдрессировать своего собственного грифона и после этого грезить о работе курьером – глупость какая-то.

– Грифонья стража – это элитное войско! – неожиданно заорал преподаватель. Все вздрогнули. – Войско – это солдаты! А солдаты что делают? Сражаются с врагом! Вы правда думаете, что враг будет ждать, пока вы подберете соответствующий наряд? Бегом марш к тренировочной площадке!!!

Мы с Уином сорвались с места одновременно. Нас обогнал только незнакомый юноша, который трусцой побежал вверх по дороге. Остальные медлили, наверное, надеясь, что Куланн отменит свой странный приказ. Но тот молчал, и вскоре к вершине устремились уже все.

Я не торопилась, но и темп не сбавляла. За два месяца работы на кухне мне приходилось слишком часто ходить вверх-вниз, так что, пожалуй, я запросто могла бы обогнать того парня впереди. К тому же в штанах бежать оказалось гораздо удобнее, чем в длинной юбке. Только стоило ли спешить?

После вчерашнего на меня не таращились лишь слепые. А пока мы собирались перед первым занятием, я поймала на себе столько многозначительных взглядов, что сбилась со счета. Причем далеко не все из них были доброжелательными. Приду первой – и меня начнут уже открыто ненавидеть.

Поздоровался утром со мной один Уин. Вот и сейчас он бежал рядом со мной. По покрасневшему лицу было заметно, что бег в гору дается ему не очень легко. Впрочем, остальным – еще хуже. Кое-кто попытался прибавить скорость, но не сумел догнать даже нас, не говоря уже о том бегуне впереди. Бледный, тощий Хит и вовсе плелся последним, уступив презрительно фыркувшей «принцессе».

Уин повернулся ко мне и вымучил улыбку.

– Интересно учеба начинается, да?

– Ага, – коротко ответила я. Дыхание уже начало заканчиваться, тратить его не хотелось.

Скоро впереди показались внутренние ворота. К этому времени кое-кто сдался и пошел шагом, как хрипевший, безнадежно отставший Хит. Мы с Уином по-прежнему держались вторыми, хотя обогнавший нас парень постепенно начал сдавать темп. Прикидывая, получится ли у меня ускориться и надо ли вообще это делать, я вдруг поняла, что Уин на самом деле не прилагает особенных усилий. Да, у него порозовели щеки, но он даже не запыхался.

– Почему... – я хватанула воздуха, сбившись с ритма, – не обгоняешь?

– Не могу. Я больше привык мешки таскать, чем бегать, – ответил он.

– Врешь!

– А ты почему позади тащишься? – подмигнул Уин.

– Не опережу... его... – чтобы не сбивать дыхание, я махнула рукой, указывая на номера один.

– Вот и я не опережу.

Это была откровенная чепуха. Я нахмурилась, не понимая, почему Уин не хочет прийти первым. Стесняется, что ли? Или тоже боится, что его травить начнут?

Над головой пронеслась арка внутренних ворот. Я из последних сил сделала рывок. Уин тоже подбавил жара, держась наравне со мной. Но и студент впереди, заметив, что мы его догоняем, в два раза резвее понесся к площадке.

Он и финишировал первым. Следом – мы с Уином, шаг в шаг.

– Молодцы, – скупой похвалил Куланн.

У нас глаза полезли на лоб. Преподаватель, которого мы все оставили далеко внизу, облокачивался на небольшой столбик, отмечающий границу тренировочной площадки. На лбу у Куланна не было ни капельки пота. Дыхание оставалось ровным, словно мужчина все это время здесь и стоял.

– Как он успел?! – обалдело спросила я.

– На грифоне, может, прилетел? – так же ошарашенно предположил Уин.

Но грифонов рядом не было. Нам оставалось только гадать.

Пока мы пытались отдышаться, один за другим подошли все студенты. Куланн нетерпеливо поглядывал на солнце, которое лениво поднималось над горами и светило сквозь дождевые тучи. Когда до площадки дополз Хит, преподаватель рявкнул:

– Вы все слишком медленные! Даже ты! – он ткнул пальцем в финалиста, и у парня сразу сделался испуганно-болезненный вид. Куланн упер руки в бока и мрачно нас оглядел. – Грифоны – короли этих гор. Самые сильные и могущественные существа, которые долгое время не подчинялись людям. И сейчас не подчиняются – мы с ними сотрудничаем. А грифоны не прощают слабость. Они заклеывают своих сородичей, тех, кто родился слабее других.

Я поежилась, вспомнив Заката. В авиарии малышу было не очень хорошо, но все же лучше, чем смерть...

– Грифоны не различают среди наездников мужчин и женщин, лордов и поломоек. Если грифон почувствует в вас слабость – физическую или моральную, он никогда не станет вас слушать. Он будет видеть в вас добычу или помеху, которую все равно надо убить. Вот это, – Куланн поднял изуродованную руку с отсутствующими пальцами, – сделал грифон.

Все ахнули.

– Чтобы с вами такого не случилось, вы обязаны тренироваться. Это первый урок, который вам преподаст академия. Каждое утро вы должны начинать не с умывания, не с завтрака, а с пробежки по горе. Все поняли? Вопросы есть?

– А у нас разве не будет посвящения? – робко спросил кто-то.

– Посвящение – для тех, кто выдержит первый семестр! – гаркнул преподаватель. – Только тогда вас официально представят всей академии и познакомят с грифонами. А сначала вам потребуется доказать, что вы достойны гордого звания студентов Небесной академии и не сбежите обратно под мамкину юбку, где тепло и спокойно! Еще вопросы?

– А почему нас больше, чем родившихся в этом году грифонов, господин преподаватель? – уточнила «принцесса».

Куланн зловеще засмеялся.

– Потому что не все из вас продержатся даже до посвящения. Ну, еще какие-нибудь гениальные вопросы?

Все нервно молчали. Преподаватель неожиданно смягчился и улыбнулся.

– Значит, вы умнее, чем предыдущий курс. Итак, у вас есть полтора часа. Прямо сейчас специально для вас накрывают завтрак в студенческой столовой. После этого у вас будет время вернуться в комнаты, привести себя в порядок и взять письменные принадлежности. Ровно в десять начнется занятие. Госпожа Бранвен, профессор истории, будет ждать вас у крыльца и проведет в класс сама. Если же кому-то нужно успеть помолиться, часовня Всех Богов вон там.

Мы разом повернули головы в ту сторону, куда он указывал. Часовня примостилась рядом с учебным корпусом и сверкала в лучах восходящего солнца витражами.

Особенно религиозной я никогда не была. Ходила в обязательные дни в храм, отмечала праздники, приносила богам дары, если хотела их благоволения в важном деле. Но вот сейчас проскочила совершенно серьезная мысль последовать совету Куланна и пойти зажечь свечу. Хотя бы для того, чтобы этот преподаватель как-нибудь пореже вел у нас занятия...

– Ну, удачи! – напутствовал он и ушел.

Мы молча смотрели, как Куланн уверенно направляется к часовне.

– Надеюсь, он там не за наши души собирается свечки ставить, – сдавленно выдал кто-то из студентов.

Раздался нервный хохот. Я тоже не удержалась от истерического смешка.

– Это что вообще было? – выдохнула «принцесса». – Этот человек точно преподаватель?

– Точно, – кисло ответил Хит. – Куланн Сангербрин, участник Идвальской войны. Говорят, он со своим грифоном в одиночку переломил ход сражения, но после этого стал калекой, и его отправили сюда.

– Ого! – раздалось сразу несколько голосов.

– А ты откуда знаешь? – недоверчиво спросил студент, прибежавший к площадке первым.

– Брат рассказал. Он уже на четвертом курсе, – похвастался Хит.

Вид у него при этом был такой, словно он знаком не меньше чем с самим королем. Я едва слышно фыркнула. Нет своих заслуг – примажься к чужим.

– А давайте переместимся в столовую, – громко предложил Уин. – Кто-нибудь еще голоден так же, как я?

Ему ответил хор согласных голосов, и весь первый курс зашагал к столовой.

## Глава 9

В столовой мы все и перезнакомились. Хотя сначала, как водится, было напряженно.

В зале, кроме нас и кухонной прислуги, никого не было. У старших курсов занятия сегодня начинались позже, а преподаватели, очевидно, не захотели мешать сплочению новых обитателей академии.

Я чувствовала себя странно из-за того, что теперь сидела среди людей, которых раньше обслуживала, поэтому устроилась с краешка. Уин – снова рядом со мной. Мне стало приятно и одновременно неловко из-за того, как на нас сразу начали поглядывать. Словно мы влюбленная парочка, а не просто два студента, познакомившихся только вчера.

Хит, разумеется, влез посередине стола. «Принцесса», к моему удивлению, тоже отодвинулась ото всех и заняла самое дальнее место. Остальные уселись кто как.

Первые минуты звучал только стук ложек о тарелки. Я внимательно наблюдала за соседями и повторяла за ними, чтобы не сильно опозориться. Кажется, оплошала я всего раз, когда принялась вытирать тарелку от каши хлебной коркой. Сидящий напротив юноша скривился и тихо фыркнул, а коситься на меня стали аж с другого конца стола. Я тут же прекратила привычное занятие, мысленно себя отругав. Студентов-то кормят хорошо, больше не нужно крошки подбирать!

Когда подали компот и десерт – маленький яблочный пирожок, все наконец-то разговорились.

Больше всего интереса у юношей, разумеется, вызвала «принцесса». Оказалось, ее зовут Мади. Это теплое имя удивительно подходило ее белокурым волосам и мягкой внешности – оно означало ту сладкую пору в начале осени, когда солнце еще светит по-летнему, но уже поспели все самые вкусные фрукты и ягоды. Однако характер у Мади оказался по-зимнему холодным. Она скупно отвечала на вопросы, зачем-то громко объявила, что уже давно помолвлена с сыном какого-то там графа, залпом выпила компот и вышла из-за стола раньше всех.

«Колючка», – сошлись на мнении несколько парней, когда девушка исчезла в дверях. Думаю, если бы не мое присутствие, они выразились бы и поглубже. Ну а мне показалось, что девушке просто не по себе из-за того, сколько внимания ей уделяет противоположный пол. Еще бы, с такой фигурой...

Победителя «гонки» звали Хоэл. Он был вторым баронским сыном и признался, что отец давно хотел пристроить его куда-нибудь на военную службу. Поэтому Хоэл неплохо фехтовал и, как все уже догадались, бегал. В целом этот черноволосый парень мне понравился – он рассказывал о себе без хвастовства и охотно поддерживал разговор со всеми, включая меня.

Где-то на четвертом студенте я начала путаться. Все, кроме нас с Уином, имели благородное происхождение и вместе с именем называли титулы своих родителей, земли, которыми те владеют, знаменитых предков... Запомнить это было невозможно. И ужасно скучно слушать.

Я окончательно потеряла нить в тот момент, когда двое юношей на другой половине стола вдруг обнаружили, что они дальние родственники благодаря тете мужа третьей дочери двоюродного брата.

Уин общался со всеми легко. Его как будто ни капли не задевало то, что не все ему отвечают или окидывают долгими взглядами. Я так не могла. Моя родословная была «написана» моими волосами, так что впечатляющее выступление у меня все равно бы не получилось. А поскольку разбираться в хитросплетениях чужой генеалогии у меня желания не было, я сунула несъеденный пирожок в карман, чтобы потом отдать его Закату, и поднялась с лавки. Как мне казалось – незаметно.

– Подожди! – встрепнулся Хоэл. Скулы у него были такими острыми, что делали некрасивым все лицо. Впечатление искупали глаза – черные и живые. Я невольно задержалась, разглядывая их. – Ты сегодня прибежала второй, вместе с Уином. Прекрасный результат! Где ты тренировалась раньше?

– На кухне шваброй орудовала, – едва слышно хмыкнул Хит.

Я вспыхнула и сердито уставилась на него.

– Некоторым это может показаться зазорным, зато грифоны вряд ли сочтут меня слабой.



– А ведь и правда, – Хоэл перевел взгляд на Хита. – Ты последним пришел. Разве у тебя здесь не учится старший брат? Он не предупредил тебя, какими будут испытания в первый месяц?

– Ну, он многое рассказывал...

– Почему ты тогда не подготовился летом, если все знал заранее?

Голос у Хоэла был таким искренне удивленным – не подкопаешься. А я едва сдержала ядовитую усмешку. Хорошо подколот!

Но и Хит тоже не был кретином и быстро выкрутился:

– Мэйлир как раз и раскрыл мне секрет: главное – это крепость не тела, а духа. Хотя преподаватели будут убеждать новичков в обратном, грифона можно подчинить одной силой разума.

Он задрал нос и оглядел всех с явным превосходством. Я лишь вздохнула.

Все ясно с этим высокомерным болваном.

– Эйри! – снова повернулся ко мне Хоэл. – А правду говорят, что у тебя уже есть собственный грифон?

– Ну... – я смутилась. Уже так быстро слухи пошли? Ничего себе! – Это не совсем так. Но господин Силвейн считает, что у меня уже начала образовываться связь с грифоненком.

– А ты его подчиняла разумом или физическая сила тоже понадобилась? – выпрашивал парень.

Вот теперь я уже перестала понимать, действительно ли ему интересно или он меня искусно поддевает, так же как Хита. Из-за Хоэла все глаза обратились ко мне, и это немного раздражало. Да, мне бы хотелось оказаться в центре внимания, но не став целью непонятной мне шутки.

– Я его не подчиняла, – поправила я, надеясь, что настырный собеседник после этого отстанет. – Всего лишь о нем заботилась. Похоже, так и возникла наша связь.

– А как ты о нем заботилась? – спросил юноша, о котором я не запомнила ничего, кроме того, что его дядя служил во дворце. – Никого же не пускают на Орлиную Голову. Он сам к тебе оттуда спустился?

– Правда, что молодые грифоны постоянно норовят искалечить своих хозяев? – перебил его сосед.

Я растерянно переводила взгляд с одного на другого. Признаться, что я прокрадывалась в авиарий к «порченому» грифоненку, от которого все отказались, вдруг показалось стыдным. Рука сама потянулась к кончику косы и начала его нервно теревить.

– Неправда. – Я кашлянула, решив ответить только на самый удобный вопрос. – Они царапаются, но не намеренно, а от непонимания, что творят. Как обычные котята или щенки. И точно так же любят лакомства. А теперь извините меня, пожалуйста, я хочу успеть провести Заката перед занятиями.

Я успела развернуться, когда в спину прилетело ехидное:

– Лакомства – это пирожки, что ли?

Ну конечно, Хит. Он никак не мог смириться с тем, что кто-то, кроме него, может привлечь всеобщее внимание. Я уже понимала, что грядет очередной подвох, когда с языка сорвалось:

– А ты предпочел бы, чтобы я ими кормила с рук тебя, а не грифоненка?

Хоэл прыснул, Уин и еще пара человек хихикнули. Остальные были более сдержанны: либо делали вид, что увлечены компотом, либо посматривали то на меня, то на Хита. Дескать, чья возьмет?

– Только если руки ты перед этим хорошенько вымоешь, – спокойно согласился Хит. – Лучше ты пирожками отравишь меня, чем молодого грифона. Им нельзя сладкое – от него клюв становится хрупким. А если он разрушается, грифоны не могут есть и погибают. Но откуда об этом знать девушке, которая еще неделю назад работала посудомойкой?

Все вновь уставились на меня, больше уже не пытаюсь притворяться незаинтересованными. А мое сердце бухнулось в пятки.

Вот же крысеныш! Выяснил где-то, что я не пристроенная архейская дочка. Впрочем, меня больше всего испугало не это, а его слова о том, что у грифонят от сладкого ломаются клювы.

Мысли панически заметались. Вкусняшки для Заката я всегда протаскивала «контрабандой», даже не задумываясь о том, можно ли их ему. Известно, что грифоны всеядны, пусть и предпочитают мясо. Ну я и баловала его всем подряд. Что, если я уже нанесла непоправимый вред его здоровью?

Злость на Хита разгорелась пламенем до небес. Я бы швырнула в него этим несчастным пирожком, если бы не понимала, что тогда

последствия будут непоправимыми. Проклятый аристократишка как будто заранее знал, как меня больше всего поддеть!

В то же время я осознавала, что ссору стоит поскорее свернуть. И потому, что скандалы в моем положении не нужны, как и предостерегал Силвейн, и потому, что больше всего на свете мне сейчас хотелось помчаться к Закату и проверить его клюв.

Так что разговор я оборвала пусть некрасивым, зато быстрым способом.

– Не посудомойкой, а помощницей повара, – поправила я. – Хотя откуда тебе об этом знать? Ты и швабру от метлы не отличишь. И уж извини, но я лучше знаю, что полезно моему грифону, чем человек, который о них слышал только по рассказам брата.

И вышла из столовой.

Что творится в зале после моего ухода, представлять было страшно. Я быстро шагала прочь, словно это избавило бы меня от пересудов за спиной. Запоздало накатило чувство вины – могла ведь и помягче слова подобрать, а то ведь сама себя выставила хамкой. Ух как Силвейн обрадуется, что его подопечная в первый же день разругалась с сыном виконта...

– Эйри! Подожди, Эйри!

Я остановилась не сразу. Уин нагнал меня уже возле внутренних ворот и склонился, уперев ладони в колени. Позавтракал он по-мужски плотно, и теперь бежать за мной ему было тяжело.

– Почему ушла? – спросил парень, отдышавшись.

– Там же одни аристократы. Я себя не в своей миске чувствовала, – уклончиво ответила я.

– Тарелке, – поправил он. – Правильно: не в своей тарелке.

– Ну вот. Я же говорю, мне там не место.

– Да ты больше на аристократку похожа, чем я!

И он в подтверждение протянул ко мне широкие, как лопаты, ладони и пожал квадратными плечами. Да, грации Мэйлира или Хоэла ему доставало, но у Уина было достаточно и собственного простого обаяния.

– Ты же понимаешь, что я не про внешность, – поморщилась я.

– Про Хита? Да зачем ты его вообще слушаешь! – с досадой бросил парень. – Он намеренно тебя задевает. Как ты думаешь, кто экзамены хуже всех сдал? А взяли его, потому что старший брат

блистает в академии и потому что денег у их отца – с Облачные вершины. Хит это понимает, вот и ищет, кого бы ниже себя опустить.

– Уин. Я вообще не сдавала экзамены.

Он недоверчиво посмотрел на меня. Затем его лицо прояснилось.

– А, так у тебя же магический дар...

– И дара у меня нет, – перебила я. – По крайней мере, магического. Во мне ни капли волшебства – вот вообще.

Уин сдвинул широкие брови.

– Значит, про тебя и архея Коллара говорят правду? Ты его дочь?

Я вздохнула. Скрывать истинное положение дел не было смысла – рано или поздно все станет явным. Да и Силвейн не советовал так делать.

– Если и его, мне об этом неизвестно. Я никак не связана ни с археем, ни с предсказанием, которое он тут вчера зачитывал.

Мы молча стояли друг напротив друга. Над нами нависали арка ворот и щиты с гербами академии. Из низко нависших туч закапал мелкий дождик, и Уин был вынужден сдвинуться ближе ко мне, чтобы не промокнуть.

– Ты же к своему... Закату, да? – тихо спросил он. – Грифона так зовут?

Я кивнула.

– А... это... – Уин замялся. – Мне можно на него посмотреть?

Склонив голову, я наблюдала за тем, как он смущенно отводит глаза. Это выглядело забавно с учетом его простецкой внешности. Крепким парням-простолюдинам вроде него смущение редко было свойственно.

Но сильнее всего меня удивляло, что он до сих пор здесь. Я ведь уже призналась, что пророчество оракула не может быть обо мне. И если с Силвейном все было просто и ясно сразу, то в случае с Уином меня, похоже, ожидала загадка.

Поколебавшись, я снова кивнула. Как и в случае с магической одаренностью, тянуть с этим не было проку. Хиту понадобилось полдня, чтобы узнать, кем я работала раньше. На выяснение, где живет мой грифоненок, понадобится и того меньше. Лучше мне самой это раскрыть, чем потом меня подловят на вранье, которого не было.

– Идем.

– А разве грифоньи гнезда не наверху? – уточнил он, когда я направилась вниз, к хозяйственным постройкам.

– Наверху, – согласилась я, продолжая спускаться.

Повторять приглашение не потребовалось. Через несколько мгновений раздался звук быстрых шагов, и Уин поравнялся со мной.

– Тебе когда-нибудь говорили, что ты девушка-тайна? – спросил он.

– То же самое могу сказать о тебе, – я показала язык.

Уин рассмеялся.

– Да какие у меня секреты? Я тебе все в первом же разговоре выдал. Странная ты все же. Но так интереснее.

Я отвернулась и украдкой улыбнулась.

## Глава 10

Когда мы дошли до авиария, дождик капать перестал. Из-за туч выглянуло солнце, на миг ослепив нас золотым диском. Уин, судя по слегка вытянувшему лицу, уже все начал понимать, однако пока молчал, а я не спешила оправдываться. Он же хотел повидаться с грифонами? Ну так вот они! А что отбракованные – это уже дело десятое. Я тоже не из высшего света.

Стражник у ворот авиария бросил на нас хмурый взгляд.

– Вход в авиарий разрешен только тем, кто ухаживает за грифонами внутри, – сказал он. Будь у него алебарда, наверное, еще бы ей и вход перекрыл, словно королевский гвардеец.

– Добрый день! – бодро начала я. – Я и есть та, кто ухаживает за грифоненком. Вы меня разве не помните?

– Тебя – да. А его, – стражник указал на Уина, – в моем списке приказов не было.

– Э-э... – промычал тот, склонился ближе ко мне и почти на самое ухо прошептал: – Может, мне в самом деле не стоит туда идти?

– Но ты ведь хотел, – удивилась я.

Затем проследила за его взглядом.

Ага. Гордец, о характере которого прекрасно говорила его кличка, опять рвался из авиария наружу. Но поскольку на воротах, как оказалось, висело заклятие, пропускающее лишь людей, грифон бился о натянутую сетку. Это продолжалось каждый день и ничем хорошим не заканчивалось – Гордец добивался только того, что ранил сам себя. Остановиться и прекратить бессмысленное занятие ему, видимо, мешала... ну да, гордость.

В любом случае вид взрослого грифона, размером с лошадь, который бился о сетку, кусал ее мощным клювом и с лютым скрежетом царапал длиннющими когтями, было впечатляющим.

– Да его не надо бояться, – успокоила я. – Он на людей внимания не обращает.

– Ага, – как-то не слишком уверенно согласился Уин.

Я вернулась к стражнику.

– Мы одним глазком посмотрим – и сразу назад. Вы же знаете, меня в авиарии не трогают.

– Нет уж, брать такое под свою ответственность не стану, – отрезал тот.

Я вздохнула и засунула руки в карманы, проверяя, что там есть. Денег, разумеется, не оказалось. Ну а пытаться подкупить дюжего мужика пирожком – это даже звучит глупо. Стражник же не грифонец-сладкоежка.

– Пожалуйста? – испробовала я последнюю попытку, заглядывая ему в глаза и невинно хлопая ресницами. – Мы быстро и никому ничего не скажем. Я только покажу моему другу Заката. Это совершенно безопасно!

Наконец-то к уговорам присоединился и Уин.

– Честное слово, – добавил он. – Мне еще год учиться, чтобы меня подпустили к гнездам на Орлиной Голове. А здесь грифоны на расстоянии вытянутой руки. Я об этом всю жизнь мечтал!

Стражник сердито запыхтел, угрюмо посмотрел на него, потом на меня и все же буркнул:

– Ладно, проходите, пока никто не видит. Но к грифонам, парень, слишком близко не подходи. И тут же назад!

Он приоткрыл массивную створку, и мы скользнули в щель. В ноздри сразу ударил запах свежего сена, за последнее время ставший родным. Я невольно улыбнулась и смело направилась к проходу между загонами.

– Идем, Закат облюбовал себе один из дальних загон. Вот тут у нас живет Кусачка...

Оглушительный клекот заставил меня замолчать. Я растерянно посмотрела на Кусачку, который впервые на моей памяти издавал такие громкие звуки. Больше того, он встал на задние лапы, передние упер в верхние доски забора, выпустив длинные острые когти, и злобно щелкнул клювом на Уина.

Побледнев, друг прижался спиной к закрытой створке ворот.

– Да не бойся, – успокоила я. – Он так взятку выпрашивает.

– В-взятку? – заикнулся Уин.

Наверное, в его воображении нарисовалась оторванная нога нерадивого студента.

– Яблоки, мясо, – пояснила я. – Говяжьё вырезку любит и сливки. Губа у него не дура. Клюв, вернее. Давай, не трусь.

Но стоило Уину сделать робкий шаг вперед, как на «сцену» вышел Гордец.

Обычно он игнорировал людей в авиарии – гораздо больше его увлекали попытки разорвать сетку и выбраться наружу. А те, кто менял ему подстилку и наполнял кормушку, – это так, вошки какие-то. Поэтому было страшно удивительно, что он со смертельной грацией хищника приземлился на небольшую площадку перед загонами, распахнул гигантские крылья, забил львиным хвостом по земле и угрожающе заклекотал на Уина.

Моего бедного однокурсника как ветром сдуло из авиарии. Я даже окликнуть его не успела.

– Что тут происходит? – нервно сунулся внутрь стражник. – Эйри, все хорошо?

Я растерянно оглянулась на грифонов. Гордец как ни в чем не бывало взлетел обратно под «потолок» и принялся кромсать сеть. Только Кусачка все еще высовывал шею из своего загона.

– Все просто прекрасно, – мрачно ответила я.

Стражник скрылся. Обращаться к Гордецу не было никакого смысла, поэтому я с упреком посмотрела на Кусачку.

– Я, значит, вам лакомства тайком таскаю. А вы, неблагодарные, решили моего друга отпугнуть?

– Уру-ру, – сказал грифон.

Н-да. Трактуй как хочешь.

Я вздохнула и попыталась пройти мимо, но Кусачка ткнулся в меня головой, не пуская в проход. Большой карий глаз уставился на карман с пирожком.

– Унюхал, разбойник. Не дам. И потому, что ты Уина напугал, и потому, что вам, оказывается, нельзя сладкое.

Кусачка обиженно щелкнул клювом и оттолкнул меня лбом к воротам, взлохмачивая коричневые перья. Дескать, проваливай и без вкусностей не возвращайся, а то не пущу.

– Ты нахал, – сурово отчитала я. – И попрошайка!

Глаз продолжал смотреть на карман.

– Ох, святые воды Фиреннэна! – простонала я. – Ну на, на.



Пойманный в воздухе пирожок исчез в бездонной глотке грифона. Хотя лакомства было на «один зуб», Кусачка заурчал и тут же спрятался.

Бандит.

Я медленно пошла по проходу, разыскивая Заката. Настроение окончательно испортилось. Как будто мало было некрасивой сцены в столовой, боги ниспослали мне еще и этот спектакль с грифоньими оболтусами. Что на них нашло сегодня? Почему при мне подобного не случилось ни разу? Ревность такая у грифонов, что ли? Ладно, понимаю еще, Кусачка взбесился, а Гордецу всегда на меня было плевать. Он-то с чего взбеленился?

Возможно, стоило догнать Уина, но я не представляла, что говорить в такой ситуации. Извиниться за поведение грифонов? Смешно. Каждого посетителя еще внизу, у Лазурных ворот, предупреждают ни в коем случае не соваться в авиарий, потому что там самые непредсказуемые грифоны. Попросить прощения за то, что я привела Уина сюда? Тоже глупость. Он сам на этом настоял.

Я опасалась, что если начну прямо сейчас оправдываться перед парнем, то сделаю лишь еще хуже. Поэтому решила не делать вообще ничего.

Закат обнаружился в одном из дальних загонов. Он в последние дни взял моду разрывать землю и строить целую гору, с которой потом с восторженным пискom прыгал. Видимо, представлял, что летает, потому что крылья его пока держали плохо. Когда рабочие разравнивали «трамплин» в одном загоне, малыш просто перебирался в другой и начинал все заново.

От излюбленного занятия грифоненок оторвался только затем, чтобы ткнуться клювом мне в ладони. Сообразив, что сегодня подарочка не будет, он недовольно фыркнул и попытался вернуться к горке, но я схватила его и подгрребла к себе.

– Подожди, мне нужно проверить твой клюв.

Ага, разбежалась. Месяц назад Закат помещался мне в руки, и удержать его было несложно. Но, как бы ни подтрунивал надо мной Силвейн, за это время малыш здорово подрос. Попробуй удержи тушку весом с телянка! Закат вывернулся, развернулся ко мне задом и ткнул кисточкой на конце хвоста в нос. Фиг тебе, а не осмотр, хозяйюшка.

– Я серьезно, Закат!

Теперь в меня еще и задней лапой землю кинули. Очень недвусмысленное «не мешай важным делом заниматься». Я начала терять терпение.

– А ну сидеть!

И тут чудо повторилось. Закат плюхнулся на попу и с видом, выражающим искреннее недоумение, повернул голову ко мне.

– Потерпи немного, – примирительно сказала я и осторожно, чтобы мне не отхватили палец, коснулась клюва.

На первый взгляд с ним все было в порядке. Твердый, блестящий, без трещинок. Разве что в земле перепачкался после рытья, но это мелочь.

Вот только много ли я понимаю в клювах? Сегодня меня и так уже ткнули в то, что в правильном уходе за грифонами я ничем не лучше дырки от бублика.

– Придется просить Силвейна тебя осмотреть, – пробормотала я, выпуская малыша.

Он, мгновенно забыв обо мне, понесся на горку, покрытую сеном. Только на сей раз не слетел с нее, а с не менее восторженным писком скатился прямо на попе, плюхнулся в яму перед склоном и горящими глазами уставился оттуда на меня.

– Молодец, – похвалила я на всякий случай, хоть и не понимала, чего на самом деле Закат от меня ждет.

Ему этого хватило. Он сделал несколько гребков лапой, выбрасывая из рывины наружу землю, и вновь стал карабкаться на гору. Я еще немного понаблюдала за его развлечением, но думала на самом деле о другом.

Нужно узнать о грифонах больше, пока я нечаянно не причинила Закату вред. Если нам не начнут сразу давать важные знания об уходе за ними, придется опять идти к Силвейну. И надеяться, что он в этот раз не запросит еще какой-нибудь контракт...

## Глава 11

Занятия прошли скучно. Профессор Бранвен оказалась сухонькой старушкой. Она никогда не летала на грифонах, зато досконально знала, в какой год кто из королей правил в Аэнвине, нашем королевстве. Свое повествование преподавательница начала вообще с доисторических времен, важно объявив, что каждый уважающий себя аэнвинец должен знать, с чего начиналось его государство.

Затем была лекция по географии. И снова ни слова о грифонах. Мы полтора часа таращились на карту и преподавателя, который скучно перечислял, какие в стране есть провинции и каков в них ландшафт. Под конец один из студентов не выдержал и поднял руку.

– Скажите, пожалуйста, а когда нам начнут рассказывать о грифонах?

– Госпожа Бранвен на соответствующем курсе поведает вам об основании академии...

– Простите, – перебил студент, – я имел в виду, когда нас начнут учить анатомии грифонов, особенностях их характера и прочим вещам, которые касаются непосредственно полетов?

Преподаватель поправил очки.

– Терпение – одно из важнейших качеств при дрессировке грифона. Как только вы докажете, что обладаете всеми необходимыми качествами, вас допустят к королям небес. Не раньше и не позже.

Вот так вот.

После географии нас ждал обед, а потом – еще одно не менее «увлекательное» занятие.

С Уином мы так толком и не поговорили. На обеде мы немного разминулись, и рядом со мной успел сесть Хоэл, так что Уину пришлось занять место напротив. А когда я поймала его после окончания лекций и попыталась извиниться, он немного потерянно улыбнулся.

– Да не за что тебе просить прощения. Меня много раз предупреждали, что грифоны – это не верные дворовые псы. Сам дурак, должен был догадаться, что без подготовки лезть не стоит. А ты... ты действительно волшебная девушка.

Я замерла с открытым ртом, не зная, что на это ответить. В этот момент Уина отвлек Хоэл, который предложил ему вместе потренироваться после лекций, и больше нам пообщаться не удалось.

Я пожевала нижнюю губу – и отправилась на другой важный разговор. С Силвейном.

Раз «законное» получение по-настоящему важных знаний о грифонах откладывалось, надо было искать другие способы. Неспроста же судьба сделала моим попечителем лучшего наездника в округе, да?

Но Силвейн, похоже, тоже был наделен особым магическим даром – умением никогда не находиться там, где его ищут. Мне сказали, что он где-то в учебном корпусе на занятиях, однако я обошла все аудитории и его там не нашла. Ну что за неуловимый человек! И утренние пробежки ни к чему – я накачаю ноги в попытках встретиться с собственным попечителем...

Голова, переполненная новыми знаниями, гудела. То, что большинство однокурсников считали занудным повторением прописных истин, для меня было не самым очевидным материалом. Все же, невзирая на старания мамы, я больше привыкла работать руками. Так что я не стала перегружать мозг еще сильнее и решила пойти самым простым путем – дожждаться Силвейна возле его комнат.

Привратник в преподавательском корпусе уже привык ко мне и пропустил без вопросов. По той же причине сопровождение мне не предложили, и я побрела по коридору сама, с тоской думая о том, какой нужно выполнить объем домашней работы. Хорошо, что я начала читать учебники заранее!

Меня уже предупредили, что Силвейна в его покоях нет. Я не подумала о том, что его может ждать кто-то еще, поэтому вздрогнула, увидев напротив его двери девушку.

И даже, признаться, оробела.

Это была аристократка в демоны знают каком поколении. Только так можно было объяснить идеальность ее черт. Прямые брови, пухлые губы, чистая кожа – «принцесса» Мади, которую я с утра сочла красоткой, закачалась бы от зависти. На осиной талии, стиснутой корсетом, можно было сомкнуть ладони в кольцо. Мягкие каштановые локоны обрамляли прелестное личико. Весьма фривольное платье обнажало плечи, едва держась на груди. И все равно девушке было

жарко. Она обмахивалась веером, который мелькал быстро-быстро, как крылья бабочки, и распространял вокруг душистый аромат роз.

То, что передо мной дама из высшего общества, подтверждала не только внешность. Рядом с незнакомкой с покорным видом застыла ее горничная – женщина сильно старше, в белом чепчике и невыразительном платье. На меня она бросила ничего не выражающий взгляд. Зато ее хозяйка от возгласа не удержалась.

– Великий Хеден! В академию принимают та-хеев? Как низко она пала!

– Извините, – зачем-то сказала я.

Девушка закатила глаза, продолжая яростно обмахиваться веером. Я поколебалась и все же спросила:

– А вы давно ждете господина Силвейна?

– Конечно! – воскликнула она, снова закатив глаза. – Он избегает меня!

Я замолчала. Какой мужчина станет избегать такую красавицу и зачем бы ему это понадобилось, мне в голову не приходило.

Однако девушка резким движением сложила веер и прищурилась на меня.

– А ты зачем к нему пришла?

– Я его студентка, – промямлила я. – Хотела уточнить насчет дополнительных занятий.

– Ах, ну понятно! – выразительно ответила незнакомка и раскрыла веер.

В отличие от нее, мне ничего понятно не было. Я постояла с минуту рядом, чувствуя себя в такой компании крайне неудобно, и переменяла мнение.

Лучше поискать Силвейна завтра.

Мое исчезновение томная красавица вряд ли заметила. А мне изрядно полегчало, когда я оказалась на свежем воздухе. Все-таки как некоторые особы из высшего света обливаются духами – это нечто. Моются они в них, что ли?

От сильного запаха роз голова разнылась еще сильнее. До общежития я дошла морщась, не обращая внимания почти ни на что вокруг. У крыльца стояли старшекурсники, которые скосили на меня взгляды, но после всех сегодняшних перипетий мне было уже плевать. Да пусть хоть открыто таращатся!

Дверь в свою комнату я толкнула так же машинально. И остолбенела, увидев незваного гостя.

Силвейн стоял у окна, прислонившись к стене и листая один из учебников. Льющийся в окно свет делал его ореховые волосы золотыми, создавая нимб вокруг попечителя. Золото плясало искрами и на его ресницах, делая и без того привлекательный облик мужчины волшебным притягательным. Я невольно им залюбовалась.

Да-а, Уин – парень приятный, но как же до Силвейна ему далеко...

Попечитель поднял голову.

– Здравствуй, Эйри.

Он не улыбался. Тон тоже был строгим. Я внутренне сжалась.

Конечно, я прекрасно понимала, что не пара такому, как Силвейн. Однако желание ему нравиться, хотя бы просто не разочаровывать его, никуда не девалось. И теперь я испугалась – что могло заставить попечителя явиться ко мне самому? Кто-то доложил, что я опять нарушила запрет и попыталась протащить Уина в авиарий? Или что поцапалась с Хитом? Чувство вины за утреннюю перепалку нахлынуло с новой силой. Ну вот кто меня просил в первый же день учебы заводить врагов!

– Здравствуйте, господин, – заставила я себя выговорить. – Не ожидала вас здесь увидеть. Что-то случилось?

Он ушел от прямого ответа, кивнув на мой стол с письменными принадлежностями и разложенными книгами.

– Вижу, ты последовала моему совету и начала заранее изучать программу академии.

– Ну да, я очень хочу успешно сдать экзамены, – растерянно проговорила я.

– Тогда зачем поддерживаешь слухи о том, что ты магесса?

– Что?!

Силвейн задумчиво посмотрел на мое лицо.

– После окончания занятий я нечаянно подслушал разговор студентов в учебном корпусе. Они обсуждали то, как ты управляешь взрослыми грифонами. Тремя сразу. Причем один из болтунов убеждал, что ему это якобы рассказал очевидец – другой студент.

Проклятье! Уин!

– Прошу прощения, господин, – залепетала я. – У меня и в мыслях не было порождать какие-то слухи о том, что у меня есть магический дар. Я не хотела ничего плохого и всего лишь...

Силвейн с хлопком закрыл книгу. Я испуганно замолчала.

– Эйри, – мягко произнес он. – Что я тебе говорил насчет того, с каких слов начинаются самые страшные катастрофы?

«Я не хотела ничего плохого». То же самое я ему сказала в тот день, когда Силвейн застукал меня в авиарии. Ох, милостивая Энеда!

Попечитель вздохнул и опустился на единственный стул в комнате, приняв излюбленную позу – закинув ногу на ногу. Вид у него в такие моменты становился непринужденно-уверенный. Аристократ, что с него взять.

– Сядь, – сказал он мне.

Я покорно устроилась на краешке кровати, только сейчас заметив, как криво утром ее застелила. Ну, Эйри, молодец, со всех сторон прекрасно показываешь себя Силвейну!

– Если бы ты могла выбирать, что бы ты предпочла: учиться в Небесной академии или в Белой? – внезапно спросил он.

Я уставилась на него.

– Но я никогда не смогу учиться в Белой академии. У меня нет...

– Да-да, – перебил Силвейн. – Нет ни крохи дара. И все же представь, что перед тобой лежали бы два пути. Первый – обрести колдовской дар, стать археем, войти в высший свет. Второй – выучиться на наездника, заботиться о своем грифоне, стать королевским курьером. Но навсегда остаться бастардом, простолудинкой, которую не возьмут в Грифонью стражу и не примет знать.

Я пожала плечами:

– Ну, вообще-то можно купить титул...

– Купленный титул не сделает тебя равной в глазах аристократов. Хотя если ты заодно прославишь свое имя каким-нибудь подвигом, в Грифоньей страже могут и задуматься о том, чтобы поступиться правилами ради талантливого та-хея, – согласился Силвейн. – И все же ответь на вопрос.

– Выбора нет.

Он вопросительно вскинул брови.

– Хорошо, если это слишком сложно, то представь, что ты еще ребенок. Тебе десять лет – время последней проверки на обладание даром. И тебе делают такое предложение: либо Небесная, либо Белая академия. Что бы ты выбрала?

– Вы не поняли, – пояснила я. – В том, что вы предлагаете, на самом деле нет выбора. Детей, у которых находят хотя бы искру дара, забирают в Белую академию. Я ни разу в жизни не слышала о магах, которые там не учились бы. Или которые сбегали бы, чтобы жить своей жизнью. С того момента, как у тебя находят дар, ты служишь короне и не можешь ей не подчиняться.

– М-м, – озадаченно промычал Силвейн, с удивлением глядя на меня. – Я об этом в таком ключе не думал.

– Потому что вы не та-хей. Моя мама... она до сих пор тяжело переживает то, что с ней случилось. Она заставляла меня скрывать, кто я, и в детстве насильно выкрашивала мне волосы хеной, чтобы из седых они становились рыжими. И в то же время она учила меня не стесняться моего происхождения. Если бы во мне проснулась магия, у меня был бы всего один путь. А сейчас у меня есть возможность выбрать, кем я хочу стать, где быть и чем заниматься. Даже если всего лишь работать на кухне в Небесной академии. Главное, что это мой собственный выбор, – твердо ответила я.

– Вот почему ты так испугалась пророчества мавеннарского оракула, – тихо сказал он. – Если оно окажется правдой, то лишит тебя выбора.

– Да. Быть та-хеем тяжело. Но еще тяжелее – всю жизнь плясать под чужую дудку. И мне хотелось бы... – Я замаялась.

Было неловко раскрывать перед кем-то вроде Силвейна свои чувства. Красивые мужчины жестоки – избегает ведь он зачем-то ту дамочку, которая небось так и торчит у него под дверью. Однако потом я решилась – не смеялся же он надо мной раньше. Ну, вернее, смеялся, но не так. Просто подшучивал, а это совсем иное, чем издеваться над искренностью другого человека.

– Мне хотелось бы, чтобы у Заката тоже был шанс, – закончила я. – Не умереть в авиарии, не быть заклеванным сородичами, а вырасти и доказать, что он ничем не хуже остальных, пусть и родился слабым.



Силвейн не отвечал, только смотрел на меня таким странным взглядом, что я смутилась.

Опять глупость какую-то брякнула, что ли?

– Знаешь, – наконец произнес он, – хотел бы я, чтобы все студенты, кто приезжает сюда учиться, подходили к этому настолько же осознанно. Обычно они говорят что-нибудь вроде «Мой отец мечтает, чтобы я служил в Грифоньей страже» или «Мои родители решили дать мне самое престижное образование в Аэнвине».

– А вы почему сюда поступили?

– Потому что мать настояла, – рассмеялся Силвейн. – «Ты получишь самое престижное образование и будешь служить в Грифоньей страже», – сказала она.

Я улыбнулась.

– Забавно вышло. А отец хотел от вас чего-то другого?

– Он погиб вскоре после моего рождения, – посерьезнел попечитель. – Если он и рассчитывал, что моя судьба не будет связана с Облачными вершинами, мне об этом неизвестно.

– О, простите...

– Ничего страшного. Ты тоже росла без отца. И в гораздо худших условиях, чем я.

– Да... – протянула я, опять испытывая неловкость из-за того, как повернулся разговор. Решив его перевести, я прочистила горло. – К слову, об образовании. Мне сегодня весьма доходчиво показали, что об уходе за грифонами мне ничего не известно, а занятий на эту тему на первом курсе не предвидится еще долго. Вы не могли бы... ну... начать учить меня этому?

Выпалив просьбу, я с силой сцепила ладони на коленях и уставилась на Силвейна.

Согласится? Нет?

Тот неожиданно хмыкнул. В умопомрачительно синих глазах опять заплясали странные огоньки.

– Все ради Заката?

– Ну да, – смущенно повторила я. А он о чем подумал? – Вы не могли бы... его осмотреть?

– Зачем? – Силвейн искренне удивился. – Рабочие из авиария говорят, что он здоров и полон сил.

Я задержала дыхание.

– Я его кормила сладким. У него не потрескается клюв?

– Тебе пришлось бы завалить его сахаром с головой, чтобы с этим обжорой что-то случилось. Но раз ты просишь, – попечитель опять бросил на меня нечитаемый взгляд, – я проверю. Собственнолично.

– Спасибо. И еще, – спохватилась я. – Вас ждет леди в преподавательском корпусе.

– Какая? – насторожился он.

– Молодая, красивая, темноволосая... И душная.

– С запахом роз? – вздохнув, уточнил Силвейн.

Девушке он явно был не рад. Даже поморщился. Правда, что ли, избегает ее?

– Она самая, – подтвердила я, гадая, кем могла быть та леди.

Родственница? Нет, сестры и кузины обычно так себя не ведут. Любовница? Наверняка еще и брошенная, вот почему Силвейн так кривится. Интересно, чем она ему не угодила? Красоты ведь сумасшедшей, и явно от него без ума.

Хотя в закрытой комнате с ней вряд ли долго можно выдержать. Тут я попечителя понимала прекрасно.

– Тогда пойду с ней разбираться, – неохотно произнес он, вставая и одергивая камзол. – Заката я проверю сегодня, а насчет учебы...

Силвейн выдержал паузу и так сдвинул брови, как будто принимал тяжелое решение.

– Даже если бы я очень хотел, не могу. Учебный процесс выстроен так, чтобы сначала студенты избавились от восторженной чуши в головах и начали воспринимать учебу серьезно, затем перешли к теоретическим знаниям и только после этого могли бы попасть к грифонам. Так постановил еще Ариан Наездник. Мне не все нравится в этой системе, но попытки ее изменить я видел собственными глазами. Сказать, что эксперименты не увенчались успехом, было бы очень мягко. Это был полный провал.

У меня поникли плечи. И на что я надеялась?

– Только не плачь, – спохватился он и подошел ближе.

Моей руки неловко коснулась мужская ладонь. Она была уже, чем у Уина, изящнее, но в ней чувствовалась немалая сила. Я невольно отвлеклась от своей печали, глядя на выступающие жилы.

Было легко представить, как эти крепкие руки обвивают тебя и прижимают к мужской груди, все теснее и теснее. Как ложатся на

талию и касаются обнаженной кожи, вызывая на ней мурашки. Тайная мечта каждой девушки в академии...

Интересно, а ту душную фифу Силвейн тоже так тискал? Стонала ли она от счастья в его объятиях?

Я покраснела, сообразив, что думаю не о ком-нибудь, а о собственном попечителе. Что за непристойности! И плевать, что между нами не такая уж большая разница в возрасте. Зато в статусе огромная.

Силвейн, как будто что-то почувствовав, убрал ладонь и прокашлялся.

– Эйри, – мягко произнес он. – Не подумай, что я пытаюсь отделаться или не хочу тебя учить. Дело не в этом. То, что процесс обучения выстроен лучшим образом для студентов, подтверждают два века практики. Закат тоже должен успеть сформироваться. И физически, и ментально. Он ребенок, а ты уже взрослая. Если ваши разумы соединятся сейчас, вы оба сойдете с ума. То, что я позволяю тебе с ним видеться, и так уже гигантское послабление, которым ректор был недоволен. Поэтому давай так. Если ты хочешь улучшить свои знания о грифонах – пока только теоретические! – и случайно не перекормить Заката сладостями, возьми в Библиотечной башне книгу под названием «Повадки грифонов» за авторством Ифана Тарского. Она для второкурсников. Если библиотекари заартачатся, скажи, я разрешил. Хорошо?

Я шмыгнула носом.

Конечно, идея с личными занятиями у Силвейна мне нравилась гораздо больше. Но, наверное, он прав. Если начну слишком сильно обгонять однокурсников, меня затравят. Разве мне исходящего на мыло Хита не хватает? Буду поражать их теоретическими знаниями. Этого вполне хватит, потому что у Хита и того нет, только слова брата. Утру высокомерному болвану нос, действуя по его же тактике – непринужденно вворачивая замечания о грифонах то тут, то там.

Вдобавок учебник – это не лекция, на которую нужно прибегать строго в указанное время. Его можно читать когда вздумается. Хоть ночью, хоть на перемене. Удобно!

Да и сойти с ума не хотелось. Если я тоже буду рыть ямы и, хохоча, съезжать с горы на попе подобно Закату, вот будет потеха!

– Хорошо, – в конце концов согласилась я. – Завтра же схожу за этим Ифаном Тарским.

– Молодец. Тогда прощаемся, если у тебя нет других вопросов?

– Нет, господин.

Он кивнул и подошел к выходу, но почему-то задержался. Стройная фигура в модном атласном костюме и белой рубашке застыла в дверях, пронзительный синий взгляд устремился на меня. Силвейн как будто бы собрался что-то сказать, однако лишь качнул головой – и вышел.

Когда он исчез за дверью, я прошлась по комнате, бесцельно переложила учебники на столе, поправила связку писчих перьев. Потом забралась на кровать с ногами и выдохнула.

Одним лишь присутствием покровитель всегда смешивал мои чувства. Успокоиться после встречи с ним было нелегко. И каждый раз я только и могла думать что о его сильных руках, пронзительных глазах, улыбке...

Ты уже сошла с ума, Эйри. Никакое слияние разумов с Закатом не понадобилось. Где Силвейн и где ты?

Да и что мне известно о нем, кроме того, что он писанный красавец? Не маленькая, знаю уже, что влюбляться в мужчину из-за одной только внешности нельзя. Душа – вот что в человеке главное. А душа Силвейна для меня потемки. Я до сих пор даже не понимаю до конца, почему он мне помогает. Как будто нет других талантливых ребят, в кого можно вложить деньги. Зачем ему понадобился та-хей?

– Я ему не пара, – вслух произнесла я.

А ведь если бы я оказалась эн-хеем, то мой статус поднялся бы даже еще выше, чем у Силвейна...

Нет. Нет! Усилием воли я прогнала эту мысль из головы. Разве не я только что с упоением вещала, что ни за что не выберу Белую академию взамен Небесной?

Кажется, кто-то зарвался и забыл свое место. И это отнюдь не Хит.

Я встала с кровати, раскрыла учебники и заставила себя сесть за выполнение домашней работы.

Думай об учебе, Эйри. О мужчинах подумаешь после того, как окончишь академию. Вот тогда времени на это будет предостаточно...

## Глава 12

### Силвейн

Я смог выдохнуть, только когда отошел достаточно далеко от студенческого корпуса. Первокурсники, болтавшие возле крыльца, наверное, здорово удивились тому, с какой скоростью из их общежития вдруг вылетел преподаватель.

Эта девчонка творила со мной что-то дикое. Мне одновременно хотелось ее поцеловать и придушить самого себя за это желание. Когда она вдохновенно рассказывала о том, что мечтает о шансе для Заката, я едва удержал себя в руках. Чуть пухлые нежные губы, трепетные пушистые ресницы, очаровательные завитки белых волос, огромные синие глаза, такие восторженные, такие невинные...

Это, наверное, меня и остановило. Эйри девятнадцать, но ее чистоте можно только позавидовать. Сам я в ее возрасте, прямо скажем, не о грифонах думал. И первое место среди учащихся каждый год занимал не потому, что ради Урагана старался – грифон и так бы не пропал, а просто потому, что меня так воспитали.

Быть самым быстрым. Самым умным. Лучшим. Достойным сыном своего отца.

И теперь какая-то девочка заставляет меня стыдиться самого себя.

Что с тобой, Тарен, а? Где тот прожженный кутила, который несколько лет назад в столице швырялся деньгами и каждую ночь проводил с новой девицей, смазливее предыдущей? Я даже их имен не запоминал. И после этого – пасть жертвой двух милых ямочек на щеках?

Плохо на тебя влияет это место, Тарен. Стареешь. Скоро еще и брюзжать, как профессор Бранвен, начнешь.

Я потер лицо, пытаюсь прийти в себя. Совратить собственную подопечную – последнее дело. Слишком низко даже для меня. А после всех ее признаний – еще и подло. Пожалуй, впервые за все время студентка просит меня о дополнительных занятиях, не подразумевая, что я должен сводить ее в лучшую таверну города внизу или опрокинуть в постель. Эйри действительно хочет учиться, а я – снова впервые – сомневаюсь, что смогу ей это дать. На других мне было

наплевать с высокой башни. А этой стоит повести ресницами – и я, как клятый подросток, теряю способность думать о чем-либо ином.

Магию она ко мне, что ли, применяет? Коллар в письмах предупреждал, чтобы я остерегался девушки-та-хея, которую он заставил меня отыскать в академии. Эйри понятия не имеет о том, что в детстве на ее дар закрыли глаза специально, и может сплестать силу непреднамеренно, не осознавая, что делает.

Нет. Тогда она была бы бесцветной, как сам Паук. Не только волосы, но и глаза, кожа – все. Магия не оставляет людям выбора, как и сказала Эйри.

Может, мне просто этого и не хватало? Впервые красивой девушке передо мной нравился не я, а кто-то другой. Мелкий, проказливый и в перьях.

К грифонам я, кажется, еще ни разу не ревновал. Да и ревновал ли я вообще хоть раз в жизни?

Я знал одно. Коллар получит эту девочку только через мой труп. Она свой выбор сделала – в пользу Заката и Небесной академии. А раз уж я подписал с Эйри контракт, то мне ее и вытаскивать. Слава Хедену, что у Паука не нашлось здесь других шпионов, кроме меня.

Задумавшись о самой Эйри, я напрочь забыл о ее предупреждении о том, почему, собственно, трусливо переживал бурю не где-нибудь, а в комнате своей студентки. Вспомнил, только когда уже вошел в преподавательский корпус и учуял запах розовых духов в коридоре. А следом обнаружилась и их хозяйка.

– Тарен! – капризным тоном воскликнула она. – Ты что, меня избегаешь?

– И вам здравствуйте, леди Лорна, – кисло ответил я, мысленно послав ей проклятие.

Дочка бургомистра – самая настырная женщина из всех мне известных. Она в этом превзошла даже мою мать. И ведь это тот случай, когда я девушку даже в постель не тащил!

Зашуршали пышные многослойные юбки. Не успел я подойти к собственным дверям, как одна-единственная Лорна накинулась на меня, словно целая стая коршунов.

Или скорее чаек.

– Я жду тебя уже несколько часов! Опять!

— Какая жалость, что вы не догадались посмотреть учебное расписание, — ответил я, бочком пролезая мимо нее. — Тогда бы вы заметили, что у меня все это время были лекции.

Она застыла. В густо подведенных глазах появилось замешательство. Такая очевидная идея явно ее не посещала. Но эту очаровательную и совершенно пустую головку ничто не могло занимать дольше чем пару мгновений. Ну, за исключением мыслей обо мне.

— Ты обещал прийти вчера на ужин! — уже через миг снова набросилась Лорна на меня.

В конце коридора из комнаты высунулся преподаватель Куланн. Он окинул нас взглядом, красноречиво хмыкнул, дескать, все с вами ясно, и скрылся.

Проклятье. Как будто мне слухов мало!

— Вообще-то я ничего не обещал, — громко произнес я, чтобы Куланну в дальней комнате точно было слышно. — Позавчера в разговоре с вашим отцом я упомянул, что, возможно, прогуляюсь по набережной перед ужином, если будет хорошая погода. Ни слова о визите к вам домой не звучало!

— Ты сказал об ужине. Потом упомянул мой дом. Как еще это надо было понимать! — прошипела девица.

— Как то, что вы необычайно талантливы, леди Лорна, и умеете связывать между собой совершенно несочетаемые вещи, — парировал я и наконец протиснулся мимо пышной юбки к своей комнате.

Победа!

— До свиданья, леди! — радостно попрощался я, проскальзывая внутрь и захлопывая за собой дверь.

Вернее, пытаюсь ее захлопнуть.

Маленькая ножка, вставшая на ее пути, помешала мне запереться. И хотя я абсолютно бестактно подтолкнул дверь, чтобы та скорее закрылась, тифелька Лорны не сдвинулась ни на волосок.

Может, эта девушка тоже магесса?

Хеденова лысина, Тарен, тебе скоро маги будут даже в отражении мерещиться.

— Ну уж нет! — решительно сказала Лорна. — Вчера ты заставил меня проторчать под дождем на набережной, но больше это не

повторится! Мой отец устраивает бал в честь приезда нового архея. Тебя ждут. Если ты не явишься, отец будет разочарован и очень зол!

В щель влетела бумажка. Поскольку я ее поймать не удосужился, она упала на пол и скользнула под стол.

– Я буду твоей парой на вечере! – поставила перед фактом Лорна и наконец убрала ногу.

В просвете мелькнуло усталое и бесконечно терпеливое лицо горничной. Затем дверь захлопнулась.

На всякий случай я закрыл ее на замок. И окна занавесил, хотя с этой стороны здание стояло на скале и поднималось на два этажа над землей, так что вряд ли бы стоило ожидать, что Лорна туда допрыгнет.

Только потом я прислонился к стене и медленно задышал, чтобы успокоиться.

Что за демоны меня попутали год назад сделать этой сумасшедшей пару комплиментов и пригласить на прогулку? С тех пор Лорна вбила себе в голову, что я должен стать ее женихом. А что я до сих пор не сделал предложение – так это страх перед ее отцом, всемогущим бургомистром Вайля.

Ох уж эти провинциалки...

Естественно, не было и никакого длинного списка соблазненных мной вайльских девиц. По той элементарной причине, что если бы я всерьез подбил клинья хоть к какой-нибудь, то на следующий день Лорна выцарапала бы ей глаза. Подобный эксцесс уже чуть не произошел однажды, и я понял, что не готов стать невольным соучастником чьего-то убийства.

Кстати, об убийствах. Похоже, в Вайле планировалось одно – убийство вкуса.

Я нехотя наклонился и поднял бумажку, которую перед уходом сунула Лорна. На шершавом картоне витиеватым шрифтом было напечатано мое имя. Так и есть, официальное приглашение на бал. Явно не подразумевалось, что его мне должна доставить лично дочь бургомистра, но она не смогла отказать себе в этом удовольствии.

Празднество уже через неделю. Бургомистр расстарался ради дорогого гостя. Проклятье, и ведь если пропустить, то будет еще больше слухов – отчего это Тарен Силвейн, не пропускающий ни единого повода поразвлечься, вдруг проигнорирует бал в честь архея Коллара.



Придется там быть. И, надеюсь, это не какой-то хитрый ход в игре Паука.

## Глава 13

### Эйри

– Эйри! Пойдешь сегодня в город?

На лавку рядом уселся кто-то тяжелый, так что доска крякнула. Я на миг оторвалась от учебника.

Конечно же, Уин. Почти единственный, кто меня удостаивал вниманием всю прошедшую неделю.

Я перелистнула страницу, притворяясь, будто не заинтересовалась его предложением, и скучающим тоном спросила:

– Зачем?

– Сегодня бал у бургомистра, – заговорщицким шепотом сообщил он. – Весь преподавательский состав соберется там. Даже кое-кто из старшекурсников приглашен. Вечерние занятия в честь этого отменили.

Я все-таки закрыла книгу и взглянула на него.

– И что?

– Ну! – Уин сделал круглые глаза, поражаясь тому, какая я недогадливая. – Вечером в академии будет пусто! Ребята собираются удрать в Вайль и поразвлечься там.

О, ну конечно. Главная мечта тех, кто планировал урвать от учебы все, включая отвязные вечеринки в городской таверне. Которые вообще-то были запрещены. Как и любые самовольные отлучки из академии. Я постоянно забывала об этом, потому что прислугу частенько гоняли в город по мелким поручениям. Но если на этом ловили студента, то первый раз выносили предупреждение. Второй раз – провинившийся отправлялся на ковер не к кому-нибудь, а к самому ректору. Третий – и можно было смело укладывать вещи в дорожные сундуки.

– Что-то мне подсказывает, коменданта общежития на бал не пригласили, – заметила я. – Вместе с охраной.

– Хоэл говорит, это не проблема.

– Ах, Хоэл...

Я выглянула из-за окружающих меня завалов учебников на юркого парня, который о чем-то шушукался с половиной курса.

Победитель забега оказался любителем быть первым во всем. Похоже, и в развлечениях тоже.

– Тебя тоже зовут, – доверительно шепнул Уин. – Если ты хочешь, конечно.

– А много тех, кто не хочет? – сразу заинтересовалась я.

Одно дело – когда на преступление идет весь курс. И другое – всего треть или даже четверть. Особенно если того курса – восемь человек.

– Хит и его старший брат, как и некоторые старшекурсники, приглашены на бал, – пояснил Уин. – Из остальных кое-кто сомневается. Думаю, ты сама понимаешь, что чем нас будет больше, тем лучше. А еще, – он понизил голос до едва различимых звуков, – кое-кто из старшекурсников тоже собирается в Вайль. Они покажут нам место, где можно перелезть через стену, и прикроют нас.

– Чтобы, если что, свалить все на нас, ага.

– Ректор же всех нас из академии не выкинет! Соглашайся!

Глаза у Уина горели жадой приключений. А я колебалась.

Их-то не выкинут. Но я же не аристократ. Силвейн будет сильно недоволен, если обо всем прознает. К тому же он намекнул на днях, что, дескать, ректор был недоволен «послаблениями», которые мне оказывают. Логично – я пока ничем свой талант наездницы не подтвердила, а пользуюсь возможностями, которых нет у гораздо более привилегированных учеников. Не примут ли ко мне чересчур суровые меры в назидание для остальных?

Неожиданно над стеной книг, окружавшей меня, возникло смуглое и острое, похожее на беличье, лицо Хоэла. Юноша мне подмигнул.

– Идешь с нами? Не волнуйся, главного зануды не будет, веселье никто не испортит.

Зануда – это, видимо, о Хите. Что ж, без него всяко лучше, но Силвейн...

Я вдруг рассердилась. Силвейн сегодня будет отплясывать на балу с той душной красоткой. А я всю неделю головы от учебников не поднимаю, чтобы догнать по учебе сокурсников. Можно же и мне хоть один выходной?

А что важнее всего – когда еще выдастся такой случай, чтобы однокурсники сами куда-то позвали меня, та-хея? Прошла неделя, а

они не торопились включать меня в свой круг. Уина, впрочем, тоже, но он в каком-то смысле тоже был магом – обладал даром со всеми найти общий язык.

Хотя, наверное, если бы он не общался со мной, ему было бы проще влиться в команду. А я ничем не помогала, только чуть хуже не сделала, когда попросила не распространять глупые слухи о том, что я магесса. Уин тогда здорово обиделся и сказал, что хотел как лучше.

Я взглянула на него и твердо ответила Хоэлу:

– Иду.

Парень весело хлопнул в ладоши, оглядывая учебную аудиторию. Профессор Бранвен уже давно ушла, и мы были предоставлены сами себе.

– Ну что, мы почти все в сборе, – объявил Хоэл. – Мади, осталась одна ты. Пойдешь с нами?

– Для тебя – леди Мади, – отсекла она, отточенным движением поправив белокурую прядь. – И я приехала сюда не развлекаться, а учиться. Удачно всем вам... провалиться на экзаменах.

Девушка подхватила свои учебники и с гордо поднятым подбородком вышла из аудитории. Хоэл присвистнул, но скорее печально.

– Что ж, увы, леди Осенняя Стужа отпадает. Займемся разгулом в неполном составе.

– А она нас не сдаст? – спросил Гвиллим, тот самый юноша, чей родственник служил в королевском дворце.

Неожиданно Мади высунулась из-за двери, за которой успела скрыться.

– Я отличница, а не крыса! – возмутилась она.

– Верим-верим, ты зубр, потому что постоянно зубришь, – успокоил Хоэл и оглядел нас всех. – Собираемся сразу после захода солнца в общежитии, в моей комнате. Всем быть готовым к разврату!

Кто-то засмеялся, кто-то поддержал шутку боевым кличем. Я хихикнула и поймала на себе улыбающийся взгляд Уина. Всеобщий подъем вселил хорошее настроение и в меня.

Закат, как и утверждал Силвейн, оказался полностью здоров, лакомства ему не навредили. А если сегодня все пройдет хорошо, то я по-настоящему стану частью курса. И тогда, пожалуй, еще одна маленькая мечта сбудется...

## Глава 14

Когда живешь в горах, заход солнца становится сложно вычислимой штукой. Внизу, в долине, ночь наступала раньше, чем у нас, на Львиной Голове. А на Орлиной – еще позже, поскольку это была самая высокая вершина среди всех окрестных гор. Когда преподаватели говорили, что бал у бургомистра Вайля начнется на закате, это было совсем не то же самое время, когда мы собирались в комнате Хоэла, хотя делали это тоже на закате.

Я прошмыгнула к нему одной из первых и с интересом разглядывала обстановку. Забавно, что она ничем не отличалась от моей – та же самая простенькая мебель, та же расстановка. Всех студентов одинаково держали в ежовых рукавицах. Только учебники Хоэл раскладывал аккуратнее меня, будто по линейке.

Наши собрались быстро. Запыхавшийся Гвиллим ворвался с последним лучом солнца, который сверкнул за горами.

– Видел, как комендант идет к себе, – сообщил он.

– Прекрасно, – Хоэл со зловещим видом потер ладони. – У него время традиционного вечернего чая. А там ему кое-кто из старшекурсников подлил сонное зелье. Комендант продряхнет без задних ног до полуночи. К этому сроку мы обязаны вернуться.

– Это что у тебя за друзья такие? – удивился Гвиллим.

– Лучше не знать их имен, – подмигнул Хоэл. – Опоить коменданта – это не то же самое, что погулять пару часиков в городе. Наказание будет строже.

– Дело ведь не только в том, чтобы опоить коменданта, верно? – прищурилась я.

Сонные зелья – вещь недешевая. Еще и не в каждой аптеке найдешь. Повар Мабон жаловался на бессонницу, и я знала, что аптекарь Вайля специально извещает его, когда туда заводят это лекарство. Конечно, студенты здесь учатся обеспеченные, кто-то мог купить зелье и привезти с собой. Но что-то мне подсказывало, что история совсем иная.

Хоэл сделал вид, что задумался.

– Признавайся, это ты сейчас с помощью магии мои мысли прочитала?

На миг я испугалась, что он спрашивает всерьез. После того случая с Уином мне стоило огромных усилий убедить всех, что никакими грифонами я не управляла. Но в глазах Хоэла плясали такие веселые огоньки, что я сразу поняла – он шутит. И с облегчением выдохнула.

– Я же тут проработала два месяца. Кому, как не мне, знать, что в академии туго с сонными зельями?

Юноша картинно воздел руки к небу.

– О, у нашего та-хея столько скрытых талантов – она еще и умна! Ладно, я вам расскажу, но молчок, – он прижал палец к губам и дождался наших кивков. – Эйри права, дело чуть посерьезнее. Кое-кто из студентов покопался в запасах старого архея, когда тот умер. Никто не вел учет его склянкам, и пропажу не заметили. Но если новый архей выяснит, что у старшекурсников запас магических сюрпризов, да еще полученных незаконным путем, мало не покажется всем. Поэтому осечек с нашей стороны быть не должно.

Все закивали. Коллар ни у кого симпатии не вызвал. Преподаватели странно кривились, когда кто-то упоминал его имя, а студентов он немного пугал. Архей, похоже, вознамерился во что бы то ни стало найти среди учащихся академии эн-хея. Он без предупреждения приходил на тренировки и равнодушным «безглазым» взглядом наблюдал, как старшекурсники учатся летать на грифонах.

Присутствие незнакомца тревожило молодых грифонов, но еще хуже, что оно вселяло неуместное рвение в студентов. Так, по крайней мере, считали преподаватели. Они говорили об этом между собой, но не пытались принизить тон, так что бо́льшую часть подобных обсуждений слышали и мы. Произошло уже несколько несчастных случаев из-за того, что студенты пытались выделиться перед археем и выполняли трюки, к которым еще не были готовы – ни они сами, ни грифоны. Кто-то сломал руку, кто-то – ногу, один грифон повредил крыло. Вопли преподавателя Куланна, распинающего нерадивых учеников, с тренировочной площадки на Орлиной Голове были слышны аж у нас внизу. Вина лежала, разумеется, на самих студентах, однако ректор тихо ругался, что, если бы не молчаливое подзуживание

отдельных личностей, учебный год начался бы так же спокойно, как и всегда.

К нам Коллар пока не пришел ни разу. Кажется, архей был уверен, что величайший маг должен быть наездником, а первый курс еще даже в глаза грифонов не видел. Ну, вернее, видеть-то мы их видели – в небе, когда над головой стремительно пролетали старшекурсники или матюкающиеся на них преподаватели, но подходить к королям небес нам по-прежнему запрещали.

Для всего курса это было страшное разочарование. Вот они, уже на Львиной Голове, за образование выложены огромные деньги, а грифонов даже потрогать нельзя! Наверное, потому Хоэл и решился на отчаянный шаг в отсутствие преподавателей.

Я думала, что он выложит нам план действий, но юноша молчал, к чему-то прислушиваясь. Когда за окном каркнула ворона, его смуглое лицо просветлело.

– Пора. Комендант выпил свой чай. Итак, нас шесть человек. Делимся на пары и вылезает из окна. Встречаемся внизу, за кухней. Я пойду последним, обязательно дождитесь меня. Надеюсь, деньги все взяли? – спохватился он.

При этом Хоэл посмотрел на меня. А вот это было уже обидно, так что я его взгляд проигнорировала. Может, для богатеньких мальчиков я нищенка, но лето честно отработала на кухне, и причитающееся мне выплатили. Да и контракт с Силвейном подразумевал, что, хоть я ему и должна, деньги на карманные расходы мне давали. В общем, на кружку сидра в таверне мне точно хватит.

– Не такие уж мы дураки, – проворчал веснушчатый Брейт – юноша, который с первых дней стал закадычным другом Гвиллима.

Оба были высокими, худыми и темноволосыми. Первое время я не могла отличить одного от другого и запомнила лишь благодаря веснушкам, которыми был густо покрыт Брейт и которые отсутствовали у Гвиллима. Именно эти двое в первый день учебы обнаружили, что они дальние родственники.

– Да кто вас знает, – честно ответил Хоэл и скомандовал: – Ну, первые пошли!

Все засуетились, потому что никто не успел разбиться на пары. Я вопросительно взглянула на Уина. Он сразу, не церемонясь, взял меня

за руку. Но Гвиллим и Брейт успели раньше, начав залезать на подоконник.

– Ветра вам под крылья, – напутствовал Хоэл традиционным пожеланием наездников, словно два товарища уже окончили академию.

Ребята бесшумно спрыгнули на землю и скрылись за углом. Хоэл отсчитал в уме сколько-то мгновений.

– Следующие!

Мы с Уином были готовы. Он первым выбрался наружу и галантно подал мне руку. Это было очень кстати. Быстро темнело, и я плохо видела, что под ногами. Широкая, крепко держащая меня ладонь придала уверенности.

– Шевелитесь! – прошипел сверху Хоэл. – Мы должны успеть до окончания сумерек!

Замечание было разумным. Сумерки здесь, на Облачных вершинах, были короткими. Замешкаемся – потом уже попросту ничего не увидим, а надо еще как-то перелезть через стену, которая окружает академию.

Мы с Уином, который по-прежнему держал меня за руку, заторопились к углу здания. Дальше дорога вела на площадь перед главным – учебным – корпусом и затем к воротам. Фигуры Гвиллима и Брейта виднелись впереди – парни быстро шли под аркой. Я уже двинулась следом, но Уин вдруг меня остановил. Глаза его блестели.

– Ты же здесь работала? Может, есть другой путь к кухне, покороче?

Я с опаской глянула на него.

– Если и есть, мне об этом неизвестно.

– Жаль, – вздохнул он. – Могли бы попасть туда первыми. Но вторыми, пожалуй, даже лучше.

Я пожала плечами. Вот уж в чем не видела разницы, так это в том, какими поспеть к кухне.

– Идем, пока следующая пара нам в спину не уперлась, – поторопила я.

Уже выйдя на площадь, я поняла, что Уин в чем-то был прав. Ночной сторож, присматривающий за студенческим общежитием, не видел никого из нас спускающимися с крыльца. Но остальным ничто не мешало заметить, как студенты парочками на ночь глядя минуют



внутренние ворота. Все здания на Львиной Голове – учебный, преподавательский корпуса, даже архейский и ректорский дома – были повернуты к воротам: кто фасадом, кто боком.

Слава милостивой Энеде, почти нигде не горело ни огонька. Окна оставались темными – все, кроме прислуги, уехали на бал. А если кто-то из оставшихся и удивился, что студенты по парам спускаются с горы, то значения этому не придал.

Тем временем тьма сгущалась. Облако, кольцом окружавшее Орлиную Голову, к ночи спустилось ниже, опять «съев» вершину Библиотечной башни. Я невольно подумала, что она похожа на привязь, за которую держится туча-конь, чтобы не улететь в небо и не развеяться.

Это было нам на руку. Тех наших товарищей, кто пойдет следом, уже с трудом получится разглядеть, хотя вокруг горы сумерки еще сливками растекались в воздухе.

Мы с Уином молчали, сосредоточенно перебирая ногами и при этом стараясь выглядеть расслабленными на тот случай, если нас заметил кто-то из прислуги. Получалось не слишком хорошо даже на мой непритязательный вкус. А тут еще и голоса рабочих, как назло, раздались впереди. Переговариваясь, мужчины неторопливо поднимались на Львиную Голову.

Проклятье! Дорога ведь всего одна, и она узкая!

Уин замер, нервно оглянувшись назад. Следующая за нами пара пока не появилась. Может, они успеют спрятаться. Но нам-то что делать? Правила академии не предполагали, что после сумерек студенты могут свободно разгуливать по территории.

Я сориентировалась первой. Слева путь обрывался. Туда нельзя было идти, если мы не хотели свернуть себе шею, проехавшись по крутому склону. Справа росли кусты. Тоже не самое приятный вариант, но если продрасться сквозь них, то чуть дальше будет авиарий. А там уж я знала все тропки.

– Сюда, – на сей раз я сама взяла Уина за руку и потащила вправо.

– Спрятаться хочешь? Кусты низкие и редкие, – уперся он. – Нас будет видно. Рабочие точно что-то заподозрят.

Я набрала в грудь воздуха, но времени на объяснения катастрофически не хватало. Рабочие, подсвечивающие себе дорогу

фонарем, уже почти добрались до нас. Вот-вот – и луч света выхватит наши фигуры из темноты.

– Доверься мне!

Я снова дернула его за руку, однако друг не сдвинулся с места, продолжая стоять на дороге и сопеть. Меня это рассердило.

Ну и дурак! Сама спрячусь, а он пусть расхлебывает как хочет!

Я ринулась в кусты, стараясь не слишком громко шуметь листвой. Трудностей это не доставило. Я и так не отличалась пышностью, а за неделю учебы, кажется, еще больше похудела, так что через зеленую изгородь просочилась почти беззвучно. Лишь руку оцарапала сухой веткой. Повезло, что это не барбарис, а то еще и форму разодрала бы колючками.

Стоило выбраться на свободное пространство, как позади раздался шум. Уин! Он все-таки одумался! Ну или побоялся торчать на дороге и решил последовать моему совету. Только друг был намного шире меня в плечах, поэтому о такой же аккуратности, как у меня, и речи не шло. Я всерьез испугалась, что он сейчас там или застрянет, или сломает всю зеленую изгородь, но, к счастью, обошлось.

Добежать до авиария мы уже не успевали. Когда Уин продрался сквозь первую линию зарослей, я схватила его за руку и дернула вниз, присаживаясь сама. Если на то будет воля богов, нас не заметят!

– Что за шум? – удивился один из рабочих, проходя мимо нас и оглядываясь на кусты. – Как будто косуля промчалась.

– Какие тут косули, – рассмеялся второй. – Академия огорожена. Может, глухарь залетел. Или другая какая птица. Мало их тут, что ли?

– А с той стороны не авиарий? – засомневался третий и зловеще добавил: – Там грифон днем и ночью сетку рвет...

– Уже несколько лет рвет, – беспечно объявил второй, видимо, работавший в академии дольше всех. – Новый архей только сегодня утром плетения магии на авиарии обновлял. Я сам видел, как он там ходил вокруг и руками водил в воздухе.

– Может, зарядку делал, – проворчал первый. – Много ли ты в магии соображаешь?

– Да я сам слышал, как он ходил на днях к ректору жаловаться, что плетения на авиарии еле-еле держатся и что преподаватели запустили защиту, – обиделся тот. – Вот, наверное, его и отправили дела в порядок приводить.

Рабочие прошли мимо, и голоса стихли. Я с облегчением выдохнула, но слова второго слуги породили легкое беспокойство в глубине души.

Вроде бы в интересе архея к авиарию ничего удивительного не было. Если такой вредный грифон, как Кусачка, вырвется наружу, мало кому не покажется, поэтому обновление магической защиты – задача, без сомнений, важная.

Только вдруг Коллар на самом деле присматривался к Закату? Задуматься там было о чем. Несколько месяцев назад все дружно махнули рукой на грифоненка и сплавили его в клетку, чтобы он там тихо и незаметно умер. А он набирается сил, растет не по дням, а по часам, еще и хозяйкой обзавелся. Подозрительно? Конечно, подозрительно.

Впрочем, прямо сейчас передо мной лежала другая проблема, а об архее можно будет поразмышлять и завтра.

– За мной, – шепотом позвала я и потянула Уина к авиарию.

– Точно? – с сомнением уточнил он таким же тихим голосом.

С каждым мгновением мрак сгустился. Уже совсем перестало быть видно, что находится под ногами, а мы шли отнюдь не по мостовой, как раньше.

– Точно, – заверила я. – Видишь, впереди темнеет бок здания? Это авиарий. Обогнем его и вновь спустимся на дорогу, а потом уже к кухне. Если вернемся на дорогу сейчас, рабочие могут услышать, как ты с шумом продираешься через кусты. И теперь уже обязательно пойдут выяснять, что тут происходит.

На сей раз Уин колебался недолго.

– Веди. Если застукают, скажем, что ты хотела показать мне авиарий.

Мне это снова не очень понравилось – получалось, что вся вина будет на мне. Однако спорить я не стала и мнение свое придержала при себе.

Может, Уин всего лишь неудачно сформулировал мысль. Да и если нас не застукают, то вообще ничего говорить не придется.

Время поджимало, и мы торопливо зашагали к зданию впереди. На фоне горы нас не должны были заметить, поэтому больше мы не пригибались. В темноте за обувь цеплялись ползучие травы. Еще и ветер подул неприятный, куснув за руки осенним морозцем.

Я поежилась. Воодушевление от предстоящего веселья вместе с однокурсниками стремительно таяло. Как-то все неудачно начиналось. Еще и холод этот... Я уже слышала, что снег в горах выпадает рано и держится долго, а на некоторых вершинах и летом не сходит, но возникло странное ощущение неправильности. Что-то шло не так, как должно. И дело даже не в том, что мы чуть не попались рабочим.

Взгляд поднялся к небесам. Глупая затея – из-за вечно зависших над Орлиной Головой облаков звезд было не увидеть. Но мне вдруг будто пощечину дали. Я пораженно уставилась вверх.

Туманный венец Облачных вершин опустился еще ниже. В нем, словно проглоченные, пропали внутренние ворота, он полностью накрыл Львиную Голову и медленно сползал ниже по склону, почти догнав нас с Уином. А ведь вечер был ясным. И вдалеке еще получалось разобрать края чистого звездного неба. Не было никаких причин, почему туча начала окутывать всю гору, но это происходило.

И этот странный холод, который покусывал меня за руки. Он поднимался все выше и выше... пока не схватил меня за горло.

Я вскрикнула, вполне отчетливо ощущая, как мою шею что-то сдавливает. Взмахнула рукой, но там не было ничего. Ничего!

– Что с тобой? – взволнованно спросил Уин, обернувшись. – Споткнулась?

Я помотала головой, хотя не была уверена, что он заметит это движение в темноте. Но из горла шел только сип.

На глазах выступили слезы. Сердце от испуга заколотилось так, будто было готово выскочить из груди. Я ничего не понимала. Что со мной – приступ неизвестной болезни? Я не раз слышала, что люди, бывает, без причин умирают во сне или падают прямо на улице, а потом уже не встают. Но обычно все эти истории рассказывались о тех, кто значительно старше. Неужели и мне суждено вот так внезапно умереть?

Или это какая-то магия?

Невидимые когти, сжимавшие мою шею, отпустили ее так же неожиданно, как вцепились. Я тяжело задышала, приходя в себя. Перед глазами плясали яркие пятна. Я с трудом разобрала сквозь них Уина, который, оказывается, махал ладонью у меня перед лицом.

– Эйри! Эйри! Ты чего встала как вкопанная? Ты обидела моего ребенка!

– Что? – ошарашенно переспросила я.

У Уина есть дети?

«ТЫ ОБИДЕЛА МОЕГО РЕБЕНКА!»

Прозвучавший прямо в голове крик был таким громким, что я дернулась. Только теперь я поняла, что фраза о ребенке принадлежала не моему другу, который продолжал растерянно стоять рядом. Кто-то ментально на меня воздействовал!

Такое умели только маги, но Коллар сейчас должен был находиться на балу. Да и детей вроде бы у него не было. По крайней мере, нигде в Небесной академии. Как я могла обидеть кого-то из них?

К тому же вопль, все еще эхом отдававшийся в ушах, был женским.

Запоздало я вспомнила, что еще на слияние разумов способны грифоны...

В лицо ударил порыв ветра. Я отпрыгнула инстинктивно, хотя уже начала понимать, что именно происходит. А когда на траву, разорвав плотное полотно тумана, приземлился взрослый грифон, в голове озарением сверкнула догадка.

Это же мать Заката! Кто еще из королев неба мог бы накинуться на меня из-за своего ребенка?

Я взвизгнула, пошатнувшись из-за того, что почву трянуло. Грифоница рухнула камнем, а весила взрослая особь никак не меньше откормленного тяжеловоза. В темноте она казалась упавшей рядом с нами скалой. Черные глаза зловеще сверкали обсидианом.

Уин заорал. Я его за это ничуть не осуждала. Сама бы так вопила, если бы с ног меня не сбил удар крыла.

Перья Заката на ощупь были мягкими, как шелк, но близкое знакомство с крыльями взрослого грифона мне не понравилось категорически. В бок словно врезали битой. Я кубарем покатила по склону. Только это меня и спасло от клюва, который понесся ко мне отнюдь не с добрыми намерениями. Грифоница, промазав, ткнулась мордой в землю и возмущенно заклекотала.

Моя «поездка» по траве закончилась почти у стен авиария. Было больно, расцарапала я себе уже не только руку, а отбила, кажется, вообще все, что можно. Но вместо того, чтобы лежать и стонать, тут же подскочила и понеслась к авиарию.

Когда за тобой гонится разъяренный грифон, не время валяться на травке!

О том, чтобы дать грифонице отпор, не могло быть и речи. Задохлика вроде меня она располовинит одним ударом когтистой лапищи. Единственное, что я могла сделать, это спрятаться. Авиарий не только находился ближе всего – на нем лежала защита от грифонов. Правда, подразумевалось, что они не должны выбраться наружу. Но ведь и снаружи внутрь они в таком случае вряд ли попадут, верно?

Мне оставалось только завернуть за угол. И там – спасение.

Заскользив по гравийной дорожке, которая быстро намокала из-за опустившейся ниже обычного тучи, я ринулась к дверям, над которыми болтался тусклый фонарь...

Святые воды Фиреннэна! Закрыты! Мало того, на них висело сразу три цепи с массивными замками! А стражник, который днем следил за порядком, видимо, давно ушел спать.

Изнутри слышались клекот и царапанье. В створки с той стороны кто-то толкался, причем так слабо, что ворота едва шевелились. Закат, милый... Услышал мать и помчался к ней...

А она уже настигла меня.

Одним прыжком зверь сократил между нами расстояние. Я развернулась и прижалась спиной к деревянным воротам. От страха начало трясти, но сжиматься в комок и плакать я не собиралась. Умру, глядя в глаза той, которая бросила своего сына, а теперь нападает на единственного человека, что о нем заботился!

Ах, если бы грифонов можно было усовестить всего лишь взглядом! Тварь взмахнула лапой, намереваясь размазать меня по стене. В свете фонаря зловеще сверкнули острые когти...

«СТОЙ!»

Приказ прозвучал и в моих ушах, но голос больше не принадлежал грифонице. Он был мужским – и при этом знакомым.

Туман колыхнулся, расступаясь. Из темноты выскочила гибкая мужская фигура. Фонарь на воротах авиария высветил синий камзол. Человек не был вооружен, но бесстрашно встал между мной и зверем и уже вслух повторил:

– Стой, Забава!

Силвейн!

Грифоница действительно остановилась, но лапу опускать не торопилась и угрожающе урчала, не спуская с меня злых черных глаз. Неожиданно Силвейн шагнул к ней и смело схватил ее за лапу.

– Успокойся, Забава! Лети домой!

Грифоница мгновение смотрела на него, затем втянула когти, опустила лапу и неуверенно попятилась. Затем воровато оглянулась, будто проверяла, не заметил ли кто-нибудь устроенной ею сцены, и...

Просто взлетела в небо, мгновенно исчезнув в облаке.

Ноги больше меня не держали. Я сползла вниз по воротам, прямо на усыпанную мелким гравием дорожку. Сердце колотилось так, что впору выскочить из груди.

Силвейн развернулся и склонился надо мной. Сильные руки тряхнули за плечи, синие глаза с беспокойством всмотрелись в мое лицо.

– Ты в порядке, Эйри? Не ранена?

– Нет, – я замотала головой, все еще пребывая в шоковом состоянии.

Почему грифоница на меня накинулась?.. Как это вообще могло произойти?..

Снова зашуршал гравий. Я встрепелась, сообразив, что от испуга начисто забыла о Уине, но это был не он. К нам с ошалевшим видом бежал ночной сторож.

– Господин Силвейн! Что здесь случилось?

– Авиарий открой! – не ответив, приказал тот.

Покровитель подхватил меня на руки, не успела я охнуть или воспротивиться. Легко, как тряпичную куклу, он перенес меня в сторону и аккуратно положил на траву.

– Тебя точно не зацепило? – вновь мягко спросил Силвейн.

– Точно, – уверила я и попыталась встать на ноги.

– Куда несешься? – тут же прикрикнул он. – Лежи! Сейчас вызову лекаря, пусть он сначала тебя проверит!

– Но там...

Силвейн проследил за моим взглядом и издал мученический вздох.

Сторож уже снимал последний замок с ворот и распахивал створки. Как я и думала, с той стороны шкрябал Закат. Он не перестал этим заниматься, даже когда его мать улетела. Наоборот, завидев меня,

он стал подпрыгивать и издавать отрывистые звуки, похожие на карканье и одновременно на лай.

Волновался за меня? Или это злость?

Мне ужасно хотелось еще побыть в объятиях Силвейна и чтобы он вот такими встревоженными глазами смотрел на меня. Но сейчас были дела поважнее. Неловко извернувшись, я попыталась встать на ноги. Они были такими ватными, что, наверное, я ляпнулась бы обратно, если бы покровитель не поддержал.

– Иди, – неохотно сказал он. – Беги к Закату.

Голос его прозвучал как-то странно, но думать об этом было некогда. Я в самом деле поспешила к грифоненку – он-то ко мне выйти не мог из-за заклинания, перегораживающего вход.

Стоило сделать шаг внутрь, как Закат напрыгнул на меня, сбивая с ног. Я плюхнулась на землю, а грифоненок навалился сверху и, пища, принялся тереться о мою щеку пушистой и теплой головой. Мелкий разбойник был цел и абсолютно здоров, он всего лишь по мне соскучился.

Вот тут я наконец сдалась и расплакалась.



## Глава 15

### Силвейн

Девчонка сидела на моей кровати прямо с ногами, держа в руке большую кружку с горячим шоколадом. Смотрела она на него так, как будто видела впервые в жизни. Я этого не исключал – лакомство было слишком дорогим для бедняков, – но ни капли не жалел отдавать его Эйри. Сверху я еще и укрыл ее пледом.

Прошел уже почти час, а девочку до сих пор потряхивало. Какой бы бесстрашной она ни казалась в тот миг, когда, словно древняя воительница, перед воротами авиария развернулась к взбешенной грифонице, Эйри была всего лишь юной девушкой.

А я едва не опоздал...

Раздался стук в дверь. Почти сразу она распахнулась, и в проеме показался Куланн. Эйри вздрогнула, дернулась встать с кровати, но я положил ей ладонь на плечо.

– Сиди и пей. Я скоро вернусь.

Она кивнула и вновь сгорбилась над кружкой, осторожно дуя на источающую пар жидкость. Я с трудом подавил желание погладить девчонку по волосам. Она бы поняла это неправильно. Вернее, как раз таки правильно, но...

Не ко времени это сейчас.

Я последний раз бросил взгляд на Эйри. Меньше всего хотелось сейчас оставлять ее одну. Однако Куланн пришел не просто так, и проигнорировать того, кто его прислал, я не имел права. Поэтому я вышел в коридор, плотно затворив за собой дверь, и приветственно кивнул старому вояке.

Лицо у него было не в пример серьезным, в отличие от того случая с Лорной. Ситуация была совсем иной, и можно было не сомневаться, что в этот раз слухи насчет девочки, сидящей на моей постели, не пойдут. А даже если пойдут от кого-то другого, плевать. Я сейчас был готов что угодно сделать, не только одеялом ее укрыть, чтобы из огромных невинных глаз Эйри пропал страх.

– Все хорошо? – скупой спросил Куланн.

– Терпимо, – так же немногословно ответил я.

Когда это было необходимо, старый вояка становился удивительно понятлив.

И снова без лишних разговоров он отступил в сторону, открывая стоящего за ним человека ростом пониже. Я склонил голову перед ректором.

– Освальт.

– Тарен, – он махнул рукой. – Идем сюда.

Для разговора Куланн уступил нам собственную комнату, а сам встал снаружи удостовериться, что никто не подслушивает. Но ректор, вольготно сев в чужое кресло, все равно понизил голос.

– В общих чертах мне уже известно, что произошло. А теперь хочу услышать твою версию.

Должно быть, ему все рассказали по пути к преподавательскому корпусу. Академия стояла на ушах. Вернее, та ее половина, которая не уезжала на бал бургомистра или успела оттуда вернуться. Еще бы, беспричинное нападение грифона на студентку-первокурсницу, да еще на Львиной Голове, а не на Орлиной, – такое не случалось уже... Я сам не знал сколько. Может, и никогда. За пределами Облачных вершин всякое бывало, но не здесь, где преподаватели старательно поддерживали в равновесии договор, заключенный Арианом Наездником с королями неба еще двести лет назад.

Разумеется, это произвело... определенный шум. Я и сам принял участие в его создании, что уж там. Не оставалось иного выбора, кроме как сразу же после нападения отправить к ректору гонца. Освальта выдернули прямо с бала, он даже нарядный атласный костюм, расшитый золотом, не успел сменить.

– На Забаву наслали морок, – сказал я.

У ректора расширились глаза. Такой прямоты он от меня вряд ли ожидал.

Морок был заклинанием, призванным помутить разум жертвы. Она видела то, чего нет, слышала то, чего нет. Такое колдовство использовали и на поле боя, и в политике. В битве – посылали впереди войска иллюзорный отряд, чтобы выявить вражеские засады. В кулуарах дворца – перекраивали расстановку сил всего одной удачно состряпанной сценой измены, которой на самом деле не было. Какой-нибудь граф видел соратника в объятиях своей обнаженной «жены», вспыхивал ревностью – и долой крепкий политический союз.

То, что Забава набросилась на Эйри, можно было объяснить только мороком. Грифоница не вспоминала о детеныше несколько месяцев, а если бы и вспоминала – девчонка Заката пальцем не тронула. Случись такое, малыш к ней не ластился бы сразу после нападения.

Единственный человек на много миль вокруг, который мог бы устроить нечто подобное, это Коллар. Проще говоря, я обвинял его в нападении на Эйри.

– Хочешь под монастырь нас всех подвести? Надеюсь, ты еще ни с кем своими сумасшедшими догадками не поделился? – прошипел ректор.

– Нет, только с тобой. Или тебе тоже врать прикажешь, чтобы вообще никто не был в курсе, что на самом деле происходит в академии? – огрызнулся я.

Серые глаза Освальта приобрели стальной оттенок.

– Прости, – тут же извинился я, осознав, что сболтнул лишнего. – Не знаю, что тебе рассказали по пути, но я-то все видел сам. Забава ее чуть не убила. Если бы не я, у нас на руках сейчас был бы растерзанный труп ни в чем не повинной девочки.

Взгляд ректора смягчился.

Он не хуже меня понимал, что для академии тогда настали бы тяжелые времена. Одно дело – когда студенту сначала дают основательную подготовку. Тогда, если он и получит травму от собственного грифона, можно объяснить это тем, что он не следовал инструкции или нарушил правила дрессировки. А когда грифон без видимой причины убивает только-только поступившего студента, к тому же на нейтральной территории, а не возле гнезд, это уже совсем иная история. Сколько богатеньких родителей задумаются о том, что может случиться на Облачных вершинах с их драгоценным чадом?

– Так, давай-ка начни сначала, – Освальт сцепил пальцы и положил руки на колени. – Ты ответил на приглашение на бал согласием. Какого демона ты оказался в это время в академии?

– У меня было дурное предчувствие, – неохотно признался я.

– Предчувствие, – выразительно повторил он.

– Да, это к делу не подошьешь, но оно же оправдалось.

Освальт вздохнул.

– Мы и так явно ничего к делу не пришьем, поэтому давай дальше. У этого твоего... предчувствия были предпосылки?

– Только намеки Коллара, что он твердо намерен отыскать эн-хея среди студентов. А сегодня они оставались, считай, без присмотра. Сам знаешь, что в такие дни обычно бывает. Я почувствовал, что неспроста всех преподавателей уводят из академии, и решил задержаться, плюнув на этикет.

Ректор поморщился.

– Ну, как бы я ни относился к «предчувствиям», ты оказался прав. Комендант уже ко мне примчался. Сообщил, что студенты пытались его опоить сонным зельем.

– Опять? – хохотнул я.

Ректор тоже позволил себе улыбку.

– Ага, каждый год одно и то же. Почему каждый курс думает, что он умнее предыдущего?

– У бедняги Шуана, наверное, на это зелье уже аллергия.

– Почти. Запах он за милю чувствует. Но тревогу поднимать не стал. Сказал, надо же дать ребятам расслабиться. Расслабились, – мрачно закончил Освальт.

Я покачал головой. Да уж, неудачное совпадение.

– Будешь их наказывать?

Он не думал ни мгновения.

– Если сами не начнут трепать языками – нет. Студенты должны думать, что у них есть свобода воли, а для создания крепкой команды нет ничего лучше, чем совместная попытка обдурить преподавателей и потом надраться. Хотя первокурсники что-то рано распоясались – всего неделя прошла. Обычно они ждут хотя бы пару месяцев.

Я хмыкнул:

– Да ладно?

Когда на первом курсе учился я, мы продержались пять дней, после чего воспользовались первой же возможностью и смылись в город. Точь-в-точь как это сегодня пытались сделать однокурсники Эйри. Она, разумеется, упорно молчала в ответ на все вопросы, что сегодня делала после наступления темноты у авиария. Но у того, кто восемь лет назад сам линял под покровом ночи в Вайль, сложить два и два проблем не составляло. Я даже знал, к какому именно участку стены Эйри и Уин шли в тот злополучный момент.

– Ваш курс был исключением. Еще бы, с тобой-то в заводилах, – Освальт развел руками. – Не удивлен, что именно твоя ученица тоже оказалась замешана в чем-то подобном в первые же дни. Но мы отвлеклись, – его голос посуровел. – Надеюсь, ты будешь очень тщательно выбирать слова, потому что такими обвинениями, как в начале этого разговора, без весомых доказательств не бросаются.

Я кивнул и помолчал, собирая мысли в кучу.

Говорить не хотелось. Во-первых, потому, что придется посвящать ректора в некоторые тайны, которые его не касались... раньше. Увы, это дополнение было критически важным. Мое противостояние с Колларом оставалось исключительно нашим с ним делом, пока от этого не страдала Небесная академия. А слух, что у нас здесь грифоны нападают на зеленых новичков, пойти ей во благо никак не мог.

Во-вторых, доказательств-то как раз у меня и не было. Только слова.

Весь мой расчет основывался на том, что Освальт – человек надежный и далеко не дурак. Когда я бросил Грифонью стражу и вернулся сюда, он не стал спрашивать, в чем дело. Многозначительно обронил, что истории в столице бывают разные, особенно с теми, кто носит высокий титул и лично знаком с королевской семьей, а здесь, на Облачных вершинах, всегда рады талантам. Когда я неожиданно пришел к нему с просьбой принять в академию та-хея, и это незадолго до начала учебы, ректор тоже не стал допытываться, зачем мне это надо, потому что девочка явно не была ни моей любовницей, ни внебрачной дочерью. Единственное, о чем он тогда попросил, это чтобы были соблюдены формальности, поскольку незаконных отпрысков богатеньких папаш к нам пристраивали учиться не раз. В том числе через самого Освальта.

В общем, он все понимал. Оставалось молиться богам, чтобы и сейчас он все понял правильно. Потому что, в-третьих и в-главных, Паук был проблемой не только для меня.

Коллар – архей, то есть один из сотни самых могущественных людей в Аэнвине. Бумаги о его назначении в Небесную академию подписаны самим королем. Я пригрозил Пауку, что при обострении конфликта король прислушается к наездникам, а не к магам, но в действительности не было никакой гарантии, что именно так и

произойдет. В любом случае архей мог устроить всей академии очень неприятную жизнь. А Освальту, естественно, это было не нужно.

И кто станет козлом отпущения, если что-то пойдет не так? Конечно, я. А еще прежде меня – Эйри. И если мне падать в грязь с высоты было не впервой, то девочке рушить судьбу не хотелось. Простолюдинка она или нет, я видел, с какой нежностью она смотрит на Заката и как набирает себе грудку учебников, чтобы поспеть за однокурсниками. С учетом сегодняшних событий оставлять Освальта в полном неведении насчет того, что происходит, было попросту неразумно.

Ректор же должен бороться за своих, верно?

Я собрался с духом и стал выкладывать:

– Это Коллар вынудил меня пристроить девочку...

– Вот это совпадение, учитывая цвет ее волос и неожиданный приезд сюда архея, – не пытаюсь скрыть язвительность, перебил Освальт. – Тарен, я тебя умоляю, время уже позднее, а дел невпроворот. Расскажи что-нибудь, о чем я сам не догадался.

– Хорошо. У Эйри есть магический дар.

А вот этого ректор не ожидал и удивленно посмотрел на меня.

– Чушь. Та-хеев всегда проверяют в детстве...

– Да-да, три раза, – перебил я. Пришла моя очередь подпустить желчи в голос. – Подтверждений у меня нет, но не сомневаюсь, что опять же Коллар устроил так, что во время проверок ничего не нашли.

– Извини, но тогда выходит какой-то бред. Зачем ему сначала беспокоиться о судьбе ребенка, а потом устраивать на него покушение с помощью грифона?

Я поморщился.

– Здесь что-то, чего я не вполне понимаю. Как будто не хватает кусочка мозаики. В чем я точно уверен, так это в том, что у Эйри дар. Слабый, неконтролируемый, но он есть. Ты давно заходил в авиарий?

Он фыркнул.

– Мне, по-твоему, заняться нечем?

– Загляни, – серьезно ответил я. – Тебя ждет большое удивление. Недоносок, на котором даже ты сам поставил крест, вымахал так, что уже догнал братьев по размерам.

Ректор устремил на меня настороженный взгляд серых глаз.

– Быть не может. Я его сам видел. Там было без шансов, иначе бы я не засунул его в авиарий. Мне казалось, Закат – предлог, чтобы ты мог доказать комиссии необходимость учебы девчонки. Грифоненок сдохнет – она просто выберет себе другого.

– Изначально я на это и рассчитывал, пока не обнаружил, что у них связь. Связь, Освальт. Не как у домашнего пса и его хозяина, а как у наездника с его грифоном. В противном случае Закат давно бы зачах. Сам знаешь, как это бывает. Здоров наездник – здоров и грифон. Я осматриваю его сам на протяжении нескольких недель. Не веришь мне – спроси ответственного за авиарий лекаря. Он подтвердит.

Освальт медленно кивнул, и я, выдержав паузу, продолжил:

– А теперь самое важное. Эйри слышала голос Забавы в своей голове. Грифоница упрекала ее, что она обидела ее ребенка. Ту же самую фразу слышал и я. Куланна спроси, он подтвердит. Он тоже не пошел на бал и был неподалеку, когда все случилось.

Ректор не рассмеялся. Это только для непосвященных звучало смешно. А у наездников это означало существование ментальной связи с питомцем. Причем многие выпускники академии не слышали ни одного голоса, кроме того, что принадлежит их собственному питомцу, а некоторые не могли похвастаться и этим. Однако мы с Куланном оба служили в Грифоньей страже, а это значило, что мы умеем чуть больше, чем большинство.

Усидеть в кресле Освальт больше не смог. Поднялся и принялся ходить по комнате туда-сюда.

– Доказательства? – коротко бросил он.

– Никаких, – я покачал головой. – Все по-прежнему только на словах.

Освальт замер у окна, отодвинул занавеску и многозначительно взглянул на клубящийся снаружи густой туман.

– Не думал, что придется напоминать историю кому-то вроде тебя, но многие века назад Туманный венец создавался эльфами именно для того, чтобы сбивать с толку людей, пытающихся подняться на Орлиную Голову. Ариан Наездник ослабил эффект, но не уничтожил его. А девочка успела вдосталь надышаться паров перед нападением...

– Да стал бы я тебе врать? – оскорбился я. – Эйри эти слова никто не подсказывал. Она первым делом кинулась к Закату проверять, чем

она умудрилась его «обидеть». Я сам не понимал, что происходит, пока она мне в слезах все не рассказала.

– А мальчишка? – вдруг спросил Освальт, буравя меня взглядом. – Мне сказали, рядом с ней был однокурсник.

– Он ничего не слышал. Бестолковый парень, как по мне. Сразу удрал в кусты и сидел там, пока я его буквально за уши не вытащил. Сидит сейчас в общежитии, у себя в комнате, ждет твоего вызова.

– Завтра с ним пообщаюсь, – отмахнулся ректор. – Так ты пытаешься мне сказать, что у нас под носом та-хей, которая безо всякой подготовки может наладить ментальную связь почти с любым грифоном?

– Ну, было бы хорошо провести дополнительные эксперименты, поскольку подтверждений моим словам нет, – не удержавшись, едко заметил я. – Но в целом да.

– Допустим. И почему, по-твоему, Коллар создал морок? Почему, кстати, ты вообще винишь в чем-то именно Паука? – с некоторым раздражением осведомился он. – Его даже в академии в этот момент не было. Он выехал от бургомистра следом за мной.

– Это тот самый пропавший фрагмент мозаики, о котором я упоминал. Коллар показался мне одержимым идеей найти эн-хей. Если это Эйри, ею будет очень удобно пользоваться – она еще молода, ее легко подмять под себя и навязать свою волю. Но зачем натравливать на нее Забаву... – я пожал плечами. – Если не брать в расчет первоначальные намерения Паука, то на самом деле это идеальный способ избавиться от Эйри. В обращении с грифонами она неопытна, поранила Заката, это почувствовала его мать и тут же отомстила за сына. Не подкопаешься.

– А ты уверен, что она действительно не причинила вреда малышу? – Освальт приподнял бровь. – Застукали ребят возле авиария. Ночью.

– Замки сторож открывал при мне. Закат был цел-целехонек и кинулся не к матери, которая о нем все это время и не вспоминала, а к Эйри, ластиться и курлыкать.

Ректор вздохнул.

– Столько лет здесь работаю, а всегда этому удивлялся. Вроде и звери на вид, а нрав – что у людей...



Видимо, он имел в виду Заката и Забаву. Такого имени грифоница удостоилась не зря. Ее дрессировка проходила с большим трудом – Забава предпочитала забавляться, а не выполнять задания. Ее пытались использовать для курьерской службы, но наездник быстро отказался от всех прав на нее и вернул грифоницу на Облачные вершины. Никто другой дрессировать Забаву даже не пытался, памятуя о ее легкомысленном характере. Благо проблем она не доставляла, в отличие от Кусачки или Гордеца, так что запирасть ее в авиарии не требовалось. И о недоношенном сыне Забава забыла быстро, хотя потерю детей грифоны переживают не легче, чем люди. Как говорится, с глаз долой – из сердца вон. А грифоненок, похоже, теперь видел мать в Эйри.

– Значит, ты подозреваешь морок, – пробормотал Освальт.

– Без чар Забава о сыне бы не вспомнила, как не вспоминала последние два месяца. А сторож сказал, что утром Коллар заходил в авиарий и какое-то время отирался вокруг. Сторож подумал, что архей проверяет качество магической защиты.

Ректор замолчал, наблюдая, как туман клубится за окном.

– А что, если мы с тобой ошиблись в первоначальных выводах и Коллар ей не отец? – вдруг произнес он.

– Ну, это объясняет, почему ему на нее плевать. Но убийство? – я покачал головой. – Мне это сложно представить.

– Тебе-то? – Освальт усмехнулся, странно глянув на меня. – С твоей историей?

Я встретил его взгляд с внешним спокойствием, но внутри меня укололо неприятное чувство.

Ректор не может знать правду обо мне. Я ему никогда не рассказывал.

Хотя у человека, который выпустил половину нынешней Грифоньей стражи, наверняка есть связи в столице. И кто-то мог передать пару слухов о том, почему мне на самом деле пришлось покинуть королевский дворец, а не потому, что якобы в меня влюбилась молодая королева...

Впрочем, какая разница. Знает Освальт что-то или нет, пока он молчит, все хорошо.

– Ты предполагаешь, что Коллар хочет избавиться от Эйри, пока ее не нашел настоящий отец? – уточнил я.

– Может, и так, – неопределенно ответил он и резко перевел тему: – Эйри сама знает, что у нее магический дар?

– Нет. Она уверена в обратном. И она не хочет в Белую академию, я спрашивал.

– Мало ли чего она не хочет, – недовольно отозвался ректор. – Если ее дар проявится, мы будем вынуждены ее сдать. Дальше наступит ответственность Коллара, а не наша.

Раз так, в качестве последнего довода придется надавить на ту мозоль, к которой даже прикасаться желания не было.

Я тоже встал, подошел к ректору и тихо заговорил:

– Ты не можешь не видеть, что дела в академии в последнее время плохи. Раньше сама мысль об авиарии казалась кощунственной, а сейчас там «прописаны» три грифона. Грифонят с каждым годом рождается все меньше и меньше. Академия была рассчитана на двести человек, сейчас учится сорок. Наш престиж падает. Эйри нужно защитить, Освальт. Она может стать великолепной наездницей. Лучшей из всех.

Он смерил меня косым взглядом и ухмыльнулся.

– Потому что у тебя не получилось?

Я нахмурился.

– Ее судьба мне небезразлична вовсе не поэтому. Я ей не отец, чтобы видеть ее продолжателем своего дела.

– Поверь, очень часто такие желания возникают вне зависимости от отцовства, – вздохнул ректор. – Вот у меня тут сорок с лишним детей, например... И всех нужно защитить. Не только одну особенную девочку.

Я уже собрался продолжить спор, но Освальт покачал головой:

– Не волнуйся, Тарен. Коллар у меня восторга не вызывает, и на поводу у него я не буду идти до тех пор, пока это вообще возможно. Девочка твоя еще никому, кроме тебя, не ляпнула, что слышала грифоницу?

– Никому.

– Вот пусть молчит дальше. Значит, сейчас делаем так. Доказать мы ничего не можем, в том числе и то, что Эйри не выявленный в детстве маг. К слову, я не думаю, что это правда. Ну слышит она других грифонов – и что? Ты тоже слышишь, уже на первом году

обучения начал. А Куланн только на четвертом слышал кого-то кроме своего Клыкача. Ты знал?

Я покачал головой. Старый вояка о таких вещах не распространялся. В той битве, где ему отчекрыжили пальцы, погиб и Клыкач. Куланн был так к нему привязан, что нового грифона заводить не стал и вообще предпочитал тренировать студентов на Львиной Голове, пореже поднимаясь на Орлиную.

– В любом случае девочку надо учить, иначе она по незнанию натворит бед. Слава Хедену, Закат пока еще слишком мал для ментального воздействия, но если, при ее-то способностях, вдруг произойдет слияние разумов, потеряем обоих. А раз ты ее в это втянул, по своей воле или нет, – острый взгляд Освальта был готов проткнуть меня насквозь, – то тебе и расхлебывать.

Я чего-то такого и ожидал, поэтому не расстроился.

– Хорошо. Еще что-нибудь?

– Не обостряй ситуацию с Колларом, – строго сказал ректор. – Не знаю, что за кошка между вами пробежала, но не забывай, что он одним движением пальца может здорово осложнить Небесной академии жизнь.

Тут уж я не выдержал и вздохнул.

– Ладно. К Эйри сейчас пойдешь?

– Надо, – он устало дернул вышитый шейный платок.

Никуда идти Освальту, естественно, не улыбалось. Подготовка к балу сама по себе была изнурительной, потом еще сам бал, вежливые расшаркивания перед горожанами и бургомистром, а вишенкой на торте – едва не случившаяся гибель студентки и срочное возвращение. То, что я поведал ректору об Эйри и Колларе, его тоже не могло порадовать.

Он вышел первым, сделав знак Куланну. Тот понял все без слов и подбадривающе улыбнулся мне. В коридоре собралась, наверное, половина преподавательского состава, и то, что нам никто не помешал, было заслугой грозного ветерана, который со сложенными на груди руками все это время охранял дверь.

Но одного человека он остановить не смог бы.

Люди расступились, пропуская Коллара. Он принарядился для бала, однако выбор костюма и его цвета сложно было назвать неожиданным – белая рубашка, белые брюки, белый же шейный

платок. Только камзол оторачивала черная лента. Когда Паук двигался, казалось, что это продолжение татуировки-паутины на его щеке.

При появлении архея гомон в коридоре сразу стих. Коллар и не пытался наладить отношения с преподавателями, поэтому бросаемые на него взгляды сложно было назвать дружелюбными. Видимо, Паука целиком и полностью устраивало, что у окружающих он вызывает страх и отторжение.

– Мне надо осмотреть девушку, – сказал он. Не попросил – поставил перед фактом. – Она может быть ранена.

– С ней все в порядке, – отрезал я.

Освальт тут же бросил на меня такой уничтожающий взгляд, что я замолк. В самом деле, только меня попросили не усиливать конфронтацию с Колларом, и я сразу же именно это и делаю.

– У Эйри уже был лекарь, – ответил ректор. – Она цела. Ссадины от падения ей обработали и смазали, опасности для ее здоровья нет.

– Не все травмы видны на поверхности, – Коллар отступить тоже не собирался. – Я должен проверить, нет ли ментальных повреждений.

– Применение магии только еще больше потревожит Эйри, и вот тогда у нас точно могут возникнуть проблемы с ее психическим здоровьем, – непререкаемым тоном произнес Освальт. – Я сам поговорю с ней и удостоверюсь, что все хорошо. А вас, достопочтенный архей, попрошу заняться Туманным венцом. Разве вы прибыли сюда не потому, что кто-то из археев должен следить за тем, чтобы древняя эльфийская магия вела себя как положено? Сегодня явно что-то пошло не так, и вы сами можете это наблюдать, выглянув за окно. Жду вашего отчета о происшествии и предложений, как это можно исправить.

Намек был весьма недвусмысленный. Лицо Коллара исказилось – и мгновенно вернуло выражение безразличия. Не сказав больше ни слова, архей поклонился и вышел.

Кажется, я один заметил, как с облегчением выдохнул Освальт.

– Прошу всех разойтись по комнатам, – громко обратился он к преподавателям. – Завтра учебный день, и он будет тяжелым. Все официальные объявления также будут сделаны завтра.

Все, кто здесь работал, уже знали, что это означает: сегодня к ректору подходить бесполезно, он предложит вернуться на следующий

день. Люди, ворча, начали расходиться, а мы с Освальтом вошли в мою комнату, где до сих пор сидела Эйри.

Шоколад она давно выпила, но продолжала держать кружку в руках. Завидев ректора, девчонка испуганно пихнула ее на комод и вытянулась по струнке, как солдат перед офицером. Освальт невольно усмехнулся.

– Вижу муштровку Куланна, – пробормотал он едва слышно и мягко улыбнулся студентке. – Здравствуй. Твой попечитель сказал, что ты не пострадала. Это правда?

– Здравствуйте, господин ректор! Правда! – отчеканила она.

Ректор рассмеялся, хотя я чувствовал, что это стоит ему усилий. Ситуация была такой, что не до смеха.

– Меня можно не бояться. Я пришел не ругаться, не отчитывать, а узнать, не нужно ли тебе чего-нибудь.

Лоб Эйри прорезала морщина. Девчонка, похоже, не верила, что ее не накажут за самовольную отлучку из общежития после захода солнца.

– Не нужно, – осторожно произнесла она.

– Хорошо. Я бы рад на этом и закончить, но сегодняшний инцидент потребует официального оформления. Поэтому, Эйри, завтра я вызову вас с Уином, чтобы мой секретарь записал все, что вы помните о происшествии. У вас будет достаточно времени, чтобы обдумать свои слова, – выразительно подчеркнул он.

Эйри вскинула на него удивленный взгляд, поняв, что Освальт имел в виду.

– Спасибо, господин ректор.

– Засим вас оставляю и прошу не задерживаться, – теперь уже Освальт внимательно посмотрел на меня. – Лекции и домашнее задание завтра никто не отменит.

Намек я проигнорировал. У меня не было и мысли делать ничего такого, о чем он подумал. Не тот случай, чтобы «успокаивать» студентку, заваливая ее в свою постель.

– Да, господин ректор! – вновь отчеканила девчонка, не сообразив, что фраза о лекциях была обращена не к ней.

Освальт направился к выходу, но уже возле двери остановился и повернулся к нам.

– Одна душа на всех, – сказал он.

Эйри непонимающе установилась на него, а я ответил:

– Одна на всех.

Девиз Грифоньей стражи. Туда брали не только тех, кто мастерски держится на грифоне, но в первую очередь тех, кто способен на ментальное слияние сразу с несколькими грифонами. Не зря во время учебы в академии из курса пытались создать единое целое. Потом, во время службы, у них действительно становилась одна душа на всех, потому что каждый чувствовал не только собственного грифона, но и всех, кто находился рядом с ним.

Еще эта фраза означала, что своих наездники не сдают.

Лучшего способа успокоить и придумать было нельзя. Я с облегчением сел на кровать и сказал Эйри, которая мялась рядом:

– Садись.

Она так устроилась на краешке, будто до этого не забиралась туда с ногами, еще и под плед. Застеснялась меня, что ли?

Смешная девчонка. Некоторым вон и приглашения не нужно, сами запрыгивают.

– Насколько все плохо? – убитым голосом спросила она. – Меня выгонят из академии?

Я фыркнул.

– И не надейся. Ты встала лицом к лицу со злоющей грифоницей – мало у кого на такое хватит выдержки. Жди, что Куланн теперь будет гонять тебя больше прочих. Это верный признак его любимчиков, а он любит смелых. Тех, у кого есть шанс попасть в Грифонью стражу.

– Но я та-хей. Таким, как я, там не место, – напомнила она.

Я многозначительно пожал плечами:

– Как я уже говорил, ты можешь совершить какой-нибудь подвиг, и ради тебя сделают исключение из правил.

А для женщин существовал и еще один способ – выйти замуж за аристократа. Но упоминать об этом при Эйри сейчас я не рискнул.

– Ректор точно не будет ругаться? – с болезненной гримаской уточнила она.

Соблазн ее поцеловать в этот момент был ужасным, так мило она выглядела. Я едва удержал себя в руках.

– Не будет, раз пообещал. Но советую очень хорошо продумать, что ты завтра ему скажешь. Зачем вы с Уином выбрались среди ночи из общежития, да еще без разрешения коменданта?

Подлинную причину я, конечно, уже знал. Но что ответит сама девчонка?

Она помялась.

– Я хотела еще раз показать Уину авиарий...

– Хватит, – раздраженно прервал я. – Все то время, пока за тобой гналась грифоница, парень просидел в кустах, а когда я стал его оттуда вытаскивать, он еще и попытался удрать. Уверена, что хочешь взять всю вину на себя?

Эйри насупилась.

– Но так оно и было.

– А на самом деле?

Она отвернулась.

– На самом деле.

Я вздохнул. Нежелание сказать правду кольнуло ядовитой иглой. Попечитель я Эйри или нет? С другой стороны, наездники своих не сдают...

Хотя, пожалуй, неприятнее всего было то, что девчонка заступилась за этого бестолкового мальчишку. С ним я уже пространно пообщался, и он взять на себя вину даже не подумал.

Выбрала же Эйри себе товарища. А может, и не товарища вовсе. Не зря же они всю неделю едва ли не за ручку ходят...

Зачесались кулаки, захотелось сплюнуть. Я сдержался, лишь хрустнул шейными позвонками, разминая шею.

Низко ты пал, Тарен. То к грифоненку ревнуешь, то к сопляку-первокурснику. А сам, как прыщавый подросток, боишься признаться девушке, что она тебе по душе.

Я запрокинул голову и, сам не ожидая этого от себя, выдал:

– Если этот парень пытался тебя соблазнить...

– Нет-нет, что вы, – испугалась девчонка. – Все было совсем не так! И вообще ничего такого между нами нет!

Взгляд у нее был честный. Я вздохнул и перевел тему:

– Пока никому не говори, что ты слышала голос Забавы. Это яркий признак твоего таланта, но не все поверят, что это правда. Обычно студенты начинают слышать грифонов только после долгих медитаций и упорных тренировок. Будешь распространяться об этом сейчас – тебя поднимут на смех или сочтут выскочкой.

Ее это не обрадовало, однако девчонка послушно кивнула.

– Ладно.

– А теперь хорошая новость. Узнав об этом, ректор разрешил тебя учить. Именно тому, о чем ты и просила недавно.

Только что Эйри сидела поникшая, тусклая, и тут – засияла утренним солнцем. Глаза распахнулись, засверкали, губы тронула улыбка, от которой появились очаровательные ямочки на щеках. Я залюбовался ее юной, нетронутой красотой и с трудом вернулся в реальность.

– Когда начнем занятия? – воодушевленно уточнила девчонка.

Хотя какая она девчонка, почему вообще я ее так называю? Она давно уже девушка, и наверняка не у меня одного при взгляде на нее возникают неподобающие для преподавателя мысли. И как вот личные занятия с ней проводить...

Я прокашлялся, но сказать ничего не успел.

– Завтра? – Эйри заглянула мне в глаза с умоляющим выражением. Вольно или невольно, изогнулась она при этом так, что страшно захотелось положить ладонь ей на гибкую талию.

С губ сорвался невольный стон. Ох, Эйри-Эйри, что ж ты со мной делаешь...

– Завтра, – подтвердил я. – А теперь беги к себе и ложись спать. Если ты помнишь, лекции и домашку никто отменять не будет, а тебе еще у ректора торчать.

– Бегу!

Она действительно за миг собралась и, не успел я моргнуть, встала у двери комнаты.

– Господин Силвейн...

– Тарен, – поправил я. – Раз уж все зашло настолько далеко, называй меня просто Тарен.

– Спасибо, – протараторила она – и хлопнула дверью, закрывая ее.

Настала тишина. В комнате после ухода девушки стало пусто. Я лег на кровать, которая еще хранила ее тепло, и, глядя в потолок, медленно выдохнул.

Каждым движением Эйри сводила меня с ума. Долгое воздержание не пошло мне на пользу. Между тем ситуация оставалась прежней – если я проявлю к подопечной мужской интерес, только испорчу ей жизнь. А я не подонок.

Верно?



Дрогнул огонек догорающей свечи. Час уже был поздним. Но вместо того, чтобы раздеться и лечь, я заставил себя сползти с кровати, сесть за стол и придвинуть поближе письменные принадлежности.

Чтобы учить кого-то азам профессии, нужно самому их вспомнить. Вынув из связки перо и окунув его в чернильницу, я принялся набрасывать список книг, которые помогут и мне, и Эйри. Раз мы начинаем обучение уже завтра, то с утра пораньше вместо традиционной пробежки придется сходить в Библиотечную башню.

И еще стоит написать пару писем в Мавеннар, раз дела приобрели такой скверный оборот, как сегодня. Ректор, без сомнений, свалит все на Туманный венец, чтобы не обострять отношения с Колларом. Но Освальт не единственный, к кому я могу обратиться за помощью. Есть еще связи в Грифоньей страже, да и не только там. Подстраховка никогда не помешает...

## Глава 16

### Эйри

После вчерашней нервотрепки на занятиях я клевала носом. Преподаватель Куланн нисколько не помог, на утренней пробежке отправив меня гонять вокруг тренировочной площадки лишний круг на пару с Хоэлом. Все, как и предупреждал Силвейн. Но если Хоэл, которого уже за глаза начали называть Белкой из-за худобы и заостренной формы лица, к этому был привычен, то я здорово выдохлась и поэтому опоздала на завтрак. Пришла к самому концу, сгребла пирожки и ушла.

Как выяснилось на обеде, к лучшему.

Весь день и сокурсники, и кое-кто из старшекурсников недобро на меня поглядывали. Честно говоря, я заметила это не сразу, потому что на косые взгляды уже перестала обращать внимание. Но если раньше на меня так смотрели из-за цвета волос и происхождения, то теперь причина явно была иной.

Лишь в первый день нам накрывали отдельный стол. После этого все приемы пищи проходили у всех курсов в одно время. Сесть разрешалось с кем хочешь, поэтому Хит частенько подсаживался к своему брату и его друзьям с четвертого курса, а Хоэл каждый раз занимал новые места, заводя широкие знакомства среди студентов.

Я пришла в столовую одной из первых. Уина не было. Нас только что вызывали к ректору, чтобы «запротоколировать», как это назвал секретарь, вчерашние события. Сначала опросили меня, потом принялись за Уина, вот он и задерживался.

Обычно ко мне подсаживался кто-нибудь из однокурсников или старшие ребята, которым не хватило места за другими столами. Но в этот раз я осталась одна.

Совсем одна.

Стало обидно. Да, из-за меня сорвалась попойка. Но я же в этом не виновата!

Есть в одиночестве было неприятно, еда от обиды приобрела горький вкус, но показывать этого я не собиралась. Достала из сумки пару книг, положила рядом с собой, открыла верхнюю – «Повадки

грифонов» Ифана Тарского – и принялась демонстративно читать. Пусть все считают, что мне плевать на то, как они ко мне относятся.

И вскоре почувствовала, что на лавке кто-то устраивается. Опустив книгу, я обнаружила, что рядом со мной ставит тарелку Мади.

– Привет, – сказала она будничным тоном. – А что это за книжка? Нам таких вроде бы не выдавали.

– Это я взяла в нагрузку, чтобы заранее начать готовиться, – ответила я, решив не говорить о том, что книгу посоветовал Силвейн. – По этому предмету в конце года экзамен. Слышала, что очень сложный.

– О, – задумчиво протянула Мади. – Надо мне тоже тогда взять.

Ее взгляд упал на остальные книги, лежащие на столе. Она повернула к себе учебник географии.

– Судя по закладке, ты уже дошла до теории Эфриддила о магическом разделении материков?

– Ага, – невнятно отозвалась я, зажевывая слишком горячий суп куском хлеба.

Мади это не смутило.

– Я еще только начала ее читать. Ну и как тебе его версия?

Я отложила ложку и серьезно посмотрела на «принцессу».

– Ты не злишься на меня из-за того, что случилось вчера?

– Злиться? – удивилась она. – На что? Если кто-то недоволен тем, что приехал сюда учиться и – о боги! – ему пришлось провести один вечер за учебой, а не за пьянством и разгулом, то мне-то какое дело?

– Ну... – протянула я, не зная, как отреагировать на такую честность.

Мади поняла это по-своему.

– Я слышала, как преподаватели говорят, что на тебя напала грифоница из-за того, что ты стала заботиться о ее сыне, от которого она сама отказалась. А ты нисколько не испугалась. И ты читаешь очень много книг. – Она задумалась и невпопад спросила: – Так как тебе теория о магическом разделении материков? Я в ней почти ничего не поняла.

Я пожала плечом и отломилась себе еще кусок хлеба.

– Там главное – разобраться в системе потоков, а дальше все просто.

– Поможешь мне? А я тебя по математике подтяну, если хочешь.

Я настороженно уставилась на Мади. Она ни с кем не заводила дружбы, даже с Хоэлом, который весьма недвусмысленно к ней навязывался, – и вдруг сама предлагает вместе делать домашку?

Голубые глаза «принцессы» смотрели на меня вполне искренне. Да и ее холодность по отношению к другим студентам как раз таки и свидетельствовала в пользу того, что Мади подсела ко мне без злого умысла. Эта девушка ценила превыше всего учебу, а я гораздо больше всех остальных сокурсников зарывалась в книги, и Мади не могла этого не заметить.

– По рукам, – с облегчением сказала я.

Весь дальнейший обед прошел в обсуждении географии. И, пожалуй, мне даже начал нравиться этот предмет.

Следующий сюрприз ждал меня на лекции по истории. Приятный или неприятный... Наверное, это зависело от того, с какой стороны взглянуть.

В первую очередь всех здорово удивила профессор Бранвен. Она обвела нас блеклыми старческими глазами, поправила седую бровку и важно произнесла:

– Сегодня по плану мы должны были разобрать периодизацию эпох. Однако это не очень сложная тема, вы в состоянии разобраться с ней сами, поэтому подробнее остановимся на другой, более актуальной для вас теме – эльфах.

Все оживились. Пока никто не понимал, почему эльфы, которые триста лет назад покинули человеческий материк и обосновались на далеком острове, закрывшись от других рас, для нас актуальны, но это в любом случае было гораздо интереснее, чем сухое перечисление дат, так любимое старой профессоршей.

Она вывела тему лекции: «Эльфийское государство».

– Эльфов невозможно обойти, изучая историю нашей страны и особенно историю Небесной академии, – голосом таким же скрипучим, как звук мела, танцующего по грифельной доске, заговорила преподавательница. – Эльфы первыми населили этот материк, войны между светлыми и темными эльфами не раз перекраивали его вид. Есть предположения, что нашим предшественникам мы обязаны существованием археев, поскольку в них течет кровь светлых эльфов. И, что самое важное для вас, учащихся Небесной академии, именно эльфийские маги создали

грифонов и отдали им Тарский хребет. А когда численность грифонов уменьшилась, то эльфы заколдовали эту гору, получившую название Облачных вершин, и окутали ее волшебным туманом, чтобы в нем грифоны могли прятаться от людей и других своих естественных врагов в природе.

В аудитории наступила полная тишина. Все внимательно слушали – наконец хоть что-то о грифонах! Да еще о Туманном венце!

– Мастерство эльфийских магов было столь велико, – продолжала Бранвен, – что сила Туманного венца почти не ослабла за века. Даже сейчас, невзирая на то что Ариану Наезднику удалось изменить магию Облачных вершин так, чтобы она не приносила вред людям, туман иногда «своевольничает» и сбивает с толку как людей, так и грифонов. Вчера некоторые студенты могли наблюдать прекрасный пример того, как это бывает.

На этих словах почти все головы повернулись к нам с Уином. Мы по обыкновению сидели за партой рядом, и оба притворились, как будто не заметили всеобщего внимания.

После обеда ректор зашел в столовую и сделал объявление. Вчерашнее происшествие объяснили тем, о чем и говорила профессорша, – воздействием Туманного венца на разум грифоницы, не имеющей наездника. Ректор напомнил, что правило не покидать студенческое общежитие после наступления ночи появилось не зря и что не каждый раз рядом может оказаться преподаватель, но нас с Уином даже не стали отчитывать. Хотя то, что мое имя использовали в качестве примера, тоже вызывало ощущения так себе. Особенно я не понимала, что в этом примере «прекрасного», по выражению Бранвен...

Преподавательница сухо кашлянула в кулак, прочистив горло.

– Подробнее о принципах действия Туманного венца расскажет архей Коллар, который будет преподавать вам историю магии во втором семестре. А сейчас вернемся к принципам государственного строя эльфов. Итак, в 1302 году старой эры...

По аудитории разнесся тихий стон. Бранвен в своем репертуаре. Как только упомянет что-то интересное, так сразу «подробнее вы это изучите на другом курсе» – и опять давай талдычить любимые даты!

Я почесала кончиком пера висок и пролистала учебник до нужной главы. На одной из иллюстраций был эльф с древней фрески –

высокий красивый блондин с длинными ушами. Хрестоматийное изображение наших предшественников на этой земле.

Жаль, их самих уже не увидеть. Только немногочисленные темные эльфы живут где-то на севере, а светлые уже четыре века не кажут носа из-за магической завесы, которой окружили таинственный остров где-то далеко на юге, свою новую родину. Никто из человеческих мореплавателей понятия не имел, где она находится. Да и опасно было ее искать. Эльфы ушли с материка, потому что им не нравилось соседство с такой разрушительной расой, как люди, и повторять историю не желали, предпочитая жить в полудиком состоянии, зато в гармонии с природой.

Зато остались грифоны. И разные другие магические чудеса. Тот же Туманный венец, чтоб ему кануть в водах Фиреннэна...

В таких мыслях и прошла лекция. По традиции, когда прозвенел колокол, обозначающий конец занятия, профессор Бранвен попрощалась с нами и покинула кафедру, оставив нас в аудитории одних.

Мы принялись собирать учебники и письменные принадлежности. Уин не слишком торопился, крутя в пальцах перепачканное гусиное перо и поглядывая на меня. Настроение у меня было далеким от восхитительного, поэтому я прикинулась, будто поглощена запихиванием книг в сумку. Захочет – сам начнет разговор.

– С тобой это вчера и случилось? – наконец разродился он. – На тебя повлиял Венец?

– Раз все так говорят, это и случилось, – равнодушно ответила я. – А у тебя есть сомнения?

Уин неуверенно повел плечом.

– Ты вчера так резко замерла, а потом схватилась за свое горло, что я испугался.

Я поежилась, вспомнив эти ощущения. И правда, отвратительные. Вот почему за два месяца работы на кухне меня никто не предупредил, что такое может произойти?

Впрочем, я упахивалась так, что к наступлению заката уже дрыхла без задних ног. А по утрам летом тумана никогда не бывало.

– Да и вообще я сгруппировался вчера сильно, – признался Уин, пристыженно глядя в пол. – И до сих пор не сказал спасибо за то, что

ты взяла все на себя. Хотя это я убедил тебя пойти, и выходит, что и вина на мне.

– Ты ее благодаришь там, что ли? – неожиданно раздался голос прямо за спиной. – Да это она перед нами всеми извиниться должна!

Я скривилась. Кто бы сомневался, что это твякает Хит. Нашел повод и сразу вцепился зубами, как мелкая шавка.

– Из-за нее бал оказался испорчен, – не унимался он. – Вот что бывает, если считать, что можно играть с грифонами, не зная их повадок и правил поведения. Рано или поздно они нападают!

– Ты был так занят жеванием, что не слышал на обеде ректора, Хит? – угрюмо осведомился Уин. – Разум Забавы был замутнен из-за тумана.

– Действительно так? – ехидно уточнил тот. – Или так сказали, потому что нельзя выставить виноватой внебрачную дочурку архея и любовницу Силвейна?

Кто-то присвистнул, а у меня сердце стукнуло невпопад. К щекам от гнева прилил жар. Я подскочила с лавки.

– Да как у тебя язык поворачивается!

– Ну да, ты, конечно, будешь уверять, что все это ложь, – Хит закатил глаза. – А мне брат сказал, что за три года его учебы таких случаев, как вчера, никогда не было, хотя Туманный венец не раз опускался с Орлиной Головы до внутренних ворот.

– Брат сказал то, брат сказал это, – передразнила я. – А собственное мнение у тебя есть? Или можешь только за другими повторять?

Пришел черед Хита идти пятнами. Быстро придумать колкий ответ у него не получилось, и нашу ссору прервала Мади, которая резко встала из-за стола, заскрежетав лавкой по полу, и направилась к выходу.

– Лучше бы к завтрашнему семинару готовились вместо того, чтобы собачиться, – раздраженно бросила она на ходу. – Там от нас, между прочим, командной работы ждут.

– Между прочим, да, – встрял Хоэл. – Чего вы так ополчились на Эйри? Да мы все ее благодарить должны за то, что она приняла удар на себя! Сонное зелье, оказывается, не сработало, и комендант не спал. Прочухай он, что нас нет, сегодня всем курсом – ну, за исключением нашего зубра Мади – на ковре у ректора тряслись бы. А уж заявлять,

что слова ректора – ложь, – парень сердито зыркнул на Хита, – это надо очень много о себе думать. Ты в самом деле веришь, что ты умнее человека, который сначала отслужил в Грифоньей страже, а потом больше десяти лет руководил академией и явно знает побольше, чем ты и твой брат, вместе взятые?

Из пятнистого Хит стал пунцовым. Жаль, не от стыда. Он весь так налился кровью, того и гляди – лопнет.

– Поосторожнее со словами, Белка, – прошипел юноша. – Ты не девчонка и не простолюдин. Тебя я могу и на дуэль вызвать, чтобы ты ответил за свои слова.

Хоэл, несколько не обидевшись на кличку, рассмеялся.

– Ты на дуэли – и против меня? Побойся богов, Хит! Да ты двух ударов не выдержишь!

– Это вызов? – еще пуще вскипел тот.

– Хит, – нерешительно позвал веснушчатый Брейт, переводя взгляд с одного спорщика на другого. – Ты бы не торопился с дуэлями, а то скоро придется на них вызывать половину академии. Уже пошел слух, что Мэйлир приударяет за дочкой бургомистра, а у той все мысли только о лорде Силвейне. Говорят, твой брат вчера весь вечер на балу увивался вокруг нее, а леди Лорна его игнорировала и показательно вздыхала над тем, что Силвейн опаздывает. Если ты оскорбляешь Эйри, пытаюсь через нее задеть Силвейна и так набрать очков своему брату... Ну, извини, конечно, но Мэйлир от этого леди Лорне нравиться не начнет.

– Да с чего вы взяли, что дело в Мэйлире? – почти закричал Хит.

Ему никто не ответил. Мади уже ушла, и весь оставшийся курс выразительно смотрел на него. Прошла всего неделя учебы, однако все уже усвоили, что он на своего брата чуть ли не молится. И все понимали почему. Преподаватели понадеялись, что в младшем проснется такой же талант, как у старшего, но пока Хит только бравировал именем брата и хвататься за учебники не спешил.

Вот и сейчас он налитыми кровью глазами обводил аудиторию и ничего в свою защиту сказать не мог, кроме как снова вспомнить имя Мэйлира.

– Ай, да о чем с вами говорить, подхалимы! – выдал он, махнув на нас рукой. – Нашли любимицу ректора и Силвейна и подлизываетесь к ней, чтобы выбить потом себе местечко получше. Зря надеетесь,



в Грифонью стражу по знакомству не берут. Но можете тешить себя иллюзиями сколько хотите!

Хит схватил сумку, но покинуть аудиторию красиво, с видом оскорбленной невинности, не получилось. Связка писчих перьев вылетела из кармашка и рассыпалась по полу. Подбирать их юноша, разумеется, не стал, задрал нос и выскочил в коридор.

– Хорошо, что это была не чернильница, – хохотнул вдогонку Хоэл.

Шаги ускорились и скоро совсем стихли. Однокурсники со вздохами вернулись к сборам. Я тоже помялась и, чувствуя себя ужасно неловко, принялась перебирать книги в сумке, как будто бы укладывая их поудобнее.

Вроде как причиной свары была я, но что теперь делать и как себя правильно повести, не знала.

– Зря ты с ним так, – Гвиллим первым нарушил молчание, укорив Хоэла. – Он же мстить будет.

– Да он и так и так устроил бы всем веселую жизнь, – досадливо ответил тот. – Думаете, нам просто так с первого дня преподаватели твердят о том, что мы должны быть командой и что среди нас нет больше лордов и леди, а есть только студенты Небесной академии? Сработавшийся курс после выпуска берут в Грифонью стражу одним взводом. У кого-то может быть не слишком благородное происхождение или навыки полета не все отточенные, но если он превосходно действует в команде и сокурсники ему доверяют, то есть шанс, что на недостатки в страже закроют глаза. А если курс не сработался, в нем есть «паршивая овца», то есть риск, что даже прекрасного наездника отправят в курьерскую службу, потому что в «семьях» Грифоньей стражи ему не найдется места.

– Ты откуда столько знаешь? – поразился Брейт.

– Отец спит и видит, как я там служу, – отмахнулся Хоэл. – Главное вот в чем. Одна душа на всех – слышали этот девиз? В Грифоньей страже это действительно важно. А Хит пока думает только о себе. Вы полдня бухтели на Эйри, что якобы из-за нее сорвалась попойка. Но разве Эйри призналась ректору, почему оказалась среди ночи на улице? Почему та-хей может нас прикрыть, а нам поступить точно так же зазорно?

Как ни удивительно, но его отповедь произвела на ребят впечатление. На меня устремились взгляды однокурсников, и неожиданно в аудитории прозвучало тихое «Спасибо, Эйри» от Гвиллима. Следом за ним то же самое произнес Брейт. И пусть я услышала это не от каждого, но это все равно было приятно. Я покраснела, на сей раз от смущения, и кивала всем в ответ.

– Спасибо, Хоэл, – шепнула я ему в свою очередь, перед тем как выйти из аудитории.

– Ой, да брось, – поморщился он. – Я же в самом деле думаю именно то, что сказал.

– Вот за это и спасибо, – серьезно ответила я.

Парень удивленно посмотрел на меня, но я ускорила шаг и выскочила из аудитории. Объясняться не было желания – я сомневалась, что смогу подобрать верные слова. Да и Уин поглядывал так, словно вдруг начал подозревать нас с Хоэлом во влюбленности, а мне этого точно не хотелось. Не после того, как меня прилюдно обвинили в любовной связи с Силвейном.

А ведь сегодня меня еще ждало личное занятие с ним...

## Глава 17

Силвейн сказал, что наше занятие начнется в одной из учебных аудиторий. Я бежала туда со всех ног, уже представляя, как все будет. Он даст немного теории, а потом мы пойдем в авиарий и наконец-то вытащим оттуда Заката... Или даже поднимемся на Орлиную Голову...

Я уже чувствовала порывы ветра на своем лице и сильные руки, которые удерживают меня за талию на спине грифона. От предвкушения я едва не подпрыгивала, пока шла. Заранее заплела косы, чтобы не растрепались волосы, поправила форму, чтобы не продуло горло. Умылась, подкрасила губы... Ну, это уже не для грифонов, конечно, а для Силвейна. Я понимала, что не ровня ему, и все же хотелось, чтобы он видел во мне девушку, а не сопливую девчонку, и относился ко мне серьезно, а не как к ребенку.

Пока, увы, у меня это явно не выходило. Первым делом вчера в своей комнате Силвейн вручил мне плед и кружку с горячим шоколадом, словно мне десять лет, а не девятнадцать. Напиток был вкусным, а плед – теплым и мягким, вкусно пахнущим, но...

Я не могла сформулировать, что именно «но». Точно знала лишь одно – я хочу, чтобы на меня смотрели другими глазами. Даже если мне с этим мужчиной никогда не суждено быть вместе.

Поэтому в аудиторию я прискакала, затаив дыхание и полнясь ожиданиями. Силвейн уже ждал. Сегодня он нарядился в строгий черный камзол, элегантно сидящий на подтянутой фигуре. Увидев меня, преподаватель сразу встал за кафедру.

– Хорошо, что ты пришла чуть раньше, – сухо сказал он и указал на стопку учебников, выложенную на первой парте. Очевидно, для меня. – Нам многое предстоит освоить. Открывай сразу десятую страницу.

Я замерла возле порога и уставилась на гору книг. Они в мою сумку даже не влезут! Да и не это главное.

Опять учебники, чтоб их драные Хеденовым топором демоны сожрали!

– Нет, – твердо ответила я.

Силвейн, уже сам уткнувшийся в трактат, повернулся ко мне и изящно изогнул бровь.

– В смысле – нет? Не хочешь учиться? Появились неотложные дела? Ты же сама вчера настаивала на том, чтобы мы начали заниматься как можно быстрее.

– Да – заниматься чем-нибудь настоящим! А не ковырянием в книгах подобно червяку!

Он захлопнул учебник, облокотился на кафедру и ехидно глянул на меня.

– Настоящим, значит. Сегодня вообще-то я собирался дать тебе азы медитации. Без нее невозможно наладить ментальную связь со своим грифоном, а соответственно, и управлять им в полете. Надеюсь, тебе уже известно, что простое дерганье за вожжи, как с лошадьми, в случае с грифонами не работает?

Я оскалилась в ответ.

– Работает, – и шлепнула на парту «Повадки грифонов». – Вы сами рекомендовали мне прочитать Ифана Тарского. Я это сделала. И там написано, что грифонами можно управлять даже без ментального единения.

– Можно, – невозмутимо согласился Силвейн. – Только грош цена такому наезднику. Его даже в курьерскую службу не возьмут. Будь ты аристократкой с высокими доходами, могла бы кружить время от времени на грифоне над своим поместьем, отвлекаясь от балов и лени. Только ты не аристократка, Эйри. И поместья у тебя нет.

Я насупилась. Умел он наступить на большую мозоль.

– Пожалуйста, – упрямо сказала я. – Научите меня наконец чему-нибудь действительно полезному! Как мне защититься от Забавы, если она опять нападет? И вообще, я же слышала как-то вчера ее голос. И безо всяких медитаций!

– Вот именно – как-то, – поморщился Силвейн. – Чудо небесное, не иначе. А владела бы ты техниками установления ментальной связи, могла бы заранее почувствовать гнев Забавы и не подставляться ей под когти. Если бы я случайно не оказался рядом...

– И я вам ужасно благодарна, – перебила я. – Но у меня от этих учебников уже голова пухнет! Дайте мне что-нибудь посущественнее! Иначе зачем тогда вы платите за мое обучение? Вы сами говорили, что у меня талант, а теперь только отмахиваетесь от меня!

- Не отмахиваюсь, а даю азы!
- Вы просто не хотите меня обучать!
- Вот как!

Силвейн хлопнул ладонью по кафедре. Синие глаза потемнели, в них сверкали молнии. Я запоздало сообразила, что зря насела на собственного попечителя, и испугалась. А ну как вовсе перепоручит меня кому-нибудь другому?

– Прекрасно! – процедил он. – Посущественнее так посущественнее. Идем!

Преподаватель взмахнул рукой, зовя за собой, и вышел из аудитории. Учебники так и остались лежать на первой парте. Несколько мгновений я смотрела на них, затем спохватилась и кинулась за Силвейном. Никуда книжки не денутся!

Он быстро шел впереди, ни на миг не тормозя, чтобы я могла его догнать. Мысленно выругавшись, я припустила за преподавателем с его длинными ногами. Если он ждет, что я буду вопить сзади и просить идти помедленнее, то не дождется!

Тем временем Силвейн выскочил из корпуса и пронесся мимо тренировочной площадки. Солнце уже клонилось к окрестным горам, но до сумерек оставалось около часа, так что на учебном ристалище хватало упражняющихся студентов. Нас с преподавателем проводили удивленными взглядами. Ох, опять будут слухи...

Хотя прямо сейчас мне на это было плевать. Силвейн промчался и мимо преподавательского корпуса, а это могло значить всего одну вещь. Мы поднимемся на Орлиную Голову!

Сердце подпрыгнуло от восторга. Я первая – первая! – среди всего курса увижу обитель грифонов! Летом облако на главной вершине изредка таяло достаточно, чтобы разглядеть скалы. Но это ничего не давало – короли неба селились с другой стороны горы, и из Небесной академии их было не разглядеть. Лишь тренировочную площадку для полетов, которую построили на полпути от учебных корпусов к гнездам, чтобы не тревожить малышей-грифонов.

Я так обрадовалась, что вмиг догнала Силвейна.

– А мне точно можно там находиться? – на всякий случай спросила я. – Первокурсникам же запрещают подниматься на Орлиную Голову.

– Со мной – можно, – отрезал он. – Ректор разрешил тебя обучать, но забыл уточнить, какими именно методами. Или ты уже засомневалась, что хочешь встретиться с грифонами?

Синий глаз хитро на меня сверкнул. Я фыркнула.

– Нет. Но... А Забава на меня не набросится опять?

– Пока я рядом – нет. Если все-таки набросится, может, в твоей такой хорошенькой и такой пустой голове отложится, что преподавателей нужно слушаться и учить то, что они дают.

Я помолчала. С одной стороны, справедливо. С другой...

– А вы на первом курсе тоже беспрекословно подчинялись старшим?

– Один – один, – прокомментировал Силвейн так, будто вел счет в спортивном состязании.

Я хихикнула. Потом ойкнула и припустила за ним, потому что Силвейн сразу ускорился, будто мы правда участвовали в некоем противоборстве.

Он скосил на меня глаз.

– Успеваешь?

– Да!

Преподаватель спрятал ухмылку и ничего не сказал. Да и не надо было. Мы уже прошли под аркой внутренних ворот, опоясывающих академию, и начали подниматься по выбитой в горе лестнице. Хоть Куланн и гонял нас каждый день по склону, я быстро начала задышаться. Пожалуй, тут и Хоэл бы запыхался. А Силвейну хоть бы что!

Ступени были крупными и гладкими – их выбивали магией во времена Ариана Наездника. Через определенное количество они перемежались небольшими площадками. Наверное, для удобства поднимающихся. Жаль, за два века никто так и не додумался поставить там скамеечки. Лестница была кошмарно длинной, и я ужаснулась тому, что старшекурсникам приходится ходить по ней каждый день.

Слава богам, Силвейн скоро сжалился и остановился, дожидаясь меня. Его дыхание по-прежнему было ровным, словно он не мчался как угорелый в гору, а вальяжно прогуливался по набережной Вайля. А я мало того что пыхтела, как старая печка, так еще и вспотела. Поколебавшись, я расстегнула верхние пуговицы формы и

подставилась под дующий на вершине ветер. И вновь преподаватель окинул меня насмешливым взглядом.

– Весь ваш курс небось думает, что пробежки по утрам – это какая-то блажь то ли ректора, то ли лично Куланна.

– Ну... – протянула я.

Он был недалек от истины.

– Все, чему мы вас учим, вам необходимо, – сухо произнес Силвейн. – Не просто полезно. Не просто может когда-нибудь понадобиться или пригодиться для общего развития. Это навыки, без которых не стать наездником.

– Ага, – тяжело вздохнула я.

Понятно. Меня сюда притащили, чтобы преподать урок, только не тот, о котором я просила. Ну и поиздеваться чуточку.

– Тебе повезло, – неожиданно выдал Силвейн.

– Что вы за меня платите и я могу приобщиться к тому, что для меня в ином случае было бы недоступно? – предположила я.

– Это тоже, но я не об этом, – он улыбнулся. – Первый раз студентов на Орлиную Голову всегда ведет Куланн, и это больше смахивает на марш-бросок. Считать ворон или клевать носом он не позволяет. И любоваться красотами тоже.

Силвейн указал на оставшуюся позади академию. Я оглянулась и ахнула.

Это в самом деле было умопомрачительно красиво! И со Львиной Головы открывались великолепные виды, но отсюда – еще лучше. Солнце еще не село, и по соседним лесистым горам прыгали «овечки» – тени от бегущих по небу облаков. Внизу серебрилась вьющаяся змейкой река, деловито дымили печными трубами дома Вайля, занявшие долину и потихоньку карабкающиеся на горные склоны. Можно было рассмотреть и лодочки, которые колыхались на воде, и стада коров, мирно пасущихся на полях.

– Закаты на Орлиной Голове великолепны, – тихо проговорил преподаватель. – И очень романтичны. Некоторые парочки среди студентов иногда задерживаются там, чтобы ими полюбоваться, хотя это запрещено правилами.

– А вы... – я осеклась, но все же закончила: – Вы когда-нибудь наблюдали так закат? Ну, в смысле, в паре.

Он кривовато усмехнулся.

– Эйри, я эти закаты оттуда вижу почти каждый день. Но если тебе интересно – нет, на Орлиную Голову я девушек никогда не водил. В юности мне хотелось разделить это с той единственной, которая станет моей на всю жизнь, а потом для меня их очарование потерялось, отравилось рабочими буднями.

– Ясно, – пробормотала я, отводя взгляд.

Из-за того, что преподаватель дал искренний ответ на такой личный вопрос, который меня никоим разом не касался, я почувствовала себя неловко. Хотя Силвейн-то при чем? Его спросили, он ответил. А меня кто за язык тянул?

И как-то стало уже не до любования пейзажами.

– Отдохнула? Идем, – сказал он, как будто бы совсем не засмущавшись ни моего вопроса, ни собственного признания. – Чем дольше здесь стоим, тем меньше времени остается на занятие.

Я подняла голову, глянув на зависший над головой Туманный венец, поежилась и кивнула. Сейчас подумалось, что Силвейн намеренно остановился на этой площадке. Буквально еще десяток ступенек вверх – и там начиналась густая полоса тумана. День сегодня был ясный, теплый, и облако далеко отступило от академии, почти обнажив Орлиную Голову.

В такой близости от Туманного венца становилось хорошо заметно его неестественное происхождение. Природный туман и настоящие облака, в пасмурные дни задевавшие Львиную Голову, не могли похвастаться настолько чистой молочной белизной и подобной густотой. Клубы пара вставали стеной, не позволяя ничего разобрать за ними.

Раньше я Туманного венца не боялась. Считала его обычным природным явлением, как и все остальные, только окутанным романтическим флером и легендами. Вчера я убедилась, что это не так. И теперь необходимость войти в облако вызывало неприятную дрожь, вплоть до вспотевших ладоней.

А вдруг на меня оттуда кто-нибудь кинется...

Силвейн уже шагал по ступеням, а я все мялась позади. Он остановился и вполоборота глянул на меня.

– Боишься?

– Н-нет... – проямлила я, с тоской осознавая, как фальшиво это звучит.



– За руку надо подержать? – насмешливо поинтересовался Силвейн.

А вот это уже было обидно. И страх сразу пропал.

– Только если вы сами нервничаете, – колко ответила я и зашагала вперед.

Я уже достигла Силвейна, когда он внезапно извернулся, поймал меня за ладонь и подмигнул.

– Боюсь до трясущихся коленок.

Его рука сильно и уверенно держала мою. Это было одновременно похоже на то, как мы вчера шли с Уином, и в то же время совершенно иначе.

Преподавателю верилось охотнее. Он же старше, умнее, да и через Туманный венец проходит каждый божий день.

И еще Силвейн не бросил меня, когда напала Забава. Наоборот, он встал передо мной, закрывая собственной грудью от взбешенной грифоницы. Разумом я понимала, что у опытного наездника было гораздо больше шансов ее остановить, чем у Уина, который грифонов ни разу не видел ближе, чем в десятке шагов от себя. И все же осадочек остался.

Я стиснула ладонь, отвечая на крепкое рукопожатие, и улыбнулась. Мне в самом деле стало легче.

– Днем Туманный венец не должен оказать на тебя никакого воздействия, – серьезным голосом предупредил Силвейн. – Он становится агрессивнее только по ночам, но ты на всякий случай говори мне обо всем, что чувствуешь. Мало ли что.

– Агрессивнее? – переспросила я, услышав незнакомое слово.

– Злее, – пояснил преподаватель. – По ночам грифоны спят и не спускаются с горы, поэтому туман считает врагами всех, кто в него попадает.

– Вы так говорите, словно он живой.

– Это странно звучит, но это почти так. Со стороны кажется, будто у него действительно есть своя воля.

– А на самом деле? – заинтересовалась я.

– Старый архей объяснял это тем, что мы до сих пор не можем разобраться в эльфийской магии, настолько она сложная. Конечно же, своего разума у Туманного венца нет. Однако и досконально предсказать его действия археи не могут, поэтому и возникает

впечатление, будто облако «своевольничает». Но ты не бойся, – Силвейн повел меня за собой. – Я рядом и наkostenялю любому, кто может оттуда появиться.

– Потому что мне еще надо вернуть вложенные в меня деньги? – вздохнула я.

– Ну конечно. А ты о чем подумала?

Я подумала о том, что попечитель иногда так шутит, что невозможно понять, всерьез он говорит или нет. Но, разумеется, оставила эту мысль при себе.

Приближаясь к туману, мы стали медленнее подниматься по ступеням. Хотя, пожалуй, это происходило потому, что Силвейн был вынужден подстраиваться под меня, а я не спешила. Никогда не считала себя трусихой, однако после вчерашнего вновь входить в мутную пелену было страшновато. Я слишком хорошо помнила отвратительное ощущение, возникшее до того, как на меня набросилась Забава. Когти, впившиеся в горло, и невозможность сдвинуться с места. Если это повторится, как мне сообщить о нем Силвейну?

Я набрала в грудь воздуха и напряглась, прежде чем ступить в плотные клубы водяного пара, из которого состоял Туманный венец. Та-ак...

Но ничего не произошло. Стояла та же тишина, прерываемая редкими выкриками с тренировочной площадки. Из белого марева никто не выпрыгивал. Никакие призрачные лапы меня не хватали.

Ладонь Силвейна придавала уверенности, и страх быстро прошел. К тому же среди дня туман совсем не казался зловещим. Лучи солнца свободно проникали сквозь него, и хотя на расстоянии вытянутой руки уже становилось сложно что-то рассмотреть, больше казалось, что мы идем сквозь разлитое в воздухе молоко. Именно так оно и выглядело, если вылить его в черный чай.

Подумав об этом, я вдруг увидела туман совсем иначе, расправила плечи и даже немного развеселилась. Молоко в чае образует невероятно красивые узоры! А здесь тоже так получается? Или туман колышется в лад порывам ветра?

Я всмотрелась в клубы, пытаюсь что-нибудь различить в них: как в облаках на небе, которые принимают формы то улиток, то барашков, то развалившихся медведей – в зависимости от того, что подскажет

фантазия. Поначалу туман был лишь туманом. Но вдруг он колыхнулся прямо перед глазами, и я могла бы поклясться, что увидела перед собой вовсе не капли пара, а нити. Тонкие белые нити, которые сплетались в...

Мы вышли на свет так внезапно, что я споткнулась. Силвейн придержал меня за руку и с тревогой заглянул в лицо.

– Все в порядке?

– Да... – я заозиралась, но никаких узоров уже не заметила.

Облако как облако. Только очень густое. Попечитель просил рассказывать ему обо всем подозрительном, но нужно ли беспокоить его такой глупостью, как белые нити?

«Белые нити», – повторила я про себя и нахмурилась. Как будто бы это что-то напоминало. Вот только что? За последние дни я проглатывала столько знаний, заучивала столько новых слов и спала так мало, что голова начинала походить на колокол. Стукнешь по нему – а там пусто, один звон идет.

– Ну так что, идем к площадке или будем дальше любоваться Туманным венцом? – уточнил Силвейн.

И снова этот его ехидный тон! Похоже, мой покровитель решил, что я испугалась и всеми силами избегаю предстоящего урока, о котором сама же и просила.

– Идем, – сухо ответила я.

Высоко вверху по скалам карабкался молодой грифон с добычей в клюве. Он направлялся к огромному гнезду, сложенному из веток. Чуть подальше в склоне виднелось отверстие – небольшая пещера, которую грифоны тоже могли использовать как убежище.

Две сущности – два вида укрытия. Логично, и все же в человеческой голове это плохо укладывалось. Я вздохнула, вспомнив историю – и услышанное на лекциях от профессора Бранвен, и то, о чем говорили между собой слуги в академии. Непонимание природы грифонов, как они могут жить двумя жизнями, привело к тому, что долгие века люди охотились на королей неба и ненавидели их вместо того, чтобы пытаться пообщаться с ними и жить в мире. Если бы не Ариан Наездник, который, как гласили легенды, с детства был влюблен в небо, то мы бы до сих пор враждовали с этими поразительными зверями, считая их обычными животными и не подозревая, насколько они мудры и человечны.

Мне следовало гордиться тем, что меня подпустили так близко к гнездам, хотя я не освоила базовую подготовку. И я действительно гордилась. Вид гнезда на фоне синего неба вселил в меня такое воодушевление, что я, недавно еле ползущая за Силвейном, быстро его обогнала.

До тренировочной площадки оставалось совсем немного. Под вечер там занимались всего пять студентов под руководством преподавателя, имени которого я не знала. На мое присутствие он никак не отреагировал, зато старшекурсники уставились на меня с интересом. Правда, мгновенно обо мне забыли – тренер не позволил им отвлекаться, отрывистыми приказами заставил забраться на грифонов и пуститься в полет.

Я задержалась, наблюдая за ними. Это были ребята с третьего курса, они уже освоили навыки полетов, и казалось, что все дается им легко. Миг – и они уже верхом на грифонах. Еще миг – и уже в небе. Лишь трава пошла волной от взмахов огромных крыльев.

Силвейн не остановился, пока не дошел до дальнего края площадки. Она была крупной – целое поле, а не огороженное ристалище, как внизу. Вместо деревянных болванчиков, на которых студенты отрабатывали удары шпагой, повсюду стояли самые разнообразные спортивные снаряды и препятствия: насыпанные друг за другом горки, ямы, планки, странного вида турники.

То место, которое выбрал Силвейн, было ровным. Квадрат притоптанной травы – и больше ничего. Я вопросительно посмотрела на преподавателя.

– Что мы будем делать?

– Для начала ты отойдешь в сторонку. Вот сюда, – и он ткнул пальцем в самый край площадки.

Поколебавшись, я направилась туда. Странно, конечно, но Силвейн обещал что-то настоящее. Не будет же он обманывать, заставляя смотреть на других студентов.

Уже встав туда, куда он указывал, я заметила линии на земле. За лето трава подросла, немного скрыв их, однако из этой позиции по-прежнему виднелся белый круг.

– Готова? – спросил Силвейн таким голосом, как будто готовил какую-то каверзу.

– К чему? – опасливо уточнила я, на всякий случай напрягшись.

Грифон над площадкой взялся из ниоткуда. Вот только что его точно не было, и тут – бах! Что-то огромное камнем упало ровно в центр круга, а последующий за этим порыв ветра чуть не сбил меня с ног. Крупный холеный самец-грифон гордо сложил на спине крылья и замер, глядя на меня таким же хитрым глазом, как и...

Ну да, Силвейн.

Я сердито одернула форму, не желая признавать, что к такому готова не была.

– Могли бы и предупредить.

Он промолчал, только плечи дернулись так, словно преподаватель давил смех. Я вскипела еще сильнее. Этому Силвейну лишь бы одни шуточки!

– Слышала, как я призвал Урагана? – спросил он.

– Нет, – я задумалась. – Вы сделали это через ментальную связь?

Мой ответ его как будто бы разочаровал, но преподаватель все равно кивнул.

– Да. Освой ты сначала медитацию, могла бы услышать мой зов.

– А как я тогда вчера слышала Забаву? Потому что она обращалась лично ко мне?

Силвейн поморщился.

– Ты задаешь чересчур много вопросов и старательно пытаешься обогнать программу, не разобравшись в азах.

Я замолчала, хотя создалось такое впечатление, что преподаватель просто не знает, как мне ответить. Это было странно, и, наверное, я бы задумалась об этом, если бы прямо передо мной не стоял в ожидании красавец-грифон.

Ураган был не чета ни Гордецу, ни Кусачке. На него просто невозможно было взглянуть без восторга. Темно-коричневые перья с черным отливом лоснились в лучах закатного солнца, роскошная кисточка на хвосте мерно покачивалась из стороны в сторону, на мощных лапах и в теле не нашлось бы ни капли жира или обвисших мышц. Ураган хорошо чувствовал себя на воле, но дело было не только в этом. За ним ухаживали с любовью. Уж это я, заботящаяся о Закате, могла заметить.

– Он великолепен, – выдохнула я.

– Да, и он был рад вернуться домой из столицы, – подтвердил Силвейн. – Здесь каждый грифон может сам свить себе гнездо, где

захочет, а там они вынуждены жить в Крылатой башне, почти как овцы в загонах.

– А Закат тоже так будет выглядеть? – с легкой ревностью поинтересовалась я.

Он рассмеялся.

– Тоже. Дай ему немного подрасти. Ты слишком рано взяла над ним патронаж. Хотя, может, оно и к лучшему – ваша связь будет крепкой, как ни у кого... Но мы отходим от темы. Забирайся на Урагана.

– Что?

Я уставилась на преподавателя. Чушь какая-то! Никто не позволяет седлать своего грифона другим наездникам. Да я и не наездница еще!

– Эйри, – опять с ехидством проговорил Силвейн, – у меня такое чувство, что тебе надо сходить к лекарю и проверить слух.

– Все хорошо с моими ушами! – буркнула я. – Это же не мой грифон!

– Закат тебя не сможет поднять в воздух еще полгода, и это при условии, что он будет расти так же быстро, как сейчас. А ты хотела «чего-то настоящего», – он прищурился. – Залезай на Урагана. Если сможешь, конечно. Ураган еще молод, но он прошел суровую муштру в Грифоньей страже и не станет тебя кусать или сбрасывать. Учти, что и помогать, подстраиваясь под тебя, он не будет. Твоя первая попытка оседлать грифона должна быть честной.

Я уперла руки в бока.

– Вы можете с ним общаться мысленно, а я этого не слышу. И вы рассказываете о какой-то честности?

– Не бойся, подговаривать его тебя скинуть я тоже не буду. Мне не нужно, чтобы ты здесь покалечилась. Покажи мне, как ты без теории и азов, которые обязан затвердить каждый студент, садишься на грифона. Я даже не буду просить тебя отправиться в полет. Просто влезь на Урагана.

Он и не пытался скрыть усмешку. Что ж, ладно!

К Урагану я подошла без боязни. Он был крупнее Гордеца и Кусачки, и уж тем более Заката, зато вел себя смирно, в отличие от них. Грифон следил за мной с выражением, которое я истолковала как интерес. Единственное, что заставило меня понервничать – это то, что

он немного отпрыгнул, когда я приблизилась, и настороженно принялся.

– Не волнуйся, – сразу успокоил Силвейн. – Он учуял на тебе запах незнакомых сородичей и раздумывает, не соперники ли это. Поблизости их нет, поэтому нападать Ураган не станет.

Я поежилась. Звучало это хорошо, да только после Забавы я убедилась, что одни демоны поймут этих грифонов.

Ураган, похоже, решил, что я безопасна, и выпрямил длинную красивую шею, принявшись разглядывать скалы наверху. Силвейн ждал. Я поторопила сама себя и подошла еще ближе к зверю.

Грифон дернул сложенными крыльями и недовольно глянул на меня. Вряд ли ему хотелось, чтобы на него карабкалась какая-то неумелая девчонка.

– Тише, милый, – ласково обратилась я к нему. – Ты самый красивый грифон, которого я видела в жизни.

Ураган задрал крепкий клюв и издал звук, похожий на голубиное воркование.

– Подлизывание засчитано, – хохотнул сзади Силвейн. – Уверена, что тебе это поможет влезть?

Я хмуро зыркнула на него и подошла совсем близко, положив ему на спину ладонь и прижавшись бедром к могучему львиному телу.

Мгновенно и очень не вовремя меня захлестнул глупый детский восторг. Я чувствовала тепло Урагана, как бьется жилка у него под толстой шкурой, как кровь бежит от сердца до задних лап. Какое восхитительное ощущение!словно вся его жизнь была вот в этой самой моей руке, которая касалась мягкой темной шерсти. Стоит только сжать...

Но мне хотелось иного. И я, поддавшись эмоциям, подалась к Урагану и, зажмурившись, обняла его за шею.

Какое великолепное животное! Как могли люди в древности желать им зла? Каждый грифон чудесен и волшебен, их надо любить, холить и лелеять! А какие приятные на ощупь у Урагана перья!

– Эйри! – раздался сзади встревоженный голос Силвейна.

Я тут же оторвалась от Урагана и смущенно спрятала руки за спиной. Собственный порыв теперь казался идиотским. Я могла так сюсюкаться с Закатом, но не со взрослым же боевым грифоном! Да еще на глазах у его владельца – моего преподавателя!

Ураган был доволен и продолжал издавать утробные звуки, то ли воркуя, то ли мурча, как кошка. Силвейн, наоборот, подскочил ко мне с мрачным видом.

– Ты что сейчас сделала?

Мне захотелось провалиться под землю.

– Извините...

– Мне не извинения нужны, а объяснения!

– Ну просто Ураган такой замечательный, я не удержалась...

Грифон заклекотал и потерся о меня макушкой, чуть не сбив с ног. Силвейн с измученным видом поднес ладонь ко лбу и простоял несколько мгновений с закрытыми глазами.

– Ладно, – наконец произнес он, убирая руку. – Будем считать, контакт с моим грифоном ты наладила. Он теперь упрекает меня, что я не говорю ему таких слов, как ты. Но занятие продолжается, время уходит, а грифона ты еще не оседлала.

– Хорошо... – пробормотала я, мысленно встряхиваясь.

Раз Урагану понравились обнимашки, то вряд ли он будет против того, чтобы я на него залезла. Я примерилась к мощному львиному крупу, схватилась за шкуру и начала задира́ть ногу, поскольку никакого седла или упряжи на грифоне не было.

И вот тут-то мой расчет обломался.

Стоило Урагану почувствовать, как на него кто-то взбирается, он легко двинул крыльями и отпихнул меня на край площадки.

– Руру, – обиженно сказал он и повернулся ко мне задом.

Силвейн подавил усмешку.

– Ураган одобряет то, что ты им восхищена, но оскорблен, что ты хочешь его использовать как ездовую лошадь, – перевел он.

– Но это же не так! – возмутилась я.

– Ты могла бы мысленно передать ему это сообщение, но... – Силвейн развел руками. – Ты ведь не научилась медитациям и налаживанию ментальной связи!

– Так. – Я закатала рукава и снова приблизилась к грифону, на всякий случай обойдя его сбоку. Это не лошадь, но тоже может лягнуть – мало не покажется. – Ураган, я не буду на тебе кататься, как на лошади. Ты гораздо лучше, чем какой-то конь! Вообще не сравнивать! А мне очень надо на тебя забраться...



Пышная кисточка на хвосте шлепнула меня по носу. Ураган снова развернулся попой ко мне.

– Искреннее, Эйри, искреннее, – ехидно подсказал Силвейн. – Он чувствует, что его обманывают.

Я сердито оглянулась на преподавателя:

– Вы уверены, что студентов нужно обучать именно так?

– У нас с тобой индивидуальная программа с использованием новаторских методов обучения, – парировал он.

Ну да, конечно.

Сдаваться я не собиралась и вновь подступила к грифону, подпустив сладости в голос.

– Ураганчик, сладкий мой, милый, ну чего тебе стоит...

В меня полетели комья земли. Зверь разрывал площадку задними лапами так, словно я была неприятно пахнущей кучей, которую нужно закопать.

Силвейн за спиной засмеялся.

– Вы специально привели меня именно сюда, чтобы никто не видел моего позора? – мрачно осведомилась я.

– Буду считать, что это переводится как «спасибо за заботу, господин попечитель».

Я вздохнула. Он был прав, но прямо сейчас я никакой благодарности не испытывала. Надо уже как-то усесться наконец на этого грифона, и вот тогда поговорим!

На сей раз я решила Урагана не убалтывать, а притвориться, что я уже опытный всадник. В учебнике Ифана Тарского было написано, что грифоны чувствительны – если они заподозрят в наезднике неуверенность, то станут ему сопротивляться. Поэтому я сперва постояла в сторонке, убеждая саму себя, что у меня все получится, а затем твердой и быстрой походкой подошла к Урагану и схватилась за его спину, готовясь туда вспрыгнуть.

Бамс! Мягкий удар крылом не причинил боли, но свалил меня в траву. Ураган вытянул шею, как будто проверял, осталась ли я цела, убедился в этом, взмахнул крыльями – и был таков. Продолжая лежать среди зарослей лисохвоста, я с открытым ртом наблюдала за тем, как грифон превращается в точку в небе.

Поупражнялась...

Надо мной появилось лицо Силвейна. Хитрое-прехитрое.

– Это вы его заставили улететь с площадки! – догадалась я.

– Ни в коем случае, – синие глаза стали невинными, как у младенца. – Это противоречило бы моей цели – ты должна научиться обращаться с грифонами, и чем быстрее, тем лучше. Урагану просто надоели твои неумелые попытки его оседлать. И учти, что он еще по-доброму к тебе отнесся, потому что ты его задобрила в самом начале. Если бы тебе пришлось, как всем студентам, учиться летать на собственном грифоне, то он бы царапался и клевался, не желая непонятно зачем взваливать себе на спину тяжесть.

– Закат не такой, – буркнула я.

– Ты понятия не имеешь, какой он, и не будешь иметь, пока не наладишь с ним ментальную связь и не начнешь пытаться его оседлать. А для этого нужны...

– Медитации, – простонала я.

– Да! – просиял преподаватель. – Ну что, возвращаемся в академию и завтра начинаем с азов, а не прыгаем сразу к удручающему концу?

Я кисло посмотрела на протянутую мне ладонь. Подозрение, что Силвейн смухлевал и подговорил Урагана поставить меня на место, не отпускало. И все же не признать его правоту тоже было нельзя.

Закат меня не слушался. Моменты, как в тот летний день в авиарии, когда малыш подчинился приказу и не стал набрасываться на Силвейна, можно было пересчитать по пальцам, а ведь я посещала грифоненка каждый день. Что же будет, когда я в самом деле попытаюсь его оседлать...

Я со вздохом схватилась за сильную мужскую руку.

– Медитации так медитации...

\*\*\*

Уже в своей комнате, лежа в кровати и собираясь спать, я вдруг вспомнила раздражение Силвейна из-за того, что порывисто обняла Урагана. Он тогда еще сказал что-то вроде того, что грифону понравилось, как я его называю. Только вот я не припоминала, чтобы озвучивала восторг перед Ураганом вслух. Странное дело...

Но я слишком устала, чтобы зацепиться за эту мысль и обдумать ее. А на следующий день, конечно же, уже ни о чем не помнила.

## Глава 18

После нападения Забавы и первого занятия с Силвейном дни начали стремительно перетекать один в другой. На рассвете и даже до восхода солнца мы с Хоэлом под вопли Куланна бегали туда-сюда вниз и вверх по склону Облачных вершин. Потом шли лекции, семинары и прочее, что стояло в общем расписании курса.

Перед закатом мы занимались с Силвейном, и это была самая интересная часть дня. Попечитель постоянно подтрунивал надо мной, но вскоре я научилась понимать, что за всеми его шутками на самом деле стоит забота. Когда на лекциях или тренировках, выбирая меня целью, шутил Хит – там явно чувствовалась злоба. Когда это делал Силвейн – он всегда желал меня о чем-то предупредить, и получалось у него как-то по-доброму.

Это было ясно хотя бы по тому, что он ни разу не отменил занятия. Даже когда его заваливало другими делами, а случалось это достаточно часто. То кто-нибудь из старшекурсников приходил к нему с вопросами, как выполнить домашнее задание, то вызывал к себе ректор, то прибегали из Вайля с какими-нибудь приглашениями. Ведь Силвейн, пусть и был преподавателем, оставался герцогом. Я была страшно удивлена, когда узнала, насколько высок у него титул. С таким бы в столице сидеть да горя не знать...

После медитаций и пространных бесед с покровителем меня ждала Мади. Мы жили в одном корпусе, и тут уж точно никто не стал бы злословить насчет того, что две девушки-однокурсницы собираются под ночь в одной комнате, забираются с ногами в кровать и спорят о том, как выполнить тот или иной пункт в домашнем задании.

Я бы с радостью сказала, что мы с Мади подруги, но пока сомневалась в этом. Она удивительно мало распространялась о своей личной жизни и убеждениях, сникая каждый раз, когда об этом заходил разговор, или переводя тему. Как будто бы она сюда поступила не от хорошей жизни и на самом деле не считала знания самоценностью. Впрочем, я не теряла надежды, что однажды Мади еще разоткровенничается. Прошло-то ведь всего ничего – месяц!

Да, действительно, незаметно теплый сентябрь сменился промозглым октябрём. На вершинах начали жухнуть трава и облетать листья, а холодными ночами даже выпадал снег, неуместно смотревшийся на еще цветущих клумбах и зеленых ветвях.

Дни становились короче. Облако, окутывающее Орлиную Голову, густело, спускалось все ниже и все раньше.

Мы с Силвейном еще несколько раз поднимались на тренировочную площадку возле гнезд. Нитей в тумане я больше не видела. И хотя Венец мне ни разу после нападения Забавы не навредил, с наступлением темноты я начинала нервничать и скорее бежала домой.

Домом теперь считалось студенческое общежитие. Там я захлопывала за собой дверь, отрезая щупальца тянувшегося за мной тумана, и мчалась сразу к Мади, где мне становилось спокойнее. Во многом потому, что подруга с ходу принималась болтать об учебе, не подозревая о моих страхах.

Пожалуй, мне нравилось так жить. Я плохо высыпалась, зато с головой погружалась в новые знания, открывавшие для меня целый мир, и потому не замечала косых взглядов. Если те вообще были, конечно. Мы с однокурсниками постепенно узнавали друг друга, и стены между нами ломались. Дети аристократов внезапно для себя обнаруживали, что мы с Уином ничем не отличаемся от них – ну, если не считать того, что умных слов знаем чуть меньше.

Правда, оставался Хит. Он держался несколько отстраненно, предпочитая компанию друзей брата, и редко меня доставал. Но не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понимать: он затаил обиду на нас с Хоэлом и еще обязательно ударит. Причем в момент, когда мы ждем этого меньше всего.

Поэтому я с восторгом тренировалась медитировать, зубрила имена аэвинских королей, наблюдала за тем, как растёт Закат, и старалась при всем при этом не терять бдительность.

И не зря. Беда пришла в теплый и ясный октябрьский день, почти свободный от учебы. День, когда хочется радоваться жизни, а не... вот это вот все.

Мы сидели в одной из аудиторий. Занятия закончились, но Хоэл собрал нас всех, чтобы обсудить подготовку ко Дню Хедена. Праздник, посвященный главе нашего пантеона – богу-воину, вооруженному

огромным топором, – отмечался в конце октября и считался рубежом между осенью и зимой. После него погода резко суровела и не баловала нашу страну до весны, пока не наступал День Энеды – милостивой жены Хедена, которой поклонялись как охранительнице домашнего очага и богине плодородия.

День Хедена было принято отмечать бурно, чтобы воспоминания о безудержном веселье грели всю зиму. Бургомистр опять планировал устроить бал, да и в академии по такому случаю готовили пирушку со студенческими выступлениями. Каждый курс сам придумывал свой номер и соревновался с другими в оригинальности и качестве постановки.

– Это должно быть круто. Это должно быть очень круто! – твердил нам Хоэл уже битую четверть часа.

Шесть человек перед ним развалились на партах, занимаясь кто чем. Мадди тайком поглядывала в учебник, потому что на неделе нас ждал семинар по так нелюбимой ею теории Эфриддила о магическом разделении материков. Хит изображал дремоту. Уин калякал что-то в тетради, почти не слушая Хоэла. Не было только веснушчатого Брейта, который запропастился непонятно куда.

Хотя очень даже понятно. Выяснилось, что Брейта хлебом не корми, дай посплетничать. Кое-кто фыркал, что он в этом отношении хуже девчонки. За ним уже закрепилось прозвище Болтанка, потому что язык Брейта мог выдавать слухи с такой же скоростью, с какой опытный повар размешивал яичницу-болтанку. Наверняка и сейчас он с кем-то так затрынделся, что забыл о нашей встрече.

– Хоэл, – лениво протянул Гвиллим. – Еще двадцать дней впереди.

– Всего двадцать, – поправил Хоэл. – Нам надо не только придумать общий номер, но и отрепетировать его. А главное – убедиться, что он круче всех!

– «Четвертаки» будут выполнять трюки на грифонах, – как бы невзначай бросил Хит, глядя в окно. – Ничего круче этого нам все равно не придумать.

Курс скис еще больше.

– Что вы сразу носы вешаете, – рассердился Хоэл. – Не попробуем – не узнаем, насколько мы хороши.

Он оглядел нас. Мы молчали.

– Прекрасно! – патетически взмахнул руками юноша. – Давайте тогда так. Мади, ты придумываешь сценарий.

У подруги от неожиданности чуть не выпал учебник из рук.

– А почему это сразу я?!

– Ты самая умная и читаешь больше всего книг. Уин, ты отвечаешь за реквизит.

– Ну а я-то почему? – вздохнул тот.

– Ну ты сын мельника...

Уин закрыл тетрадку и косо посмотрел на Хоэла.

– Торговца шерстью вообще-то.

– Да какая разница! Слушай, ну не Гвиллиму же это поручать! – развел руками тот. – Ты-то точно умеешь обращаться с разным инвентарем!

– А я что, по-твоему, безголовый неумеха? – сразу оскорбился Гвиллим.

Хоэл закатил глаза.

Я улыбалась, сидя в сторонке.

Только недавно я начала понимать, что с сокурсниками мне сильно повезло. Они могли целыми днями так ругаться, но все это было не всерьез. Ну, за редким исключением. Может, так происходило благодаря тому, что преподаватели, как и обещали с самого начала, не делали между нами различий. А может, потому, что Хоэл сразу выбился в лидеры. Он искренне горел идеей сделать так, чтобы мы сплотились и после учебы попали в Грифонью стражу одним отрядом.

У меня, правда, были большие сомнения, что эта мечта сбудется, но разочаровывать его не хотелось. Наоборот, я надеялась, что у Хоэла все получится.

Потому что определенных результатов, невзирая на ругань между нами, он все же добивался.

– Ну хорошо, – Мади хлопнула учебником. – Что здесь вообще обычно ставят на День Хедена?

– Исторические спектакли, – ответил Хит. – Мы же не уличные трюкачи, чтобы устраивать цирк в стенах академии.

– О, а что, если оживить какую-нибудь сценку из легенд об Ариане Наезднике? – воспрянул Гвиллим.

– Банальность, – отверг Хоэл. – Его жизнь тут уже перебрана во всех деталях.

– А Таненгальская битва? – спросила Мади.

Юноша наморщил лоб.

– Какая-какая?

– Тебе нужно подтянуть историю, Белка, – вздохнула подруга и произнесла по слогам: – Та-нен-галь-ска-я битва. Звездный час эн-хея Эмхира Кровавого.

Я насторожилась, услышав имя одного из самых страшных магов в истории.

– О, – Уин меня удивил, вспомнив об этом событии. – Это же знаменитая атака золотых грифонов! Вражеское войско застигло наше неподготовленным, и Эмхир не успевал на помощь аэвинцам. Он забрался на холм, откуда смог наблюдать за местом битвы, и призвал на головы врагов десяток золотых грифонов, которые разнесли противника в пух и прах.

– А, эта Таненгальская битва, – многозначительно произнес Хоэл. – Так бы и сказали, что вы об атаке золотых грифонов. Кто же ее не знает!

– Ты, – тихо фыркнула Мади.

Он прикинулся, что не услышал.

– Идея превосходная. Хит, ты не знаешь, что-нибудь такое здесь ставили?

Тот задрал нос и отвернулся.

– Может, и знаю. Но брат...

– Да хватит вредничать! – разозлился Хоэл. – Ты с нами на курсе учишься или с братом? Неужели не хочется заткнуть за пояс старшекурсников и доказать, что ты чего-то стоишь сам по себе, а не только как хвост Мэйлира?

Хит покраснел и бросил на него разгневанный взгляд. Однако, как ни удивительно, Хоэл попал в самую точку, и, посопев, Хит выдал:

– Нет, не ставили. Слишком сложно. Грифонов на сцену не загонишь, а как еще показать масштаб битвы?

– Я могу, – неожиданно подал голос Дилан.

Все обернулись. Низкорослый тихоня Дилан так редко говорил, что о нем обычно забывали. Имя, которое переводилось как «океан», к нему не клеилось совершенно. Он был еще и младше всех – всего семнадцати лет.

– Грифонов на сцену загнать? – уточнил Хоэл.



– Сделать их макеты из дерева.

– Сделать... что?

– Вырезать фигурки из дерева, – пояснил Дилан. – Для этого мне будет достаточно обычных дров, инструмент подходящий у меня уже есть. Надо будет еще собрать перьев. Хорошо бы, конечно, взять у Зари, но почему-то мне кажется, ректор не позволит трогать его грифоницу. Можно будет простые куриные взять. Выкрасим их в желтый цвет – вот и получатся золотые грифоны. Подвесим их на нити или прикрепим к тонким шестам, в зависимости от того, как здесь устроена сцена, и наши птицы полетят.

Все в изумлении воззрились на него. Бедняга начал алеть от смущения.

– Что?

– Откуда в тебе столько талантов? – высказал Хоэл общую мысль.

Дилан окинул нас робким взглядом и признался:

– Я увлекался резьбой по дереву. Отец считал это недостойным лорда, но не мешал. А я на память взял с собой кое-что из инструментов. Я же на северной границе живу, на каникулах не успею съездить домой и вернуться, вот и подумал, что они пригодятся мне долгими зимними вечерами.

– Ребята, да вы сами все золотые! – искренне восхитился Хоэл. – Самый лучший курс на свете! О, я уже вижу синие-синие декорации на фоне и золотых грифонов, летящих на нем...

Улыбка стерлась с моего лица. Я похолодела.

Как там звучало предсказание оракула? Небо и золото в нем? Еще и сумасшедшего мага-убийцу однокурсники зачем-то вспомнили...

– Ладно, раз с грифонами проблемы не возникнет, – воодушевленно продолжил Хоэл, – тогда сразу распределим роли. Кто у нас будет Эмхиром? Это должен быть кто-то представительный. Обсыпем его мукой...

– Зачем мука? – перебил Гвиллим. – У нас же есть Эйри.

И вот здесь мне стало совсем плохо. Никогда не верила в приметы, но это точно был дурной знак.

– Я девушка! – сразу уцепилась я за очевидную причину отказаться.

– Наденем на тебя какую-нибудь свободную мантию, будешь говорить пониже – никто и не заметит, – брякнул парень, не понимая,

что этим отнюдь не делает мне комплимент.

Впрочем, мне было не до высказываний по поводу моей внешности. Неприятное предчувствие когтями схватило за сердце.

Ни за что нельзя соглашаться участвовать в этом спектакле!

– А почему бы действительно не взять Эйри? – выдал Уин.

Вот уж от кого подставы не ожидала! Я пнула его под столом, но он притворился, что ничего не чувствует.

– Главную роль – девчонке? – возмутился Хит.

В кои-то веки я была ему благодарна.

– Так, не торопимся, не торопимся! – Хоэл, подражая манере профессора Бранвен, постучал по кафедре указкой. – Эйри – наш самый важный актив...

– Кто? – переспросила я.

– Ценность, – перевел Хоэл и стрельнул глазами на тут же фыркнувшего Хита. – Ты наша ценность, Эйри, потому что ты уже что-то знаешь на практике о грифонах и обращении с ними, а мы – нет. Кто еще будет нас по-дружески подтягивать, когда мы выберем себе грифонят и начнем их дрессировку? А свои ценности выпячивать нельзя, иначе кто-нибудь украдет.

– О боги, Белка, да кому я сдалась, – вздохнула я.

Юноша тотчас поднял палец.

– А вдруг! В общем, с главной ролью потом решим. А сейчас давайте-ка...

Закончить он не успел. Дверь аудитории распахнулась, и внутрь ворвался Брейт. Волосы были растрепаны, веснушки на покрасневшемся лице горели ярче, чем обычно.

– Там Силвейн! – выпалил он, почему-то глядя то на меня, то на Хита.

Сердце мое рухнуло в пятки. Я резко встала.

– Что Силвейн?

– Мэйлир вызвал его на дуэль!

– Что-о? – теперь вскочил и побледневший Хит. – Почему?

Брейт не ответил, только руками взмахнул.

– Идите сами смотрите!

Я перемахнула через парту и, бросив учебники, ринулась во двор. Следом за мной – Хит.

Дуэли в академии были запрещены. Если за самовольное отлучение в город отчисляли только после третьего раза, то здесь никаких предупреждений не подразумевалось. Провинился – прощай. И то же самое относилось к преподавателям...

## Глава 19

Брейт привел нас к преподавательскому корпусу. Там, на фоне клумбы с жалкими, уже почти лишившимися лепестков хризантемами, друг напротив друга застыли Силвейн и Мэйлир.

Эти двое стояли друг друга. Оба красивые, высокие и стройные, разве что Мэйлир был чуть шире в плечах. Его темные глаза жгли огнем, но холод синих глаз Силвейна им растопить все равно не удавалось. Преподаватель оставался спокойным, в то время как студент с перекошенным лицом с трудом пытался удержать себя в руках и не броситься на противника.

Между мужчинами на гравийной дорожке лежала перчатка. Черная, как клякса, которую хотелось скорее подчистить, пока учитель не заметил такое уродство на красивой прописи.

Мэйлир делать из своего вызова тайну не собирался. Он перехватил Силвейна на пути к Орлиной Голове, и рядом толкалась группа третьекурсников – пять человек, которые шептались и поглядывали на спорщиков. На крыльце преподавательского корпуса заламывала руки старенькая Бранвен – судя по домашнему виду, она выскочила на шум.

И, как ни удивительно, поодаль хмурился архей. Как и всегда, он был в белой мантии, которую не снимал, кажется, даже ночью. Как Коллар здесь очутился, было непонятно. Он не вел лекции в этот час, а его домик находился в другой стороне. Может, архей шел к ректору?

«Проклятье, а ведь ректора-то нет!» – сверкнуло в мыслях. Он уехал еще вчера и обещал вернуться не раньше, чем завтра. Очень удачный момент Мэйлир выбрал для дуэли!

Словно его кто-то надоумил, а не сам сын виконта выбрал это время. Я быстро перебрала в памяти все, что знала о Мэйлире. Да о нем, собственно, было известно почти все и почти всем. Он же звезда академии, самый перспективный «четвертак», всегда умудрявшийся сдавать экзамены на отлично, даже если бравировал тем, что совсем к ним не готовился. Мэйлир наслаждался всеобщим вниманием и никогда не страдал скромностью. Ему уже готовили местечко в Грифоньей страже, и он уверенно шел к тому, чтобы стать не только

лучшим студентом Небесной академии, но и лучшим наездником в элитном отряде королевской гвардии. Хоть меня и бесил Хит, я прекрасно понимала, почему он хвостом таскается за братом и чуть не пятки лижет всей его компании!

Так и зачем Мэйлиру при настолько внушительном «послужном списке» убивать карьеру таким дурацким способом, как прилюдный вызов на дуэль?

Месяц прохаживая на дополнительные занятия с Силвейном, я считала, что знаю, какой он человек. Он не был подлецом и не ввязывался в интрижки со студентами – преподавательское это дело.

Ну... Наверное, за исключением меня.

Но я все равно не понимала, что Силвейн умудрился натворить такого, что Мэйлир не смог «проглотить» ради многообещающего будущего.

– Поднимите перчатку! – прошипел Мэйлир.

– Не стану, – невозмутимо ответил Силвейн. – Ради твоего же блага.

– Это оскорбление? – кипятился брат Хита. – Вы намекаете, что я никудышный боец?

– Я намекаю, – на лице преподавателя не дрогнул ни мускул, – что завтра ты проснешься, подумаешь о своей уничтоженной службе в Грифоньей страже и пожалеешь о том, что сделал сегодня. Когда ректор вернется, о том, чтобы ты продолжил обучение, не будет и речи, а недоучек в гвардию не берут. Уверен, что хочешь потратить четыре года учебы ради прозябания в курьерах? Это правда то, о чем ты мечтал?

– Я мечтаю, чтобы вы дали мне сатисфакцию! – прорычал Мэйлир.

Святые воды Фиреннэна, да этот упертый осел не слышит ничего, что ему говорят!

Оставалась слабая надежда, что он прислушается хотя бы к брату, который подскочил к нему и схватил за плечо.

– Мэйлир, ты что творишь! Отец тебе голову оторвет!

Тот, дернувшись, сбросил с себя руку Хита.

– Есть вещи и поважнее, – процедил он.

– Да что может быть важнее! – почти прокричал Хит.

Кое-кто из третьекурсников, вынужденных быть зрителями, покрутил пальцем у виска. За обучение приходилось выкладывать такие суммы, что большинству студентов и в голову не приходило, по какой причине можно на это плюнуть, когда ты уже на последнем курсе.

Мэйлир ничего не ответил, лишь крепче сжал челюсти. На красиво очерченных скулах заиграли желваки. Силвейн по-прежнему казался спокойным, даже безразличным. Он засунул руки в карманы, будто происходящее относилось не к нему, а к кому-то другому.

– Идите на площадку, – обернувшись, сказал преподаватель третьекурсникам. – Я вас догоню.

Студенты в этом явно сомневались, но перечить не стали и медленно, постоянно оглядываясь, зашагали по дорожке к Орлиной Голове. Тем временем Силвейн обратил строгий взгляд на нас.

– А вы чего без дела шатаетесь? Домашнего задания мало задали?

– Я брата не брошу! – пылко ответил Хит.

– И не надо. Наоборот, в красках можешь рассказать ему, что он подставляет не только себя, но и тебя, и всю свою семью. А вы, – Силвейн снова сверкнул на нас синими глазами, – идите, не задерживайтесь!

Его послушалась только Мадн. Поколебавшись, следом за ней пошел к учебному корпусу, чтобы забрать учебники, Дилан. Остальные не тронулись с места.

Кроме меня. Я сделала шаг вперед, начиная подозревать, к какому исходу готовится попечитель.

– Господин Силвейн, вы ведь не собираетесь принять вызов? Вас же уволят!

– Вот именно, господин Силвейн, – неожиданно передразнил меня тоненьким голосом Мэйлир. – Вы же не сможете трахать двух девиц одновременно, если вас отсюда вышвырнут!

Резкое слово прозвучало как удар хлыста. Хоэл присвистнул, Брейт подался вперед, едва не вытягивая при этом уши, Бранвен ахнула. Мое сердце заколотилось так, что стало больно.

Но еще больше изменений произошло с Силвейном. От беспечности не осталось и следа. Он вытащил руки из карманов и вытянулся, как будто даже став выше, а глаза запылали синим пламенем.

– Молодой человек, что вы себе позволяете! – оборвала хама пожилая профессорша.

– Извинись перед Эйри, – сквозь зубы выплюнул Силвейн. – Извинись прямо сейчас. Я собирался разогнать свидетелей и предложить тебе забрать перчатку, а ректору сказать, что ничего не было, но это уже переходит все границы. И лучше встань перед Эйри на колени, потому что оклеветать девушку подобной чистоты – один из худших грехов.

– А то, что вы с ней спите, не грешно? – Мэйлира уже понесло. – Или то, что вы ее забыли предупредить, что она временная подстилка, пока вы в Вайле обихаживаете аристократку? А может, все наоборот – вы как подстилку используете Лорну?

У меня в глазах потемнело. Сознание помутилось. Я помнила, как стояла рядом с попечителем, затем провал – и вдруг меня уже оттаскивают сразу Силвейн, Уин и Хит вместе взятые, а у Мэйлира разбита губа и вокруг расплывается красное пятно. С явными очертаниями моего кулака.

Ныли у меня почему-то обе руки. Я осоловело глянула на них. Кажется, правой я била, а левой схватила противника за грудь. И вот что странно – на моих пальцах что-то блестело, словно туда налипла паутина. Однако черная форма Мэйлира была идеально чистой, лишь смялась из-за того, что я в нее вцепилась.

– Хороший хук справа, – издал нервный смешок Хоэл. – Особенно для девчонки.

Мэйлир сплюнул и мрачно посмотрел, как рядом с перчаткой на сером гравии алеет пятно крови.

– Вот она – чернь. Никакого понятия о благородстве.

Тут уже не вытерпел даже Хоэл, бывший до этого лишь наблюдателем.

– А оскорблять женщин – это признак аристократизма, что ли?

– Ты вообще кто такой? – воззрился на него Мэйлир. – Очередной подпевала? Тебя тоже на дуэль надо вызвать?

– Да ты свихнулся, брат! – выдохнул Хит.

– Хватит!

Громогласный возглас разнесся над всем двором. Я была так взбешена выходкой старшего сына виконта Кеффила, что не заметила, как в сцену добавилось новое действующее лицо. Поняла это, уже

когда меня за плечо взяла, отодвигая, искалеченная рука. А затем я увидела и самого бородатого Куланна, который пробивался через моих однокурсников к Силвейну и Мэйлиру.

– Что здесь происходит? – рявкнул он.

Наш курс посторонился, и оказалось, что за спиной самого грозного из преподавателей с круглыми глазами толчется вторая группа третьекурсников, вспотевших и покрасневшихся, словно они только-только с тренировки. Видимо, Силвейн шел на Орлиную Голову, чтобы сменить там Куланна. Но не успел...

– Это не ваше дело, – бросил Мэйлир.

– Мое, – ветеран хищно оскалился. – В отсутствие ректора я исполняю его обязанности. Перевожу для салаг – это значит, что в академии никого главнее меня нет. Если мне прямо сейчас не объяснят, что тут за сыр-бор, то ректора вы можете и не дожидаться, потому что бесконечным терпением Освальта я не отличаюсь.

– Произошло недопонимание! – слабым голосом попытался встрять Хит.

Куланн окинул его строгим взглядом.

– Так причина ссоры – ты, малец?

– Он вообще ни при чем! – наконец у Мэйлира проклюнулся хотя бы росток трезвомыслия. – Я требую от Силвейна ответа за неподобающее аристократу поведение и расплаты за соращение честной и благородной девицы!

– А Эйри тебе чем не честная? – возмутился Уин.

Конечно, было здорово, что друг нашел в себе смелость за меня вступить, но звучало это так двусмысленно, что я вмешалась:

– Эй, меня вообще никто не соращал!

– По одному! – рявкнул Куланн. – И не частить! Тарен, ты первый.

Все заткнулись. Силвейн со странным выражением посмотрел на меня, затем кинул недобрый взгляд на Мэйлира, скрипнул зубами и сказал:

– Может, перейдем в ректорский кабинет? Незачем на всю академию вещать глупости и вранье.

Я едва не застонала. Вот вроде он и хотел как лучше, но подобрал такие выражения, которые делу никак не могли помочь!

Мэйлир ожидаемо вспыхнул еще сильнее.



— Клеветник здесь только вы, Силвейн! Вы боитесь, что академия узнает правду о ваших грязных делишках, потому и пытаетесь все замять. — Заметив, что Куланн собирается его перебить, он повысил голос. — Если кто-то не слышал, то я повторю! Сегодня утром я собственными глазами видел, как Силвейн и леди Лорна... совокуплялись в карете на улицах Вайля!

Последние слова дались ему с трудом. Кто-то сзади хмыкнул, а Хоэл обреченно прошептал: «Бедный идиот».

Все вокруг знали об отношениях преподавателя и дочки бургомистра. Их почти никогда не видели вместе, однако Лорна не скрывала, что вскорости ждет от Силвейна предложения. Лишнее подтверждение тому, что это правда, больно царапнуло меня по сердцу, но...

Я ведь с самого начала знала, что мне не на что рассчитывать. Даже наоборот, в какой-то мере пыталась избежать определенного внимания Силвейна, чтобы не повторить судьбу матери. И чего теперь слезы лить?

— Так, — Куланн зловеще прищурился. — Расскажи-ка мне, сынок, а что ты делал в Вайле? Не припомню, чтобы кто-нибудь давал тебе разрешение покинуть академию.

Мэйлир плотно сжал губы. Взгляд заметался по двору. Юноша медленно втянул воздух через нос и признался:

— Да, я сделал это без разрешения, но моя причина была весомой. Я шел к леди Лорне, чтобы сделать ей предложение руки и сердца.

Весь двор дружно охнул. Я оглянулась.

Ну да, в том, чтобы идти в ректорский кабинет, смысла не было — шила в мешке не утаишь. Вторая группа третьего курса, которую так старательно спроваживал Силвейн, никуда не ушла и топталась за углом, прислушиваясь к каждому звучащему здесь слову. Во двор высыпали студенты вместе с преподавателями и из других корпусов, и с тренировочной площадки, привлеченные шумом. Больше людей здесь собиралось только в тот день, когда встречали нового архея.

Почти все перешептывались, злорадно поглядывая на Мэйлира. По нему сохло не меньше девчонок, чем по Силвейну, и старшего сына виконта среди парней-студентов за это недолюбливали. Сегодня он дал отличный повод над ним посмеяться, прилюдно объявив, что шел со

свадебным предложением к девушке, которая без оглядки влюблена в другого мужчину.

И весь скандал теперь предстал совсем-е-ем в другом свете. Очень невыгодном для Мэйлира.

Так и оставалось бы, если бы Силвейн все не испортил.

Куланн поцокал языком.

– Два серьезнейших нарушения за один день, сынок. Ты сам выставил их напоказ. Иди в свою комнату и начинай собирать вещи. Эту ночь переночуешь в академии, а завтра утром съедешь в гостиницу в Вайле. Когда вернется ректор, к тебе отправят посыльного, чтобы ты мог получить необходимые документы. В остальное время тебе здесь будут не рады. А теперь подними перчатку и спрячь, пока не случилось ничего похуже отчисления.

– Подождите! – Хит сдавленно застонал. – Вы же только исполняющий обязанности ректора! Что, если он примет другое решение?

Старый вояка зыркнул на него.

– Мне жаль, малец. С учетом того, что это не первый проступок твоего брата, двух вариантов решения этой проблемы быть не может. Правила едины для всех. Когда Освальт вернется, он может подобрать другие слова, но итог будет тот же самый – отчисление. – Он повысил голос, чтобы следующая фраза разнеслась на весь двор. – И так будет с каждым, кто нарушает правила, независимо от того, какой статус у вас за стенами академии и сколько денег у ваших родителей!

В лицо Мэйлиру словно плеснули кипятка.

– То есть вот как здесь понимают справедливость? Вы вышвырнете меня, потому что я сказал правду, и оставите работать человека, который растлевает девиц и водит их за нос?

– Не перекручивай факты! – рубанул ладонью Куланн. – «Правду», которую ты нам тут выдаешь, еще нужно доказать. Ни одной растленной девицы я рядом не вижу, зато вижу юнца, обиженного на соперника по романтическому интересу.

– Да все он врет! – внезапно крикнули откуда-то сзади. – Лорна ему отказала небось, вот он и ищет, на ком сорваться!

– Я! Говорю! Правду! – громко и четко, выделяя каждое слово, произнес Мэйлир. – Клянусь перед Хеденом и Энедой! И объявляю,

что лорд Тарен Силвейн – трус, совратитель и лжец! Пусть примет мой вызов, поднимет перчатку и кровью сотрет мое обвинение!

– Хеденовы волосатые яйца, сынок, да он же тебя на котлеты порубит! – ругнулся Куланн, не смущаясь присутствия девушек вокруг. Поморщился, словно ему под нос сунули эти самые яйца, и совсем уже тихо пробормотал: – Ну какое паскудство...

Его расстройство было понятным. Он попытался уладить ситуацию, как умел, но лучше не стало, только хуже. Теперь все зависело от Силвейна – будет он принимать вызов или нет.

А тот смотрел на черную перчатку у своих ног и ничего не говорил, нагнетая напряжение.

– Этим утром, – начал он не спеша, словно бы задумчиво, – я действительно спускался в Вайль, чтобы отправить пару писем. Пешком. Ни в какие кареты по пути не залезал – слава богам, свои ноги пока не отсохли. Подтвердить это, разумеется, никто не может. Знал бы, что меня будут обвинять в чем-то подобном, взял бы сопровождение. Леди Лорну я не видел уже... Кажется, мы последний раз встречались дней десять назад, когда бургомистр пригласил к себе ректора, чтобы обсудить праздник на День Хедена. Самое смешное, Мэйлир, что с этой леди у меня ничего нет, не было и не будет, и именно по этой причине я старательно избегаю ее общества. Не знаю, кого и что ты там видел, да и видел ли вообще, а не выдумал. Твоя беда в том, что ты не ограничился этим, а принялся поливать грязью людей, которые этого не заслуживают. И этим ты только что...

Силвейн вдруг замолчал, вскинул голову и посмотрел в лицо Мэйлиру. В синих глазах преподавателя уже не плясало пламя. Там полыхал пожар.

– ...убил сам себя, – закончил Силвейн мертвенным тоном и потянулся к перчатке.

«Бух! Бух!» – застучало в моих ушах сердце.

Говорят, у людей перед смертью перед глазами за миг пролетает вся жизнь. А у меня пролетели картины того, что случится, если попечитель закончит свое движение и поднимет демонову перчатку.

Наши занятия прекратятся. Мне больше не у кого будет просить помощи, если что-то случится. Никто не спасет меня, если у Забавы в ее куриной голове опять что-то помутится и она на меня нападет. Не будет ни этих волшебных синих глаз, ни обаятельной улыбки, ни

добрых шуточек, ни крепкой ладони, поддерживающей меня во время подъема на вторую вершину...

И неизвестно, что будет с малышом Закатом, который в последние дни стал так хорошо расти.

В глазах вновь потемнело. Как и в прошлый раз, я больше не отдавала себе отчет в том, что делаю. Какая-то часть моего разума, сумевшая остаться трезвой, только и успела, что ужаснуться тому, как я кинулась к Силвейну и трусливо, эгоистично выкрикнула:

– Тарен, а как же я?

Рука, уже почти коснувшаяся перчатки, замерла. Силвейн медленно выпрямился. Помутневший взгляд прояснился, и на губах, согревая душу, неожиданно появилась улыбка.

– Спасибо, Эйри. Забылся я что-то.

Он прокашлялся, одернул камзол, снова улыбнулся, на сей раз ехидно, и громко заговорил:

– Мне напомнили, что как преподаватель и попечитель я в ответе не только за себя и поэтому не имею права принимать поспешных решений. Мой ответ, Мэйлир, таков, – и Силвейн вдруг пнул злосчастную перчатку. Та улетела куда-то в кусты хризантем. – Перевожу для салаг, как любит поговаривать мой добрый друг Куланн. Хочется меня очернить – очерняйте. Можете придумать в следующий раз какой-нибудь более изощренный повод. Ну, там, я не знаю, скотоложство, питье крови невинных младенцев, поклонение демонам...

По задним рядам прошли сдавленные смешки. Силвейн помахал рукой, давая понять, что он слышит и приветствует такую реакцию, и продолжил:

– Главное вот что. – И тут он сделал нечто совсем странное – отвернулся от Мэйлира и повернулся к архею, который до сих пор стоял поодаль и не вмешивался в происходящее. – Придется сильно постараться, чтобы сбросить меня с должности и удалить из академии.

– Вы все-таки трус, – прошипел Мэйлир.

– Да-да, совратитель и лжец, – Силвейн к этому моменту уже полностью вернул самообладание, поэтому насмешливо покрутил рукой в воздухе. – Помню. Можешь рассказывать об этом хоть в каждой таверне. Вперед.

Я боялась, что Мэйлир сейчас вцепится ему в глотку. К счастью, у сына виконта, в отличие от меня, хватило самообладания.

– Высшее общество непременно узнает, что вам там не место, – процедил он.

– Какая потеря! – Силвейн картинно воздел руки к небу.

Студенты засмеялись. Почти все они были аристократами и должны были бы осудить отказ от дуэли, но такое лихачество им нравилось. Куланн, наоборот, с неодобрением покачал головой. От преподавателя ожидалось более серьезное поведение.

Но это был Силвейн. Всего на несколько лет старше ребят, которых он обучал. Он понимал их, чем они живут, и сумел вывернуть ситуацию в свою пользу – я видела это по тому, как улыбались и смотрели на него зрители. Не студенты, а именно что зрители, потому что трагедия с вызовом на дуэль незаметно превратилась в театральный фарс.

Мэйлир это почувствовал. Наверняка он догадывался, что чем дольше задерживается на импровизированной сцене, тем хуже делает сам себе. Потому он бросил сквозь зубы в сторону соперника: «Шут!» – на каблуках развернулся и направился к общежитию.

Но далеко он не ушел.

Сначала раздался стук копыт, затем, едва вписавшись в узкие внутренние ворота, во двор влетела карета. Герб на дверцах сообщал, что она принадлежит бургомистру.

В глазах Мэйлира и его брата, до сих пор растерянно стоявшего рядом со мной, затеплилась надежда. Ведь это мог быть глава Вайля, приехавший обвинить Силвейна в растлении его дочери...

Дверцы со стуком распахнулись. На булыжники мостовой спрыгнула очаровательная брюнетка в пышном платье. Повеяло душистым ароматом роз.

Студенты вмиг оживились, принявшись еще громче перешептываться и с интересом подходить ближе к «сцене». Это же Лорна Гернель! Бургомистрова дочка и «предмет» едва не случившейся дуэли собственной персоной!

Лорна поправила прядь в и без того идеальной прическе и растерянно оглядела собравшихся во дворе людей.

– Что случилось? Вам уже доставили новости? – удивилась она.

– Какие новости, леди Гернель? – Куланн шагнул к ней.

И вдруг вперед, обогнав старого вояку, выскочил взъерошенный Хит.

– Леди Гернель, – выпалил он, – где вы были сегодня утром?

Девушка изумленно воззрилась на него.

– Дома. До обеда выбирала с портным, каким будет мой наряд на День Хедена.

– И... – Хит сглотнул. – Это кто-то может подтвердить?

– Да вся прислуга и мои собственные родители! Я даже разругалась из-за этого со своей почтенной матушкой, потому что она хотела видеть меня в совсем другом платье. А почему вы спрашиваете?

Бедняга Хит по цвету сравнялся с небеленым полотном. На Мэйлира и вовсе было страшно взглянуть.

Он уничтожил свою карьеру, опозорился перед академией – и все это... из-за ничего. Из-за собственной мнительности, слишком богатой фантазии и несдержанности.

Мэйлир сгорбился, спрятав лицо. Как он ушел, никто не видел.

Лорна, по-прежнему не понимавшая, что происходит, раздраженно всплеснула руками.

– Ай, все это точно может подождать! Я не просто так к вам мчалась, а хотела первой сообщить крайне важную новость, которую только что доставили моему дражайшему отцу!

– И что же случилось? – вновь спросил Куланн.

Девушка выдержала паузу, заставив всех к себе прислушаться, и торжественно произнесла:

– Король умер!

## Глава 20

Вся академия жужжала, как растревоженный пчельник. Правитель умер! Что же теперь будет?

Король Серен успел процарствовать не так уж долго. Он взошел на трон всего три года назад, после смерти отца, и не слишком заботился о государстве, предпочитая проводить время на балах. Монарх был молод – двадцати трех лет от роду, и в академии болтали, что нравом он отличался легкомысленным и вздорным. Вот, например, Силвейна якобы вышвырнули из Грифоньей стражи и вообще из столицы потому, что Серен приревновал его к своей жене, молодой королеве.

Наверное, слухи о характере были правдивы, потому что король не позаботился об одной из главных своих обязанностей – не дал стране наследника.

Трон могла занять и королева – при условии, что она сумеет перетянуть на свою сторону аристократию и удержать власть в кулаке. Правда, почти вся академия в этом сомневалась, потому что жена Серена была не старше нас, студентов, то есть слишком юна и неопытна.

Еще на корону претендовал дядя короля, хотя в его шансах тоже многие сомневались. И еще всегда мог неожиданно выдвинуться какой-нибудь влиятельный лорд, который захватит власть и станет основателем новой династии. Среди студентов назывались какие-то имена, но я их не запоминала.

Это для них, аристократов, все может измениться. Чей-нибудь родственник сидел на обочине, а теперь станет королевским казначеем, советником по торговле или займет еще какую-нибудь хлебную должность во дворце. Или, наоборот, кто-то из студентов не знал бед, а теперь на его род ополчатся из-за того, что к власти пришли его давние враги.

Для меня все останется так же, как и было. Одна радость – в этой суматохе все забыли о Силвейне и дурацкой дуэли. Хотя следовало признать, что для покровителя сегодня история сложилась лучше

некуда. Ну да, он отказался принимать вызов, едва не замарал честь, но ведь сразу выяснилось, что его оболгали!

И только я, пока все оживленно обсуждали, кто следующим наденет корону Аэнвина, не могла перестать думать о дуэли. Вернее, об одной детали.

Паутина. Откуда она взялась?

Я была уверена, что мне она не почудилась, однако форма Мэйлира была чистой. Позже я осмотрела свою и тоже не нашла там следов тех липких нитей, которые ощутила на своих руках.

Так бы я и махнула на это, если бы в памяти не всплыла похожая картина. Нити вроде этих я видела в Туманном венце, когда мы с Силвейном первый раз поднимались на Орлиную Голову. Тогда я мгновенно забыла об этом, поддавшись восторгу от возможности увидеть грифоньи гнезда. А теперь вспомнила не только это, но и где я наталкивалась на нечто подобное.

Предчувствие подсказывало, что это важно. Потому я улизнула от Силвейна, пытавшегося меня остановить, тихонько ушла от однокурсников, которые в запале дискуссий этого не заметили, забрала учебники и закрылась в своей комнате. Забралась в кровать с ногами, укрылась пледом и...

Раскрыла книгу.

Там, в учебнике по географии, а еще в моих воспоминаниях, лежали ответы на вопрос, который меня здорово тревожил.

И сделала я это вовсе не потому, что мне теперь было стыдно показываться на глаза Силвейну. «Тарен, а как же я!» Дурацкий вопль эхом звучал в ушах, не давая покоя. Что теперь все о нас будут думать? Я поморщилась. Уж лучше сосредоточиться на призрачных нитях, чем на этом.

Нити, да. И начать «тянуть за них» пришлось очень издалека.

Если быть точной, то с того самого раздела, который так тяжело давался Мади и так легко – мне. С теории Эфриддила о магическом разделении материков.

Людям было известно всего четыре материка. Наш, человеческий, – он когда-то принадлежал эльфам. Второй лежал на западе и принадлежал демонам. К счастью, он находился так далеко за морем, что эти твари до нас почти никогда не добирались. Третий лежал на востоке – огромный архипелаг, который окружали владения



русалок, кракены и прочие жуткие морские чудовища. Четвертый – на юге. Его населяли дроу, темные эльфы, которые ненавидели, кажется, весь мир.

Ученый по имени Эфриддил считал, что материков должно быть пять. Обосновывал он это интересно: поскольку существует пять видов магии, то и земель в мире столько же!

Основа его рассуждений была по-детски простой. Это меня удивляло в том, что она никак не укладывается в умненькой голове Мади. Все логично: каждый вид магии имел свой цвет.

Красная магия – огненное колдовство краснолицых демонов, их пустыни и выжженные земли.

Синяя магия – вода, русалки, кракены и тысячи маленьких островов восточного архипелага, разделенного морем. Действительно, человеческие маги, которые происходили оттуда родом, с исключительным мастерством управлялись с водной стихией.

Черная магия – это темные эльфы, их ненависть и желание подчинить себе весь мир. Самым искусным их оружием был ночной мрак.

Белая магия – светлые эльфы, а следом за ними – наши белокожие археи. Молочный Туманный венец – одно из самых известных чудес, напоминающих о старой эпохе, когда эту землю населяли наши предшественники.

Когда маги творили заклинания, они не брали волшебство «из воздуха». По словам археев, все вокруг состояло из нитей пяти цветов – красных, синих, черных, белых и желтых. Точнее, золотых. От того, как их сплести, зависело, какой результат ты получишь. И на каждом материке магам давалась только работа с нитями определенного цвета. К примеру, среди людей никогда не встречалось «красных» или «черных» археев, хотя именно так выглядели маги демонов или дроу.

Как можно было заметить, нити обладали пятью цветами, а материков насчитывалось всего четыре. По логике Эфриддила, это значило, что где-то есть до поры затерянный пятый материк – «золотой».

Теория выстраивалась красивая. Только и недостатков у нее была целая тележка.

Например, на севере нашего континента до сих пор жили темные эльфы, давным-давно отделившиеся от своих сородичей, и им никак не

мешало то, что у нас вроде как «белая» земля. Светлые эльфы, наоборот, ушли отсюда, но колдовать, очевидно, не перестали. И под отдельным вопросом стояло существование эн-хеев – человеческих магов, которые с одинаковым мастерством сплетали нити любого цвета.

В общем, наверное, все это действительно было сложно, если разбираться дотошно. Но детали меня в этот момент и не интересовали. Главное – я освежила в своей памяти абзацы о загадочных нитях, которые пронизывали все сущее и из которых рождалось волшебство.

А потом я опустила веки, вдохнула и погрузилась в воспоминания о детстве. Если не поднять их, не «сдуть с них пыль», то я никогда не пойму, как археи могли пропустить мой талант, если он вообще был.

Мой возраст был уже достаточным, чтобы проверки на колдовской дар сохранились в памяти. Пусть не в мелочах, но самое важное отпечаталось яркими картинками.

Шесть лет... Нет, почти ничего. Перед внутренним взором проплыли только смутные изображения белоглазых мужчин. Тогда, маленьким ребенком, я увидела их впервые, испугалась и заплакала. Вот и все.

Восемь лет. Это было весной. В садах цвела сирень – я с такой ясностью восстановила это в уме, что буквально ощутила в комнате сладких запахов лиловых цветов. Мы с мамой жили где-то на севере Аэнвина. Там нравы царили суровее, поэтому археи не сами приехали к нам домой, а заставили идти в какое-то государственное учреждение. Всю дорогу мама талдычила мне, что нельзя ковыряться в носу при высокопоставленных персонах, а я ее почти не слушала. Но потом мама за это устроила мне выволочку и обязала ни в коем случае не говорить, что я вижу какие-нибудь нити.

Я тогда об этом не задумывалась. Просто кивнула и сделала так, как она говорила. Все равно никаких нитей я и правда не заметила. А сейчас густой аромат сирени стремительно поблек в памяти и уступил место горечи.

Ох, мама, мама... Выходит, ты уже тогда знала, что я могу оказаться магом? И заставила меня это скрывать?

Толку обижаться на мать сейчас не было никакого. Поэтому я засунула чувства подальше и сосредоточилась на последнем

воспоминании. Чтобы картины вырисовывались ярче, я села удобнее и замедлила дыхание, делая его размеренным. Почти медитация – Силвейн говорил, что такой способ помогает не только настроиться на связь с питомцем, но и сосредоточиться на чем-то важном. Например, уложить в голове пройденный учебный материал, чтобы потом не запинаться на экзамене.

Это и правда помогло. А может, просто последние воспоминания были самыми свежими, да и в десять лет я соображала намного лучше, чем в шесть. Стояло лето, мы переехали южнее, и повсюду летал тополиный пух. Проверка на колдовской дар подразумевала, что ее устроят ребенку неожиданно, но, как и в прошлый раз, нас предупредили о визите археев заблаговременно. Они пришли к нам домой вдвоем – третий то ли заболел, то ли задержался в дороге.

Я одновременно боялась, была заинтригована и злилась. Первые два чувства вызывала мысль о том, что, если дар все-таки обнаружат, придется покинуть мать и учиться в далекой академии с незнакомцами. Третьему чувству была виной обида на мать.

Я знала, что один из проверяющих археев, неприятный на вид молодой мужчина, посещал ее за день до проверки. Но мама соврала, что ничего такого не происходило. Как она могла иметь от меня секретки?

Второй архей был совсем стариком. Если бы не глаза, то и не понять бы, что он маг. Он водил передо мной руками и просил говорить, вижу ли я что-нибудь, а может, чувствую себя странно? Я пожимала плечами – в воздухе ничего не появлялось. Только один раз между ладонями старика как будто натянулись белые нити.

«Паутинка», – радостно сообщила я, пытаясь поймать ее пальцами.

Старик оживился. И вдруг второй, молодой, влез между нами и рассмеялся.

«Это же тополиный пух, – сказал он, действительно достав откуда-то колыхающийся белый клубок. – Девочка увидела тополиный пух».

Я рассердилась, потому что точно знала – передо мной появился совсем не пух, а длинные сверкающие нити паутины. Но мама строго-настрого приказала важным дядям не перечить, поэтому я промолчала

и лишь подумала: «Как забавно. Татуировка на щеке этого человека тоже напоминает паутину».

Я резко распахнула глаза, возвращаясь в настоящее.

Паутина! Коллар! Неужели это был он? Зачем он тогда скрыл, что я маг? И помнит ли, что студентка Эйри и есть та девчонка, которой он девять лет назад устраивал проверку?

А главное – что теперь делать?

Идти к Коллару и требовать ответы точно будет идиотизмом. Он приехал сюда, чтобы найти эн-хея, а я уже слишком привыкла и к Закату, и к Небесной академии, чтобы бросать их ради непонятного будущего, в котором меня могут счесть очередным Эмхиром Кровавым. С другой стороны, что, если Силвейн был прав и Паук явился на Облачные вершины, чтобы воспользоваться пророчеством и объявить эн-хеем себя? Тогда я стану для него помехой, которую нужно устранить.

Постойте... Если Коллар помнит обо мне, а это почти наверняка так, потому что та-хеев не так уж много, то я уже для него помеха. Что, если нападение Забавы вовсе не было случайным?

В комнату постучали. Я подпрыгнула от неожиданного звука и уставилась на дверь.

Надеюсь, это не Коллар заявился, прочитав мои мысли? Археи же так не умеют, да? Да?!

– Кто там?

– Это я, Тарен.

Я с облегчением выдохнула. И тут же напряглась снова, вспомнив свой нелепый выкрик во время вызова на дуэль.

Ругнувшись, я соскочила с кровати, наспех ее заправила, зашвырнула в сундук разбросанные вещи и только тогда ответила:

– Войдите.

Силвейн шагнул в комнату мягко и так же беззвучно закрыл за собой дверь. Вид у него отчего-то был печальный, не чета тому разухабистому шутовскому образу, который преподаватель продемонстрировал, ставя на место Мэйлира.

– Что-то случилось? – сразу спросила я, с тревогой всматриваясь в его лицо.

До чего же я привыкла, что Силвейн всегда на подъеме, сыплет шутками и готов сворачивать горы, если это нужно, чтобы научить

чему-то студентов!

Он слегка улыбнулся, но получилось это тоже с оттенком грусти.

– Ты забыла, что у нас с тобой занятие.

Спохватившись, я выглянула в окно. Ну что за день! Действительно, звон учебного колокола я, похоже, пропустила, чересчур глубоко погрузившись в воспоминания.

– Простите. Я...

Силвейн взмахнул рукой, прерывая меня:

– Увы, оно будет последним.

Я не сразу осознала, что он сказал. А когда осознала, на глаза навернулись слезы.

– Господин Силвейн, если вы решили, что, раз я опоздала, эти уроки мне не нужны...

– Нет, дело не в этом.

– Тогда в чем? Это из-за того, что брякнул Мэйлир? – Я порывисто шагнула вперед. – Да мне плевать, что меня считают шлюхой! Я та-хей, ко мне все равно никто и никогда в высшем обществе не будет относиться как к достойной.

– Эйри, – он со вздохом подтянул к себе единственный стул в комнате и сел, – ты, как всегда, бежишь впереди конского табуна. Во-первых, если кто-то тебя еще хоть раз назовет шлюхой, я из него рагу сделаю. Во-вторых, не сомневаюсь, что ты еще утрешь нос всему высшему обществу. Девушка, которая с кулаками кидается на мужчину втрое сильнее ее, чтобы защитить своего преподавателя, еще и не на такое способна. В-третьих, я пришел вообще по другой причине. Это занятие будет последним, потому что меня срочно вызывают в столицу.

От комплиментов потеплело в груди, но...

– Это же не из-за дуэли?

– Нет. Это потому что я королевский бастард. Старший брат почившего сегодня короля. И, похоже, каким-то чудом я оказался наиболее законным из всех имеющихся претендентов на трон.

Я уставилась на него.

Что?

– Да, и самое важное, – как бы между прочим обронил Силвейн. – Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

## Глава 21

Я неуклюже плюхнулась обратно на кровать. Надеюсь, хотя бы не с открытым ртом, а то хороша была бы невестушка герцога!

– Мы даже еще не целовались, – почему-то вырвалось у меня самое глупое, что можно было ляпнуть в такой ситуации.

Силвейн хитро прищурился.

– Это легко исправить.

Я фыркнула. Как и всегда, его шуточки немного прочистили мне голову. Но в любом случае узнать, что ты магесса, едва не стать причиной смертельной дуэли, получить предложение замужества, и все в один день – это было перебором. О какой уж тут ясности мыслей говорить?

– Не представляю, что должно было случиться, чтобы вместо леди Лорны вы выбрали меня...

– Она слишком душная, – вставил он.

– ...но сначала вам стоит обо мне кое-что узнать, – я метнула на него сердитый взгляд. Даже предложить руку и сердце этот мужчина не может без ехидных замечаний! – Мне кажется, у меня есть колдовской дар.

– Я знаю, – спокойно ответил Силвейн.

Я помолчала.

Если потрясений слишком много, особенно за короткий срок, то их перестаешь воспринимать как нечто эдакое. Вчерашняя кухарка может оказаться величайшим магом за последнюю пару веков, герцог собирается жениться на безродной служанке и знает, что она при этом архей, а преподаватель, поймавший тебя на краже яблок, оказывается королевским сыном. Прекрасно. Что дальше? Коровы умеют летать? Розовые единороги на самом деле существуют? Я бы уже ничему не удивилась.

Вздыхнув, я приняла более-менее приличную позу на кровати. Не самое подходящее место для подобного разговора, да только пересесть все равно некуда.

– Предложила бы вам чая или чего-нибудь еще, но, увы, у меня нет ничего съестного, и кипятить воду негде. Да и чайника нет. А

выслушать ваши объяснения очень хочется, господин Силвейн. Особенно о том, почему о моих способностях вам известно больше, чем мне самой.

– Тарен, – поправил он. – Называй меня просто по имени. Ты сегодня уже начала это делать, и мне понравилось.

– Это вырвалось случайно. Я прошу прощения за фамильярность.

– Это было искренне, – возразил он. – И извиняться тебе не за что. Знаешь, почему многие аристократы на самом деле ненавидят простоллюдинов?

Я пожала плечами:

– Потому что они грубые и необразованные?

– Потому что они могут позволить себе искренность. В то время как мы вынуждены плести из этикета, лжи и недоговорок гигантскую паутину, которая нас же самих и душит.

– Вам ничто не мешает не плести ее.

– Эйри-Эйри, святая простота и чистая душа, – вздохнул Силвейн и откинулся назад, закинув ногу на ногу. – Хотя, наверное, ты, как всегда, права так, что правее некуда.

– Конечно, женщина всегда права, – я с некоторой театральностью всплеснула руками. – Всему-то вас учить надо, господин Силвейн.

– Тарен, – вновь мягко поправил он.

В глазах у него вдруг промелькнуло что-то такое, что мне стало стыдно. Нет, это была не обида на меня и не злость. Наоборот – теплота и нежность. Просто так благородный мужчина не придет делать предложение безродной девушке, а я тут цирк устраиваю...

– Тарен, – повторила я, глядя в его непостижимо синие глаза. – Я в замешательстве: то ли мне бегать по потолку от радости, что я заинтересовала самого красивого мужчину в окрестностях, то ли ненавидеть человека, подарившего мне мечту, за то, что он скрывал от меня истину. Пожалуйста, не надо больше никакой паутины. Если все это не какая-то изощренная шутка и вы... ты действительно хочешь видеть меня рядом с собой, я должна знать правду.

– Я так и подумал, – кивнул он. – Поэтому решил рассказать все целиком. Сядь поудобнее. Боюсь, это надолго.

Я поставила локоть на высокое изножье и приготовилась слушать. Знала бы, захватила бы что-нибудь с кухни, но что уж теперь жалеть. Ко всему в жизни не подготовишься. А Тарена, кажется, бедность

обстановки нисколько не смущала. Даже на обшарпанном стуле он умудрялся выглядеть царственно. В то, что он королевский сын, верилось и без доказательств.

— Это началось... да, пожалуй, еще до моего рождения, — заговорил Силвейн. — Моя мать — крайне амбициозная женщина. Будучи отпрыском разорившегося мелкого дворянского рода, она сделала все и немного больше, чтобы попасть в королевский дворец, где сумела обратить на себя внимание короля. План из пустого места стать королевой почти сработал. Король, тогда еще достаточно молодой и неженатый, пал под чарами юной фаворитки и зачал ребенка. Увы, мою мать не поставили в известность, что, пока она кувыркалась с королем в его покоях, дипломаты утрясали вопрос с его женитьбой на принцессе из Анлезии. И поскольку брак этот был политически необходим из-за человеческого союза против темных эльфов, король выбрал вовсе не нищую фаворитку с безызвестной фамилией. Мать быстро спихнули замуж за герцога, чтобы обеспечить ей безбедную жизнь, а король торжественно обручился с чужеземной принцессой. Ничего не напоминает?

— Моя мама всегда говорила, что ее взяли против воли.

— А ты бы стала ее уважать, если бы знала, что она сознательно пошла на незаконную связь? Вряд ли она не понимала в тот момент, откуда берутся дети.

Я вздохнула.

Потом немного подумала и вздохнула еще раз.

— Скорее всего, ты прав. Мы постоянно переезжали из города в город, мама заставляла меня красить волосы, так что наверняка мы могли бы избежать архейских проверок, если бы она захотела. И брались же откуда-то деньги на переезды, хотя у нас не было ни родственников, ни богатых покровителей. Книги тоже недешевая вещь, а у мамы они водились. И знаешь... В учебнике по истории мне на днях встретилась фраза древнего философа, что люди — мастера игнорировать то, что не укладывается в их мировоззрение. Похоже, я достигла в этом небывалых высот. Но даже если предположить, что мама легла под архея, понимая, чем это закончится, я не могу ее ненавидеть. Моя мама — это моя мама. Другой у меня нет. И я точно знаю, что всю жизнь она старалась ради моего блага, пусть ее представления о благе и не всегда совпадали с моими.



Тарен болезненно поморщился.

– Ты уникальной мудрости и широты души девушка, Эйри. А я вот к своей матери уважение потерял. Хотя узнал правду значительно позже, что-то чувствовал еще в детстве. Мой «отец»-герцог, очевидно, не собирался молчать, что получил невесту уже с «довеском». А может, просто кому-то мешался, потому что вскоре после моего рождения он упал с лошади и сломал шею – в аристократических кругах это уже привычный способ скрыть убийство. Мать, в общем-то, получила то, чего хотела, – пусть не королевство, зато целое герцогство, которым охотно управляет до сих пор. А я рос, даже толком не зная, как выглядит мой «отец», потому что все его изображения из дома быстро убрали и старых слуг уволили. Никто не должен был пустить слух о том, что молодой герцог Силвейн больше похож на короля, чем на своего отца.

– И что пошло не так?

Он пожал плечами:

– Мать отправила меня учиться в Небесную академию. С одной стороны, это престижное образование, с другой стороны, это далеко от столицы. И вдруг оказалось, что у меня не просто талант к полетам. Я еще и полюбил это всей душой. Стал лучшим сначала на курсе, потом во всей академии и попал в Грифонью стражу. А она охраняет самого короля.

Я нервно хохотнула.

– У богов изощренное чувство юмора.

– Именно. Когда я оказался в Мавеннаре, поползли слухи. Кто-то заметил мое поразительное сходство и с королем, и с его наследником, затем припомнил любопытную историю моей матери, которая исчезла из дворца прямо перед монаршей свадьбой, и вдруг погибшего отца. Сложить два и два труда не составило. Но проблема, как позже выяснилось, была даже не в этом. Мало ли что говорят люди – некоторые клянутся, что к ним ночью спускался сам Хеден с Энедой под ручку, но, пока нет доказательств, это не более чем досужая болтовня. А король...

Силвейн замолчал и передернул плечами.

– Король уже знал, что скоро умрет. И лекари, и археи в один голос твердили, что ему осталось не больше года. Видел он и то, что Серен, сын от анлезийской принцессы, править не способен – это

понимал каждый, кто хоть раз с ним встречался. А других наследников нет. Помутненный долгой болезнью разум вдруг осенила гениальная идея – если законный сын никчем, пусть его заменит на троне второй, плевать, что незаконный. Сейчас мы быстренько напишем документ, который признает права бастарда, помашем этой бумажкой перед придворными – и они все будут рукоплескать, а судьба страны окажется в крепких руках молодого и перспективного офицера, на чьей стороне вся Грифонья стража. Идеально!

Он произнес это с таким сарказмом, что сразу стало ясно – затея старого короля уже в самом начале стала воплощаться в жизнь совсем не так, как ему хотелось.

– Король поделился этим со своими ближайшими сподвижниками. Люди, которые успели превратить принца Серена в свою марионетку, как и следовало ожидать, не оценили, что им в буквальном смысле с небес на голову свалился новый наследник. Я тогда был одурманен новыми возможностями и вел... прямо скажем, не самый благочестивый образ жизни. Меня попытались убить, прикрыв все пьяной дракой. Мне повезло. Потом вторая попытка. И снова повезло. Мои мозги наконец прочистились, но было уже поздно. Пришлось играть по чужим правилам, теми фигурами, которые мне оставили.

– Коллар. Он тоже принимал в этом участие?

Тарен странно посмотрел на меня.

– Почему ты так решила?

– Сегодня я видела паутину на Мэйлире, и в то же время его форма была чистой. Думаю, Коллар его околдовал, чтобы ты повелся на провокацию и тебя вышвырнули из академии. Это связано с тем, что ты... принц?

Это слово даже далось нелегко. Перекатывалось на языке, как тяжелый камень, и рухнуло в комнате могильной плитой.

Принц. Не просто преподаватель или аристократ. Демонов принц! До меня только сейчас, когда я произнесла это вслух, начало доходить все безумие ситуации.

Тарен со вздохом расстегнул тугой ворот рубашки.

– Мысль логичная, но думаю, это все-таки связано с тем, что ты можешь оказаться эн-хеем. Коллар был тем, кто спас меня во время второго покушения. Он играл в свои собственные игры во дворце и решил, что я могу ему оказаться полезен. Каким-то образом он убедил

сторонников принца Серена, что я тому не конкурент. Я действительно не собирался садиться на трон, особенно после таких красноречивых предупреждений. Мне сообщили, что документ о моем законном праве на корону уничтожен еще до того, как был оглашен публично. Король умер, на престол взошел принц Серен, и я честно принес ему присягу. Я верил, что на этом все и закончится, однако Коллар вынудил меня покинуть столицу и уйти из Грифоньей стражи, пока никто не вздумал, будто я по-прежнему представляю угрозу. Ну а чем еще я мог заняться, если не обучением студентов? Коллар со мной согласился, но напомнил, что у меня по отношению к нему должок.

– Я, – мрачно произнесла я.

– Он написал мне этим летом, – кивнул Тарен. – Сказал, что в академии появилась некая девушка со спящим магическим даром, которую нужно хорошо пристроить. Я был уверен, что даю тебе шанс на лучшую жизнь, и понятия не имел, что уже через несколько дней сюда заявится сам Коллар с бреднями о пророчестве.

Я запрокинула голову и уставилась в потолок.

О чем-то таком следовало догадываться. Ну не просто же так лучший наездник и первый красавчик в городе взял и принял та-хея в элитное учебное заведение! И все-таки правда меня разочаровала.

Это не я сама по себе замечательная. Это кому-то приспичило побаловаться политикой, а я всего лишь пешка в игре...

– Эйри, – Тарен потянулся ко мне и взял за ладонь. – Понимаю, что тебе неприятно такое слышать, но я старался ради твоего же блага. Наши судьбы в чем-то похожи, и я не хотел, чтобы ты стала марионеткой в руках Коллара. И тем более чтобы ты погибла из-за амбиций одного высокомерного подонка. Он предпринял уже по меньшей мере две попытки тебе навредить: когда наслал морок на Забаву, чтобы она на тебя напала, и сегодня, когда запудрил голову Мэйлиру, чтобы меня вышвырнули из академии и я не мог о тебе заботиться. А теперь, похоже, нашими судьбами решили поиграться сами боги. Документ, который признает мои права на трон, не был сожжен. Хуже того – случайно или по чьему-то злому умыслу он сегодня выплыл на свет. Теперь весь королевский дворец знает не только о моем существовании, но и о том, что сам старый король хотел видеть на троне именно меня. Если я сегодня же не вылечу в Мавеннар, дело кончится плохо для всех. Я уже даже собрал вещи –

осталось только сесть на Урагана. Но ты при этом остаешься без защиты, и я решил...

– Сделать мне брачное предложение, – завершила я за него. – Значит, ты это совершенно серьезно.

– Убийственно серьезно, – усмехнулся он, но синие глаза смотрели на меня с тревогой. – Мой статус человека, который платит за твою учебу, от посягательств Коллара тебя не защитит. Если ты станешь моей женой, история будет выглядеть уже совсем иначе. Герцогиня обладает гораздо большими правами, чем безродная студентка. Я позаботился о том, чтобы ты зависела не от Коллара, а от меня. Его деньги в действительности поступают на благотворительность, а твое обучение оплачивается только из моего кошелька. Если ты станешь моей супругой, долг за обучение и содержание Заката аннулируется – по договору он переходит к твоему мужу, ну а если им буду я, то глупо выплачивать деньги самому себе. Ты получишь титул, состояние и возможность спокойно сообщить Коллару, куда ему следует идти, если он начнет тебе чем-то угрожать.

– Не будет у меня такой возможности.

Тарен нахмурился.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что любой маг, вне зависимости от титула и статуса, отправляется в Белую академию.

– Это не совсем так. Те, кто служил в Грифоньей страже, и их семьи имеют определенные привилегии и возможность обратиться к самому королю. Если ты призовешь стражу на помощь и скажешь, что ты не магесса, а Коллар пытается тобой воспользоваться, тебя ему не выдадут. По меньшей мере далеко не сразу. А за это время ситуация может развернуться как угодно.

– Трюк сработает только в том случае, если у меня нет дара, – возразила я. – А он есть.

– Ну так не говори никому об этом, – невозмутимо предложил он. Я несколько мгновений смотрела в его синие-синие глаза.

И это я здесь наивная?

– Ты так говоришь, будто колдовской дар можно спрятать в кармане!

– Он у тебя не проявлялся все эти годы, Эйри. Наверняка ты сможешь скрывать его еще какое-то время.

Я потрясла головой, не веря в то, что услышала. Меня опять заставляют врать! Да чтоб демоны побрали этот клятый архейский талант!

– Тебя пытались убить, Тарен. Что изменилось? То, что документ обнародовали? Ну так покушений станет только еще больше. Ты ради чего меня берешь в жены – чтобы я тут же осталась вдовой?

– Я не собираюсь погибать, – твердо ответил он. – Так ты принимаешь мое предложение?

– Нет.

У него округлились глаза.

– Нет?

– Нет, – с легким раздражением повторила я. – Раньше тебе, видимо, не отказывали?

– Ну да, – помедлив, подтвердил Тарен.

– Хотя в чем-то я первая, – проворчала я.

Он отпустил мою руку и хмуро откинулся обратно на спинку стула.

– Это из-за того парня, Уина?

О, эта мужская логика! Если кто-то виноват, то обязательно другой мужчина.

– И снова нет. Тарен, я навсегда останусь тебе благодарна за то, что ты позволил моей мечте сбыться и так терпеливо меня учил, даже если на самом деле тебя попросил об этом Коллар. Но брак – это не про защиту. Вернее, не только про нее. Это про любовь. А ты меня не любишь.

– С чего ты взяла, что это не так? – еще сильнее посмурил Силвейн.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

– Ты не сказал об этом ни слова. Зато очень много говорил о том, что я должна врать.

На божественно красивом лице отразилось замешательство, а мне вновь стало больно.

Что же ты за дура, Эйри, отталкивать такого мужчину? Когда еще тебе улыбнется подобное счастье – быть с человеком, от которого замирает твое сердце?

Но я так не могла. Пусть и хотелось прямо сейчас выпрыгнуть в окно и броситься с обрыва, который вот, всего-то в паре десятков

шагов...

– А если я встану перед тобой на одно колено и признаюсь в любви? – хрипло произнес Тарен.

– И снова ответ будет «нет». Ты хочешь, чтобы было по-твоему, вот и все. Чтобы я скрывала дар, потому что так удобнее, чтобы вышла за тебя замуж, потому что опять же так удобнее... Но если я поддамся, то без любви мы станем не мужем и женой, а рабами нашей клятвы. Только испортим друг другу жизнь. Пойми же, нельзя вступать в брак только для того, чтобы насолить какому-то там Коллару. Это уже не защита. Это страдания, которые продлятся много-много лет.

В горле набух комок, не давший договорить. На глаза навернулись слезы. Мне претило выглядеть перед Тареном слабачкой в такой момент, поэтому я отвернулась, молча глотая горечь, хотя на самом деле могла сказать еще многое.

Например, что, если я соглашусь, однажды Силвейн о своем предложении пожалеет. Принц не имеет права жениться на безродной служанке. Королевская семья должна заключать альянсы, думать о нуждах всей страны и все такое прочее, чем там еще занимаются государственные деятели. А что может дать стране та-хей?

Ни-чего.

Только запоздалое ощущение вины у мужа, что он продешевил, ведь мог жениться на умнице и красавице принцессе, а выбрал меня. И почему? Из простого чувства жалости. Иных причин, зачем бы принцу сейчас брать меня в жены, я не видела. Если он сам этого не понимает, тяжесть решения мне придется взять на себя. В первую очередь затем, чтобы потом не страдал мужчина, который мне небезразличен.

Запущала ткань – Тарен встал со стула.

– Я тебя услышал, – по-прежнему с хрипотцой сказал он, словно ему мешал говорить комок в горле. – Нет – значит, нет. Принуждать женщину к браку – быть последним подлецом, хотя, клянусь Хеденовым топором, я бы тебя сейчас с превеликим удовольствием закинул на плечо и потащил в храм. Как бы там ни было, все остальные мои предложения до сих пор в силе. Плата за твое обучение продолжит поступать в срок. Если возникнут проблемы, иди к Куланну или сразу к Освальту. Они оба уже посвящены в нашу ситуацию и оба надежные люди, которые не дадут тебя в обиду. И последнее. Я научил тебя медитациям, но так и не успел обучить тому, как наладить

ментальную связь непосредственно с Закатом. Если захочешь это сделать, ищи золотую нить.

– Хорошо. Спасибо, – тихо ответила я, чтобы не выдать дрожание в голосе.

Тарен постоял рядом еще несколько мгновений, как будто чего-то ждал. Прежде чем я успела понять чего, он резко развернулся и быстрыми широкими шагами вышел из комнаты, довольно громко закрыв ее за собой.

Я уставилась в пустоту, глотая слезы.

Все ведь неплохо начиналось. Мы шутили и даже перешли на «ты». В какой момент все умудрилось так стремительно покатиться к демонам?

Его же могут там убить. На сей раз взаправду, и Коллар уже не поможет, потому что он здесь, следит за мной. А я так паршиво попрощалась с человеком, который... который...

Да. Нечего тут кривить душой. Это Силвейн подарил моей жизни вкус, а не какой-то там Паук, всю жизнь наблюдающий за мной из темного уголка. И я вот так к нему – спиной...

Это неправильно. Неправильно-о-о...

Решение было импульсивным. Я спрыгнула с кровати и вихрем пронеслась по коридору общежития, чуть не сбив изумленную старшекурсницу. Выскочила на крыльцо и...

Не успела. Силвейн уже запрыгивал на спину Урагана, на котором сегодня был надет непривычный элемент – нечто вроде ремня, удерживающего нехитрую поклажу. Огромный грифон приобрел персиковый оттенок в лучах закатного солнца. Издав довольный крик, полулев-полуорел оттолкнулся лапами от земли, взмахнул мощными крыльями и грациозно взлетел в небо.

– Тарен! – с отчаянием крикнула я.

Слабо! Тонко! Бесполезно! Он не услышал. Непривычно мрачное красивое лицо не дрогнуло, взгляд не метнулся ко мне. Только в моей груди стало так больно, словно в сердце кто-то воткнул кинжал.

Я опустилась на ступени и закрыла лицо. Неожиданно на плечо легла чужая рука, а нос учуял крепкий мужской запах. Я вздрогнула и обнаружила, что передо мной Куланн.

– С ним все будет хорошо, – бодро произнес старый вояка. – Тарен – самый везучий и ловкий сукин сын из всех, кого я знаю.

Я не улыбнулась и вообще промолчала.

Что ты наделала, безнадежная ты дура, что наделала...



## Глава 22

### Силвейн

Злость и горечь рвали меня на куски. Я едва махнул рукой на прощание Куланну, который по-дружески вышел меня проводить, а других преподавателей и студентов, наблюдающих за моим отлетом с вытянутыми лицами, вовсе проигнорировал.

Из-за проклятого письма, который гонец доставил из Вайля почти сразу после того, как Лорна принесла новость о смерти Серена, вся академия теперь знала, что я драный демонами за ногу принц.

Ну, может, без демонов.

Но принц.

И, конечно, только для одного человека во всем мире это ничего не изменило.

Я замер, на миг с тоской глянув в темнеющее небо, и передал Урагану мысленный приказ: «Лети так быстро и высоко, как можешь».

Грифон восторженно заклекотал. Пока мы жили на Облачных вершинах, он ни в чем себя не ограничивал – ни в скорости, ни в высоте, ни в продолжительности полетов, но все равно обрадовался. Мы с ним уже давно никуда не летали вместе на такие расстояния. Был бы еще повод более веселым...

Я даже загадывать не хотел, что меня ждет в Мавеннаре. Я был «ничьим» человеком, без когорты сторонников-аристократов за спиной, и мое появление страсть как не понравится тем, кто облизывался на корону. Не исключено, что я там встречу свою смерть.

Пусть так. Сейчас я бы принял ее с распростертыми объятиями. О троне я никогда и не думал, а к постоянному присутствию Эйри привык настолько, что уже и не представлял, как можно провести вечер без ее огромных глаз, очаровательных ямочек на щеках и звонкого смеха.

И вот ничего этого не будет. Твердый отказ не оставил места для трактовок.

Когда я шел к Эйри, то уже знал, что она человек, живущий по сердцу, а не по разуму. Я мог бы сразу начать с правды – что я без ума от нее. Что ее образ не оставляет меня ни наяву, ни во сне. Что ради ее

защиты я готов хоть в лепешку разбиться. И... зачем-то я стал упираться на логику, выгоды брака с аристократом. Так, словно Эйри – обычная девушка.

Идиот. Я так долго скрывал правду о своем происхождении, что слишком заврался. А с Эйри так было нельзя.

Мне и раньше хотелось убить мальчишку, который постоянно возле нее толкался, а теперь это желание горело с удвоенной силой. Бесхребетный малец, привыкший не вести, а подстраиваться под остальных. И все же что-то, видимо, он ей предложил, раз она промолчала, когда я о нем заговорил. Искренние чувства?

Да, мне хотелось стереть паренька в порошок. В то же время я никогда бы не тронул его пальцем. Если Эйри будет с ним счастлива, так тому и быть. Но если он ее обидит...

Я из-под земли вылезу и придушу его голыми руками.

Может, она и правда меня околдовала? Иначе почему я веду себя как безмозглый подросток и думаю не о том, кого из придворных перетянуть на свою сторону, а о каком-то там Уине? А сосредоточиться мне надо именно на придворных, потому что если я ничего не добьюсь в столице, то Эйри останется и без защиты – и без меня. Поездка может решить хотя бы часть наших... ее проблем, и провалиться я не имею права. Даже если девчонка в итоге выберет другого мужчину.

«Тарен!»

Я услышал крик не столько ушами, сколько мыслями. Проклятье, она снова сделала это! Снова отправила ненаправленный ментальный импульс, еще и никак его не контролируя! И сколько в нем было боли!

Ураган покачнулся, едва не потеряв ветер под крыльями. Мне пришлось вцепиться в его шерсть и крепче прижаться к теплой грифоньей спине, чтобы не сорваться вниз. А высоту мы уже набрали приличную, и приземление однозначно лишило бы меня мозгов. На сей раз уже не метафорически.

Мне хотелось выругаться. И снова – на себя. Следовало быть с Эйри откровеннее и не замалчивать от нее то, что вскоре с потрохами выдаст существование у нее дара. У обычных людей не бывает такой силы зова, чтобы просто брать и швырять ментальное сообщение во все стороны!

Когда Ураган выровнялся и я наконец смог взглянуть вниз, Эйри на меня уже не смотрела, а рядом с ней стоял кряжистый вояка.

Проглотив эмоции, я отвернулся и сосредоточился на ломаной линии горизонта. Уже было поздно – и разворачиваться обратно к академии, и что-то менять. Меня ждал Мавеннар. Оставалось лишь надеяться, что Куланн и Освальт позаботятся о девчонке.

Если я выживу там, в столице, то вернусь. И тогда поборюсь за Эйри снова, доказав ей, что чувства у меня очень даже есть...

## Глава 23

### Эйри

Прозвенел колокол. Математик поправил очки и строго сказал:  
– Время вышло. Сдаем контрольные.

Первой, конечно, встала Мади, скучавшая последнюю четверть часа, потому что уже давно все выполнила. Хоэл с завистью посмотрел ей вслед, засопел и принялся с утроенной скоростью строчить на своем листке формулы.

Вторым встал Дилан, за ним и Уин. Он тоже быстро справился с заданиями, но зачем-то медлил. Воспользовавшись тем, что преподаватель отвлекся, Брейт и Гвиллим принялись шушукаться, обмениваясь подсказками. Остальные наострили уши, чтобы, если повезет, успеть исправить что-нибудь в решении.

Лишь Хит не слушал. Он тоже смотрел в окно, но вовсе не потому, что сек в этом предмете. Наоборот, оценки у него были посредственными. Последние два дня Хит так вел себя вообще на всех занятиях.

Его брат официально больше не учился в Небесной академии. На следующий день после вызова на дуэль вернулся ректор и подтвердил решение Куланна. Студенты, не умеющие держать себя в руках, подвергающие ненужному риску свою и чужую жизнь, здесь были не нужны. Мэйлир жил в одной из гостиниц Вайля, ожидая письма от родителей – согласятся они выкупить привязавшегося к сыну грифона или тот останется в академии ждать, когда у него появится новый наездник.

Друзья Мэйлира, с которыми раньше постоянно таскался Хит, мгновенно потеряли к нему интерес, а на своем курсе он друзей не завел. Ему, конечно, посочувствовали... но не слишком. Брат сам выкопал себе яму. Туда ему и дорога.

Ведь белой паутины на Мэйлире никто больше не видел.

Тарен советовал никому не говорить о моем магическом даре, поэтому я помалкивала о тех нитях. В любом случае я никак не могла доказать, что Мэйлира околдовали и поэтому его исключение несправедливо. Но совесть мою молчание все равно угнетало, и оно же

меня бесило. Разве Хит, постоянно задирающий нос, и его братец-хам не получили по заслугам? В том, что они оба меня оскорбляли, уж точно виновато не колдовство Коллара!

Я бросила на Хита, устроившегося на задней парте и как будто вообще забывшего о контрольной, сердитый взгляд и поднялась. Два примера я так и не успела решить, ну и демоны с ними. Хорошо, что хоть что-то сделала. Без Мади, которая меня подтягивала вечерами, и этого бы не удалось.

– Побыстрее, пожалуйста, – математик повысил голос. – Две минуты вам ума не прибавят.

Гвиллим и Брейт, завздохав, потянулись за мной, а там и остальные. Я отдала листок преподавателю и вышла из учебного корпуса, вдыхая промозглый осенний воздух. Погода, в тон настроению, тоже не радовала последние дни.

Студенты принялись разбредаться. Занятий сегодня больше не было, до ужина оставалась пара часов. Короткие мгновения свободы, когда можно делать что хочешь. Ну или готовиться к завтрашним занятиям, как Мади, которая помахала мне рукой на прощание и побежала в библиотеку.

Я замерла у крыльца, рассеянно глядя на плывущие по небу облака. Ко мне сразу подошел Уин.

– Надеюсь, нормально сдал, – пробормотал он. – Не знаю, правильно ли решил пятый пример. У тебя сколько получилось?

Я пожала плечами.

– Не помню уже. Ты же знаешь, я с цифрами не очень. Спешила, чтобы успеть хоть что-то.

Уин как будто не услышал.

– Первым, конечно, не буду, – продолжал он себе под нос. – Ну и к лучшему. Тут лишь бы и не последним стать. А ты, Эйри, как думаешь, какое место займешь? – встрепенулся друг.

Я вновь пожала плечами, на сей раз с раздражением.

Уин был хорошим парнем. Симпатичным, достаточно умным и сильным, дружелюбным и необидчивым. И плевать, что фигура немного нескладная, а лицо чуть более загорелое, чем у студентов-аристократов. Главное-то в другом. Но вот эта его легкая помешанность на том, чтобы быть строго вторым, начинала выводить меня из терпения.

– Какая разница, на каком я месте? А если на первом или последнем – что теперь, умереть от стыда? Или прятаться ото всех?

Вышло грубовато. Он глянул на меня с удивлением.

– Когда ты один из немногих простолюдинов в элитной академии, лучше не привлекать к себе внимание, но учиться достаточно старательно и не отставать.

– Ты же общаешься со мной, Уин! Я привлекаю внимание. Каждый день. То своими седыми волосами, то якобы любовной связью с преподавателем, то нападением Забавы, то тем, что постоянно хожу в авиарий, куда нельзя другим студентам. Тебя это не смущает?

– Ты – другое, – веско произнес он. – Чего ты злишься? Да и вообще, что с тобой последние дни такое? До сих пор переживаешь из-за того, что Мэйлир ляпнул?

Я устало потерла глаза.

Вот как ему объяснить... Наверное, никак. Что я могу сказать – что совершила величайшую ошибку в жизни и теперь жалею об этом?

– Да, – просто ответила я. – Прости. Из меня очень плохая подруга.

– Вовсе нет, – махнул рукой Уин, нисколько не обидевшись. – Я понимаю. У меня же сестры есть. У вас бывают дни, когда... ну... вы постоянно нервничаете. Пройдет.

Я чуть не закашлялась.

Интересное объяснение, н-да-а... Впрочем, пусть считает так.

– Пройдет, – согласилась я.

– А ты сейчас чем будешь заниматься? – поинтересовался он.

Я нашла глазами большие часы на башне.

– Мне пора на...

И осеклась.

Целый месяц в это время я ходила на уроки Силвейна. Теперь его не было. И уроков тоже. Больше никто не захотел брать за меня ответственность, да я и не просила.

– ...на встречу с Закатом, – выкрутилась я. – Надо почаще его навещать. А то, когда начнутся тренировки, он будет шарахаться от других людей.

– Ага, ты говорила. Ну ладно. Если захочешь поболтать, я у себя, – он как-то странно на меня посмотрел. – Заглядывай вечером. Я

раздобыл кое-чего вкусенького – попросил слугу купить в Вайле. Тебе понравится.

– Я уже договорилась на вечер с Мади, – я сделала невинные глаза. – Может, мы вместе с ней придем?

Уин сразу замялся.

– На троих, боюсь, не хватит.

– Жаль, – с притворной грустью вздохнула я. – Тогда в другой раз.

– В другой, – кивнул он и направился к общежитию.

Я задержалась на несколько мгновений, глядя ему вслед.

После того как Тарен исчез, Уин осмелел. Стал ближе ко мне подсаживаться, вот и заманчивые приглашения начали поступать. Только полная дура не поняла бы, к чему он ведет.

Такую партию следовало хорошенько обдумать. У Уина были все шансы купить титул и благодаря этому попасть в Грифонью стражу. Унижать простолюдинку по происхождению ни он, ни его родня никогда не будут, потому что сами все еще там. Любая разумная девушка на моем месте согласилась бы на его ухаживания.

Но не я.

Не лежало у меня к нему сердце. И все тут. Я как-то раз попыталась собрать воедино все свои мысли на этот счет, но ни к какому логическому выводу так и не пришла. В итоге махнула рукой и положились на то, что сердце лучше знает, что ему надо.

Хотя если уж оно вынудило меня отказать наследному принцу, писаному красавцу, который сам сделал мне предложение, то сердце у меня уж очень загадочное.

При воспоминании о Тарене в груди кольнуло. Я плотно сжала губы, не давая вырваться наружу... чему-то, что закричало внутри. Названия этому я не могла подобрать.

Тарен не боялся ничего – ни слухов, ни всеобщего внимания. Он смело загородил меня от Забавы и собирался порубить на куски оскорбившего меня Мэйлира. Он всегда шел впереди, не боялся вести за собой и тем более не собирался прятаться в моей тени или выигрывать что-то за счет моего положения.

Уин – не Тарен. Возможно, в этом все дело.

Я вздохнула и отмахнулась от бесполезных размышлений. Они никак не помогали понять, чем сейчас заняться. Я соврала, что мне нужно к Закату, но это было не так – сегодня я уже у него была.

Ужасно хотелось прилечь и немного подремать, однако если сейчас пойду в комнату, Уин заметит и теперь уж точно обидится.

Хотя что мне мешает навестить чудо в перьях еще раз? Я уже несколько дней, с самого отлета Тарена, пыталась воспользоваться его советом и найти золотую нить, чтобы наладить связь с грифоненком. Ничего не получалось. Будь Тарен здесь, наверняка бы я уже чего-нибудь добилась...

Ну вот, опять. Поморщившись, я развернулась к спуску с горы и зашагала к авиарию.

А там меня ждал сюрприз.



## Глава 24

Я замедлилась, увидев белую мантию рядом с огромной клеткой. Причин для появления Коллара не было. И Гордец, и Кусачка сегодня вели себя спокойно, а Закат прямо-таки сиял здоровьем – лекари только и могли, что нахваливать, как быстро он поправляется. Так быстро, что скоро станет крупнее других птенцов, родившихся в то же время!

Паук что-то разглядывал на крыше авиария. Промелькнула мыслишка развернуться и быстренько вернуться, пока он не заметил. Я тут же ее отмела.

Никогда трусихой не была и не буду. Вот.

Двери авиария были раскрыты. Я направилась внутрь, но чутье не подвело – тут же меня остановил голос Коллара:

– Постой. Тебя зовут Эйри, верно? Подойди сюда.

Я обернулась. Страшно хотелось съязвить, что он прекрасно знает мое имя, но я сдержалась.

Даже Силвейн остерегался с ним конфликтовать напрямую, а мне тем более не стоит. Если Коллар в самом деле стоит за нападением Забавы, лишний раз лучше его не злить.

Но и приближаться к нему я не стала.

– Что-то случилось?

Белое, словно вылепленное из гипса лицо Коллара оставалось бесстрастным.

– Ректор сказал, что пора выводить Заката на свежий воздух. Он должен привыкать к жизни вне клетки, иначе его крылья никогда не разовьются полноценно. Я здесь, чтобы исправить магическое плетение на авиарии.

– М-м. Так исправляйте.

Нет, мне все-таки не удалось убрать желчь из голоса. Архей приподнял бровь.

– Ну, спасибо за разрешение. Вообще-то мне нужно обсудить с тобой состояние Заката. Я могу и на всю академию об этом прокричать, но будет разумнее, если ты подойдешь.

За словом в карман Паук не лез. И убеждать тоже умел. Часть меня понимала, что он ловко дергает меня за ниточку любви к своему грифоненку, и тем не менее я сразу встревоженно направилась к Коллару.

А если с Закатом правда что-то не так?

– Так лучше, – похвалил Паук.

Прозвучало это неприятно. Я оглянулась и поняла, что мы стоим за авиарием, а вокруг никого нет. Сразу стало тошно и страшно.

– Успокойся, я не наврежу, – изменив тон на более резкий, произнес архей. – Твой попечитель успел наговорить обо мне гадостей, так ведь?

– Ему не понадобилось, – неохотно ответила я. Поздно притворяться, когда уже попала в ловушку. – Я вас помню и уверена, что вы тоже прекрасно помните, как проводили мне проверку на колдовской дар девять лет назад. Вся академия считает, что вы мой отец, а вы делаете вид, как будто ничего не замечаете.

– А что я должен был сделать? Публично отречься от тебя? – Коллар холодно смотрел на меня. – Одних это еще сильнее убедило бы, что ты моя дочь, другие получили бы повод тебя затравить. Пока никто не уверен в ответе, то и предпринимать никто ничего не станет.

Я смело встретила его взгляд.

– То есть это была такая забота обо мне – полное равнодушие?

– Да. Причем это прекрасно работает в обоих случаях – и если ты моя дочь, и если нет.

Я вздохнула. Зачем только я взялась его провоцировать? Опытного придворного интригана мне никогда не переспорить.

– Вы хотели поговорить о Закате?

– Хотел. Но раз ты помнишь обстоятельства нашего знакомства, то кружить вокруг да около смысла нет. Ты уже и сама должна понимать, что отменное здоровье Заката вовсе не его заслуга и не божественное чудо. В последнее время ты плохо спишь, быстро устаешь и худеешь, хотя питаться стала лучше, верно?

– Верно, – упавшим голосом ответила я.

До этого у меня еще оставались надежды, что всему виной учеба. Куланн сгонял с нас семь потов на тренировках, на лекциях мы часами не вставали из-за парт, а потом до глубокой ночи я сидела за

учебниками, чтобы не ударить лицом в грязь перед сокурсниками. При таком режиме подорвать здоровье – задача нехитрая.

Но мои силы просто перетекали Закату. А поскольку я не управляла этим совершенно, то не знала, радоваться этому или нет.

– Я могу разорвать связь, если она тебя обременяет, – безразлично предложил архей.

– И что тогда будет? – насторожилась я.

– Здоровье вернется к тебе, грифон зачахнет.

– Да вы с ума сошли! – взвилась я, в ужасе представив, как жизнерадостный малыш падает без сил на подстилку из сена и жалобно пищит, умирая. – Не смейте даже вслух это при мне произносить! Если ваши методы всегда такие, то не удивлена, почему Тарен не хотел меня к вам подпускать!

Коллар неясно чему усмехнулся.

– Дочь своей матери. Гленда еще и подзатыльник могла дать.

То, как запросто он назвал маму по имени, неприятно царапнуло. Зато теперь уже не оставалось сомнений, что этот мужчина имеет гораздо большее отношение к моей судьбе, чем случайный проверяющий из детства или один из служащих академии. И это только ухудшило мое мнение об архее.

– Надеюсь, на этом мы разговор закончили, – отрезала я.

– Он еще даже не начинался. Я понял, что к питомцу ты привязана...

– Закат не какой-то там питомец, – процедила я.

– ...и вреда ему причинять не буду, – продолжал Коллар, словно не услышав. – Но то, как бесконтрольно ты пользуешься даром, неправильно и противоестественно. Нужно начать твоё обучение, и чем быстрее, тем лучше. Начинай собирать вещи – мы едем в Белую академию. А пока я улажу дела с ректором, будешь ходить на личные занятия со мной.

– И вы тянули полтора месяца, прежде чем мне это объявить?!

– Я должен был удостовериться, что в академии нет других людей с даром, – уклончиво ответил архей. – Ни среди студентов, ни среди слуг. Теперь, когда я в этом убедился, сомнений не осталось. Если здесь и есть эн-хей, то это ты.

– Послушайте, – окончательно разозлилась я. – Вы меня избегали девять лет, если не все девятнадцать. Сумеете как-нибудь обойтись без

меня еще столько же.

– Пророчество говорит, что...

– Вот именно! – вдруг осенило меня. Спасение было под носом, а я его едва не прощелкала! – Пророчество еще не сбылось. Когда оно исполнится, вот тогда сможете размахивать своими правилами и обязанностями. Официальные проверки я прошла, вы сами в этом участвовали и установили, что никакого дара у меня нет. Собираетесь выставить себя некомпетентным, а то и вообще лжецом? Так я помогу, не сомневайтесь. И еще парочку увлекательных баек от себя добавлю.

– А этому ты уже явно у Тарена научилась, – сквозь зубы выдал Коллар.

– Представьте себе, у вас, – я смело посмотрела ему в глаза. – Тарен мне лгал, но его отношение ко мне говорит само за себя. Он добрый и хороший человек. Чего не скажешь о вас, господин архей. Вы наслали морок на Забаву, чтобы она меня растерзала. А когда Тарен этому помешал, вы решили избавиться сначала от него и для этого задурили голову Мэйлиру. Вы стольким людям сломали жизнь, и что-то мне подсказывает, что совесть вас ни капли не мучает. Почему тогда меня должна?

Паук сузил глаза.

– В твоих рассуждениях огромные пробелы, и ты сама наверняка это замечашь. Если бы я хотел тебя убить, нападением Забавы не стал бы ограничиваться, и приглашать тебя в Белую академию тоже. Происшествие было ошибкой. Что до Мэйлира, то этого высокомерного и глупого юнца никто за язык не тянул. Да, я послал ему видение. Остальное – его собственных рук дело. Он мог промолчать о том, что видел, и спокойно доучиться, однако он выбрал дуэль, публичный позор и исключение. И признайся, Эйри, разве тебе стало хуже, когда из академии исчез человек, распространяющий о тебе грязные слухи? Без брата Хит долго здесь не продержится, а он тоже среди тех, кто портит тебе жизнь.

– А, так вы хотите вывернуть ситуацию так, будто еще и помогли мне, – с пониманием кивнула я. – Но, знаете, это не пройдет. С Хитом и его братцем я и сама отлично бы справилась. Меня не первый раз травят из-за цвета волос, опыт кое-какой есть.

– Уверена, что ты сама справлялась в те разы? – спросил архей, внимательно глядя на меня.

Я прикусила язык. Нет, теперь утверждать такое у меня не было права. Не каждого своего обидчика я била в челюсть, чтобы проверить – это мой удар поставил его на место или чья-то невидимая паутина не дает поганцу заново открыть рот.

– Что за ошибка с Забавой? – вместо ответа уточнила я. – Насылая на меня взбешенную грифоницу, вы тоже пытались каким-то хитрым образом помочь?

– Нет. – Коллар странно замялся. Если бы я не знала, что передо мной опытный интриган, подумала бы, что он смущен. В любом случае проверить это было невозможно – на лишенных цвета щеках не мог появиться румянец. – В тот день я приходил к Закату, проверял, насколько сильна волшебная связь между вами. Боюсь, я причинил ему боль. Забава должна была наброситься на меня, но Туманный венец спутал нас с тобой, Эйри. Он решил, что ты – это я. Как только на бал бургомистра прибыл гонец с известием, я бросил все и приехал сюда, но ректор не пустил меня к тебе.

Ну да, ну да. Я отвернулась, не желая смотреть на этого человека и на то, как дергается при разговоре татуировка-паутина на его щеке. Очередная искусная ложь!

Которая тем не менее не оставила сомнений, что передо мной мой отец. Отец, даже не желающий об этом открыто сказать.

– Эйри, – гораздо более мягким тоном произнес он. – В Белой академии тебя ждут безбедная жизнь, слава и всеобщее уважение. Больше никто не посмеет о тебе сказать плохого слова.

– В лицо, – уточнила я. – За спиной-то могут сколько угодно плевать. Как в вас, например.

Коллар нахмурился, но решил это не комментировать.

– Тебе не придется расставаться с Закатом. Я о нем позабочусь.

– Но о нем не смогу заботиться я, потому что у меня не будет правильного образования.

– А когда ты воровала для него яблоки, ты всерьез считала, что станешь его наездницей?

– Нет, но с тех пор кое-что изменилось.

– То, что я заплатил за твое обучение, – отрезал Коллар. – Деньги по-прежнему поступают от меня, а не от посредника, которым выступил Силвейн.

Вспомнив длинный и подробный договор, который мы подписали с Тареном, а также его слова при прощании, я покачала головой. Очередная паучья ложь.

– Ну так заберите эти деньги. Вот уж видят боги, не желаю быть вам обязанной в таких вещах!

Лицо архея исказилось. Казалось, он вот-вот зашипит, как змея.

– Не хочешь по-хорошему? Тогда будет по-плохому. Заката, так и быть, я не трону. Звереныш ни в чем не провинился. Но к своему попечителю ты, похоже, тоже привыкла сильнее, чем следует, а Тарен постоянно лезет куда не просят. Покушения на него уже совершались. Сейчас он в Мавеннаре, где опасность может появиться из-за любого угла, а я... – Тонкие губы Коллара раздвинулись в хищной улыбке. – Здесь. И никак не могу помочь слабейшему из претендентов на трон.

Внутри поднялась волна ненависти к этому недоразумению, бледному подобию человека, стоящему передо мной. Правду говорила мама – не могла она полюбить Коллара, он только силой мог принудить ее к связи с собой. И нет во мне ни капли, ни малейшей крохи от него.

– Либо, – медленно произнес он, с чувством превосходства глядя на меня, – я все-таки пошлю весточку своим знакомым в столице, чтобы они приглядывали за твоим непутевым попечителем. Может, ему повезет и он даже станет королем. Но только в том случае, если ты прислушаешься к доводам разума и поедешь в Белую академию.

Вот же грязный ублюдок...

– А что насчет пророчества? – ухватила я за соломинку.

– Организуем, – спокойно ответил Коллар. – Жду твоего ответа до завтрашнего вечера. Поторопись – в Мавеннаре выбирают нового короля, а у нас еще эн-хей не явлен.

– Это слишком мало! Мне нужно больше времени!

– На что? – он недовольно скривил губы. – На складывание вещей? У тебя гардероб такой, что понадобится три кареты? Нет? Вот и все. Уверен, что ты в состоянии прямо сейчас решить, нужна тебе жизнь Тарена или нет, но я так добр, что даю тебе время взвесить «за» и «против» до завтра. Если ты считаешь, что можешь пожаловаться ректору и он что-то придумает, – нет, это тебя не спасет, зато драгоценному герцогу-бастарду подпишет смертный приговор.

Освальт точно так же подчиняется закону, как и все остальные, и будет обязан выслать тебя в Белую академию.

Несколько мгновений за авиарием слышался только скрежет моих зубов. Проклятый Паук предусмотрел все!

— Теперь разговор окончен, — холодно бросил он и ушел, оставив меня одну.

## Глава 25

Я стояла у входа в авиарий, обхватив себя за локти и устало привалившись к косяку. Закат при виде меня радостно заверещал и понесся навстречу, но врезался в невидимую стену и оскорбленно заворчал. Наверное, и к лучшему, что я не входила внутрь, – грифоненок так вырос, что больше походил на молодого бычка, чем на львенка. Сбить меня с ног и переломать кости ему ничего не стоило.

Закат еще попрыгал у входа, надеясь привлечь мое внимание, однако я не приближалась. Окончательно обидевшись на бесчувственную «мать», он развернулся ко мне задом и неожиданно посеменил к Гордецу. Тот на удивление не стал игнорировать малявку, а принялся лениво валять его крупной лапой по сему. Закат не отчаивался и изображал яростное нападение, хотя ни разу так и не достал старшего товарища. Очевидно, своим появлением я прервала их игру – потому-то возле авиария и стояла такая непривычная тишина.

Мне ужасно хотелось присоединиться к ним. Я знала, что Гордец меня не поранит. Рабочие боялись его даже больше, чем Кусачку, потому что Гордец был моложе и крупнее – его, в отличие от собрата, не удавалось запереть в загоне. Каждый раз он ломал доски, выворачивал железные прутья и вновь принимался терзать потолок клетки. Однако меня он... не принимал всерьез, что ли. А может, считал своей из-за того, что я уйму времени проводила с Закатом.

Но я продолжала стоять там, где стою, хотя больше всего на свете хотелось кинуться к малышу, прижаться к его теплой спине и зарыться лицом в золотистую шерстку. Если послезавтра меня заберут в Белую академию, какой вообще смысл во всем этом? Зачем травить себе душу? Буду со стороны со щемящим сердцем наблюдать за тем, как один из самых опасных грифонов на Облачных вершинах берет на себя роль отца Зката.

Хоть кому-то нравится быть отцом, пусть и не для своего ребенка.  
– Эйри! Вот ты где!

Я рассеянно оглянулась. К авиарию спешил Хоэл, улыбаясь и помахивая мне рукой.



– Тебя Мади ищет. Она раньше освободилась из библиотеки и хотела предложить сесть за учебники, но не нашла тебя в комнате, – сообщил Белка. – А я согласился помочь тебя искать.

Его живые черные глаза блестели. Хитрец решил хотя бы так подмазаться к девушке, интерес к которой он и не пытался скрывать. Уже весь курс с любопытством следил за тем, удастся ли ему растопить холодное сердце «принцессы».

Но мне вдруг стало все равно. Я кивнула и отвернулась, вновь уставившись на «борьбу» Заката с Гордецом.

Хоэл в недоумении застыл неподалеку.

– Эйри, ты слышала?

– Ага.

Юноша помялся, покосился на охранника, но тот не отреагировал – пока студенты не входили в авиарий, его это не волновало. Тогда Хоэл подошел ближе ко мне и заглянул внутрь.

– Ого, – с уважением выдохнул он, оценивая Гордеца. – Надеюсь, у меня такой же грифон будет.

Не удержавшись, я фыркнула.

– Ты же низкий, Белка. Как ты на него залезешь?

– Запрыгну как-нибудь, – отмахнулся тот. – Лучше признавайся, почему ты здесь печалишься. На тебе лица нет. Белая, как... как Туманный венец.

От такого сравнения я вздрогнула. Неужели магия уже начала проявляться во внешности, лишая меня цвета?

Да нет. Рано еще. Это просто Белка выбрал неудачные слова.

– Архей хочет забрать меня в Белую академию, – внезапно само собой сорвалось с языка признание.

Хоэл помолчал.

– Значит, ты действительно магесса?

– Да. Нет. Не знаю, – я сердито дернула плечами. – Какой-то дар у меня есть, но понятия не имею, какой силы. Его никогда не тренировали. Может, я вообще способна только на то, чтобы свечку задуть из другого конца комнаты.

– Многие и этого не могут, – резонно заметил он. – Так почему ты расстраиваешься?

– Не хочу быть археем, – с тоской ответила я. – К демонам эту Белую академию. Я мечтала о том, чтобы быть наездницей, и даже

прямо об этом сказала Коллару. Только он и слышать ничего не хочет. Уже представляет, как объявит меня эн-хеем и будет вертеть мной перед другими археями, используя в грязных интригах. Он даже угрожал убить Силвейна, если я не соглашусь на его условия.

– Вот это заявления, – у Хоэла вытянулось лицо. – Этот Паук вообще осознает, что говорит?

– Прекрасно осознает, – мрачно подтвердила я.

– Но это же вызов для всех наездников! Всей Грифоньей стражи!

– Ты смеешься? Кто мне поверит? Коллар раскидывается магическими мороками, как кокетка – носовыми платками со своими инициалами. Я вякнуть не успею, как все вокруг окажутся одурманены магией. Он даже исполнение пророчества готов подстроить! Да и не наездница я еще. Как будто не знаешь, что одно лишь поступление в академию еще ничего не значит.

Самое время было пожалеть о том, что я не приняла брачное предложение Тарена. Сейчас имела бы полное право обратиться к Грифоньей страже. Хотя бы для того, чтобы спасти мужчину, которого...

Я шмыгнула носом, не решаясь это произнести даже в мыслях. Любви между нами нет. Я отказала, он улетел. Все. Точка.

Хоэл снова стих, задумавшись. Затем он оглянулся на сторожа, но тот стоял достаточно далеко и ничего не слышал. Юноша все равно на всякий случай понизил голос.

– Ты житие Ариана Наездника хорошо помнишь?

Я фыркнула.

– Наизусть.

– Ну и что, забыла момент, когда он исполнил пророчество и стал эн-хеем? Что он сделал?

– Он сразу же объявил, что желает встречи с королем, а тому сказал, что собирается покорять Облачные вершины.

– И ему никто словом не возразил! Чуешь, к чему я веду?

– Хоэл, это сказка! – я закатила глаза. – Прошло столько веков! Никто не знает, как оно было на самом деле и возражал ли кто-то Ариану!

– Вот именно, – Хоэл меня передразнил, тоже закатив глаза и при этом соорудив смешную гримасу. Я улыбнулась, но неуверенно. Выглядело это хоть и забавно, однако я не понимала, к чему он вел. –

Никто не знает, что там произошло, поэтому ты можешь настаивать на том, что каждое слово в этой истории – чистая правда, и требовать к себе такого же отношения.

– Но я не эн-хей!

– Ну как же медленно ты временами соображаешь! – всплеснул руками однокурсник. – Если Каэлданский Паук может подстроить исполнение пророчества, то и ты можешь. Тебе только и нужно, что его опередить. Тогда и инициатива будет в твоих руках. Ты в карты когда-нибудь играла?

– Играла.

– Ну так представь, что ты благодаря этому маневру получишь козырь.

– Ага, – уловила я его мысль. – Еще вопрос, как удастся этот козырь разыграть, но важно, что он у меня вообще будет.

Сравнение с картами мне понравилось. Действительно, было проще принимать решения, когда представлял это в такой плоскости. Главное – не заиграться и не забыть, что на кону человеческие жизни.

– Наконец-то, – Хоэл с довольным видом хлопнул меня по плечу. – Начинаешь мыслить как настоящий гвардеец из Грифоньей стражи.

Я скривилась в ответ, однако не могла не признать его правоту. Тарен не зря мне говорил, что аристократы привыкли плести паутину, а из собственного опыта я знала, что честный игрок, вступающий в противоборство с шулером, всегда обречен на проигрыш.

Видимо, все-таки придется принять чужие правила игры, пока со мной не случилось то же самое, что с Тареном во время его первого пребывания в столице.

– Спасибо, Хоэл, – искренне поблагодарила я. – Ты гениальный стратег и тактик.

Он отмахнулся, но порозовевшие щеки выдали, что ему приятно это слышать.

– Для службы в гвардии меня натаскивали с детства. С учетом этого мог бы показывать и лучшие результаты. Давай лучше обсудим, как мы будем «сбывать» пророчество и делать тебя эн-хеем.

– Мы? – с подозрением переспросила я.

– Мы же собирались после окончания академии вступить в Грифонью стражу одним отрядом! – важно сказал Хоэл. – Топор

Хедена мне в глотку, если я упущу возможность служить рядом с могущественнейшим магом последних столетий!

Я хихикнула – одно из ругательств Куланна звучало в речи однокурсника неуместно.

– Ты лучший, Хоэл. Серьезно.

Он отвесил шутовской поклон.

– Спасибо. Но если честно, у меня нет идей, что делать дальше. В магических делах я соображаю мало. Давай, думай, как сделать так, чтобы тебя приняли за эн-хея.

– Оракул видел небо и золото в нем, – повторила я слова Коллара. – Помнишь, мы собирались сыграть спектакль по той битве... ну, с непроизносимым названием?

– Да, которую может без ошибок назвать только Мадри, – хмыкнул Хоэл. – Значит, нам нужно за ночь изготовить «золотых» грифонов и синие декорации.

– Вдвоем мы не успеем никак.

– Кто сказал, что мы должны этим заниматься вдвоем? – удивился он. – Пусть весь курс пашет. Ты и их эн-хей тоже.

– Ох, боюсь, им это не понравится...

– Одна душа на всех. Они согласятся, – уверенно ответил Хоэл. – Официально мы еще не наездники, но это не значит, что мы не таковы в душе. Только... ну...

Он нервно засмеялся и добавил:

– В общем, я бы на твоём месте подготовил и запасной план тоже. Мало ли что пойдет не так.

– Разумно. – Я внимательно всмотрелась в узкое, скуластое лицо друга. – Но скажи честно, что ты хочешь взамен? Дело ведь не ограничивается тем, что я могу оказаться настоящим эн-хеем?

Белка густо покраснела.

– Просто скажи Мадри, что это все было моей идеей, ладно? Скажешь ведь?

Я рассмеялась.

– Заметано.

## Глава 26

Дело шло к вечеру, поэтому большинство студентов уже сидели в общежитии: кто готовился ко сну, кто – к завтрашним занятиям. Нам повезло – Дилан оказался в числе прилежных учеников. Когда Хоэл без стука вломился в его комнату, наш однокурсник сидел за толстой тетрадью, выписывая туда математические примеры, и оторопело уставился на нас.

– Нам нужно, чтобы ты за ночь сделал обещанных к спектаклю грифонов! – объявил Хоэл так торжественно, словно сообщал о высшей награде, а не огорошивал товарища неожиданным требованием.

– Вы сдурели? Я только полтора макета выточил!

– Полтора? – переспросил Белка. – Это как?

– Один целиком и второй наполовину! У него еще даже крыльев нет!

– А если мы тебе поможем, ты сколько успеешь сделать до завтра? Взгляд Дилана стал еще более ошалелым.

– До завтра?! – почти взвизгнул парень.

– Тише, Дилан, тише! – Хоэл подскочил к нему, плеснул в кружку воды и сунул однокурснику. – Попей, успокойся... А мы пока объясним, в чем дело.

Выпив воды, Дилан действительно успокоился. А когда выслушал нас, махнул рукой:

– Если всю ночь просижу, три штуки к утру будут готовы, но очень грубой работы. И не надо так лыбиться, Белка! Зови весь курс, потому что у меня еще даже заготовки не выбраны. Кто-то должен собрать перья и выкрасить их, а это задача не пяти минут!

– Ладно! Бегу! – выдал Хоэл.

И действительно убежал. Только дверь хлопнула.

Мы с Диланом, оставшись наедине, уставились друг на друга.

– Может, тебе помочь чем-нибудь? – неуверенно спросила я, чувствуя себя ужасно глупо.

Он засопел и потянулся за теплым осенним плащом. К вечеру погода начала портиться.

– Навести коменданта. Я видел у него лазурную краску, как раз подходящую для декораций, но он не очень хотел со мной делиться. Может, у тебя получится его убедить. А я пока схожу выберу поленца для заготовки. Все равно никто, кроме меня, не знает, на что нужно обратить внимание...

Я последовала его совету и спустилась на первый этаж. С комендантом действительно пришлось повоевать. Он, во-первых, не хотел тратить хорошую краску на одноразовый спектакль, а во-вторых, ленился заниматься этим под вечер. Дилан как в воду смотрел – если бы я сама не была служанкой и не знала, на что давить, ни за что не убедила бы коменданта помочь. Да и то мне это удалось лишь после долгого словесного боя.

Когда я вернулась с двумя большими банками краски и кистями, в комнате было уже битком набито народу. Дилан вернулся с несколькими поленцами и теперь ругался с Уином по поводу того, как их лучше обрабатывать. Гвиллим и Хоэл спорили, как сделать фон для сцены – натянуть на доски ткань или же обклеить их бумагой. Мади с поджатой под себя ногой сидела за столом и сочиняла сценарий с репликами для «актеров». Не хватало только Брейта.

Хотя стоило мне поставить краску на пол, как веснушчатый Болтанка сунулся в дверь и спросил:

– Вы правда здесь пытаетесь каким-то образом помочь Силвейну?

Хоэл бросил быстрый взгляд на меня и ответил:

– Да. Есть подозрение, что архей участвует в заговоре против него и хочет подстроить покушение. Только это секрет.

– Вот как, – очень многозначительно кивнул Брейт.

– Именно. Ты скоро освободишься? У нас рук не хватает.

– Достаточно скоро, – невнятно пробормотал тот и исчез.

Как только дверь закрылась, Хоэл перестал сдерживаться и засмеялся. Когда остальные недоуменно посмотрели на него, он пояснил:

– В течение получаса ждите в гости старшекурсников, которые захотят хоть что-нибудь для нас сделать, лишь бы это помогло Силвейну и насолило Коллару. Вы как будто Болтанку не знаете! Для него слово «секрет» – это повод тут же побежать и всем разболтать услышанное!

– Но ведь тогда архей тоже обо всем узнает, – озадаченно выдал Дилан.

Хоэл фыркнул.

– Не надо недооценивать Брейта. Неправильным людям он как раз таки ни слова не скажет.

Кстати, о неправильных людях. Я обвела взглядом наше собрание. Не хватало не только Брейта, но и еще одного человека. И хотя я совершенно по нему не соскучилась, все равно спросила:

– А где Хит?

Все переглянулись.

– Вот уж не думал, что именно ты задашь этот вопрос, – натянуто ответил Хоэл.

– То есть его не позвали, – утвердительно произнесла я.

– Среди студентов есть сыновья сторонников и королевы, и дяди короля. Но только у Хита есть твердая причина не любить и тебя, и Силвейна, вместе взятых. Если кто-то и донесет архею, чем мы здесь занимаемся, то это с самой высокой вероятностью будет он, – однокурсник склонил голову и посмотрел на меня. – Тогда тебя под каким-нибудь дурацким предлогом упекут в Белую академию, а Силвейна убьют. Уверена, что хочешь всем рискнуть, позвав Хита?

Я пожала плечами, однако промолчала. За то, чтобы пригласить Хита, больше никто не выступил. Все прятали глаза – выскочку никто не любил, хотя среди ребят были и те, кто происходил из гораздо более родовитых семей. Наверное, и мне не следовало настаивать на его присутствии, хотя поневоле проскочила мысль: как же мы станем единым отрядом к последнему курсу, если уже через полтора месяца обучения начинаем плести интриги друг против друга?

А с другой стороны, Хит никогда и не пытался влиться в наше общество.

– Ну ладно, – сказала я, и, кажется, все в комнате с облегчением выдохнули. – Чего у нас еще не хватает? Перьев? Кто-нибудь поможет мне за ними сходить? Нет, Гвиллим, клянусь богами, из-под хвоста у Кусачки я ничего выдирать не собираюсь. Да и нет там вообще-то перьев...

## Глава 27

За окнами давно стемнело. Время от времени все позевывали, но продолжали заниматься делом: стругали деревяшки, очищали набранные в курятнике перья и старались придать им золотистый оттенок. Затем наклеивали их на макет, уже изготовленный Диланом, и сооружали деревянным грифонам веревочные хвосты с пышными кисточками.

Комендант ворчал, но по комнатам нас не разгонял. Думаю, он втайне радовался, что студенты не лоботрясничают, а настолько бодро занимаются «подготовкой к спектаклю».

К Дилану постоянно заглядывали и другие студенты. То Брейт, то Хоэл исчезали из комнаты, чтобы пошептаться со старшекурсниками. О чем, оставалось секретом даже для меня.

Я вообще удивлялась тому, как все закрутилось. Казалось бы, ну кому какое дело до того, что на курсе станет на одну студентку меньше? Да еще если это презренная простолюдинка, вчерашняя служанка, по воле случая затесавшаяся среди аристократов? Гнать ее отсюда в шею!

Но никто не возразил Хоэлу, когда он нас собирал у Дилана. Никто не ушел спать, хотя все устали. Иногда кто-нибудь начинал жаловаться, однако это было не всерьез, а так – спустить пар.

Неужели они и правда верят, что у нас на всех одна душа?

Поддавшись внезапному наитию, я отложила банку с клеем, которым смазывала перья перед тем, как прикрепить их к макету, и внимательно всмотрелась в пустое пространство между однокурсниками.

Заметила же я колдовскую паутину на Мэйлире. Что, если мы тоже связаны магией, только не подозреваем об этом?

В первые мгновения я не различала ничего. Наверное, дело было в плохом освещении. Когда Мэйлир вызвал Тарена на дуэль, стоял день, пусть не очень солнечный, зато и не пасмурный. Создавая золотых грифонов, мы притащили в комнату дополнительные подсвечники, чтобы не щуриться и не слепнуть, но все равно с дневным светом они сравниться не могли.



Или же главная проблема состояла в том, что у меня не получалось сосредоточиться. Сказывалась накопившаяся за день усталость, а однокурсники работали совсем не молча. Гвиллим дразнил Дилана, что у него получаются не грифоны, а общипанные курицы, Мади на всех ворчала, Уин упрекал Хоэла, что тот отлынивает, а Брейт просто трепал языком без умолку – по поводу и без.

Я уже отчаялась, когда наконец заметила какой-то блеск рядом с Хоэлом. Стоило присмотреться повнимательнее – слабое мерцание сразу пропало. Тогда я отвела взгляд и попыталась уловить что-то краем зрения. И это помогло!

Между Хоэлом и Уином витала золотистая паутинка. Я искала белые нити, как в детстве или как на Мэйлире, поэтому не сразу обратила на нее внимание. Теперь же видела, что такой же тонкий волосок протянулся от Мади ко мне, а от Гвиллима – к Брейту. Если сконцентрироваться, то получалось различить еще более эфемерные паутинки между Диланом, Хоэлом, Гвиллимом... да между всеми!

Раздался хлопок. Я едва не подпрыгнула.

– Закройте наконец окно, – раздраженно потребовала Мади, закрывая маленькую баночку с краской.

– Еще не проветрилось, – буркнул Брейт.

– Да лучше немного повдыхать запах клея, – подруга с отвращением передернула плечами. – Не могу смотреть на этот туман. У меня такое неприятное ощущение от него каждый раз, словно он меня пытается проглотить.

Хоэл, конечно, сразу подскочил и хлопнул ставнями. И снова это движение будто отрезало щупальца гигантской каракатицы, которая в самом деле, а вовсе не в фантазии Мади, старалась нас схватить и съесть.

Я утомленно потерла веки. Проклятье, вся концентрация сбилась! Теперь на наблюдение за золотыми нитями уже вряд ли получится настроиться.

Хотя не было ли связано то, что я их увидела, с проникновением облака в комнату?

Задуматься об этом мне не дали. Уин пристально смотрел на меня несколько мгновений и затем сказал:

– У меня вода остыла, перья не получается обезжирить перед нанесением на них краски. Эйри, поможешь мне нагреть еще?

– Э-э... – я огляделась, не желая вставать с места, но все были заняты. Одна я таращилась в пустоту. – Хорошо, идем.

Я честно прихватила с собой миску, в которую собиралась налить воду. Однако, как только мы добрались до лестницы на этаже, Уин меня остановил.

– Подожди. Давай поговорим.

Голос у него был сухой. Насторожившись, я кивнула и оперлась на перила.

– Давай. Что случилось.

– Я тебе противен? Или все дело в статусе?

Нет, все-таки подобной прямоты я не ожидала и растерянно уставилась на Уина, не зная, что ему ответить. И ведь выбрал же момент – считай, среди ночи, когда я уже ничего не соображаю.

Кажется, мужчины вообще любят выбирать именно такие моменты.

– О чем ты? – спросила я, пытаюсь закосить под дурочку и выиграть себе время.

– Эйри, – уголок губ у Уина дернулся, – не надо прикидываться. Я с первых дней учебы проявлял к тебе интерес, а ты каждый раз делала вид, что ничего не понимаешь, или занята, или еще что-нибудь... Догадываюсь, что до Силвейна мне далеко, но я наивно надеялся, что после его отъезда у тебя наконец откроются глаза.

Я непроизвольно выпрямилась.

– На что?

– Да на то, что ты ему не нужна! – рассердился Уин. – Где он сейчас, когда тебя нужно защитить от Коллара? Решает свои собственные проблемы. И вообще, я что – мало тебя поддерживал? Обманывал? Хоть раз повернулся к тебе спиной, несмотря на то что ты та-хей?

Прозвучало это как-то некрасиво. Я не смогла сформулировать, что именно мне не понравилось во фразе, только почувствовала себя так, словно на ноги помоев плеснули. Не открыто, на голову, а так, украдкой, всего лишь на обувь.

– Нет, – коротко ответила я, решив пока не лезть в бутылку и не цепляться к словам.

– Тогда почему ты сегодня после угроз архея пошла к Хоэлу, а не ко мне?

И снова сама постановка вопроса выбила меня из колеи.

– Уин, ты прекрасный друг, но есть вещи, которые приходится решать самой, а не бежать к кому-то другому.

– Ага, – многозначительно протянул он и махнул рукой в сторону комнаты Дилана. – То есть вот сейчас ты сама, в гордом одиночестве занимаешься подготовкой к обману не кого-нибудь, а одного из самых могущественных людей в Аэнвине.

– Слушай, чего ты хочешь? – Я сложила на груди руки, начиная злиться. – У меня и в мыслях не было идти к Хоэлу и жаловаться. Он случайно оказался возле авиария, о многом догадался и с помощью этого вытянул из меня правду. А если бы я пришла к тебе, как бы поступил ты?

– Что-нибудь придумал бы.

– Что?

– Что-нибудь! – огрызнулся парень.

– То есть ты не знаешь, – подвела черту я. – Решения лучше, чем у Хоэла, у тебя нет. О чем тогда спор?

Он скрипнул зубами. Полные губы превратились в ниточки и побелели.

– О том, что тебе, видимо, на меня наплевать.

– Где я такое говорила?

– Тебе и не понадобилось.

Я вдруг смертельно устала и от непонятных претензий, и от этого разговора целиком.

– Чего ты от меня хочешь, Уин? – повторила я. – Скажи прямо.

Он сжал кулаки и разжал их, медленно вдохнув. Огонек в настенной лампе дрогнул и бросил кривую тень на его лицо.

– Я пытаюсь понять, почему все опять крутится вокруг Силвейна, хотя его даже тут нет. Почему тебе мало меня?

Ну вот опять!

– Мало, много... Какая разница? Может, ты плохо расслышал, что происходит? – Я сердито дернула себя за косу. – Меня в любом случае признают «хеем», без разницы, с приставкой «эн» или «ар». Я либо стану дворцовой марионеткой для археев, либо попаду в Белую академию. Даже не знаю, что из этого лучше. Хоэл, конечно, рассказывает всем, будто наш финт поможет мне остаться на Облачных вершинах, но это несбыточная мечта. Единственное, что я

успеваю сделать перед тем, как моя жизнь разрушится по камешкам, – помочь Силвейну. Вопрос не в том, кого мне много или кого мало, а в том, что я вообще могу!

– В том-то и дело, – достаточно резко ответил Уин. – Ты могла бы, например, провести время со мной. А мы всем курсом занимаемся какой-то чепухой, хотя даже неизвестно, действительно ли что-то угрожает Силвейну или тебя просто припугнули!

– А если угрожает? Что – плюнуть на это и развлекаться?

Он отвел взгляд, стиснув челюсти. Я сквозь зубы втянула воздух, пытаюсь успокоиться.

В груди кипело возмущение, но на самом деле я отчасти понимала Уина. Когда чувства есть и они настоящие, хочется каждое лишнее мгновение провести с человеком, которого любишь. А Уина я не любила. Наоборот, весь этот вечер я думала о том, что смогу встретиться с Силвейном и предупредить его насчет покушения...

Дальше играть чужими чувствами было подло. Я подняла взгляд и твердо сказала:

– Прости. Между нами все равно ничего не может быть.

– Почему? – упрямо спросил он.

– О боги, Уин, ты меня слышишь вообще? Я магесса! У таких, как я, нет своей жизни!

– Ты это только сейчас заметила?

– Ты издеваешься? – взвилась я.

– Извини, – он поднял руки и отошел на полшага назад. – Я не имел в виду ничего такого. Просто неправильно выразился. Ты, похоже, не понимаешь, почему все так спокойно восприняли то, что Коллар хочет забрать тебя в Белую академию и что ты собираешься изображать эн-хея.

– Мои волосы...

– Да, они седые, – перебил Уин. – Но дело не в них. Ты давно смотрелась в зеркало?

Я смутилась.

– У меня его нет. Там же серебро... Это слишком дорого.

– А у Мади не просила воспользоваться?

– Нет. Мы обычно об учебе разговариваем, а не перед зеркалами вертимся.

Уин сообразил, что ничего не добьется, и махнул рукой, закрывая тему.

– Ты блеешь, Эйри. Уже давно. – Он задумался и до локтя закатал рукав форменной рубашки. – Дай сюда свою руку.

Я неохотно ее протянула. Уин по-хозяйски подвернул манжеты и поставил свое предплечье рядом с моим.

– Присмотрись, – сказал он.

Хотя присматриваться там было не к чему – разница и так бросалась в глаза. Когда мы только познакомились, по цвету кожи не сильно отличались друг от друга – оба загорелые, привыкшие проводить больше времени на свежем воздухе, чем в доме. С тела Уина загар еще не сошел, а вот с моей... Все расхожие сравнения: бледная поганка, белая как полотно, молочной белизны – идеально подходили для ее описания. Такое резкое побледнение не могла объяснить никакая болезнь. Вывод напрашивался сам собой.

Поморщившись, я убрала руку и низко спустила рукава. И плевать, что теперь мне это уже ничем не поможет.

Уин пожевал нижнюю губу, глядя на меня.

– За твоей спиной тебя обсуждают очень много. Никто ничего не говорит в лицо только потому, что даже слепые видят – ты готова в гроб себя загнать, чтобы оправдать свое присутствие в Небесной академии. Может, ты и попала сюда через протекцию, но свое место если не заслуживаешь, то, по крайней мере, стараешься заслужить.

– И ты тоже не сказал правды, – тоскливо подытожила я.

– Я думал, ты сама все понимаешь! Надеялся, что ты в конце концов оценишь, что я всегда рядом и готов ждать!

Ждать... Какое сладкое слово. Но я сомневалась, что оно хоть что-то значит.

– И что, ты выдержишь четыре года моего обучения в Белой академии? Или сколько там обучают... шесть? Будешь хранить верность? И не станешь изводить себя мыслями, что меня к тому времени, возможно, сосватают за кого-то другого?

– Ну, тебя вряд ли кто-то возьмет, – заметил Уин. – Вопрос только в том, сохранишь ли ты сама мне верность.

Мне словно ледяной водой окатили. Я уставилась в лицо парню, пытаясь найти хоть намек на улыбку или на что-нибудь, что даст мне понять: он это брякнул несерьезно.

И не находила. На меня смотрели совершенно честные, широко открытые карие глаза. Уин не понимал, что он только что сказал. А я, наоборот, наконец осознала, что меня все это время в нем так напрягало.

Он же ничем не лучше Хита. Ставит меня так же низко и считает настолько же недостойной того, что в высшем свете называют хорошей партией. Но если Хит был откровенен и не пытался воспользоваться тем, что я могу оказаться эн-хеом из пророчества, то Уин именно этим и занимался. Стать мужем магессы еще выгоднее, чем попасть в Грифонью стражу после окончания академии! Какой дурак упустит такую возможность!

Мне стало так мерзко, что я отошла на шаг назад, отодвигаясь от него настолько, насколько позволял узкий проход возле лестницы. Захотелось вымыть руки и вообще помыться целиком. Промелькнула мысль, что Тарен почему-то никогда не вызывал такого ощущения – что он пытается мной воспользоваться, хотя он с самого начала знал о моем даре. Наоборот, попечитель был готов пожертвовать своим статусом, чтобы дать мне если не твердую, то по меньшей мере призрачную надежду на защиту от Коллара. А тут...

Тьфу, противно как.

– Прости, – я постаралась придать своему голосу ровный тон. Пусть у меня наконец открылись глаза на истинные намерения Уина, сейчас не время ссориться. Обида одного человека может угробить все, чего мы с курсом добились. – Мне неизвестно, что будет через час, а ты просишь меня дать клятву на долгие годы вперед. Я не знаю, не испорчу ли тебе этим жизнь. Давай немного подождем с подобными решениями. Столько всего навалилось... Я сама не своя.

– И Тарен здесь ни при чем? – с сомнением уточнил он.

– Ни при чем, – подтвердила я, нисколько не покривив душой. Дело уже было совсем не в Силвейне. – Он продолжает оплачивать мое обучение. Если есть хоть шанс, что Хоэл прав и я смогу доучиться в Небесной академии, я должна за него цепляться. Если попечитель погибнет, мне надеяться будет уже не на что.

Уин расслабился, напряженные плечи опустились. Такой разговор – не о высших материях, а о прозаическом расчете – он понимал.

– Ладно, – сказал он. – Извини, что насел на тебя. Тебе и правда нелегко.

Я кивнула, не став ничего комментировать, и помахала пустой миской.

– За водой-то идем?

– Идем, – он внезапно насторожился, повернув голову. – Это что за звуки?

Я прислушалась.

Из коридора, оттуда, где находилась комната Дилана, доносились злые голоса. Кто-то кого-то громко обвинял. Вдруг Мади взвизгнула. Затапали ноги, хлопнула дверь, ударившись ручкой о стену, и Хоэл крикнул:

– Воды!

## Глава 28

Мы с Уином переглянулись и, не сговариваясь, понеслись к комнате Дилана.

За несколько мгновений у меня в голове успел прокрутиться с десяток версий, что произошло. Может, кому-то стало плохо? Но там достаточно воды, зачем еще?

Глядя на то, как в коридор, толкаясь в дверях, высыпают испуганные однокурсники, я поняла, что ошиблась. Изнутри повалил дым.

Пожар? Это что надо было поджечь, чтобы так полыхнуло?

– Горим! – заорал Брейт, мчась к лестнице. – Будите всех! Зовите архея!

Гвиллим бросился стучать в двери на этаже, но студенты и без того быстро просыпались от воплей. Несколько парней со старших курсов выскочили из своих спален в одном исподнем – кто с полным кувшином, кто с одеялом, чтобы помочь потушить огонь.

– Что случилось? – спросила я, подбежав к Мади.

Подруга заламывала руки, стоя дальше всех от комнаты. На ее лице было написано отчаяние. То ли она растерялась и не знала, что делать, то ли сильно испугалась огня.

– Это все Хит! – выпалила Мади. – Он окончательно свихнулся!

О боги...

Я кинулась дальше, миновав Уина, который замер рядом с Мади, не рискуя приближаться к комнате. Дым оттуда повалил еще сильнее, хотя ребята, носившиеся туда-сюда, явно разбирались в том, как тушить пожары. Неожиданно изнутри донесся жутковатый смех, от которого по спине пошли мурашки.

– Давайте, налегайте! – выкрикнул Хит. – Будет гореть только еще боль...

Голос оборвался. Когда я влетела в комнату, то обнаружила, что Хит скрючился у стены, одну ладонь прижимая к скуле, а второй сжимая странного вида склянку. Над ним навис разъяренный Хоэл.

– Пошел вон! – не своим голосом заорал он.

Хит не сдвинулся с места. Похоже, он и правда был не в себе.



Я окинула взглядом спальню Дилана. Сам юноша со слезящимися глазами хлопал сложенным одеялом по кровати, по которой расползлся огонь. Языки пламени облизывали стены, распространяясь по помещению с неестественной скоростью. Горели наши декорации, сворачивалась, чернея, бумага со сценарием Мади, обугливались старательно выкрашенные перья, занимался огнем стол Дилана...

– Откройте ставни! – рявкнул сзади старшекурсник, прибежавший на шум с нижних этажей. – Туманный венец поможет затушить пожар!

Я ринулась к окну. В лицо ударил промозглый холод, по коже снова пробежали мурашки от соприкосновения с сырым туманом. На сей раз я вполне отчетливо увидела щупальца, тянувшиеся в комнату. Причем они ползли только к тем местам, где поднималось пламя, словно обладали разумом.

– Уберите отсюда этого кретина! – продолжал командовать предприимчивый студент, ткнув пальцем в Хита. Дальше досталось уже тем, кто застыл в коридоре. – А вы чего столбом стоите и таращитесь? Хватайте ведра, кувшины! Организуйте цепочку до колодца и передавайте тару! Быстро, я сказал!

Его резкие окрики возымели действие лучше оплеух. Хита вытащили в коридор. У Дилана, который плакал уже вовсе не от едкого дыма, отобрали одеяло и вывели наружу, чтобы бедняга не видел, как исчезают в огне его инструменты, вещи и все труды. В комнате остались только те, кто точно знал, что нужно делать.

Но, когда я попыталась выскочить, чтобы встать в цепочку и помогать носить воду, тот самый раздающий команды студент схватил меня за руку и пристально всмотрелся в глаза.

– Эй ты! Можешь потушить огонь?

– Как? – обалдела я от такой просьбы.

– Да хоть силой мысли, – он с серьезным видом пожал плечами. – Или что маги там делают. Умеешь такое?

– Нет! Я же не архей!

– Жаль, – опять с убийственной серьезностью сказал старшекурсник и, закашлявшись, отпустил мою руку. – Ребята! Резвее таскайте воду, пока всю общагу не спалили!

Все еще слегка ошалевшая, я побежала занимать место в цепочке. Проклятье, меня и правда вся академия считает магессой! А Тарен

хотел, чтобы я скрывала дар. Ага, два раза...

Слава богам, пожар распространиться не успел. Благодарить следовало то ли зачарованное облако, то ли благоразумное руководство старшекурсника, но огонь скоро начал утихать. А потом уже и подмога подоспела: первым на этаж влетел ректор в халате, следом за ним – взъерошенный Коллар в мятой сорочке и домашних штанах. Обоих явно подняли ото сна.

– Всем выйти! – рявкнул архей, проталкиваясь в комнату, пока ректор выяснял, не пострадал ли кто-то из студентов.

По счастью, все были целы, а тех, кому подурнело, уже вывели во двор. К этому моменту пламени оставалось немного, однако дым заполнял и помещение, и коридор, заставляя горло постоянно сжиматься в спазмах. Коллар причудливо взмахнул руками – и серую завесу разом выдуло в окно, а дышать стало гораздо легче. Еще замысловатый жест – и проказливые языки, ищущие, чем бы поживиться, уменьшились и через мгновение исчезли совсем.

– Магия! – восторженно выдохнули за моей спиной.

Только Паук был совсем не рад. Он дерганным движением вытер со лба пот и развернулся к студентам, столпившимся в коридоре.

– Огонь был колдовским! – прорычал архей. – Кто это устроил?

Только что стоял несусветный гам – и вмиг все стихло. Взбешенный Паук с растрепанными волосами, оскаленными, как у дикого зверя, зубами и свирепыми белыми глазами выглядел страшно. Студенты боялись даже кашлянуть, хотя глотки першило у многих.

– Чья это комната? – навел еще большего страха ректор. – Быстро объяснитесь, что здесь произошло, либо отчислю всех, кто в этом участвовал!

У стены раздалось шевеление – это Хит, который все время просидел у стены, схватившись за голову, встал на ноги. Я бросила на него быстрый взгляд, набрала в грудь воздуха и сделала шаг вперед прежде, чем это успел сделать он.

– Простите, господин. Это я виновата. Не понимаю, как это вышло. Я рассердилась на однокурсника, взмахнула руками... Оно загорелось само.

Ректор удивленно уставился на меня. Если он и собирался что-то сказать, то не успел.

– Ложь! – отрубил Коллар. – Пламя было вызвано не колдовским плетением, а жидким горючим веществом, созданным с помощью магии. Такое могут только обученные, сведущие в алхимии архей, но никак не самоучки.

Я ядовито улыбнулась.

– Извините, господин архей. Я забыла добавить, что мы с курсом создавали ко Дню Хедена золотых грифонов на фоне синего неба. Какая жалость, что они сгорели в пламени, а то бы я вам предъявила доказательства.

Взгляд Паука стал еще злее, но архей ничего не ответил, только яростно скрежетнул зубами. Несомненно, он понял, чего я добиваюсь. И, конечно, коридор сразу оживился. Студенты сдавленно закашляли и начали перешептываться. Одна Мади возмущенно выкрикнула:

– Эйри, ты что? Тебя же исключат, а ты прикрываешь этого лоботряса!

– Кто это сказал? – ректор выпрямился, высматривая девушку среди перепачканных сажей студентов. – Выйдите вперед!

Но Хоэл уже зажал подруге рот и крепко обхватил ее, чтобы она, не дай боги, действительно этого не сделала. Белка быстрее всех сообразил: я пытаюсь добиться того, что мы с ним и планировали, пусть и несколько иным способом.

– Так, – ректор, тоже успевший надышаться дымом, прочистил горло. – Эйри, защитить однокурсника – благородный поступок, но лжецов и трусов в Грифоньей страже не привечают. А перед нами, похоже, еще и вор. Если я правильно понял достопочтенного архея, кто-то украл алхимическое зелье его предшественника. Мы недосчитались значительной части запасов старого архея после его смерти. Предлагаю тому, кто это сделал, самому во всем признаться. Тогда я подумаю о том, чтобы сохранить его место на курсе, а не исключить из академии.

– Господин... – начала я.

– Хватит!

Хит грубо растолкал загородивших его студентов и с хмурым, но решительным видом предстал перед ректором.

– Не надо мне подачек. Это я устроил пожар, – процедил он, глянув на меня, и вытянул вперед руку со склянкой, которую так и не выпустил за это время. На дне еще болталось немного маслянистой

темной жидкости. – Я взял из комнаты брата некоторые зелья, которые он позаимствовал у предыдущего архея, и сегодня использовал одно из них. У меня уже в печенках сидят истории о том, что Эйри – эн-хей, новый Ариан Наездник, который обучается в Небесной академии вопреки королевскому закону. Пустое место она, а не магесса. Доказательство этому – то, что они всем курсом пытались подстроить пророчество. И все ради того, чтобы Эйри могла встретиться с Силвейном в столице и предупредить о готовящемся на него нападении.

Он шмыгнул и опустил руку.

– Прошу исключить меня из академии. По собственному желанию. Мне среди таких студентов места нет.

Я зажмурилась. Ох, Хит, ох, тупица...

Неожиданная мысль заставила резко раскрыть веки и пристально его осмотреть. Но нет, никакой паутины вроде той, которая в день вызова на дуэль оплела Мэйлира, на нем не было. Сегодняшнюю глупость Хит вычудил сам, без магического принуждения.

Коллар выдрал из пальцев Хита склянку и нервно взгляделся в остаток жидкости.

– Твое счастье, мальчишка, что ты не погиб сам и никого не убил, – процедил он сквозь зубы. – Это вещество имеет обыкновение самовоспламеняться.

Паук повернулся к ректору:

– Освальт, я бы на вашем месте такого ученичка не только исключил, а еще бы и в темницу отправил. Соучастие в краже, поджог, лжесвидетельство – вот так, значит, выглядит будущий цвет Грифоньей стражи?

– Я сам разберусь, как мне поступать со студентами, а вы занимайтесь своей работой, – огрызнулся тот, но было видно, что он и сам с удовольствием прикопал бы Хита где-нибудь на заднем дворе. – Хит, стой здесь. Всем остальным спуститься на первый этаж! Никто не уйдет спать, пока его не осмотрит лекарь.

Ректор принялся раздавать приказы. Коллар, воспользовавшись тем, что все отвлеклись, больно схватил меня за плечо и потащил в погорелую комнату.

Я не стала сопротивляться. Толку! Только все начало налаживаться и опять пошло-поехало напрямик к демонам!

Внутри пахло гарью. Почти все вещи так или иначе были тронуты огнем и безнадежно испорчены. Дилан пока этого не видел, и я трусливо надеялась, что мне не придется наблюдать за тем, как он обнаружит, во что превратилось его жилище. Помог так помог однокурснице с бедой...

– Это что там был за спектакль? – прошипел Коллар, наконец выпустив мою руку.

Я потрогала место, куда впились его пальцы. Синяк, наверное, останется.

– А вы правда думали, что я смирюсь с вашими угрозами? – спокойно спросила я. – Пусть мой расчет был другим, благодаря Хиту теперь вся академия знает, что на Силвейна готовится покушение. Кто-нибудь да отправит ему весточку.

Зубы Паука закрипели еще громче. Татуировка на щеке перекосилась.

– Глупая девчонка!

Я смело посмотрела ему в глаза.

– Дочь своего отца, очевидно.

Он выругался и отвернулся к окну. Несколько мгновений от архея было слышно только то, как он яростно втягивает воздух через ноздри. Немного успокоившись, он тряхнул головой и вновь повернулся ко мне. На полных губах появилась ухмылка, заставившая меня мысленно содрогнуться.

Что этот белоглазый подонок там придумал?

– Убедила. Раз ты такая упряmica, пусть будет по-твоему. Хочешь при всей академии доказать, что ты эн-хей, – доказывай. Срок тебе – одна неделя. На сей раз без глупостей и обмана. Проявишь свои силы прилюдно – я первым восславлю тебя как эн-хея и перед тем, как отправить в Белую академию, завезу в столицу. По моим сведениям, у твоего драгоценного Силвейна проблемы, и вовсе не из-за меня. Его дядя и бывшая королева не хотят уступать престол и намерены во что бы то ни стало избавиться от соперника. Если ему окажет поддержку сам эн-хей, шансов выжить у него будет намного больше, чем сейчас. Но если ты окажешься обычной недоучкой со слабым даром, ни о каком Мавеннаре не может быть и речи. Соберешь вещи и покатишься сразу в Белую академию. А если снова заупрямишься, я больше церемониться не стану. Моей силы хватит, чтобы встряхнуть всю

Львиную Голову вместе с Вайлем заодно. Не хочешь на собственной шкуре опробовать, на что способен придворный архей, – не зли меня.

Мое согласие ему было неинтересно. Договорив, Коллар вышел из комнаты, оставив меня среди саж и разрухи одну. Уже когда он исчез в коридоре, я позволила себе топнуть ногой и в сердцах выругаться.

Да что ж такое! Почему этот старый козел никак не может оставить меня в покое! Интересно, хоть где-то еще, хоть у кого-нибудь были отцы хуже Коллара?

Повозмущаться наедине с собой мне не дали. В дверном проеме тут же появился Хоэл.

– Эйри, тебя ректор искал.

– А почему раньше никто этого не сказал? – с досадой спросила я, думая о том, как бы Паук повел себя при свидетелях.

– Так боялись соваться, пока здесь архей, – смутился друг.

Я опять ругнулась.

Ну да. Страшный, злобный архей...

– Иду.

Освальта я нашла в начале этажа, у лестницы. Он что-то говорил коменданту, но, заметив меня, прервался и направился ко мне. Вид у ректора тоже был отнюдь не благожелательный.

– Почему не обратилась сразу ко мне, как только получила угрозы от Коллара? – рявкнул он, зыркнув по сторонам и убедившись, что чужих ушей поблизости нет.

– А что бы вы сделали? – мрачно осведомилась я. – Коллар предупредил, что будет только хуже, если я пойду к вам жаловаться. Мы с курсом решили, что сами справимся.

– С курсом они решили, чтоб их демоны побрали... – Освальт устало потер глаза, все еще слезящиеся от дыма, и раздраженно запахнул халат. – Даже не знаю, восхищаться вашим единодушием или в наказание всех отправить на кухню, чтобы чистили морковь. Весь следующий месяц...

– Если кого-то наказывать, то только меня. Это я стала причиной пожара.

– Причина пожара – глупый обиженный мальчишка с дурным воспитанием, – оборвал ректор. – Эйри, никакого наказания тебе не будет. Мне кажется, ты плохо понимаешь, в какой ситуации ты

находишься сама и в какую позу вы с Тареном поставили всех остальных.

Мне захотелось вжать голову в плечи.

– Так вам известно...

– О предложении? Да. А теперь встань на мое место: у меня учится девушка, которая может стать будущей королевой, при этом на нее претендует самый влиятельный клан в Аэнвине, если так можно назвать сообщество археев. Если я хоть кому-то не смогу угодить, либо меня сместят и во главе академии встанет человек, который будет больше заботиться о своем кошельке, чем о Небесной академии, либо нам в отместку сократят денежные выплаты из казны. А грифоны вообще-то прожорливые ребята и прислушиваться к людским оправданиям не жаждут. Если они начнут ходить за лакомствами в виде овец и коров в окрестные деревни, мы быстро скатимся к положению дел, которое существовало до Ариана Наездника. Так что будь добра, – резко произнес он, – в следующий раз, когда надумаешь обвести вокруг пальца кого-нибудь вроде архея, предупреди сначала меня.

– Извините.

Освальт сложил руки на груди, хмуро глядя на меня. Я развела руками:

– Ну честно, извините, что пока я плохо разбираюсь в этих ваших интригах. Я не собиралась становиться ни королевой, ни даже женой герцога, ни тем более магессой. Всего два месяца назад моей главной проблемой было вовремя вымыть посуду, чтобы повар не наорал. А еще – натереть яблок, чтобы накормить симпатичного, но очень хилого грифоненка.

Он вздохнул и выпрямил руки.

– Ладно. Наверное, мы все и правда требуем от тебя слишком многого. Но ты должна помнить, что ты уже не кухарка и даже не просто студентка. Ты гораздо больше, и люди вокруг тебя зависят от твоих решений. В том числе и я, и Тарен.

Тарен... В груди опять кольнуло. Если Коллар не лжет, сейчас судьба Силвейна действительно зависит от меня.

– Правда, что если эн-хей окажет поддержку одному из претендентов, то у него станет гораздо больше шансов занять трон и вообще выжить в этой игре престолов? – уточнила я.

– Несомненно. Разумеется, если эн-хей будет новоявленным, у него самого будет слабая поддержка, но народ свято верит в легенды о древних могущественных магах. Тому, к кому присоединится эн-хей, будет выдан очень крупный кредит доверия.

Я поморщилась, поскольку плохо себе представляла, что такое «кредит», однако смысл высказывания поняла.

– Тогда я считаю обязанной предупредить вас, что собираюсь делать дальше.

– И что? – приподнял бровь Освальт.

Я пожала плечами:

– Исполнить пророчество оракула, Хеденов топор мне в глотку.

Ректор нервно рассмеялся.

– Определенно Куланн плохо влияет на своих студентов...



## Глава 29

Утренние занятия отменили. Студентам дали отоспаться после безумной ночи, а слуги начали разбирать сгоревшую комнату. Дилан, ясное дело, огорчился, но не очень сильно – на некоторое время ректор поселил его у себя, в гостевых покоях. Обстановку там было не сравнить со скупой студенческой. К тому же на Хита возложили обязанность возместить Дилану все потери, вплоть до его инструментов резчика.

Младшему брату Мэйлира не предъявили обвинений, достаточных для попадания за решетку, однако из академии пообещали выдворить. Хит и сам не стал задерживаться в месте, где, как он считал, нет никакой справедливости. Еще до обеда он собрал вещи и спустился с горы в Вайль, где присоединился к брату.

Я молилась богам, чтобы с этой поры об обоих можно было забыть.

Сама же я тихо сбежала с завтрака, на котором студенты живо обсуждали ночное происшествие, и направилась в авиарий. Следовало хорошенько все обдумать, а там это получалось лучше всего.

Обиженный еще со вчерашнего дня Закат сделал вид, как будто знает меня не хочет, и сразу развернулся задом, начав так размахивать хвостом, что чуть не сбил меня с ног. Я все равно подобралась к вредному грифоненку и неловко, но крепко его обняла, прижимаясь щекой к золотистой спине, и протянула спелую желтую грушу.

– Прости, малыш. Вчера все было слишком сложно.

Закат очень по-человечески фыркнул, однако грушу стрескал и повернулся бочком. Я поняла намек, нашла в углу авиария щетку и принялась расчесывать отросшую шерсть. Замурчав почти как котенок, грифоненок брякнулся на землю и заворочался, подставляя под щетку то одну сторону, то другую.

Когда я завершила приятную для него процедуру, грифоненок в знак, что мне удалось его умаслить, напрыгнул на меня, повалил в солому, потерял щекой и умчался в другой конец авиария – как и вчера, устраивать шуточную битву с Гордецом.

Охнув, я с трудом поднялась с земли, вытащила из волос сухую траву и села в уголке на кучу сена. Дыхание еще долго не могло выровняться, хотя никаких особенных усилий я не приложила. Оценив свое состояние, я лишь покачала головой.

Да, я слабею, это очевидно. Зато Закат уже не отставал, а даже перегонял более сильных собратьев, с которыми родился в одно время. В этом я убедилась на днях, когда мы с Тареном поднимались на Орлиную Голову, а там преподаватели «выгуливали» выводок нынешнего года, чтобы грифонята привыкали к соседству с людьми.

– Пора бы и тебя начать выгуливать, да, Закат? – вслух спросила я.

Он услышал и заклекотал с противоположного конца авиария. Гордец тут же воспользовался тем, что малыш отвлекся, и опрокинул его лапой. Закат возмущенно курлыкнул, но тут же подскочил и вновь бросился на «врага».

Его игры стали гораздо серьезнее, чем недавние «покатушки» с горок на попе. Точно пришло время выводить Заката наружу.

Поймав себя на том, что составляю речь, с которой обращусь по этому поводу к ректору, я сердито тряхнула головой.

Не о том ты думаешь, Эйри! Давай, соображай, как пробудить волшебный дар, которого у тебя нет!

Самым очевидным выходом было смиренно попросить Коллара, чтобы он начал мое обучение. Но именно это я собиралась сделать в последнюю очередь – только если выяснится, что другие способы не работают. Лопнуть мне с брызгами, но Паук не дождетсЯ, чтобы я пришла к нему со склоненной головой!

Только как еще обучиться магии – всего за неделю, без учебников, потому что в академической библиотеке книги только о грифонах, и без других людей, которые сведущи в магическом искусстве?

Ректор заверил, что, раз мой случай такой исключительный, мне разрешается спускаться в Вайль, но я не представляла, к кому там обращаться за помощью. Весь город был для меня чужим. Да и не набегаешься туда-сюда, если мое дыхание сбивается после нескольких минут баловства со своим грифоном. Эдак я весь день потрачу только на спуск и подъем обратно на гору.

Снова просить о помощи Хозла или других ребят я не собиралась. Дилан и так достаточно пострадал. Что может случиться в следующий

раз, какой еще будет причинен вред, страшно было представить. Лучше не впутывать их вообще.

Но тогда что делать?

Я вытащила из сумки для учебников еще одну грушу и принялась ее задумчиво грызть.

Никаких мыслей так и не пришло. Какая-то безвыходная ситуация, честное слово.

Вдруг над ближайшим загоном поднялась коричневая голова. Хитрый черный глаз уставился на остаток фрукта в моих пальцах. Огромный клюв зловеще щелкнул.

Я вздрогнула и, узнав Кусачку, подскочила.

– Эй, ты что тут делаешь? Это же не твой загон!

Секрет загадочного перемещения грифона выяснился быстро. То ли Кусачка сам проломил перегородку, то ли ему помогли Гордец с Закатом, но два соседних загона теперь превратились в один. А Кусачка в своей любимой манере нахально тянулся к моей сумке – унюхал там еще парочку груш.

Я фыркнула и кинула одну проказнику.

– Ты же и так растолстел, Кусачка. Вон уже не помещаешься в загон.

Тот с укоризной глянул на меня, но грушу из клюва не выпустил.

А я призадумалась.

Да, идея совершенно безумная. Но ведь грифоны сотканы из магии эльфами и при этом достаточно разумны. Что, если они что-то знают о магии и смогут мне помочь?

Правда, возникала препона – медитации я хоть и освоила, а ментальную связь с Закатом еще не налаживала. То, что я слышала Забаву, никакой роли не играло – это она каким-то чудом пробилась в мой разум, а не наоборот. Тарен предупреждал, что, пока грифоненок юн, а я неопытна, дикий и первобытный разум зверя может подчинить мой, сломав его раз и навсегда, и я превращусь в пускающую слюни идиотку. К тому же я банально не успевала этим заняться – и без того в последние дни забот был полон рот.

Будь здесь Тарен... Я тяжело вздохнула, отмечая, насколько сильно к нему привыкла за это время. Будь он здесь, все было совсем иначе. Но его нет.

Ну и что, опять бежать за помощью к ректору, который уж точно может пообщаться с любым грифоном? А я сама, горе-эн-хей, на что-нибудь вообще гожусь?

В общем, решено. Сначала надо попробовать собственноручно, а потом уже обращаться к Освальту.

Я подобрала под себя ноги и удобно устроилась в куче сена, мысленно этому хмыкнув. Какая наездница – такое и место для медитации. Закрыла веки, задышала медленно, ровно и начала в уме отсчет. Следовало очистить разум от мыслей, а на цифрах сосредоточиться было проще всего – они не несли в себе ни образов, ни ассоциаций. Чтобы добиться нужного состояния, иногда приходилось досчитывать до нескольких сотен, а иногда хватало и трех-четырех десятков.

Сегодня мне, конечно, пришлось перебрать больше чисел. Я волновалась – не только из-за угроз Коллара, а еще и потому, что не чувствовала себя готовой к налаживанию связи. Как это ни иронично, но Тарен, доказывая мне необходимость освоения азов, похоже, вбил в меня страх обогнать учебную программу и из-за этого провалиться. На обучение медитациям и налаживание ментальной связи первокурсникам давали полгода. Разумеется, это было рассчитано на то, чтобы справились даже самые безнадежные ученики, – большинство успешно выполняло задачу намного раньше. И все равно не за один-два дня, как это надеялась сделать я!

Дыхание сбилось. Ругнувшись, я начала все снова.

При достижении правильного состояния я должна была почувствовать себя так, словно плаваю в черной пустоте. Изредка ее рассекали вспышки или цветные линии. Я думала, что это свет так пробивается через веки, заставляя глаза на него реагировать. Однако Тарен в нашу последнюю встречу сказал, что надо искать золотую нить. Судя по тем учебникам, которые мне попадались, так и выглядела связь с грифоном. Тоже, видимо, что-то магическое... Не зря некоторые говорили, что во время медитации им казалось, как будто они качались на волнах Фиреннэна, волшебного источника, колыбели нашего мира.

Вокруг меня сгустилась мгла. Числа исчезли – медитация достигла цели. У меня не было ощущения, что я плаваю, скорее я висела в воздухе вне времени и пространства. И как найти здесь

золотую нить? Как оглядеться, если на самом деле я сижу с закрытыми глазами на кучке сена, а это все происходит только в моем воображении?

Для начала я решила просто подождать. Скоро тьма вокруг перестала быть однородной – ее, как в прошлые разы, разрывали далекие молнии, вокруг плыли расходящиеся рябью пятна, мерцали звезды. Я не шевелилась, молясь о том, чтобы золотая нить как-нибудь появилась передо мной сама по себе. Как ее искать в пустоте, которая к тому же находится внутри меня, я не представляла.

Не знаю, сколько в итоге я так просидела. Наконец на краю зрения зазолотилась паутинка – тоненькая, бледная. Я аккуратно потянулась к ней, но она, словно бы вильнув хвостом, крутанулась и исчезла.

Ну что ж, снова сидим.

Слава богам, нить не заставила себя ждать. Она появилась в другой стороне, более яркая и плотная. Опасаясь, что она пропадет так же быстро, я гораздо живее двинулась к ней...

...и с размаху врезалась лбом в стену авиария. В глазах рассыпались искры, уже совсем иной природы.

Проклятье!

Бормоча ругательства, я схватилась за ноющий лоб и огляделась. Как я вообще оказалась повернута лицом к стене? Вроде бы садилась к ней спиной!

Странно, но Кусачка пристально смотрел на меня. Гордец тоже отвлекся от возни с Закатом, прижал вертящегося грифоненка лапой к земле, а сам внимательно наблюдал за мной.

Я показала им язык.

– Чего таращитесь? Удивлены, что ничего-то у меня, балды, не получается? Так ничего удивительного тут нет...

Гордец шумно фыркнул и продолжил играть с Закатом. А Кусачка, наоборот, поудобнее устроился в загоне и пристроил голову на верхнюю жердочку, глядя на меня. Ну прямо зритель в театре!

Ладно уж, пусть смотрит, решила я и повторила попытку с медитацией. Но опять ничего не добилась. Золотые нити ускользали каждый раз при попытке к ним потянуться. А в какой-то момент я увидела даже несколько. И чья из них – Заката?

Вскоре пошел дождь. Я сидела под сетчатым потолком, а не под крытой частью авиария, и капли, свободно падая сквозь крупные

ячейки, били меня по затылку. Пора было прекращать глупое занятие. К этому моменту я достаточно отчаялась, чтобы плюнуть на свою гордость и отправиться к ректору.

Но его не оказалось на месте. Секретарь вежливо сообщил, что ректор уехал в Вайль улаживать вопросы, связанные с ночным пожаром, и вернется только к вечеру. Я пошла искать Куланна... и, конечно, выяснилось, что его тоже нет – он сопровождает ректора.

Поразительное невезение.

Возвращаясь из преподавательского корпуса, где искала беспалого вояку, я наткнулась на Мади, которая шла из Библиотечной башни в столовую, на обед. Подруга тоже не изменяла себе. Если я в свободное время торчала в авиарии, то она предпочла сидеть за книгами из дополнительного списка на прочтение, который всем раздала профессор Бранвен.

Мы встали под козырьком здания кухни, дожидаясь, пока на столах расставят блюда и впустят студентов внутрь. Под ногами шуршали мокрые листья. Наверное, сегодняшний дождь окончательно собьет листву с деревьев, и все вокруг станет серым и унылым.

– На математике сядем вместе? – после долгого молчания предложила Мади, сморщив аккуратный носик. – Там так скучно...

– А можешь меня прикрыть? – осторожно поинтересовалась я. – Сказать, что у меня голова болит, или что-нибудь вроде того. Мне бы другими делами заняться вместо сегодняшних лекций.

– Без тебя будет еще скучнее, – вздохнула она. – Но ладно, мне больше поверят, чем мальчишкам, так что прикрою.

– Да? – удивилась я, так как, по правде говоря, ожидала отказ. Мади была честной и слишком серьезно относилась к учебе, чтобы настолько легко согласиться. – И не возмущись, что я прогуливаю?

Она пожала плечами:

– Я же знаю, что ты не будешь пропускать занятия без важной причины. Если бы я могла помочь чем-то еще в твоих эн-хейских делах, то с удовольствием бы это сделала.

У меня в груди потеплело. Признание Мади трогало до самого сердца. Девушка уже давно доказала, что она не тот человек, который станет врать или юлить ради своей выгоды.

– Почему? – спросила я, сдерживая порыв ее обнять от вдруг захлестнувших чувств.

Подруга с легкой грустью улыбнулась и подставила ладонь под льющуюся с крыши струйку дождя.

– Потому что я прекрасно понимаю, отчего ты хочешь учиться здесь, а не ехать в Белую академию и становиться марионеткой археев. Родители не собирались отпускать меня сюда. Они считали, что леди не подобает носить мужскую одежду и ездить верхом, тем более на грифонах. А Грифонья стража – это же ужас! Люди там рискуют жизнью! Настоящая леди должна сидеть у окошка, вышивать, тренькать на арфе...

Она махнула рукой, не став продолжать список.

– И самое главное – выйти замуж за того, кого выбрали они. А я своего жениха ненавижу, – с выражением произнесла Мади. – Он отвратительный и старше меня на двадцать лет! Вообще-то я побаиваюсь грифонов и не очень рвусь в Грифонью стражу. Но если добьюсь высот в учебе, то смогу выбирать свой собственный путь по жизни и сообщить жениху, куда ему следует отправиться вместо того, чтобы меня лапать!

Девушка вздернула носик и отряхнула ладони, создав целый веер из брызг.

– Ох, Мади!

Не став сдерживаться, я крепко ее обняла. Она ответила неловкими объятиями.

– Молюсь Энеде, чтобы ты нашла способ поскорее встретиться с Силвейном. Если он станет королем, пусть издаст какой-нибудь закон, благодаря которому ты сможешь скорее к нам вернуться. Хорошо?

– Хорошо, – пообещала я, как будто от меня действительно что-то зависело.

## Глава 30

День прошел насмарку. Все оставшиеся до вечера часы, плюнув на занятия и грудку домашнего задания, я провела в авиарии, но так ничего и не добилась. Самым большим «достижением» стало то, что в процессе медитации я внезапно для себя оказалась в другом конце клетки, а во время одной из медитаций и вовсе заснула. В общем, я только продрогла да расчихалась и ушла в общежитие, завидуя густой и теплой шкуре грифонов, благодаря которой они даже зимой не мерзли.

Как оказалось, меня у двери поджидали незнакомые старшекурсники, желавшие поговорить о Силвейне и моем даре. Слава богам, меня об этом еще на крыльце предупредил Брейт, поэтому в собственную комнату я влезала через окно, благо она находилась на первом этаже.

Дожили.

Не знаю, сколько еще студенты толклись с другой стороны двери, потому что я смертельно устала за день и сразу, едва стянув форму, завалилась спать. Даже если ребята простояли там всю ночь, мне их было не жаль. Что-то подсказывало, что ничего толкового я все равно не услышу. Да и вдруг среди них сторонники королевы или дяди короля...

Я была уверена, что без сновидений продрыхну до утра в той же позе, в какой упала на кровать. Однако спалось мне беспокойно – во снах в темноте, прорезаемой вспышками молний, витали золотые нити, которые никак не давали себя ухватить. Я ерзала, но сны возвращались, и в конце концов мне надоело. Я села на кровати и слипающимися глазами осмотрела комнату.

Ага, похоже, вот и причина моих метаний. Залезая через окно, я плохо его прикрыла, и ветер распахнул ставни. Дождь давно закончился, и в проем тянулись щупальца облака, в подобные ночи целиком окутывавшего Львиную Голову.

В комнату давно уже проникал промозглый осенний холод. Я зябко повела плечами и поплотнее укуталась в одеяло. Вставать и



закрывать ставни не хотелось – ради этого пришлось бы вылезти из уютной теплой постельки.

Только, увы, и сон весь как рукой сняло.

Я кисло посмотрела на подушку. До колокола, поднимающего студентов на занятия, оставалось еще много времени. Лечь обратно и попытаться заснуть означало промаяться до утра в безрадостных мыслях о своей судьбе. Сесть за учебники? Попросту лень – еще неизвестно, пригодится ли мне теперь то, что я там прочитаю. В Белой академии небось будут учить чему-нибудь другому. Наверняка на лекциях по истории больше расскажут об эльфах, но я-то предпочла бы о грифонах...

Ответ пришел сам собой: надо продолжать медитации. Даже если ничего не получится, может, хотя бы засну, потому что долгое сидение с закрытыми глазами удивительным образом нагоняло дремоту.

В блаженную пустоту, существующую вне времени и пространства, я провалилась мгновенно, даже считать почти не пришлось. И едва не вывалилась оттуда обратно в действительность, мысленно ахнув.

Золотых нитей были десятки. Сотни! Некоторые толще, некоторые тоньше, ровные, узловатые, короткие, длинные... Все они переплетались друг с другом в хитрой сети. Как паутинка между ветками: заденешь лист – заколышется весь узор. Так и здесь – не получилось бы ухватить один кончик без того, чтобы не потревожить остальные.

Я внимательно рассматривала перепутавшиеся нити. Если бы все студенты видели их столько, Тарен бы предупредил. Хорошо, допустим, это снова шалит мой дар. Но мне по-прежнему нужно научиться общаться с грифонами. Как определить, которая из нитей приведет к Закату? А может, достаточно схватиться за любую? Страшновато. Вдруг меня привяжет к грифону кого-то из старшекурсников, а то и к ректорской красавице Заре? Получится ли у меня потом «отвязаться»?

Как же мало у меня знаний! Начало накатывать раздражение, и волшебной мерцающей золотой сетью стала блекнуть. Я сразу восстановила ровное медленное дыхание и очистила мысли.

То, что происходит сейчас – бешеный рывок вперед по сравнению с дневными попытками. То ли это ночная расслабленность сыграла

роль, то ли забравшийся в комнату Туманный венец помог – в любом случае я не имела права из-за дурацких эмоций вернуться туда, где была утром. То есть в никуда.

Я подождала, пока золотые нити разгорятся ярче. Но по неизвестной причине внезапно все опять изменилось – теперь я не смотрела на сеть со стороны, а находилась где-то среди нее. Не в центре, но и не совсем с краю. Впрочем, само понятие края здесь было относительным. Нити тянулись и вверх, и вниз, и вбок, и куда-то очень далеко.

Все страннее и страннее...

Но с этим разобраться можно будет и потом. А пока я не теряла надежды найти нить Заката и попытаться поговорить с собственным грифоненком. Я уже даже совсем перестала бояться навсегда превратиться в идиотку – все лучше, чем оставшуюся жизнь плясать под дудку Коллара.

Пока я размышляла об этом, одна из ближайших нитей стала испускать больше света. Она золотилась и извивалась, так и просясь в руки. Я потянулась к ней и уже была готова коснуться ее, как вдруг другая нить оттолкнула первую в сторону. Поколебавшись, я приблизилась ко второй, однако ухватить ее не смогла – промахнулась самым наиглупейшим образом и пролетела мимо. Пустота пустотой, а какое-то измерение пространства и силы все-таки здесь существовало.

Замерев и успокоившись, я снова огляделась. Теперь рядом со мной витали три нити – одна толстая, яркая, и две потоньше и побледнее. Каждый раз, когда я пыталась схватиться за толстую, две другие подхватывали ее и уносили подальше от меня. Может, потому, что эта нить принадлежала вовсе не Закату?

Я отвернулась от них и решила поискать какую-нибудь другую. Однако, пока я соображала, сеть снова необъяснимо изменилась. Она отдалилась от меня, и рядом остались лишь те самые три нити.

«Наверное, это судьба. Будь что будет», – подумала я и со вздохом коснулась ближайшей.

«НУ НАКОНЕЦ-ТО!» – оглушительно заклекотал чужой голос в моей голове.

Я вздрогнула. Концентрация, само собой, вмиг разлетелась на осколки.

Глаза распахнулись. В комнате по-прежнему стояла ночная мгла, смешавшаяся с туманом. Он сгустился вокруг меня и резко отступил, когда я нервно взмахнула рукой, отгоняя его.

Я тут же спохватилась и опустила ладонь, позволяя серым клубам спокойно носиться в воздухе. Сердце колотилось после неожиданного вопля в ушах, но какая из меня будет наездница, если я не в состоянии быстро вернуть себе трезвость мысли? Этой ночью явно все получилось именно благодаря Туманному венцу. А значит, он мне не враг, и бояться его незачем.

Только кто клекотал в моей голове, непонятно...

Подождите. Клекотал?

Из кровати я выскочила стрелой и кинулась натягивать еще сырую форму, не успевшую просохнуть после дождя днем. Двери общежития на ночь закрывали, поэтому я вновь вылезла в окно, поскальзываясь на влажных камнях. До авиария повезло добраться, не свернув себе шею, лишь каким-то чудом. С одной стороны, я понимала, что творю безумие. А с другой – должна была проверить догадку прямо сейчас!

Закат растянулся в своем загоне совсем как котенок, уткнув в львиные лапы птичью мордочку, и сладко дрых. А вот Гордец с Кусачкой меня ждали. Первый, как всегда, взглянул холодно и не счел меня достойной того, чтобы покидать облюбленный стог сена. Второй, наоборот, проявил необычное для себя оживление, принявшись носиться туда-сюда по своему загону (теперь двойному). Правда, не слишком громко – наверное, боялся разбудить Заката. Оба взрослых грифона заботились о нем как родители или старшие братья.

Рабочие вечером заменили отсыревшее сено, и я опустилась на сухую охалку в крытой части авиария. После бега по холоду пришлось помучиться, прежде чем удалось войти в транс. Никакой золотой сети уже не было, вместо нее вокруг меня вились три знакомые нити. В этот раз я видела их еще отчетливее.

К самой плотной и яркой я, помня о недавнем, прикасаться не стала и внимательно осмотрела две остальные. Первая держалась поодаль, вторая как будто бы сама просилась в руки. Навстречу ей я и подалась.

И снова в голове раздался радостный голос: «У тебя получилось! Снова! Скорее привяжи меня к себе».

«А как же моя связь с Закатом?» – мысленно спросила я.

«Никуда она не денется, не волнуйся! Она сильнее, чем вот это!»

Я неуверенно оглядела нить, которую держала в ладони, и обмотала ее вокруг правого запястья. Даже сквозь транс чувствовалось, как от восторга запрыгал Кусачка.

«Теперь вторую!» – приказал голос.

Ох, еще и вторую... Я внутренне содрогнулась, представив, чем все это может закончиться и какотреагирует ректор на то, что его бедовая студентка наломала дров. Но голос звучал уверенно и по-доброму. Интуиция подсказывала, что он не навредит.

«Да-да, я не наврежу», – тут же подтвердил он.

Ладно...

Я потянулась ко второй нити, отнюдь не такой гибкой и податливой, и после пары безуспешных попыток все-таки примотала ее к левому запястью. В сознание вторглось второе существо. Оно пока молчало, но его присутствие ощущалось очень хорошо и немного подавляло.

«Скажи ей что-нибудь!» – потребовал первый голос от второго.

Раздался фырк.

«Вот еще – разговаривать с маленькой человечкой».

Я хихикнула. Не узнать Гордеца невозможно!

«А почему вы не даете мне привязать к себе Заката?» – спросила я их.

«Он спит», – веско ответил Кусачка – а первым голосом, несомненно, был именно он.

«То есть утром можно будет?»

«Ты к нему уже привязана, глупая человечка! – засмеялся грифон. – Уже очень-очень давно. Еще когда таскала для него яблоки!»

«Но связь тебе лучше не трогать, – охолонил Гордец. – Он еще слишком мал. Прикосновение означает вторжение в разум. Сделаешь это сразу – вы будете друг другу мешать. Сначала привыкни к нам, потом уже лезь к Закату».

«Хорошо. Спасибо за совет», – искренне поблагодарила я и почувствовала, как грифон аккуратно покидает мое сознание и укладывается спать в своем загоне. Мои достижения ему ожидаемо были неинтересны.

Я повернулась к Кусачке. Ну, по крайней мере, надеялась на это, потому что все еще находилась в пустоте медитации и не видела

грифона, только ощущала пульсирующее тепло нити на запястье.

«Помоги мне, пожалуйста, – попросила я. – Мне нужно узнать больше о магии и больше не к кому обратиться, кроме как к вам».

«Магия?»

Кусачка явно не понимал, что я имею в виду. Когда я обдумывала, как ему объяснить, что это такое, он вдруг сказал:

«А, вижу твои мысли. Магия, да. Иди к облаку».

Настал мой черед переспрашивать:

«Ты имеешь в виду Туманный венец?»

«Да, так его называют вы, люди. Я, Гордец, Закат, все грифоны, ты, оно – мы все родня. В нас течет одна кровь. Но облако старше, знает больше. Если ты научишься его слушать, оно тебе все расскажет. – Он подумал и добавил: – Утром вернешься, принесешь мне ведро сливок».

«Эй, это вообще-то не самое полезное питье для грифонов!»

«Хочу сливок! А то больше не буду помогать!»

Я представила, как вытянется лицо у повара Мабона, когда я попрошу у него целое ведро сливок, чтобы грифон в один глоток все выхлебал, и обреченно махнула рукой.

«Хорошо».

Вымогатель довольно заурчал и мягко отдалился от меня, тоже устраиваясь в сене поспать.

Я открыла глаза и выдохнула, разжимая кулаки и разминая шею. Хрустнули позвонки. Медитация предполагала полную расслабленность. Никто не предупреждал, что в это время можно чувствовать себя настолько напряженной, что аж суставы сводит.

Небо на востоке стало понемногу светлеть, добавляя темно-серому авиарию новых цветов. Я зевнула. Я не выспалась, ужасно устала, но душа моя пела – хоть в пляс пускайся.

Мне это удалось! Получилось наладить ментальную связь с грифонами, причем сразу с двумя. А днем, если повезет, я пообщаюсь с самим Туманным венцом – сделаю то, что никогда никому и в голову прийти не могло!

## Глава 31

Да, конечно. Туманный венец так рвался со мной поболтать на досуге, что бежал сломя голову.

Я не стала уходить далеко от вырубленной в скалах лестницы и разлеглась на траве за кустарником, чтобы не бросаться в глаза людям. От грифонов прятаться было бесполезно – возможности их зрения намного превышали человеческие. Впрочем, я не думала, что заинтересую кого-то из обитателей Орлиной Головы.

День сегодня выдался такой пригожий, словно боги искупали вину за вчерашнее ненастье. В небе разливалась ультрамариновая синева, как на фресках из академической часовни. Горы вокруг пестрели самыми разными цветами, хотя после вчерашнего дождя оттенки несколько побледнели – ветер и тяжелые капли посбивали яркую листву и окончательно уничтожили клумбы академии.

Я постелила на влажную траву толстый шерстяной плед и нежилась на солнышке. Да, в этом и состояла проблема. От тепла Туманный венец почти развеялся. Может, он и захотел бы со мной пообщаться, показать какие-нибудь узоры, но был слишком рассеян и не собран для этого. Ха-ха.

Повалявшись на травке больше ради отдыха, чем для дела, я сложила плед и поползла вниз, к академии. Близился обед, к тому же на площади перед корпусами наметилось какое-то оживление. Мне стало интересно, что происходит, а дальше тратить время на попытки наладить контакт с облаком смысла не было. Вернусь вечером, а то и ночью, когда оно опять загустеет.

Когда я спустилась пониже, стало ясно, отчего весь сыр-бор. По площади прогуливался незнакомый грифон в странной упряжи, похожей на ту, которую Тарен надел на Урагана перед отлетом в столицу. Можно было бы подумать, что она курьерская, но элементы доспехов на теле и пришитая к сумкам крупная эмблема с грифоном, мечом и щитом не оставляли сомнений – академию посетил представитель Грифоньей стражи.

Сам гвардеец, очевидно, находился на приеме у ректора, а зверь остался возле здания. На красавца-грифона, судя по шраму на шкуре,

побывавшего в настоящих боях, высыпало поглазеть пол-академии, включая некоторых из тех, у кого вообще-то в программе стояли занятия. К своим-то грифонам все уже привыкли, а тут чужой! Гость, как будто бы все понимая, вытягивал шею, изящно распахивал крылья и гордо демонстрировал мускулистые бока, хотя подходить к себе не давал.

Я встала поодаль, полюбовалась великолепным силуэтом, и тут в голову стукнуло: а почему бы не попытаться с ним поговорить? Ну хотя бы найти его связь. Получится или нет? Я была слишком воодушевлена ночным успехом, чтобы подумать о рисках, и просто закрыла глаза.

Утренние эксперименты доказали, что прогресс у меня ошеломительный. Если еще ночью для вхождения в транс требовались медитации, то теперь хватило лишь замедлить дыхание и сосредоточиться, не проваливаясь в мистическую пустоту. Хотя и нитей стало меньше. Вместо огромной сети я видела лишь три – принадлежавшие Кусачке, Гордецу и Закату. Еще одна тонкая-претонкая, которую получилось разобрать с огромным трудом, вилась чуть впереди.

Наверняка это и был гвардейский грифон. Я потянулась к нему разумом...

– Эй, девушка! – вырвал меня из концентрации резкий голос. – Судя по форме первого курса, вам еще не объяснили, что невежливо налаживать ментальную связь с незнакомым грифоном, не спросив разрешения у его наездника.

Ко мне шел мужчина лет тридцати с очень коротко подстриженными темными волосами. На подтянутом теле идеально сидел военный мундир с эмблемой Грифоньей стражи, на поясе висела сабля в ножнах, грудь пересекал ремень сумки. Я никогда раньше не видела гвардейцев, но почему-то не удивилась, что у них синяя форма. Любимый цвет Тарена, наверняка служивший ему напоминанием о славных деньках в королевской гвардии.

Выражение лица у мужчины было хмурым. Я смущенно спрятала руки за спиной.

Допрыгалась, балда.

– Ты, наверное, Эйри? – спросил гвардеец.

– Откуда вы знаете? – насторожилась я.

Он усмехнулся.

– Форма первокурсника, но так легко налаживать связь с чужим грифоном «перваки» не умеют. Да и «втораки» не все. Ну и седые волосы, конечно. Тарен рассказывал о тебе.

– Да? – сердце забилось быстрее. – И что он говорил?

Мужчина огляделся, убедился, что нас никто не слышит, но все равно понизил голос, пристально посмотрев на меня.

– Мало. Зато достаточно, чтобы понять, что ты ему дорога. Я служил с ним и знаю, что такой подарок он мог передать только женщине, которая ему важна.

Он достал из сумки странное переплетение ремешков с непонятными узелками. Я взяла эту путаницу в руки, повертела, однако так и не поняла, зачем она нужна и куда ее цеплять.

– Э-э...

Гвардеец звонко рассмеялся.

– А вот теперь видно, что ты действительно первокурсница. Это для твоего грифоненка, на вырост. Когда начнешь на нем самостоятельно летать, первое время будешь с него падать. Это страховка. В академии выдают свои, но они, как правило, затерты после многократных использований, могут порваться и вообще неудобные. Эта гораздо лучше. А если убрать потом вот этот и этот ремень, то страховка превращается в перевязь, к которой можно будет во время полетов крепить сумки. Очень удобно, если ты станешь курьером. Вещица изготовлена в Мавеннаре, под заказ, с учетом твоего роста. Дорогой подарок, который обычной студентке не сделают.

Я убрала ремешки и, чувствуя, как к щекам приливает жар, попросила:

– Передайте, пожалуйста, Тарену, что я о нем тоже помню. О нем одном. У него все хорошо?

То, какую паузу выдержал мужчина, мне не понравилось.

– Относительно. Многие думали, что он отречется от трона, а он неожиданно вступил в борьбу. Если верить завещанию старого короля, у Тарена больше всего прав на корону, но не все верят, что этот документ подлинный. А Мерана, бывшая королева, далеко не дура и успела собрать сильную поддержку. Хотя это отчасти играет против нее, потому что создается впечатление, будто она знала о смерти дражайшего супруга. И не просто знала, а подстроила ее.



– Как все сложно, – пробормотала я.

– Очень. На стороне Тарена гвардия, которая верит в человека, который служил в ее рядах. Это его огромное преимущество, но его может не хватить. Впрочем, беспокоиться пока рано, – спохватился он, увидев, как меняется мое лицо.

– Зачем тогда вы здесь? Вряд ли просто для того, чтобы передать подарок. Или истинная цель – секрет?

– Да нет, – гвардеец пожал плечами. – Меня отправили сюда заручиться поддержкой на крайний случай. Детали рассказывать не могу, но никакой тайны из моего присутствия не делалось.

– На крайний случай, – мрачно повторила я.

Эта короткая фраза говорила об истинном положении вещей намного больше, чем пространные рассуждения, у кого какие преимущества.

– Помощь никогда не помешает, – резонно заметил гвардеец. – Особенно от старых друзей. И молитвы тоже лишними не будут. Если ты так же дорожишь Тареном, как он тобой, молись за него изо всех сил. Хотя, насколько я понял ректора, ты тоже за него здесь по-своему бьешься.

– Ага, – промычала я, не придумав лучшего.

Если бы я согласилась на предложение Тарена, многословная бы из меня вышла королева.

– Эй! – вдруг крикнул гвардеец, уставившись куда-то в сторону. – А вот так с боевыми грифонами лучше не делать, а то без руки останешься!

Он оглянулся на меня, пробормотал: «Извини», – и умчался к своему грифону, которого обступили студенты. Ко мне гвардеец уже не вернулся, да и ладно – мы сказали друг другу все, что следовало.

Я посмотрела на ремешки в своей ладони и нежно провела по одному из них. Почему-то казалось, что мне известна причина, по которой Тарен внезапно ухватился за трон. И эта причина – оградить таких, как я, от их судьбы, дать им выбор. Старый королевский закон, обязывающий всех, у кого есть искра дара, отправляться в Белую академию, мог отменить только такой же закон. А кто еще задумается о его создании, если не тот, кто от него пострадал?

Правда, это окончательно разрушало все надежды на то, что однажды мы сможем быть вместе. Даже если мой статус поднимется

до архея, я все равно не буду ровней королю.

Со вздохом я прислонилась к стене учебного корпуса, предаваясь размышлениям о тяжести бытия. И, конечно, именно в этот момент надо было появиться Коллару.

Он возник, подобно бледному привидению, рядом со мной, словно все это время стоял где-то за углом здания и поджидал. Насмешливый безглазый взгляд, брошенный на ремешки в моей руке, без слов говорил, что подарок мне никогда не пригодится.

– Как долго ты еще будешь упрямяться и тянуть время? – без «здравствуйте» и «доброго дня» начал Коллар.

– В архейских школах не учат вежливости или это лично ваш недостаток? – поинтересовалась я.

– Считаю это достоинством, потому что прямота экономит уйму времени и усилий, – ровно ответил он. – Мы можем начать обучение искусству чароплетства прямо сейчас. Или ты не хочешь доказать всем тем, кто над тобой смеялся столько времени, что ты лучше их?

– Не имею ни малейшего желания, – отрезала я. – Вам, наверное, сложно представить, что существует кто-то, кто думает не только о мести обидчикам и собственном превосходстве. Среди студентов и преподавателей много замечательных людей, которым не было никакого дела до моего происхождения, даже когда они ничего не подозревали о моем даре.

– О, я-то об этом как раз знаю лучше многих, именно потому и сделал так, чтобы Силвейн устроил тебя сюда в обход правил, – холодно поправил Паук. – И даже самого Силвейна я выбрал не из-за того, что он мой должник, а потому что он достаточно благороден, чтобы не домогаться молодую девушку, находящуюся на его попечении.

– Тогда к чему был этот странный вопрос?

В глаза архея не проявилось ни одной эмоции. Ну точно не живой человек, а привидение!

– Это было испытание. Одно из многих, какие тебе еще предстоят. Прекрасно, что ты умеешь видеть в людях хорошее – у тебя мало шансов превратиться в Эмхира Кровавого.

– Радость-то какая, – фыркнула я, отворачиваясь.

– Тебе, может, это и очевидно, – правильно понял мои чувства Коллар, – а другим неизвестно, что ты за человек. Когда ты

предстанешь перед археями или королевским двором, тебя будут оценивать по твоему виду и поведению. И что они увидят? Упрямую девчонку, которая не способна остановиться, хотя уже проиграла.

– А вы так уверены в моем проигрыше? – прищурилась я.

– Да, – спокойно произнес Коллар.

«Ну и дурак», – чуть не брякнула я. Вот это уже точно было бы чересчур.

– Посмотрим, правы ли вы, – ограничилась я туманным намеком.

– Эйри, у тебя не получится ничего выиграть, оттягивая время.

– Посмотрим, – упрямо повторила я. – Если у меня ничего не выйдет, можете сколько угодно ликовать, что я оказалась никчемной и никуда не годной ученицей. А если выйдет – это будет мое достижение, а не ваше.

– Не только упрямая. Вспыльчивая, обидчивая, самолюбивая и с чрезмерными амбициями, – опять не моргнув, подытожил Коллар. – Эмхир тоже так начинал.

– Если меня будет учить человек, который ни в какую не желает признавать правду, то да, у меня в самом деле есть все шансы превратиться в главную страшилку Аэнвина.

Он нетерпеливо дернул ртом. Татуировка на щеке неприятно колыхнулась.

– И что именно я, по-твоему, не признаю?

– Вы последние пять минут из кожи вон лезли, чтобы доказать мне свою необходимость, – припечатала я. – А правда в том, что ее нет. Я и сама могу всего добиться. Может, медленнее. Может, набив кучу шишек. Но вы мне все равно не нужны.

Коллар хмыкнул.

– Ладно. Тем любопытнее будет увидеть, как ты приходишь ко мне понурая на исходе седьмого дня. Торопись, у тебя осталось шесть суток.

На одной из башен зловеще прозвенел колокол, отмечая конец занятий и начало нового часа – обеденного. Я отвлеклась, а когда повернулась, Паук беззвучно исчез, словно его рядом никогда и не бывало. По своей излюбленной привычке не стал дожидаться моего ответа. И кто еще из нас чересчур самолюбивый и с чрезмерными амбициями...

Но он прав. Времени мало и у меня, и у Тарена.

Я так сжала ремни в ладони, что побелели костяшки пальцев.

Если я докажу, что во мне есть сила эн-хея, а Тарен станет королем, может, у нас получится изменить что-то к лучшему.

## Глава 32

### Силвейн

В дверь кабинета постучали.

– Войдите, – сказал я, оторвавшись от кипы бумаг на столе.

Скрипнули петли, и на пороге появился гвардии капитан Йорат Дерлейн в синем мундире с золотыми позументами.

– Ваше высочество, простите, что прерываю... – начал он.

– Йорат, – мягко прервал я, с укоризной глядя на него. – Это очень мило, учитывая, что мы в твоём кабинете. А если вспомнить, как ты меня года четыре назад крыл последними словами за участие в попойке, так тем более.

Капитан усмехнулся.

– Ну не могу же я вваливаться без спроса к наследному принцу, который вот-вот станет королем, и говорить ему, что мозгов у него столько же, сколько у клона шерсти с задницы демона.

– Даже по старой памяти? – улыбнулся я.

– Даже по старой памяти, – серьезно согласился он. – Ты без пяти минут мой король и командир, Тарен.

Я стер дурацкую ухмылку с лица и кивнул.

Да, странно все получалось. Вряд ли кто-то мог подумать, что суровый капитан Грифоньей стражи, выше которого по званию в гвардии был только король, однажды станет кланяться мне – человеку, которого когда-то считали самым бедовым юнцом набора того года. Однако я не испытывал ни капли самодовольства или тем более злорадства. Йорат не только был одним из достойнейших людей, каких я встречал в жизни. Он оказал мне неоценимую услугу – дал приют в штабе Грифоньей стражи.

Приют – это слово звучало забавно с учетом, что всего лишь через несколько дней меня должны были короновать на трон Аэнвина. Однако во дворце по-прежнему оставалось слишком много шпионов и сторонников королевы, чтобы я мог чувствовать там себя спокойно. Грифонья стража, наоборот, единодушно встала на мою сторону.

Единодушно, ха. Здесь девиз «Одна душа на всех» не был пустыми словами.

– Так что случилось? – напомнил я.

Йорат прочистил горло.

– Ваше высочество, в штаб неожиданно прибыла вдова вашего младшего брата. Она настаивает на встрече с вами. Я решил зайти и сообщить об этом сам, а то вдруг у вас появятся особые распоряжения, – выразительно произнес он.

Я мысленно хмыкнул над тем, как капитан назвал бывшую королеву. Хотя со смертью мужа у нее исчезло право так именоваться, она по-прежнему оставалась леди Мераной, принцессой анлезийской. Однако в Грифоньей страже не любили ни ее, ни Серена, да будут к его душе милостивы боги.

И Мерана, и Серен прославились лишь масштабными гулянками во дворце и количеством любовников. Еще неизвестно, у кого из этой парочки тянувшийся следом шлейф слухов был длиннее. Но похоже, что Серен, как сказали бы наездники, щелкал клювом, а его супруга успевала и гульнуть, и готовиться к перевороту. А что отравила брата именно женушка, у меня уже не оставалось сомнений, хотя твердых доказательств до сих пор не нашлось. Следы Мерана заметала умело.

Впрочем, продумала она далеко не все, раз не позаботилась о наследнике, который позволил бы ей совершенно законно остаться у власти, играя роль регента, и не наладила отношения с Грифоньей стражей. С другой стороны, заявиться прямо сюда – смелый шаг. В храбрости Меране не откажешь. Вон у Йората уже явно возникли мысли о том, что лучше бы ей отсюда и вовсе не выходить.

– Впусти ее, – ответил я, убирая в ящик стола те документы, которые бывшей королеве видеть не следовало. – И прошу, ничего не предпринимай. Если принцесса желает просто поговорить, мешать ей не будем.

Йорат со вздохом кивнул. Он, как и я, понимал, что убийство вдовы брата только настроит против меня общество. Лучше добиться короны миром. Пока я не испробую все возможности для этого, о чем-то другом лучше и не заикаться.

Мерана не заставила себя ждать. Она царственно всплыла в кабинет, на миг замерев на пороге и окинув помещение взглядом. От меня не укрылась проявившаяся там брезгливость.

Я опять мысленно усмехнулся. А вот и причина, почему королеву здесь не жаловали.

Йорат был человеком суровым, до капитана гвардии вырос не благодаря родовитости и связям, а благодаря таланту. К излишкам он относился с пренебрежением и свой кабинет обставил соответствующе – в военных лагерях иные палатки были украшены побогаче.

Из уважения к хозяину я ничего менять не стал. Да мне после академии эта скупая обстановка никак и не мешала. Чернильница, перья, бумага есть, сургуч под рукой – для работы этого вполне достаточно.

У Мераны явно были совсем другие стандарты. Она и сама выглядела соответствующе. На улице стояла промозглая осень, а королева приехала в платье с вырезами по бокам, через которые виднелось голое тело. Грудь, тесно прижатая корсетом, едва не выпрыгивала из глубокого декольте. Я даже терялся, в каком стиле этот наряд. Раньше видел что-то подобное только в мавеннарских борделях. Хотя девицы оттуда не носили поверх платья шикарные меховые манто, едва прикрывающие талию. Какая-то анлезийская мода? Мерана, как и мать Серена, происходила из этой соседней с нами страны.

Я попытался представить в чем-то таком Эйри – и не смог. При воспоминании о ней в груди потеплело. Ее ямочки на щеках и смущенная улыбка были в сто раз искреннее и дороже, чем все меха, шелка и пласты косметики на красивом кукольном личике анлезийской принцессы.

Она отдала манто слуге, кокетливо поправила белокурые кудряшки, которыми отличался от нас ее народ, и миленько улыбнулась, без разрешения устраиваясь в кресло напротив меня.

Я подавил желание отодвинуться подальше. Девушка отдаленно напомнила мне душную Лорну: так же красива – и так же невозможно быть с ней рядом. Смешно, что официальным поводом для предыдущего выдворения меня из столицы стала молва, будто я соблазнил королеву.

– Дорогой братец!.. – с придыханием начала Мерана.

– Оставьте нас наедине, – перебив, приказал я всем, кто находился в кабинете.

Когда дверь закрылась за последним из уходящих, я сменил позу в кресле и испытующе посмотрел на девушку напротив.

– Дорогая сестрица, мы с вами встречаемся уже не первый раз, а наше знакомство вообще произошло в условиях, далеких от официальных, – сухо сказал я, припомнив ту малоприятную сцену. Серен, узнав об отцовском завещании, силой вынудил меня встретиться с ним и устроил истерику. При этом присутствовала и Мерана. В тот раз она была не столь очаровательна, зато и не столь фальшива. – Мне прекрасно известно, что вы отнюдь не считаете меня «дорогим братцем». Более того, начали стягивать к Мавеннару всех верных вам лордов, кто оказался способен набрать ополчение хотя бы в десять человек. Мы остались одни, поэтому давайте сэкономим наше общее время и поговорим начистоту. Зачем вы явились?

Мерана в мгновение ока из куколки превратилась в тигрицу. Она выгнулась и положила локти на стол так, чтобы мне было хорошо видно содержимое ее декольте. Оно, пожалуй, было аппетитным, как и сама бывшая королева, но я опять с тоской подумал об Эйри.

В ней ни на ноготок не было этой придворной лжи. Может, иногда она бывала грубовата, зато можно было не сомневаться, что девушка абсолютно честна. И как же мне сейчас этого не хватало! Может, именно этим она меня и зацепила – своим внутренним благородством, которого с лихвой бы хватило на целую дюжину дворян?

– Дорогой братец, – выразительно повторила Мерана, не спуская с меня подведенных глаз. – Боюсь, вы неправильно истолковали мои действия. После подозрительно скорой гибели мужа я справедливо начала опасаться за свою жизнь, потому и созвала в столицу верных мне людей. Но мы, кажется, начали наше общение в новых статусах совсем не с того.

Я улыбнулся.

Теперь на ум пришел Коллар. Собака он, причем редкостная. Однако именно он заставил меня совсем незадолго до всех этих событий вспомнить, как правильно вести беседы со знатью. Все же академия, находящаяся вдали от столичных интриг, здорово расслабляла. Как будто Паук что-то знал...

– Слушаю вас, сестрица, – не собираясь верить ни слову из той патоки, которую сейчас будут вливать мне в уши, сказал я.

– У меня появилась великолепная идея, как нам решить наши совместные проблемы, братец.



Я прикинулся заинтересованным, хотя никаких «совместных» проблем у нас в помине не было. Было лишь откровенное желание бывшей королевы оставить с носом других претендентов на трон.

Мерана слегка воодушевилась и грациозным жестом убрала как будто бы мешающийся локон, еще больше открывая передо мной грудь.

– Тарен, тебя принимает всерьез далеко не вся знать. Ты совсем недолго пробыл при дворе, да и было это уже давно. Люди не знают, что о тебе думать, поэтому не доверяют. Справедливости ради, ты вряд ли набрался опыта в политике, проведя последний год в провинции.

– Это произошло из-за вас с Сереном, – не удержался я. – Вы решили отправить меня в ссылку, и я согласился преподавать в Небесной академии, лишь бы не мешать тем, кто уже помазан на царство.

Принцесса легко отмахнулась.

– Ситуация была совсем иной.

Я прикусил язык.

Да, она действительно была иной. Тогда Серен был жив, а у меня не нашлось причины бороться за трон.

Зато сейчас эта причина существовала. Только поэтому я сумел промолчать.

– Мы еще можем все спасти, – уверенно говорила Мерана, ничего не заметив. – Нужно лишь объединить усилия. Женись на мне – и Аэнвин получит сразу и законного короля, и опытного политика, с которым он уже знаком. Мы не оставим ни шанса вашему дяде, который тоже собрал достаточно поддержки, чтобы претендовать на корону.

Вот эта полуголая девица за столом – опытный политик. Ну-ну.

Я нацепил самую кретинскую из своих улыбок.

– А ведь это мысль! Знать еще и даст мне дополнительных очков за то, что я позаботился о вдове младшего брата.

– Рада, что вы понимаете это, братец, – оценила Мерана. – Значит... вы согласны на то, чтобы заключить брак со мной перед коронацией?

Я едва не расхохотался.

Меня здесь держат за идиота. Было бы печально, если бы не было полезно.

В очередной раз припомнив урок, преподанный Колларом, я «заверил» принцессу:

– Это нужно хорошо обдумать. У нас есть еще несколько дней до срока, на который назначена церемония. Мы могли бы обсудить все детали за это время.

На безупречное личико принцессы нашла тень. Наверняка она ожидала, что получит твердый ответ прямо сейчас, а я, по сути, ничего и не предложил. Только болтовню, которая могла ни к чему и не привести.

– Замечательно, – сказала она, не подав вида, что разочарована. – Обдумайте все и свяжитесь со мной как можно скорее. Каждый час ожидания – потерянные надежды аристократии.

– Полностью с вами солидарен, – поддержал я. – Поэтому уже вечером пришло вам письмо с первыми наработками по нашему бракосочетанию.

Кабинет Мерана покинула несколько успокоенная, однако и не полностью умиротворенная. Она не была душой и видела, что я тяну время. Так оно и было. Как только дверь за ней закрылась, в помещение вошел Йорат.

– Что там в донесениях? Ее войска не остановились? – сразу спросил я.

Он не ответил и, слегка прищурившись, посмотрел на меня. Ясно, все слышал.

– Ваше высочество, вы ведь осознаете, что жениться на ней действительно было бы выходом?

– Кратковременным, капитан. А через пару дней я бы обнаружил в своей кружке яд и, вполне вероятно, сразу бы умер.

Йорат хмыкнул.

– Значит, вы не колебались?

– Ни на миг.

Капитан, нарушая этикет, посмотрел мне в глаза.

– Кто она, Тарен? Сложно не заметить, что твое сердце уже отдано кому-то другому и эта девушка отчаянно нуждается в помощи. Ради себя ты бы рваться к трону не стал. Если ты борешься только затем, чтобы ее защитить, не слишком ли многим ты жертвуешь? Не пожалеешь потом, когда чувства остынут?

Я задумался на несколько мгновений, прежде чем ответить.

В Мавеннаре много красавиц. Многие с удовольствием согрели бы постель будущему королю, даже если бы он был уродлив, как карлик из цирка, что каждый год вставал на окраине города. А любовь... она недолговечна. Да, я до сих пор помнил об Эйри, скучал по ее смеху и искоркам в голубых глазах. Но между нами – мой королевский долг, клятые археи с их Белой академией и, возможно, другой мужчина. Хотя в последнем я уже сомневался после возвращения гонца из академии, который передал, что вручил подарок Эйри и что она думает обо мне одном.

И тем не менее – что, если нам не удастся все это пересилить? Или на расстоянии чувства, не получающие подпитки, в самом деле угаснут? Если не Уин, то кто-то другой может начать ухаживать за красивой и талантливой девушкой. Эйри – она как огонек, она не может не привлечь к себе внимания. Я не собирался сдаваться, и плевать, что она простолюдинка. Мои царственные предки были достаточно благоразумными, чтобы выдумать такую вещь, как морганатический брак, позволяющий сочетаться аристократам с простолюдинами.

Однако я должен был учесть и расклад, при котором окажусь не у дел. Найти повод жить. И не праздно существовать, как это делал отправившийся к богам братец, а именно жить.

– Дело далеко не только в девушке, – твердо сказал я. – Видишь ту кучу книг на столе? Это юридические своды Аэнвина. Как оказалось, законов, изданных лет двести назад и с тех пор не пересматривавшихся, там столько, что потянет на пару толстенных томов. А закон о том, что все, у кого есть хотя бы искра магического дара, обязаны отправиться в Белую академию, и вовсе появился еще до ухода с континента светлых эльфов! С этим надо что-то делать, Йорат. Кроме того, я просто не могу оставить трон подобным людям, – я указал рукой на дверь, намекая на бывшую королеву. – Просто так Мерана не пришла бы и не предложила себя в жены. Нужно потянуть время, выяснить, что она задумала, и разрушить ее план. Если Мерана продолжит править, неизвестно, куда скатится страна.

Капитан одобрительно хмыкнул, почесав правый ус.

– Известно куда. У меня с собой новые донесения... и простите, ваше высочество, – он неожиданно поклонился. – Зря я в вас сомневался.

– Так твой вопрос был проверкой, – вздохнул я.

– Еще раз извините, ваше высочество. Хватит с Аэнвина легкомысленных правителей, которые думают о чем угодно, только не о благе государства. Вас не было здесь больше года. Я должен был убедиться, что присягаю правильному королю.

Я лишь махнул рукой. Стало неприятно, что во мне сомневаются, а с другой стороны, это было справедливо. Вывалился не пойми кто из какой-то там академии... И правда, что у него в голове – еще вопрос.

– Что ты там говорил о новых донесениях? – уточнил я, возвращаясь за стол.

Работы еще непочатый край. Некогда прохладиться.

Йорат разложил передо мной принесенные с собой бумаги.

– Наши разведчики на границе заметили подозрительные перемещения анлезийских отрядов. Заливая мед вам в уши, Мерана явно готовится к тому, чтобы ввести в Аэнвин войска своей родины.

– Не зря мне почудился подвох, – пробормотал я. – Нас хотят превратить в анлезийскую провинцию.

– Сначала ослабили страну никчемным правлением вашего младшего брата, а теперь хотят подмять и вас, – согласился капитан. – Также шпионы докладывают, что Мерана одновременно продолжает вести переговоры и с вашим дядей, маркизом Лоранном.

– Не удивлюсь, если ему тоже предложили тело молодой королевы, – хмыкнул я. – Либо он в доле с анлезийцами.

– Если он надеется их обыграть, то зря, – заметил Йорат. – Маркиз – слабый претендент на трон, за ним стоит едва ли не меньше сил, чем за вами.

– Но если они с Мераной объединятся, мне несдобровать, – закончил я за него и устало потер веки. – Садись, Йорат, нужно продумать наши действия.

Пока капитан подтаскивал кресло поближе к столу, я ненадолго откинулся на спинку и уставился в потолок. Мысли нахлынули безрадостные.

Возможно, Эйри была права. Мне вообще не следует к ней соваться. Что я могу дать девушке в обмен на ее любовь? Обещанная защита от археев не будет ничего стоить, когда против меня и дядя-маркиз, и Мерана со всей Анлезией. Как бы не втянуть Эйри в еще бо́льшую беду...

## Глава 33

### Эйри

Я сидела с закрытыми глазами, подогнув под себя ноги, и изучала открывающуюся передо мной золотую сеть. Шел пятый день после пожара. Туманный венец со мной так и не заговорил, но я все равно не теряла времени и тренировалась хотя бы в том, что могла.

Например, теперь я знала, что золотые нити – это ментальная связь между грифонами и их наездниками. А еще – между всеми, кто населяет Облачные вершины. Слабенькие паутинки оплетали даже слуг. Я думала, что самыми яркими будут преподавательские нити, но оказалось, что сильнее всего сияет последний, четвертый курс академии. Все утверждали, что из них получился уже почти готовый отряд в Грифонью стражу.

Сеть простиралась далеко за пределы Облачных вершин, образуя сгустки, мерцание которых из-за огромного расстояния мне едва удавалось разобрать. Наверное, это были Грифонья стража в столице, дежурившие на границе Аэнвина отряды и курьеры на своих грифонах.

До них у меня пока не выходило дотянуться. Я пыталась найти Тарена и его Урагана, но не смогла. Зато коснуться любого грифона и даже человека здесь, на Облачных вершинах, – сколько угодно.

Вчера я нечаянно подслушала, как ректор мысленно сюсюкается со своей грифоницей Зарей. Вот уж в чем никак не заподозришь сурового седого властителя Небесной академии! А какими он ее эпитетами награждал: ты мой пушистик, птенчик мой золотой... Я едва сдержала порыв расхохотаться. Похоже, Заря что-то почувствовала и сразу закрыла их с ректором мысли от меня. Больше я к ним не лезла.

Вообще золотые грифоны, кажется, были чувствительнее обычных сородичей, потому что так же легко я создала связь с матерью Зари – старой грифоницей Княжной. Других золотых грифонов на Облачных вершинах не было – гордая Заря еще не выбрала себе пару среди самцов и не родила потомство, а еще несколько ее одноцветных соплеменников со своими наездниками

жили в королевском дворце. Недавно почивший король Серен, как говорили, любил ими похвастаться перед чужеземными делегациями.

Наверное, цвет Зари был как-то связан с золотым цветом ментальной связи. Я могла лишь догадываться – в Библиотечной башне не удалось найти этому никаких подтверждений, хотя мы с библиотекарями перерыли все, даже архив. Да и вообще не встретилось упоминания ни о каких огромных золотых сетях. Как будто бы все те поколения археев, которые служили при академии со времен Ариана Наездника, их не видели.

Хотя, может, и правда не видели. Ведь человеческим магам на нашем континенте только белая магия и доступна – ну, за исключением эн-хеев, а они рождаются даже реже, чем раз в сто лет. Я нарыла кучку книг, где разбирались плетения Туманного венца и рассуждалось о его природе, но все это касалось исключительно белых нитей. Лишь в одном месте, на которое указала пожилая заведующая Библиотечной башней, упоминалось о загадке, над которой археи сломали голову. Если эльфы владели белой магией, Туманный венец тоже был сплетен из белых нитей, то почему ментальная связь с грифонами светилась золотом?

Эх, вот бы мне крепкую связь с золотым грифоном. Я бы...

Мощный толчок в плечо опрокинул меня на холодную землю. Охнув, я раскрыла веки.

Надо мной навис Закат. Крылья были угрожающе распахнуты, желтые глаза смотрели на меня с осуждением.

– Кр-р-ра, – сказал он.

Это значило, что грифоненок обиделся.

Проклятье. Закат, конечно же, уловил мои мысли и взревновал. Я уже пыталась установить с ним ментальное общение, но потерпела крах. Грифоненок действительно был слишком мал. Он охотно заваливал меня мыслеобразами – воображаемыми картинками с красными яблоками, зелеными лужайками, ванной, где можно потрепыхаться в теплой воде, и прочими радостями малыша. Однако обращаться со словами, как это делали Гордец, Кусачка и другие взрослые сородичи, он пока умел плохо и понимал только простейшие: нельзя, еда, дай...

Ах да, еще он отлично знал фразу «Закатик, смотри, я тебе вкусняшку принесла».

– Малявочка моя, – с нежностью произнесла я, поглаживая мордочку с сердито взъерошенными перьями. – Да я тебя ни на кого в жизни не променяю. Ты у меня самый лучший и единственный. Яблоко хочешь?

Выражение в глазах грифоненка сразу поменялось. Он аккуратно взял наливное яблочко из моих пальцев и убежал хрустеть им на валун, с которого открывался хороший вид на тренировочную площадку.

Да, ректор позволил мне забирать Заката из авиария и выгуливать, чтобы грифоненок привыкал к небесным просторам. В последние дни малыш составлял мне компанию, когда я поднималась на Орлиную Голову. Но приближаться с ним к гнездам я опасалась – мало ли как его воспримут остальные грифоны. Он же для них чужак. Так что мы с ним доходили только до тренировочной площадки, где появлялись дрессированные грифоны, которые не стали бы вредить малышу. А если бы и захотели, то их бы остановили наездники.

«Я тоже хочу яблок, – сразу влез в голову Кусачка. – Красных, сладких».

Я поморщилась. Он сидел в авиарии, но расстояние нисколько не мешало ему подслушивать. Между нами четыремья вообще образовалась какая-то странная связь – один человек, даже летать-то не умеющий, и три грифона, два из которых отвержены другими наездниками, а третий чересчур мал, чтобы что-то понимать.

«Кусачка, ты скоро таким толстым станешь, что уже и в два загона не влезешь».

«Это потому что меня попрыгать не выпускают», – ревниво объявил он.

«А мне яблок?» – вдруг встрял Гордец.

Я застонала.

«Ладно, ладно, схожу к повару еще раз, но он может и отказать. Ни один грифон на Облачных вершинах не трескает столько лакомств, сколько вы трое...»

Бульканье, которое после этого послышалось от двух наглецов, сначала меня озадачило, а потом я поняла, что это птичье хихиканье. Нахалы, вот точно нахалы...

Они знали, что на самом деле нравятся Мабону. Тот ворчал, когда я приходила за очередной порцией вкусняшек для грифонов, но всегда

давал столько, сколько они просили. Я же теперь не служанка, ворующая с преподавательского стола, а наездница! Все официально! Если чего-то не было (те же яблоки стремительно заканчивались), он предлагал какую-нибудь не менее аппетитную замену. И даже сопровождал меня как-то к авиарию, чтобы поближе посмотреть на тех, кого подкармливает.

Кусачка устроил для него целое представление с танцами и довольно-таки неуклюжим полетом под крышу. Только Мабон не поверил, что его встречают с восторгом, испугался и поспешил вернуться на кухню. Кусачка оскорбился – он был уверен, что приветствовал повара лучшим образом. Гордец тогда издавал точно такие же булькающие звуки, как и сейчас, но в тот раз я не сообразила, что он хихикает над незадачливым товарищем.

Я тяжело вздохнула, поправила подбитый мехом форменный плащ и посмотрела на белую облачную перину, которая устилала горы. Домов, пасущихся на лугах отар было совсем не видно, из воздушного пуха выглядывали только соседние вершины. Погода становилась все холоднее. На днях выпадал снег. Если бы не резкое потепление вчера, он лежал бы до сих пор. А сегодня густые низкие облака спустились почти до Вайля. Казалось, можно прыгнуть с уступа – и не покатишься по камням, а утонешь в вате.

Туманный венец сегодня тоже сполз к академии, обнажив Орлиную Голову. Мне бы пойти туда, устроиться где-нибудь в укромном уголке, да хоть в собственной комнате, и опять слушать облако в надежде, что оно ответит, но Закат в плотной пелене ничего не видел и начинал скучать. Пусть побегает здесь, на солнышке, а потом уже я займусь своими делами. Все равно Венец по-прежнему молчал, а когда меня увезут в Белую академию, вряд ли кто-то будет выводить малыша повалиться на травке.

Оставалось два дня. Два проклятых богами дня. Если не найду способ доказать, что я эн-хей, с моей жизнью – и, скорее всего, с жизнью Тарена тоже – будет покончено. Я намеренно избегала смотреть на свои руки. Всего за пять дней они побелели так, что стали неотличимы по цвету от белой простыни на кровати. С тем отличием, что у меня через кожу проступали синие вены.

Почему же ты молчишь, демонов Венец, чтоб тебя всеми ветрами по ниточке на все континенты раздуло!!!



Он, конечно, и не подумал колыхнуться в ответ или хоть как-то показать, что слышит меня. Еще бы...

Закат, который давно стрескал яблоко и теперь развлекался тем, что разрывал лапами землю, вдруг плюхнулся пузом на траву и «чирикнул», привлекая мое внимание.

– Устал? – Я подобрала плащ, чтобы не волочился по грязи, подошла ближе и потрепала малыша по холке. Он хоть и окреп, но с непривычки быстро утомлялся снаружи авиария. – Ну идем тогда домой.

Грифоненок потерялся о мою ногу, но подниматься не стал, а зачем-то похлопал лапой по земле.

– Мне посидеть рядом с тобой? – не поняла я.

Закат заворчал. Очевидно, я угадала неправильно.

– Та-ак, – протянула я, все-таки аккуратно подсоединяясь к нашей связи. – Ну, посмотрим...

Но и мыслеобразы поставили меня в тупик. Туман, рыхлая почва, какие-то линии на ней...

Постойте. Линии?

Я проследила за рытвинами, которые сделал Закат. Они казались хаотичными – бессмысленная игра неразумного зверенка, которому надо как-то занять время. Но неспроста же он послал мне изображение тумана?

Выведенные Закатом линии занимали не так уж мало места – они бы вписались в квадрат из восьми-девяти моих шагов. Я обошла их по кругу, затем влезла на валун, откуда грифоненок наблюдал за тренировочной площадкой, и окинула взглядом сверху.

Сумбурно разбросанные линии вдруг сложились в упорядоченный узор. Сам Закат такое придумать бы не мог – слишком сложный для него рисунок. К тому же с высоты роста зверенка было бы невероятно трудно увидеть и правильно сочетать повторяющиеся фрагменты узора. Разве что кто-то им управлял? Но я же вроде бы единственная, кто на это способен?

«Самомнение у тебя, как у Гордеца, – раздалось в голове сонное бормотание Кусачки. – Это я Закату картинку передал».

«Зачем? – поразила я. – Она что-то обозначает?»

«Облако нашептало – я передал».

«Так тебе это еще и облако сказало?!!»

«Ты глупая, оно тебя дозваться не может. Попросило меня. Ты ему чем-то нравишься. Если бы и мне не нравилась, я бы его просьбу исполнять не стал, – важно заметил Кусачка. – А теперь не мешай. Я плотно поел и хочу спать».

И вредный грифон опять смолк. А у меня в голове сразу зароилось столько вопросов! Я попробовала мысленно ткнуть Кусачку в бок, но тот недовольно заворчал и закрылся от связи. Наверное, и правда хотел спать.

Я кинулась к оставленной на пожухлой траве сумке и выудила из нее баночку чернил, листок бумаги и писчее перо. Оно, правда, неведь как умудрилось сломаться, но зарисовать схему можно было и огрызком. Заниматься этим пришлось, балансируя на валуне. В процессе, разумеется, чернила разлились, чудом не попав на плащ, бумага смялась, чертеж получился кривым, а я повторила все когда-либо слышанные от Куланна ругательства, но в конце концов в моих руках оказался узор, переданный мне самим Туманным венцом.

Невероятно! Археи об этом могли только догадываться, а волшебное облако действительно оказалось разумным, и у меня получилось наладить с ним связь!

Правда, через цепочку из двух грифонов, но что уж... И если уж совсем честно, я понятия не имела, что теперь с этим делать.

Я повертела бумажку в руках, разглядывая хитрый узор. Что-то похожее предстало передо мной в тот раз, когда мы с Тареном впервые поднимались на Орлиную Голову, но тогда я не успела запомнить расположение линий, да и вообще толком ничего не сообразила. Значит, это не какой-то обман, и это замечательно. Только жаль, что Туманный венец не объяснил, как воспользоваться схемой. Пройти по ней? Лечь внутри ее и медитировать? Нанести на тело?

Если предполагалось, что нужно сплести этот узор из белых паутинок, то у меня для облака плохие новости...

Поймав себя на этой мысли, я нервно рассмеялась. Стой, повозка, приехали! В госпиталь для умалишенных.

В плечо снова ощутимо толкнули. Закат вилял хвостом, явно довольный тем, как хорошо мне пригодился, и не понимал, чего это его до сих пор не похвалили. Я прилежно потрепала «малыша», который уже готовился меня перерастить, по затылку и достала ему последнее яблоко.

– Ты молодец, прекрасно справился!

Ближайшую минуту окрестности оглашали только счастливые хруст и чавканье, а я раздумывала о схеме. Не к Коллару же идти с вопросами? А если полагаться лишь на Кусачку и Заката, то неизвестно, насколько все это растянется, потому что первый ленив, а второй мал. Прямо скажем, не самая надежная цепочка «курьеров».

Значит, все же Коллар. Придется наступить на горло своей гордости, но, похоже, никуда не деться.

Я уже потянула Заката за собой, спускаться к академии, когда увидела, что наверх по лестнице бежит знакомая кряжистая фигура. Куланн как будто опаздывал, и точно не на занятия, потому что сейчас на площадке была в разгаре тренировка другого преподавателя.

Смутное и неприятное предчувствие толкнуло меня вперед, заставляя ускорить шаг.

– Давай-ка быстрее, Закатик, милый, – пробормотала я, не спуская глаз со старого вояки.

Сомнений больше не оставалось. Он искал именно меня.

Сердце упало. Случись что-то нехорошее, но не так, чтобы уж очень дурное, за мной отправили бы слугу, в крайнем случае секретаря. Если примчался сам ректорский заместитель – дело плохо. Совсем плохо.

– Эйри! – Куланн не казался запыхавшимся или уставшим, однако остановился и махнул рукой, чтобы я поторапливалась. – Спускайся быстрее.

Я перешла на бег, насколько это позволял каменистый склон.

– Что случилось?

– Пришли новости о Тарене. И они далеко не лучшие.

## Глава 34

В ректорском кабинете я была уже не первый раз, поэтому меня здесь ничто не удивило: ни книги с золотым тиснением, аккуратно выставленные на стеллаже, ни отдельная полка для боевых и других наград. Лишь на портрет почившего короля Серена я смотрела дольше обычного.

А ведь раньше я часто встречала его изображения – на монетах, например. Но там профиль был очерчен очень примитивно и не походил даже на этот, наверняка сильно идеализированный портрет. Но и на нем, если присмотреться, можно было заметить, сколько у Серена и Тарена схожих черт во внешности: ясные глаза, такой же немного вздернутый нос, вихры каштановых волос. Однако Серен отличался от брата в дурную сторону гораздо большей полнотой – это в его-то молодом возрасте – и капризным изгибом губ. Король обладал внешностью избалованного мота и привереды. Любой бы охотно поверил в историю, что он приревновал жену к Тарену. А оно вон как вышло...

В кабинет кроме меня позвали Коллара, которого тоже явно сдернули с места без предупреждения. Вместо традиционной белой мантии на архее была надета сероватая рабочая роба, покрытая странными пятнами. Паук вроде говорил, что он сведущ в алхимии? Наверное, ею и занимался, когда его вызвали.

За моей спиной, будто телохранитель, замер Куланн. Ректор тихо и долго перечислял секретарю приказы и вошел в кабинет последним, плотно закрыв за собой дверь и тяжело опустившись в массивное кресло за таким же крупным столом.

– Только что, – опустив приветствия, начал Освальт, – мне поступили сведения, что на присягнувшее Тарену войско совершено вероломное нападение. Королева и дядя Серена сделали неожиданный для них шаг – договорились забыть о разногласиях и объединились, чтобы свергнуть «самозванца». Тарен в данный момент заперт в Мавеннаре с небольшим числом верных ему отрядов, в то время как его враги осаждают столицу.

– Такое вообще возможно? – с сомнением спросила я. – Это же столица! Она огромна! И запасов у них наверняка множество.

– К сожалению, в нашем мире возможно и не такое. Объяснять все подробности было бы долго, но преподавательская привычка не дает промолчать совсем, – Освальт криво усмехнулся. – Жители Мавеннара, разумеется, не привыкли к подобным испытаниям, сама идея осады кажется им дикой. Однако в первую очередь они бросятся не на тех, кто их осаждает, а на Тарена, чья смерть сразу снимет осаду. Вдобавок ко всему у королевы и дяди Серена много сторонников в столице. Если Тарену не воткнут в спину нож, рано или поздно кто-то откроет ворота, и начнется кровопролитие.

– Это все ужасно, – перебил Коллар, неприязненно глядя на него. – Но вы же нас сюда вызвали не для того, чтобы просто поделиться новостями? Я проводил важный алхимический эксперимент, а вы меня отвлекли.

– В самом деле, зачем его вообще сюда пригласили? – не выдержала я. – Он же наверняка сам и поучаствовал в том, чтобы Тарен попал в такую страшную ситуацию!

На меня уставился ледяной белоглазый взгляд.

– Некоторым будет в это сложно поверить, но именно я снабдил нашего новоиспеченного принца тайной и явной охраной. Если бы случилось что-то по-настоящему тревожное, меня бы известили.

Ректор молча подал ему какой-то сверток. Судя по маленькому кожаному тубусу и печатям, это было срочное курьерское письмо. Как раз то, которое пересылают с помощью грифонов.

Когда Паук дочитал до конца, лицо его изменилось.

– Мне ничего подобного пока не сообщали...

– Со всем уважением, достопочтенный Коллар, – голос Освальта, вопреки смыслу слов, звучал с легким презрением, – подскажите: разве археи придумали способ мгновенно перемещаться на огромные расстояния? Или передавать новости по мановению руки на другой конец континента? Кажется, археи до сих пор способны только на хитроумные трюки со стихией и внушением иллюзий?

Губы Паука дернулись.

– Я вижу, к чему вы клоните: грифоньи курьеры по-прежнему остаются самым быстрым способом доставить известия, а у меня таких помощников, к сожалению, нет. Если дела действительно

обстоят настолько плохо, насколько это указано в письме, предлагаю последовать примеру королевы и забыть о ссорах. Раз Тарену необходима военная поддержка, очевидно, почему вы позвали меня. Но зачем здесь Эйри?

– Простите, – встряла я, – но меня тоже кое-что смущает. Наше собрание плохо похоже на военный совет.

– А это и не совет, – ректор строго посмотрел на меня. – Я собрал вас, чтобы донести свои решения. И вот они. По моим сведениям, ворота в Мавеннар откроют в любом случае. К сожалению, мы с Куланном оба видели, что бывает, если наемников, а из них в основном и состоят войска других претендентов, впустить в город. Начнется резня, которую повесят на Тарена. Гибели сотен ни в чем не повинных горожан допускать нельзя. Каждый студент Небесной академии после окончания первого курса приносит присягу служить миру и процветанию Аэнвина. Поэтому после того, как мы закончим наш разговор, я выступлю перед всей академией, дам немного времени на сборы, затем возьму выпускной курс, а также всех добровольцев, и полечу в столицу. В играх за корону мы принимать участие не будем – только защищать простых жителей. От любой стороны, претендующей на престол, – выразительно произнес Освальт, посмотрев по очереди на всех нас. – Молю богов, чтобы бойня так и не началась, но, если это произойдет, мне будут нужны любые силы, какие есть в моем распоряжении.

– Разумеется, я поеду с вами, – тут же ответил Коллар.

– Полетите, – поправил ректор.

Тот поморщился.

– Видят боги, никогда не горел желанием оседлать грифона, но если это единственный способ быстро добраться до Мавеннара и прекратить резню, то я только за.

– Эйри, ты тоже полетишь, – сказал Освальт.

– Нет! – рявкнул Коллар, мгновенно изменившись в лице.

– Да, – ректор злорадно улыбнулся. – И я имею полное право ее привлечь особым приказом, так как она студентка Небесной академии, пусть и не приносила присягу.

– Я был о вас лучшего мнения, Освальт, – процедил архей. – Она еще слишком юна, чтобы такое видеть.

– Это решать не человеку, который ничего обо мне не знает, – отрезала я. – Господин ректор, я согласна. Говорите, что нужно делать.

– Подожди, Эйри, – осадил он. – К сожалению, твоего согласия мало.

Освальт помолчал, прищуренно изучая нас обоих с Колларом.

– Я слышан о том, что между вами сейчас происходит нечто вроде игры «Кто кого перебодает». Продолжая эти детские глупости, мы не добьемся мира в стране и не спасем мавеннарцев от безумия королевы и ее союзника. Эйри, если ты владеешь хоть каплей магии, хватит упрямиться. Я, естественно, не прошу, чтобы ты начала направо и налево крушить врагов. В большинстве случаев, чтобы противники разбежались, бывает достаточно и простой демонстрации. Какое-нибудь легкое заклинание, или плетение, как там это правильно называется, и будут спасены жизни людей. Ты можешь обеспечить нам что-нибудь подобное?

– Ну... – я здорово смутилась. – Я даже не пробовала.

– Значит, у тебя есть около двух часов на то, чтобы собрать вещи и поупражняться. Коллар, – ректор перевел на него взгляд. – О том же самом попрошу вас. Хватит упрямиться и пытаться во что бы то ни стало утащить Эйри в Белую академию. Хотя бы сутки поработайте вместе. И еще одно, что касается уже вас обоих.

Архей, поморщившись, потер переносицу.

– Откуда у меня такое чувство, что вы сейчас заговорите о пророчестве.

– Потому что это очевидно, – хмыкнул тот. – Явление эн-хея в правильный момент спутает осаждающим карты. Фокус это будет, магический трюк или что-то иное – дело ваше. Мне нужно, чтобы вы смогли это устроить, как только я прикажу. Ни раньше, ни позже.

– Устроим, – спокойно ответил Коллар.

Я зло зыркнула на него. Он-то небось того и добивался!

«Отправляешься на веселье? – прозвучал тихий и немного обиженный голос в голове. – А мы?»

«Ты же спал, Кусачка», – пожурила я.

«Ты слишком громко думаешь!»

«Ага, конечно. Просто кто-то не только вымогатель, но еще и подслушиватель».

«Мы тоже хотим веселья», – прервал нашу перепалку Гордец.

«У вас нет наездников. Вы не будете слушаться приказов, а это очень важно».

В мыслях наступила тишина, но я знала, что грифоны переговариваются между собой.

«Приказов – не будем, – подтвердил Кусачка. – А если нас попросят, и это будешь ты, то мы согласимся».

«Хитрюшки».

«Мы так давно не летали! – он сразу сменил стратегию и принялся канючить. – А твои сородичи еще глупее, чем ты! Им даже не рассказать о том, как нам грустно в клетке!»

«Ну началось. Ладно, я спрошу, но ничего не обещаю».

Грифоны снова стихли. А я подняла взгляд и обнаружила, что все в кабинете смотрят на меня.

– Это что сейчас было? – со странным видом поинтересовался ректор, нервно постукивая ногтями по столу.

– А что было? – удивилась я.

– Мне кажется, девочка просто не высыпается, – заметил Куланн. – В самом деле, Освальт. Разумно ли ее тащить прямиком на бойню?

– Не высыпается? – фыркнул Коллар. – То есть ты настолько слеп, что не заметил свечения? Да это явный признак необычайной колдовской одаренности!

Ректор уже собирался что-то сказать, но я влезла раньше:

– А я могу поставить одно условие?

Судя по красноречивому выражению на лице Освальта, не могла. Но он все равно спросил:

– Какое?

– Со мной могут полететь мои грифоны?

В кабинете повисла пауза.

– В каком смысле, – медленно произнес Куланн, – твои грифоны?

Я улыбнулась.



## Глава 35

Когда обсуждения были закончены и ректор нас отпустил, я немного задержалась. Коллар бросил на меня косой взгляд, буркнул: «Сначала мне надо свернуть алхимический опыт, а потом я за тобой зайду, пойдем снимать плетение с авиария», – и заспешил к себе в дом. А я сделала вид, как будто так устала, что не могу справиться с завязками плаща, долго возилась и прекратила играть спектакль, только когда за дверью скрылись и архей, и Куланн.

Ректор продолжал сидеть в кресле и внимательно смотрел на меня.

– Вчерашняя простушка набирается поистине придворных хитростей, – прокомментировал он. – Что ты хочешь мне сказать наедине – передать еще одну просьбу от своих грифонов?

– На самом деле они не то чтобы мои, – поправила я.

– Так со всеми грифонами. Они любят делать вид, как будто сами по себе, а в действительности так сильно привыкают к своим наездникам, что, погибни те, могут зачахнуть и сами. К сожалению, я не раз такое наблюдал и очень надеюсь, что в твоём случае все обойдется. Хотя, конечно, ты нас здорово удивила сегодня... Но мы отклонились от темы, – многозначительно произнес он.

Я помялась, понимая, что в нашем положении время терять нельзя, но подобрать слова мне было сложно. По крайней мере так, чтобы нечаянно не обидеть человека, который, похоже, сегодня воплотил в жизнь именно то, над чем я билась все пять дней.

– Пожалуйста, ответьте мне правду. Покушение на Тарена и эта осада с резней – они не выдуманы?

Освальт ухмыльнулся.

– А было бы здорово, да? Ты попадешь в столицу вне зависимости от того, что там говорил Коллар по поводу того, эн-хей ты или нет. И с Тареном встретишься. И, как эн-хей, окажешь ему свою поддержку. И вряд ли придется сразу ехать в Белую академию, потому что весь Мавеннар захочет воочию увидеть легендарного мага во плоти, а для этого придется немного пожить во дворце. И Коллар официально не

сможет в такой ситуации ничего сделать, более того, создаст ее собственными руками.

– Да, – я склонила голову, искоса глядя на него. – Это в точности то, чего я и пыталась достичь. Как удачно, что все произошло за двое суток до того, как я потерпела бы крах.

– Эйри, я бы очень хотел сказать, что ты попала в точку – угрозы не существует, а есть хитрый план помочь и тебе, и Тарену. Но столица действительно в окружении. – Серые глаза ректора были строгими. – И резня тоже может произойти. Хотя я все-таки немного сгустил краски перед Колларом и, сложись обстоятельства немного иначе, ни в коем случае не стал бы тащить первокурсницу, к тому же вероятную невесту будущего короля, в гущу боя. Но сдается мне, что там, под моим присмотром, тебе будет безопаснее, чем здесь.

– Спасибо вам.

– Рано благодарить, – осадил он. – Для начала всем надо остаться в живых. И будь добра, приглядывай за Кусачкой и Гордецом. Будь они такими зайками, какими, похоже, представляются тебе, я бы не отдал приказ запретить обоим в авиарии.

«А мы и не зайки, – сразу же влез Кусачка. – Мы грифоны. Это совсем не то же самое!»

– Вот именно, – вдруг сказал Освальт. – Абсолютно не то же самое, потому что грифоны куда опаснее. Одно неловкое движение лапой – и у тебя свернута голова.

У меня, кажется, отвалилась челюсть.

– Но как...

Ректор расхохотался.

– Ты что, думаешь, меня за красивые глаза или давние боевые заслуги сделали здесь главным? Да я эту должность зубами вырывал! Не в последнюю очередь в мою пользу сыграло то обстоятельство, что я слышу всех грифонов, рядом с которыми провел достаточно времени.

Я пристально и недоверчиво изучила его внешность. Волосы седые, но кожа нормального цвета, да и глаза пусть светлые, но не совсем белые.

– У вас тоже колдовской дар?

Он отрицательно покачал головой:

– Я бы это не назвал даром, скорее проклятием. Когда на поле боя слышишь, как умирающие грифоны кричат и голосом, и внутри, это страшно. Очень страшно. И, уж не знаю, к сожалению или к счастью, к колдовству это не имеет никакого отношения. Просто талант. У Тарена схожий. Если он продолжит жить на Облачных вершинах, то к моему возрасту станет таким же.

Мне стало даже немножко обидно.

– Так моя способность не уникальна?

– Такого я не говорил, – улыбнулся Освальт. – Золотой сети, о которой ты упоминала, я никогда не видел. Да и голос Кусачки едва слышен, как шепот. А привязывать к себе золотые нити и подавно не могу. И это явно не та способность, которую можно развить, потому что я родился в Вайле, мой отец тоже летал на грифонах, и вот я уже столько лет здесь – а кое о чем из того, что ты рассказываешь, и представления не имел. Я верю, что ты настоящий эн-хей, Эйри.

Я только вздохнула и опустила голову, поскольку сама в это не верила. Однако следующие слова ректора заставили меня встрепунуться и вновь на него уставиться.

– Послушай меня. Поскольку все серьезно, очень важно, как ты себя покажешь в Мавеннаре. Обратись к Коллару. Времени немного, но, может, он успеет тебя чему-то научить.

Я непроизвольно скривилась. Освальта выражение моего лица, конечно, не обрадовало.

– Эйри, мы не в том положении, чтобы выбирать, – сухо произнес он. – К тому же я наблюдал за Колларом с момента нападения Забавы, и у меня есть ощущение, что либо мы все заблуждаемся на его счет, либо план Паука гораздо сложнее, чем мы думали. Он давно мог опутать тебя паутиной, как сделал это с Мэйлиром, и вынудить тебя хоть на пузе перед ним ползать, но до сих пор так не поступил. Почему?

– Откуда мне знать? – развела руками я.

– Вот и я не знаю. Поэтому нельзя отвергать вероятность, что он согласится тебе помочь, – ректор, будто ставя этим точку, негромко хлопнул ладонью по столу. – Все, пора заниматься делом. Пока мы с тобой болтаем по душам, королева и дядя-маркиз не спят. Нужно успеть в Мавеннар до темноты, иначе опять потратим зря время. У тебя больше вопросов нет?

– Срочных – нет, господин ректор. И все равно спасибо вам.

Он отмахнулся с бледной улыбкой и погрузился в бумаги, принявшись что-то быстро писать. Кажется, Освальт даже не заметил, как я вышла из кабинета.

Выйдя на крыльцо, я медленно выпустила воздух из легких.

Здорово, конечно, что ректор в меня верит, но насчет Паука он ошибается. Моя уверенность в этом была подобна скале. К Коллару, конечно, я схожу, но...

Только после того, как соберу вещи. И это вовсе не оттягивание момента унижения, а необходимость. Да.

## Глава 36

Я запихивала вещи в заплечный мешок, когда колокол особым звоном созвал всех обитателей академии в большой зал учебного корпуса, чтобы послушать объявление ректора. Я не пошла, потому что уже знала, о чем там будут говорить. Лучше потратить это время на решение, что с собой брать в столицу.

И тут возникала такая очень традиционная для девушки проблема. Много с собой не возьмешь – лететь придется на грифоне, а это не вьючная лошадь. Но и оставлять ничего не хотелось. Во-первых, еще неизвестно, сколько придется проторчать в Мавеннаре. Во-вторых, а что, если вернуться в Небесную академию мне уже не дадут? Наивно думать, что кто-то займется пересылкой моих скромных пожитков.

Ну как скромных... В заплечный мешок все они влезть отказывались. И это я еще не пыталась запихнуть туда меховой плащ – самую объемную из всех вещей, поскольку полечу прямо в нем. Осень, холодно – хоть тут в каком-то смысле повезло. Конспекты я тоже брать не стала – не пригодятся. Точно надо взять смену белья. И как-то умудриться выбрать наименее ужасное платье из тех обносков, которые я носила до поступления.

С чем я расставаться определенно не собиралась, так это с подарком Тарена. Он словно сам был немного провидцем – так вовремя пришли страховочные ремни для полета. Я уже опробовала их на Закате, но они ожидаемо оказались ему велики. На чем или ком я буду лететь сегодня, непонятно, поэтому наверняка страховка пригодится уже сегодня.

На миг прижав ее к сердцу и вздохнув с мыслью о Тарене, я положила хитроумное переплетение ремней сверху и затянула завязки мешка.

Все. Вещи собраны. Можно бежать дальше – попрощаться с Закатом, проследить, чтобы из авиария вывели Гордеца с Кусачкой, а потом поговорить с Колларом. Бумажку с перерисованной схемой я засунула в карман, чтобы в случае чего быстро ее достать.

Эх, мне бы еще пару дней! Видят боги, у меня было бы чем удивить почтенную публику в Мавеннаре. Но, может, так даже лучше.

Зато я получила подтверждение, что ректор не собирается меня сдавать без боя – а это уже внушает огромную надежду на то, что Коллар останется с носом, а Белая академия меня так и не дождетсЯ!

Из комнаты я выскочила в приподнятом настроении, но тут же недоуменно остановилась. Нос защекотало ароматом роз, хотя в этот раз он был значительно слабее, чем в предыдущие, и теперь даже звучал утонченно, а не удушающе.

В коридоре возле моей комнаты, упершись плечом в стену, застыла леди Лорна. Вид у нее сегодня был престранный. Вместо пышного платья с корсетом, туго стягивающим талию, элегантный брючный костюм. Чуть завитые роскошные локоны не струятся по плечам, а заплетены в простую косу. И на поясе шпага. Наряд, который больше пристал бы мужчине, чем женщине, особенно благородной леди.

Тем более я не понимала, что дочь бургомистра могла забыть в студенческом общежитии. Тарен давно уехал, и с тех пор она не появлялась в академии. По правде говоря, я вообще забыла о существовании Лорны, так как стало ясно, что у Силвейна с ней ничего нет.

О боги, Силвейн! Запоздалое озарение заставило меня нервно сделать шаг назад. Неужели сходящей по нему с ума девице кто-то доложил, что Тарен сделал мне брачное предложение?

– Доброго дня, леди, – я присела в неуклюжем реверансе и попыталась быстренько прошмыгнуть мимо.

Не тут-то было.

Шпага покинула ножны стремительным, едва заметным движением и со свистом перегородила дорогу.

– А ну-ка не спеши, – голосом, абсолютно лишенным женского очарования, произнесла Лорна. – Медленно поставь свой мешок на пол.

Я замерла, внимательно оглядев дочку бургомистра. Подозрения не подтвердились – на ней тоже не было белой паутины, как и на Хите в ночь пожара. Тогда что за чушь она городит?

– Простите, леди. Кажется, возникло недоразумение...

– Никаких недоразумений, идиотка, – с легким раздражением ответила Лорна. – Держи руки на виду. Поставь мешок и возвращайся в комнату. Ты же не хочешь, чтобы я тебя прямо здесь располосовала?

Она угрожающе взмахнула шпагой. Красиво, грациозно – и без сомнений смертоносно. Я проглотила вопрос, где изнеженная дочь бургомистра научилась так владеть оружием, неподобающим урожденной аристократке, и послушно отступила назад. Впрочем, мешок пока с плеча не сняла.

Что делать? В здании никого: и комендант, и слуги ушли слушать ректора. Кричать без толку. Стены общежития сродни крепостным, слишком толстые, наружу не вырвется ни звука. Наколдовать бы сейчас чего-нибудь...

Ха. Ха. Ха.

Я сделала еще шаг назад.

– Вы очень странно себя ведете, леди Лорна, – глупенько пропищала я, рассчитывая потянуть время.

Ректор долго распространяться не будет, донесет до студентов суть – и прикажет всем бежать собирать вещи. Тут дочку бургомистра и застукают. Может, даже успеют помешать меня убить.

– Странно мне пришлось себя вести, когда пришло задание изображать дуру, влюбленную в этого надменного франта Силвейна, – холодно сказала Лорна. – Милостивая Энеда, какой высокомерный тупица, неспособный разглядеть, что у него под носом! Я даже рада, что оказалась не в его вкусе. Женись он на мне в самом деле, пришлось бы страдать целый год, прежде чем мне бы дали разрешение его отравить.

Шпионка! Я отбросила притворство – она все равно не купится. Да и за Тарена стало обидно.

– Просто у вас чересчур хорошо получалось изобразить безмозглую курицу, – парировала я, продолжая осторожно отступать. – Любой бы поверил.

Лорна хмыкнула.

– А у тебя тоже есть зубки, да? Ну ничего, сейчас ты их лишишься!

И она бросилась на меня, явно намереваясь пропороть шпагой. Не растерявшись, я швырнула в нее заплечным мешком. Финт удался – вещей я набрала немало, и Лорна не ожидала встретиться «лицом к лицу» с таким увесистым «снарядом». Охнув, она запнулась. Лезвие шпаги, которой девушка попыталась отмахнуться, пропоролло ткань мешка и, кажется, заодно мое лучшее платье, но жалеть было некогда.

Я метнулась в комнату. Увы, идея забаррикадироваться сразу провалилась. Я успела захлопнуть за собой дверь, но не закрыть ее на крючок. Лорна пнула ее с такой силой, что у меня, ослабевшей из-за связи с Закатом, чуть не вывернуло из сустава запястье.

Но сдаваться я не собиралась. Моя комната – моя территория! Враг по ней не пройдет. А если и пройдет, то не без потерь.

Бамс! В голову шпионке со звоном ударил медный ночной горшок. Жаль, пустой!

Пока Лорна стонала, схватившись за лоб, я метнулась к окну. На ходу схватила и, не глядя, швырнула назад умывальный кувшин. Судя по очередному звону, попала. Но тут же попалась и сама. Когда я влезала на подоконник, дочка бургомистра сделала выпад шпагой. Однако меня, похоже, хранили сами боги. Плотная шерсть плаща и подбой из меха сработали как доспехи. Я едва ощутила укол, затем почувствовала, как меня хватают за плащ, и рывком распустила завязки. Громоздкий наряд соскользнул с плеч, оставшись в руках разъяренной Лорны.

Свобода!

– Ах ты шваль! – полетело вслед.

Проигнорировав злобный вопль, я кинулась вдоль здания, ко двору. Должен же там найтись кто-нибудь, кто мне поможет!

Еще один бамс! Метко прилетевший кувшин врезался в голову уже мне. В глазах резко потемнело. Не удержавшись на ногах, я рухнула и, как назло, так ударилась, что из легких выбило весь воздух. Попытка вдохнуть осенний холод лишь оцарапала горло.

Я лежала на вытоптанной земле, но перед глазами все продолжало крутиться, словно на самом деле я катилась колбаской со склона горы. Причем до самого Вайля. С этой проклятой связью, которая забирает у меня силы, однозначно надо что-то делать! Только для начала – выжить. А мне было прекрасно известно, что сейчас последует. Лорна проткнет мое слабое тело шпагой и исчезнет. Никто и не заподозрит, что убить претендентку в эн-хеи могла дочь бургомистра. Идеальное преступление, демоны б его побрали!

А я ничего не могла, кроме как нелепо дрыгать конечностями и задыхаться. Даже крикнуть. Из глотки вышел дурацкий писк, но никак не громкий звук, который привлек бы чье-то внимание.



Тогда я крикнула иначе. Закрыла глаза, сконцентрировалась и послала прямо в сердце золотой сети безмолвный вопль: «Помогите!»  
– Лорна? – раздался совсем рядом ошеломленный голос.

Я распахнула глаза. От удивления даже мир перестал вертеться. Как-то уж очень быстро боги ответили на мою молитву!

Обнаружив впереди Мэйлира, с пораженным видом заглядывающего за угол общежития, изумилась не одна я. Шпионка сбилась, удара так и не последовало. Это была не совсем та помощь, на которую я рассчитывала, но моментом все равно воспользовалась, оттолкнулась и теперь уже на самом деле покатилась – по склону, подальше от Лорны.

– Чтоб тебя! – опять выругалась она.

Биться боками о камни было больно. Хвала милостивой Энеде, склон здесь не отличался высотой. Достигнув ровной площадки, я попыталась подняться и тут же прокляла свою «гениальную» идею. Теперь в глазах все крутилось с удвоенной скоростью!

К тому же теперь оба – и шпионка, и Мэйлир – кинулись ко мне. Я дернулась, однако, к еще большему моему удивлению, юноша неожиданно закрыл меня спиной.

– Лорна, что ты делаешь? – Его голос зазвучал требовательно. – Убийство из ревности ничего не решит, ты добьешься лишь того, что отправишься в тюрьму.

Ну да, ему ли не знать! Но я испытала огромное облегчение. Во-первых, на поясе у Мэйлира висела шпага. А владел он ею, по слухам, весьма неплохо, так что вполне может дать девице отпор. Во-вторых, брат Хита, вопреки моему мнению о нем, оказался не насквозь гнилым.

– Проваливай, жалкий юнец! – рявкнула на него Лорна. – А то и тебя убью!

Взмах клинком прямо перед его лицом, наверное, должен был носить предупреждающий характер, только вот Мэйлир воспринял это очень даже серьезно. Его оружие тоже покинуло ножны.

– Хватит дурить, – сквозь зубы произнес он. – Я и так из-за тебя потерял почти все. Еще и убийство на свою душу принимать не буду.

Шпионка цыкнула. И бросилась на Мэйлира.

Зазвенела сталь. Он уклонялся и блокировал ее выпады без особого труда. Не сомневаюсь, что бывшему отличнику академии

ничего не стоило в два счета проткнуть противницу, но он сдерживался. Это была не только одна из самых видных аристократок в округе, но еще и его возлюбленная.

Путаться у них под шпагами и ждать окончания боя я не собиралась. Как только мир в глазах «уравновесился» достаточно, чтобы можно было сделать шаг, не рухнув обратно в грязь, я кинулась на площадь перед учебным корпусом. Ну там-то точно кто-то должен быть! Или хотя бы кто-нибудь услышит мой крик, пока Мэйлир с Лорной в запале не поубивали друг друга!

Я не успела добежать даже до угла, когда сверху раздался клетот. Я вскинула голову и сразу заорала:

– Мэйлир, пригнись!

Реакция у него была отличной. Юноша акробатически откатился в сторону, уходя от огромных острых когтей. А Лорна, похоже, свои способности, как умственные, так и телесные, здорово переоценила. Она отпрыгнуть не успела, и грифоница мощными лапами отшвырнула ее к стене. Одного удара хватило, чтобы девушка, обмякнув, выронила оружие и без сознания сползла на землю.

На сером камне, там, куда с силой приложилась голова бургомистровой дочки, осталось темное пятно. Кровь? Я похолодела.

Грифоница сделала еще круг над жертвой, явно прицеливаясь с намерением ее добить. Я метнулась наперерез, расставив руки и закрывая не шевелившуюся Лорну.

– Стой! Забава, верно? – Я всмотрелась в карие птичьи глаза. В ту ночь я была насмерть испугана, но не узнать их было невозможно. – Спасибо за помощь, но не надо никого убивать.

Грифоница сделала взмах крыльями и опустилась на землю. Внимательно глядя на меня, она странно мотнула головой и издала тихий клетот. Я не поняла, что Забава имела в виду, и решила обратиться к более простому для меня способу общения – закрыла глаза и поискала золотую нить. Так и есть – она вилась прямо передо мной и не стала ускользать, когда я ее коснулась.

«Я слышала твой зов и вернула долг, – сурово сказала Забава. – Я бы не напала на тебя в тот раз, если бы облако меня не запутало. Теперь ты мать моему сыну. Заботься о нем».

Легко оторвавшись в прыжке от земли, грифоница поднялась в воздух и вскоре исчезла за общежитием.

– Извинения приняты, – буркнула я вслед гордой королеве неба и склонилась над Лорной, проверяя, жива ли она.

Жива. Сердце билось тихо, но ровно. Я с шумом выдохнула. Хоть гадина и пыталась меня убить, мне, как и Мэйлиру, не хотелось иметь на совести чужую смерть.

Кстати, о Мэйлире...

Он тоже склонился над девушкой, коснулся ее лба и, убедившись, что она лишь потеряла сознание, гневно уставился на меня. Как будто это я была виновата в том, что на меня напали!

– Эйри, что здесь происходит? Ты что, разговаривала с грифоницей?

– А на что это было похоже? – отбрыкнулась я. – Как ты здесь вообще оказался?

– Между прочим, пожалуйста, что спас твою жизнь, – пробуравил он меня взглядом.

Я вздохнула.

– Спасибо. Искреннее.

Юноша смерил меня с ног до головы и все же соизволил ответить:

– Услышал в Вайле от гонца, что ректор срочно собирает всех, кто способен летать на грифоне, на защиту осажденного Мавеннара, и поспешил сюда. Надеюсь, мне разрешат полететь со всеми. Если будет бой, я кровью смою позор, который на себя навлек.

– Знаешь, позор можно было бы смыть и без крови, всего лишь попросив прощения у тех, кого ты тогда оскорбил, – пробормотала я.

Вместо ответа Мэйлир фыркнул. Почему я не удивлена?

С другой стороны, он все-таки мне помог. А мог бы стоять и не вмешиваться – подумаешь, простолюдинку режут...

– Эйри!

Этот взволнованный голос, донесшийся со двора, тоже большого восторга у меня не вызывал. Но Коллар, пожалуй, был именно тем, кто сейчас и требовался.

– Со мной все в порядке.

Я устало помахала рукой в доказательство, на всякий случай не спуская одного глаза с Лорны. Мало ли, вдруг она достаточно умна, чтобы только прикидываться упавшей в обморок?

Архею лишних объяснений не потребовалось. Он бросил единственный взгляд на Мэйлира, понял, что тот не опасен, раз я

спокойно стою рядом, и сделал замысловатый, но быстрый жест руками. Я успела заметить легкое движение в воздухе – словно мимо пролетела паутинка, как в бабье лето. Лорна, так и не придя в себя, странно дернулась. Я прищурилась – ее опутала тонкая магическая сеть. Даже если девушка очнется, вырваться из этих пут не сможет.

– Цела? – первым делом Коллар кинулся ко мне.

Я холодно отстранилась.

– Цела.

Он с сомнением окинул меня взглядом. Ну да, следы борьбы и искать не требовалось – вся моя одежда была перепачкана после валяний и катаний, а что творилось на голове, и представлять не хотелось. Впрочем, Паук это никак не прокомментировал.

– Что встал столбом? – раздраженно спросил он Мэйлира. – Беги за лекарем!

– Шагу никуда не сделаю, пока мне не объяснят, что происходит! – не менее надменно парировал тот. – Леди Лорна – дочь бургомистра и...

– Шпионка, – перебила я. – Она... кхм... очень нелестно отозвалась о Тарене перед тем, как на меня напасть. Кто-то приставил ее следить за ним, поэтому она изображала влюбленность. А потом Лорне приказали убить меня.

Только услышав первое слово, Коллар принялся обшаривать ее одежду. Мэйлира это заметно покорибило, однако он промолчал и внимательно наблюдал за тем, что делает архей. Наконец тот извлек из потайного кармана в изнанке камзола какое-то письмо и хмыкнул, даже не читая.

– Ясно. Печать королевы. Значит, она давно сообразила, что Силвейна нельзя выпускать из-под присмотра, хотя и выбрала для этого не совсем правильного человека. Все это время тебя водили за нос, Мэйлир.

Юноша заметно побледнел, однако нашел в себе силы гордо выпрямиться.

– Я уже давно понял, что она не та, за кого себя выдает.

«Ну-ну», – читалось на лице архея.

– Теперь-то, – он исподлобья глянул на Мэйлира, – отправишься за лекарем?

Тот сердито прищурился, однако спорить не стал и быстро зашагал через двор. Когда Мэйлир скрылся, Коллар вновь склонился над девушкой.

На его лице промелькнуло что-то такое, что я резко подступила к Пауку и схватила его за плечо.

– Эй, не смей ее убивать!

– И не думал, – сухо ответил он. – Девка еще пригодится при обмене пленными, если до этого дойдет. Всего лишь собирался насрать на нее слабость, чтобы она не смогла сбежать, если у нее в академии есть сообщники.

Коллар изобразил новый пасс, затем выпрямился и устремил на меня белые глаза.

– Я шел к авиарию, чтобы выпустить из него Кусачку и Гордеца, когда понял, что что-то не так. Оба грифона носились по клетке как полоумные. А потом и я ощутил твой зов.

– Давайте только не начинайте опять про предсказания и прочие эн-хейские штуки, – поморщилась я. – У меня они уже в печенках сидят.

Паук почему-то слабо улыбнулся, хотя улыбка сразу растворилась.

– Я хотел спросить, со сколькими уже грифонами ты связана. Закат, Гордец, Кусачка, а только что прилетел кто-то четвертый.

– Забава, – неохотно призналась я.

– Значит, не меньше четырех. Пора ограничиться, Эйри. Пока ты не умеешь толком контролировать свою магию, ты ее расплескиваешь вокруг целыми ведрами. Больше всего от этого выигрывает, конечно, Закат, но ему уже, пожалуй, хватит. А если от тебя начнут сосать энергию все грифоны Облачных вершин, от тебя вообще ничего не останется.

Я уныло кивнула, вспомнив свои жалкие попытки сбежать от Лорны.

– Да. Вы правы. Если сегодня успеем, вы меня научите каким-нибудь азам?

С губ Коллара сорвался нервный смешок.

– Начинаю понимать Силвейна. Девочка моя, археи учатся азам с десяти до шестнадцати лет...

Я сердито тряхнула волосами. И здесь засада, да что ж такое?

– Ну хоть что-нибудь вы мне покажете?

– Покажу, – он усмехнулся. – Есть вещи, которые с твоим талантом ты даже за пару часов усвоишь.

Я поймала на себе его взгляд, и сразу захотелось поежиться. Но не от того, что белые глаза наводили на меня ужас, и даже не от того, что они светились превосходством – нет, ничего подобного там не было. Просто все прошло... как-то слишком гладко, что ли.

– И что, вы никак не съехидничаете? – прямо спросила я. – Не бросите свысока что-нибудь вроде «Я же говорил» или «Вот ты и пришла ко мне за помощью»?

– Нет, – спокойно ответил Паук. – Я знал, что ты будешь тянуть до последнего, пока не отчаешься совсем. Лишь надеялся, что причиной будет не покушение на убийство.

Он кивком указал на лежавшую у наших ног Лорну. Ее шпага завалилась в кусты, из травы торчал только эфес.

– А все-таки я недурно запустила в нее ночным горшком, – проворчала напоследок я, чтобы сохранить хотя бы подобие достоинства.

## Глава 37

Мы сидели в доме архея, за столом в гостиной. Наверное, эту комнату можно было назвать так, хотя маги академии жили достаточно скромно. По крайней мере, до Коллара. Он обустроился весьма неплохо, со вкусом. Если бы я из чистого любопытства не заглянула за причудливую тканевую драпировку на стенах, то и не догадалась бы, что на самом деле штукатурку покрывают трещины, а во многих местах виднеются закопченные пятна. Старый архей, похоже, совсем не следил за жилищем. А сейчас, оглядывая гостиную Каэдданского Паука, казалось, что я уже в столице.

Когда я сообщила об этом хозяину, он надо мной, конечно, посмеялся. И добавил, что покои эн-хея будут несравнимы с этими.

Я пропустила его слова мимо ушей. Мне и в студенческой камерке жилось неплохо.

И все-таки не оценить шик, с которым устроился Коллар, было сложно. Мы собирались вот-вот вылететь в осажденный город, возможно, навстречу битве. Меня до сих пор потряхивало после покушения. А перед нами на белоснежной скатерти мирно стояла мисочка с песочным печеньем и вился пар над фарфоровыми кружками с чаем.

Коллар сидел напротив и пристально смотрел на меня. Я поерзала на стуле.

Так, вроде бы руки помыла, причесалась после драки с Лорной... Может, еще умыться стоило? А то зеркалом я по-прежнему не обзавелась.

– Мне надо вещевой мешок зашить, – чувствуя себя ужасно неловко, сказала я. – И проверить, нет ли дырки в плаще.

– Этим могут заняться слуги, – отсек Коллар.

– Но у меня нет...

Он щелкнул пальцами, прерывая меня. Тотчас из соседней комнаты вышла опрятная пожилая женщина, взяла мои вещи, заверила, что «сию минуточку все будет», и ушла обратно. Вскоре оттуда послышались характерный лязг ножниц и шуршание ткани. Затем, чтобы не мешать «господам», служанка закрыла дверь.

Коллар продолжал жутковатыми белыми глазами смотреть на меня.

– Урок первый, немагический, но не менее важный, – хорошо поставленным преподавательским голосом произнес он. – У археев нет времени на то, чтобы заниматься такими мелочами, как штопка и стирка.

– Я не...

– У герцогинь, кстати, тоже. У королев – тем более.

Я сглотнула.

– Не понимаю, о чем вы.

– Урок второй. К сожалению, опять немагический. Когда ты врешь, то сначала отводишь глаза. Я не знал наверняка, но стоило догадаться, что Силвейн с его честностью и благородством выкинет что-то подобное. Он мне чем только не грозил за то, что я притесняю несчастную девушку, которая, к слову, очень метко бросается тяжелыми ночными горшками. Тот кровавый потек на голове Лорны образовался вовсе не от близкого знакомства со стеной общежития, как можно было бы подумать.

Он произнес все это совершенно ровным тоном. Я опустила взгляд, чувствуя, как мои щеки начинают полыхать.

Да, Эйри, политик из тебя будет никудышный.

Коллар сделал глоток чая.

– Этим вещам, при наличии хороших преподавателей, можно будет обучиться за год. Между прочим, это гораздо быстрее, чем выучиться на наездника. А учитывая, что мать, следуя моим наказам, многое вбила тебе в голову, ты справишься и раньше.

Я прокашлялась.

– Урок первый, господин архей, тоже немагический. Пока мы тут рассусоливаем, время, отданное ректором на подготовку, заканчивается. Вот-вот надо будет садиться на грифонов, а вы ничему магическому меня так и не научили.

Он отставил чашку.

– Справедливо. Подвинь к себе печенье и съешь столько, сколько сможешь. Оно придает сил, а силы тебе понадобятся, и много. Сплетая заклинания из волшебных нитей, преобразуя энергию в осязаемые вещи, мы отчасти берем энергию, которая уже существует в природе. Но это действие сродни искусству швеи или краснодеревщика. В



отличие от нас, создающих нечто из ничего, они работают с осязаемыми инструментами, при этом вкладывают столько своих сил, что с непривычки или без опыта могут быстро устать.

Я послушно подтянула миску и принялась набивать рот сладким рассыпчатым тестом.

Ну уж это поручение несложно выполнить...

— За один час я не смогу научить тебя создавать собственные нити, — продолжил Коллар. — Зато я могу дать тебе несколько своих, уже готовых. Ты уже умеешь взаимодействовать с нитями ментальной связи с грифонами, значит, легко сможешь взаимодействовать и с волшебными нитями. В случае необходимости нужно будет сплести из них простой узор — вот ему-то я тебя сейчас и обучу.

Узор! Я чуть не хлопнула себя по лбу, вовремя спохватившись, что после печенья руки жирные.

Про схему в кармане-то я и забыла!

— Подождите... Сейчас...

Я поискала салфетку, не нашла, поэтому дотянулась до какой-то тряпки и вытерла пальцы ею. Коллар приподнял бровь.

— Это не для рук.

— Извините великодушно, достопочтенный архей. У меня не было благовоспитанного отца, который рассказал бы мне о манерах. Скажите спасибо, что я не скатертью воспользовалась.

Он промолчал.

Я вытащила из кармана листок и протянула ему.

— Вот эта схема. Она точно магическая. Что вы о ней знаете?

Коллар с сомнением взял бумажку. Глаза его тут же расширились.

— Откуда ты это выкопала? В вашей библиотеке не может быть таких учебников!

— Там их и нет, — спокойно ответила я. — Так что эта картинка означает?

Он недоверчиво глянул на меня, затем еще раз — на лист.

— Это древняя эльфийская схема. Ею не пользовались с тех времен, когда эльфы покинули континент.

— Почему?

— Потому что она не дает никакого эффекта. Очевидно, она не предназначена для белой магии.

— Но эльфы тоже пользовались этой магией, — напомнила я.

– Это вам на лекциях по истории говорила профессор Бранвен? – сухо осведомился Коллар. – В действительности все несколько сложнее, чем преподают в немагических учебных заведениях. Люди могут использовать в чарах только белые нити. Даже если некоторые одаренные способны видеть нити других цветов, ничего создать из них они не в состоянии. Единственное исключение – ментальная связь с грифонами, которая предстает в виде нити золотого цвета. Да и это исключение весьма условное: во-первых, люди не могут сплести ментальные нити, только касаться через них звериного разума, а во-вторых, взаимодействие происходит благодаря грифонам, а не благодаря людям. Эльфы же имели гораздо больше возможностей. Хотя они предпочитали белую магию, она их не обесцвечивала, в отличие от нас. А о том, что эльфы в среднем живут на два-три века дольше, рассказывать, думаю, не нужно.

Я задумалась. На кой тогда Туманный венец показал мне этот узор?

– Может быть, если схему сплетет эн-хей, какой-то эффект да будет, – утвердительно произнесла я. – Или, например, она работает только в определенном месте.

– Ну так проверь.

Я уставилась на Коллара, пытаюсь найти на его лице признак насмешки.

– Вы издеваетесь?

Он пожал плечами:

– Ни в коем случае. Как я уже объяснил, ты единственная в королевстве, у кого есть потенциал это сделать. Светлых эльфов на континенте нет. Темные скорее откусят себе язык, чем будут с нами сотрудничать. Демонов у нас, к счастью, не водится, а морской народ добирается до Аэнвина, не имеющего выхода к морю, слишком редко, поэтому я не уверен, что даже в столице можно найти хоть одного из них. Проще говоря, давать нам консультации по другим видам магии или по древним эльфийским схемам некому.

– И что, даже никаких записей нет? – не поверила я.

– Эйри, – в его голосе прозвучал явственный упрек, – ты не задумывалась, почему я прятал тебя на протяжении девятнадцати лет, а на двадцатом году вдруг примчался забирать тебя в Белую академию, всего лишь услышав Мавеннарского оракула?

Поскольку я красноречиво молчала, Паук вздохнул и продолжил:

– Нет, это не потому, что мне вожжа под хвост попала. Последний эн-хей в нашей истории – Эмхир Кровавый. Он жил около двух веков назад – так давно, что многие достоверные сведения о его жизни уже никогда не установить. Хуже всего то, что соратники, подсыпавшие ему отраву, настолько его боялись, что после смерти Эмхира сожгли не только его тело, но и все его вещи. А Эмхир занимался не одними завоеваниями, он был еще и талантливым исследователем магии. При себе он имел многие оригиналы древних текстов, в том числе записи Ариана Наездника. И вот так одним махом археи лишились важной части своей библиотеки. Проблема еще и в том, что археев слишком мало. Нас меньше сотни на весь Аэнвин. Большая часть времени мы либо решаем государственные дела, либо обучаем себе достойную смену. Лишь единицам из нас удастся отправиться, например, к морскому народу, чтобы узнать об их колдовских секретах. Причем возвращаются оттуда не все, ибо море, болезни, другие тяготы пути... И хотя нас считают самыми могущественными людьми после короля, в действительности во многих вопросах даже собственной истории мы в поисках ответов тычемся, как слепые котята.

– Ага, и тут появляюсь я – живой ответ, – подытожила я.

Коллар выразительно кивнул.

– Ты даже не представляешь, насколько ты важна.

Я поморщилась, забрала у него листок со схемой и еще раз ее изучила.

– Сколько для сплетения этого узора нужно нитей?

– Хватит одной, если уметь плести.

– А если не уметь? – напряженно уточнила я.

– Может не хватить и десятка.

Я с шумом выдохнула воздух, надув щеки, и опять засверлила бумагу взглядом. Передо мной стоял выбор: либо плюнуть на свои догадки и попросить Коллара научить какому-нибудь простейшему архейскому заклинанию, которое еще неизвестно, получится ли освоить за столько короткий срок. Либо поверить своей интуиции – и опять же рискнуть тем, что время вылетит в трубу, а мы ничего не добьемся.

Ай, была не была!

Я спрятала бумагу в карман.

– Идемте на Орлиную Голову. Поможете мне.

– В чем? – нахмурился Коллар.

– Проверить одну теорию.

– Эйри, у нас нет времени проверять теории. У нас осталось меньше часа, а мы еще даже не освободили твоих грифонов из авиария!

– Кусачка с Гордецом никуда не денутся, – перебила я. – Вы сами сказали, что на обучение азам дается шесть лет. Мне уже в любом случае поздно за них хвататься. К тому же вы буквально только что из всех сил упирали на мое «эн-хейство» и уникальность. Так доверьтесь мне, потому что в противном случае мы все равно ничего не сможем сделать!

Паук скрежетнул зубами, однако встал из-за стола.

– Хорошо, идем. Надеюсь, это будет стоить того...

## Глава 38

Когда мы вышли во двор, вся академия уже стояла на ушах. Повсюду носились рабочие и слуги, собирающие в дорогу провиант и готовящие все необходимое, хаотично бегали переполошенные студенты. Мимо промчался, не заметив нас, Мэйлир. Судя по тому, что он направлялся к общежитию в компании однокурсников, ему все-таки позволили присоединиться к друзьям.

Мрачные стражники из Вайля не добавляли этой картине спокойствия. Они явно не были рады, что им придется охранять дочку самого главного человека в городе по весьма неожиданному обвинению, и на всех огрызались.

Шум, суматоха сбивали с толку. Я подняла голову и задышала медленнее, стараясь отрешиться от суеты.

У меня тоже важное задание на сегодня. Нужно выполнить его хорошо.

Туманный венец за прошедшие часы успел загустеть. Далеко идти не придется, и шансов на успех будет больше. По крайней мере, об этом я молила Энеду и Хедена.

Когда мы добрались до места, которое я в последние дни часто использовала для медитаций, я успела запыхаться. У Коллара даже дыхание не сбилось. Он скептически оглядел небольшую ровную площадку с несколькими валунами среди кустов, окутанную белесой дымкой, и спросил:

– И что мы будем делать?

– Схему через грифонов передал мне Туманный венец, – объяснила я. – Думаю, он хочет, чтобы я сплела ее.

Вид у архея сделался таким, будто он разговаривает то ли с маленьким ребенком, то ли с сумасшедшей.

– Туманный венец – это не живое существо, Эйри. Он не может ничего хотеть.

– А грифоны считают иначе.

– Ага, – выразительно произнес он.

Я закатила глаза.

– Хотели получить эн-хея – так не жалуйтесь, что он не такой, как вам нравится. Помогать мне будете или нет?

– Ты до сих пор не сказала, что надо сделать, – насмешливо ответил Коллар.

Я и сама этого толком не знала, поэтому, чтобы скрыть свою растерянность, окинула его сердитым взглядом.

– Наверное... – Я прокашлялась, постаравшись придать голосу уверенности. – Наверное, нужно сплести этот узор здесь, в облаке. Но я никогда ничего подобного не делала. Даже не могу захватить нить.

– Нить я тебе подам, – спокойно сказал Коллар. – Если хочешь, буду двигать твоими руками, чтобы быстро завершить плетение. Сама ты все равно не справишься.

– Почему это? – надулась я.

– Что ты видишь вокруг?

Вопрос звучал обыденно, ровно, как будто в нем не было подвоха, но я напряглась и ответила далеко не сразу. Понимала – если сказать правду, Пауку она не понравится.

Он ждал от меня чудес, а все мои таланты, похоже, ограничивались способностью разговаривать с грифонами и видеть золотую сеть ментальных связей. В том, что должны уметь археи, за последние дни я не продвинулась ни капли. Белая пелена тумана вокруг оставалась белой пеленой тумана. Лишь изредка в ней проглядывали некие узоры, да и то я не была уверена, что это не моя фантазия.

Я набрала в грудь воздуха, будто собиралась прыгнуть в ледяную воду, и быстро произнесла:

– Ничего. Только туман. Иногда он принимает какие-то формы, например щупалец, но на этом все.

– Вот поэтому ты и не справишься сама, Эйри, – без намека на издевку сказал Паук. – Твои глаза пока еще в большей степени глаза обычного человека, а не мага. Они недостаточно пропитались магией, чтобы узреть всю полноту картины.

– И что, вы видите ту схему, которую мне показали грифоны? – удивилась я.

Ответ был несколько разочаровывающим.

– Нет. Хотя это ничего не значит. Туманный венец – множество плетений, которые соединены между собой хитрым способом. Твоего

узора нет рядом с нами, но он может находиться на другом конце горы.

Меня это немного успокоило.

– Давайте тогда попробуем его создать.

– Раз ты считаешь, что это важно... – пробормотал Коллар, давая понять, что сам он так не думает.

Однако архей сделал такое движение, будто схватывал что-то в воздухе, и протянул руку ко мне.

– Видишь нить? Взял крупную, специально, чтобы ты могла с ней работать.

Понадобилось напрячь все зрение, чтобы разглядеть у него в ладони блеклую ниточку. Я попыталась аккуратно схватить ее пальцами, но когда поднесла их к глазам, то обнаружила, что там пусто.

– Выскользнула, – ровно, будто ничего не случилось, констатировал Паук. – Это нормально для новичка. Еще раз.

Потом был еще раз. И еще. И еще. И еще...

Солнце не пробивалось сквозь густой туман, но я успела вспотеть, прежде чем злосчастная нить наконец оказалась у меня в пальцах. Коллар сразу перехватил мое запястье. Я невольно вздрогнула оттого, какие у него холодные руки. Кисти были длинными, узловатыми, пальцы – тонкими, и правда как у насекомого. Паук, ткущий сеть.

– Держи крепче, – с легким раздражением приказал он. – Опять выскользнет.

Коллар достал бумагу и сверился с изображением.

– Вот эти закругления – петли. Видимо, схему нужно встроить прямо в Туманный венец. Ну, давай пробовать.

И мы попробовали. Раз пятнадцать. Может, двадцать. Я постоянно теряла нить – сложно удержать в руке то, что состоит из энергии, а не из материи. То же самое, что стараться ухватить порыв ветра или язычок огня. Коллар злился из-за моей непутевости, но пока ничего мне не высказывал, только скрипел зубами. Впрочем, это плохо помогало, потому что я все слышала и сильнее нервничала сама, совершая еще больше ошибок. Как тут было не вспоминать Силвейна и его бесконечное терпение? Вот кто точно преподаватель с талантом от богов!

Я думала о нем, о его крепких и теплых руках, ласковых прикосновениях, шуточках, которые тем не менее не звучали обидно, а

разряжали напряжение. О словах поддержки. Смешливых глазах и улыбке... Которые, быть может, мне больше никогда не увидеть.

Тоска оказалась такой острой, что на глаза навернулись слезы. И это, конечно, лишь вызвало очередной приступ раздражения у Коллара.

– Эн-хей не будет распускать сопли, как только у него что-то не получается. Учись держать лицо! – прикрикнул он.

– Надеюсь, в Белой академии ко мне приставят преподавателя, который умеет что-то большее, чем орать на своих студентов, – процедила я.

Удивительно, но Паук сразу заткнулся.

Понадобилось еще несколько попыток, прежде чем мы наконец завершили схему. Это была целиком и полностью заслуга Коллара, потому что я даже не видела, что, собственно, плету. Только что-то слабо серебрилось в воздухе и сразу исчезало, стоило отвести руку. Готовой схемы, вплетенной в туман, я тоже, разумеется, разглядеть не смогла.

– Получилось? – неуверенно спросила я у архея, когда он отпустил мое запястье и с нескрываемым облегчением выдохнул.

– Ты мне скажи, – ответил Коллар. – Рисунок готов. Ощущаешь какие-нибудь изменения?

Я внимательнее «прислушалась» к своим чувствам.

– Нет, если честно.

– Значит, мы потеряли время зря, – подытожил он. – Спускаемся. Можем, еще успеем обучиться по моему способу.

– Подождите! – взмолилась я.

Ну не может же это быть совсем тупик! Иначе зачем вообще Туманный венец связывался со мной через грифонов? Что я сделала не так?

«Кусачка, – позвала я. – Ты тут?»

«Ну конечно, тут, – отозвался грифон. Голос его звучал сердито. – А ты где? Ты нам кое-что обещала!»

«Уже в пути. Пожалуйста, скажи, когда облако пересылало тебе рисунок, оно не уточнило, как именно я должна его сплести? Может, в определенном месте на горе? Или нужно что-то особенное сделать при этом? Ну там богам эльфийским помолиться? Или станцевать, или еще что-нибудь?» – в отчаянии перечисляла я.



«Станцевать. Голышом. Ночью».

Раздалось бульканье – я уже знала, что это смех.

«Я серьезно, Кусачка!» – начала злиться я.

«И я серьезно. Откуда мне знать такие вещи? Спроси у облака сама. Только поспеши, мы тебя ждем», – и он затих.

«Кусачка. Кусачка!»

Бесполезно. Поганец не откликался.

– Ну что? – спросил Коллар, заинтересованно глядя на меня.

– Ничего, – буркнула я. – Грифоны не хотят мне подсказывать. Говорят, я должна спросить обо всем у облака, но как это сделать, не признаются.

– Они всего лишь звери. Вряд ли им это известно, – резонно заметил он.

Я вынуждена была кивнуть.

Да, звери. Причем ужасно своевольные и вредные!

Если Кусачка и услышал это мысленное послание, то не подал виду. Вместо его голоса сквозь туман донесся звон академического колокола. Коллар выпрямился, глядя в ту сторону, хотя сквозь облачную завесу рассыпавшиеся по Львиной Голове домики было не рассмотреть.

– Ректор уже почти готов вылетать. Надо спешить вниз, снимать чары с авиария, иначе опоздаем к вылету и не успеем до темноты попасть в Мавеннар. Продолжим эксперименты с магией уже там. Или ты уже не рвешься освободить своих грифонов, раз они не очень-то желают тебе помогать? – ехидно осведомился Паук.

– Обещания надо выполнять, – отрезала я и первой направилась к ведущей с горы тропе.

У меня было отвратительное ощущение, будто я упустила что-то очевидное. Если бы было время посидеть хотя бы полчаса в тишине и подумать, я бы обязательно сообразила, что именно. Но нападение Лорны, срочные сборы, освобождение опасных грифонов – все это, случившееся за такой короткий срок, превращало мысли в кашу. Руки подрагивали от напряжения и усталости, и опустошенная миска с печеньем, кажется, не особенно придала сил.

Что ж, мне ли не знать, насколько редко что-то происходит вовремя. Придется уже в полете подумать о том, где я могла

ошибиться со схемой. Добираться до столицы три или четыре часа – этого должно хватить.

А пока – в авиарий, прощаться с Закатом. Надеюсь, ненадолго...

## Глава 39

В том, что у авиария окажется сердитый ректор, не было ничего удивительного. Я чего-то такого и ожидала – и что он придет понаблюдать за освобождением опасных грифонов, и что он будет недоволен нашим опозданием. Чего я предположить не могла, так это того, что там соберется весь мой курс.

– Снятием плетения я займусь сам. Можешь быть свободна, – сказал Коллар, глянув на меня, и ушел к Освальту.

Как только архей с ректором отошли подальше, ребята, наоборот, окружили меня. Я неловко помахала им рукой и спросила:

– А что вы тут делаете?

– А где нам еще быть? – Хоэл развел руками. – В Мавеннар нас не захотели брать. Своих грифонов нет, сажать на чужих – а вдруг свалимся и разобьемся? Никто не хочет брать на себя ответственность.

– Из наших одна ты летишь, – добавил Гвиллим, и в его голосе явственно прозвучала зависть.

– Я бы с удовольствием осталась здесь, – смутилась я. – Но меня хотят использовать как отвлекающий маневр. А потом, наверное, сразу заберут в Белую академию.

– Поэтому мы и пришли, – Мадри растолкала парней и встала рядом со мной. – Вдруг не будет другой возможности попрощаться?

У меня защекотало в носу от подступающих слез.

– Надеюсь, что будет. Вернее, что не придется прощаться совсем.

– Мы хотим устроить забастовку, – внезапно выдал Брейт.

– Устроить... что? – растерялась я.

– Это такое новое чужеземное веяние, – пояснил Хоэл. – Вроде бунта, но мирного. Когда все собираются вместе и отказываются выполнять свою работу, пока хозяин не выполнит определенные условия. Мы планируем требовать, чтобы тебя вернули обратно в академию. Кое у кого из старшекурсников есть большой опыт судебных разбирательств в семье. Выяснилось, что, если ты поступила, ты имеешь право учиться, пока исправно платишь, не нарушаешь правила учебного заведения и получаешь приемлемые

оценки по всем предметам. Закон защищает студентов, – важно добавил он.

– Хорошо, что археи об этом не знают. – Я встала на цыпочки проверить, где там Коллар и слышит ли он, что мы обсуждаем. – А то если бы узнали, закон мигом бы изменился.

Ребят, кажется, это слегка отрезвило. Даже будучи аристократами, они понимали, что мир принадлежит не только им.

– Мы все равно будем стараться, чтобы тебя вернули, – Мадисжала мое предплечье.

Я вспомнила ее грустную историю с нелюбимым женихом и покачала головой:

– Главное – не испортите себе жизнь. Вы сможете стать хорошим отрядом и без меня.

– А все-таки отряд с первым археем-наездником был бы лучше, – подмигнул Хоэл. – Не волнуйся, Эйри. Мы разберемся.

– А за Закатом присмотрите? – я обвела умоляющим взглядом однокурсников. – Если вдруг у меня не получится вернуться, ему будет нужен новый наездник. Добрый...

– И который будет кормить его яблоками, – рассмеялся всегда тихий Дилан. – Мы помним.

– Мы будем его навещать, не беспокойся, – заверил Хоэл. – Уж маленького грифона мы точно не бросим.

Я заметила, как вымученно улыбнулся Уин, который все это время старался помалкивать, хотя и стоял вместе со всеми. Да-а, здорово я в нем ошиблась...

– Эйри, можно тебя? – кашлянул он. – Ненадолго.

Я кивнула и вновь оглянулась на Коллара, который обходил авиарий, водя руками. Сколько он так еще будет бродить, неизвестно. А хотелось, чтобы разговор и правда получился коротким.

Ребята вежливо разошлись в стороны. То, что Уин видит во мне далеко не подругу, заметили все. Жаль, они не замечали, что я для него и не возлюбленная, а всего лишь способ подняться повыше.

Уин прочистил горло.

– Эйри...

– Давай не будем, – перебила я. – Тебе лучше забыть обо мне.

– Вот опять ты об этом, – мрачно произнес он.

– А что еще мне делать? Мечты – это для Хоэла, Брейта и других аристократов, а не для простолюдинов вроде нас с тобой. Коллар уже никогда не выпустит меня из своих когтей, и в его планы явно не входит ни мое возвращение на Облачные вершины, ни мой брак с человеком низкого происхождения.

– Но я мог бы после окончания академии купить титул...

Ладно, похоже, выбора нет.

– Я не буду тебя ждать, Уин, – твердо сказала я. – Лучше найди равную себе по положению девушку. Таковую, с которой все эти игры в происхождение будут не нужны. А у меня свой путь, и замужество в него не вписывается совсем.

Он понурился.

– Хорошо. Я понял. Но друзьями-то мы сможем остаться?

Я немного расслабилась.

– Сможем.

Он слабо улыбнулся и протянул мне широкую ладонь. Я неуверенно сжала ее в ответ. До сих пор не привыкла к царящим в академии порядкам, но как же мне будет их не хватать...

– До встречи, Эйри.

– До встречи, Уин.

Наши руки расцепились. И Уин как-то даже сразу выпрямился, будто где-то в глубине души ему самому было не очень приятно то, что он делает, а теперь он наконец от этого освободился.

– Отойдите от входа! – крикнул в этот момент Коллар. – Сейчас я выпущу грифонов.

Несколько крепких мужиков-рабочих, которых позвали подготовить авиарий и грифонов, оттеснили нас в сторону. Над головами кружили несколько наездников. Они якобы разминались перед полетом в столицу, а на самом деле их наверняка пригласили проследить за тем, чтобы все прошло гладко.

Ректор собственноручно увел подальше Брейта, который всюду совал свой любопытный веснушчатый нос и, разумеется, хотел быть в первом ряду. Мы с Уином тоже разошлись. Я поскорее встала возле ректора. Он был мрачен и явно ожидал, что моя идея ничем хорошим не закончится. Я, наоборот, не боялась ни капли. Через ментальную связь мне передавалось воодушевление Кусачки и Гордеца, которые чувствовали, как слой за слоем с авиария спадают чары, несколько лет

не позволявшие им выйти из клетки. Только Закат тихо ворчал, не понимая, почему старшие друзья так взволнованы.

Архей резко взмахнул руками, словно срывал невидимый покров, и объявил:

– Готово. – Затем он оглянулся на Освальта. – Учтите, чтобы могли выйти двое взрослых грифонов, мне пришлось снять вообще все плетения. Пока в академии не появится другой архей, который наложит чары заново, ни одного грифона вы здесь запереть не сможете – они быстро вырвутся наружу.

– Это я уже понял, – ректор плотно сжал губы. – Ну, Эйри, теперь вся надежда на тебя. Если твои грифоны наворотят бед, и отвечать придется тебе.

«Вот еще, – буркнул в мыслях Кусачка, который невероятным образом услышал этот разговор. – Если нас не будут трогать, мы ничего плохого не сделаем».

«Это говорит грифон, который чуть не убил своего наездника?» – мысленно поинтересовалась я.

«Он был плохим! – возразил Кусачка. – Ты совсем другая. Ты нас любишь. Но если будешь пользоваться нашей связью не во благо, мы с Гордецом тоже тебя клюнем».

«Давайте уже выползайте из авиария, клеватели!»

И вдруг я ощутила робость. Не свою – Кусачки. Он столько времени просидел в клетке, что втайне побаивался ее покинуть!

«Давай, все будет хорошо», – подбодрила я его.

Но первым это сделал Гордец. Он встал у порога, проверил лапой, нет ли преграды, и вдруг прыгнул вперед, мощно оттолкнувшись от земли.

Если Кусачка здорово растолстел за время, проведенное взаперти, то на его товарище заточение не сказалось никак. По крайней мере, на его физической форме. Ежедневные полеты под крышей авиария, терзания сетки закалили львиное тело и орлиные крылья. Его когти оставались острыми, а под кожей перекачивались жгуты-мускулы. Гордец выглядел как настоящий король неба!

И ему явно нравилось пугать людей. Мои однокурсники резво подались назад. Кто-то охнул. Мадди коротко взвизгнула – и оказалась в объятиях глупо улыбающегося Хоэла, который почти такими же

влюбленными глазами, какими смотрел на девушку, наблюдал за Гордецом.

– Ох, красавец! – восторженно выдал Белка.

Гордец услышал. И если бы у него вместо клюва были губы, он бы обязательно улыбнулся. Довершая эффектное появление, грифон расправил крылья, взмахнул ими и...

Взмыл в воздух, стремительно удаляясь от нас и направляясь в противоположную от Орлиной Головы сторону.

– Куда это он? – рявкнул ректор. – Мы договаривались не на полное освобождение, а на то, что Гордец отправится с нами в Мавеннар! Эйри, ты им управляешь или нет?

«Гордец, ну ты чего? – уже мысленно завопила я. – Ты же обещал! Хочешь, чтобы на тебя натравили остальных грифонов и они тебя заклевали как отступника?»

Мне в ответ полетел такой шквал восторга, что я покачнулась от грифоньих эмоций. Ветер! Горы! О, как сильно он по этому скучал!

– Эйри? – ректор схватил меня за плечо и заглянул в лицо. – Все в порядке?

– Э-э... – промычала я, совсем не будучи в этом уверенной.

В голове рассмеялся Гордец.

«Здесь так чудесно! Я не полечу с вами, но и не буду ни на кого нападать. Не бойся, маленькая человечка. Кто-то должен присмотреть за Закатом, пока тебя не будет. Вот этим я и займусь».

Ох, святые воды Фиреннэна...

– Гордец, как всегда, себе на уме, – неохотно сообщила я ректору. – Передал, что он останется с Закатом, а пока хочет просто полетать.

– Почему я не удивлен, – пробормотал он. – Слава богам, что он ни на кого не напал. Похоже, ты хорошо влияешь на грифонов.

– Не думаю, что это моя заслуга. Просто раньше, по их обмолвкам, их не ценили и неподобающе с ними обращались.

– Ага, – хмыкнул Освальт. – Ладно, где там второй-то?

Из ворот высунулся большой клюв.

«Кусачка, мы тебя ждем», – напомнила я.

«Я не такой красивый, как Гордец», – ревниво ответил тот.

«Ты отличный, – заверила я. – Дай нам повод тобой повосхищаться».

Это его подбодрило. Он с чувством собственного достоинства встряхнул перья и, гордо вышагивая, словно породистый конь, вышел из авиария.

Его появление было не таким ошеломительным, как у Гордеца, но среди однокурсников вызвало даже большее оживление. Если первый грифон пугал своим напором, то второй, наоборот, откровенно красовался и дал возможность рассмотреть себя со всех сторон. Он и правда не был настолько же подтянутым, зато его размеры внушали уважение. И дело не только в подкопившемся жирке – Кусачка всегда отличался тем, что среди людей называли бы широкой костью.

– А подойти его потрогать можно? – едва слышно спросил Дилан.

Кусачка резко повернул к нему голову, заставив паренька побледнеть.

«Я не какая-то там игрушка», – важно сказал он.

– Если ты принесешь ему что-нибудь вкусное, обязательно можно будет, – вместо этого сказала я Дилану. – Но только после того, как мы вернемся из Мавеннара.

Кусачка возмущенно заклекотал.

«Обманщица! Ну ладно, только если он правда захватит лакомства. Сливки сойдут».

Я спрятала улыбку.

Еще покрасовавшись перед обомлевшими студентами, грифон тяжело поднялся в воздух. В отличие от Гордеца, он никуда сбегать не собирался, а хотел немного размять крылья перед тем, как отправляться в долгий полет.

Рабочие начали расходиться – самое сложное осталось позади. А я выдохнула, потому что для меня еще ничего не закончилось. В клетке ждал Закат.

Малыш немного обиделся на старших друзей за то, что они, всегда находившиеся рядом, вдруг куда-то делись. Одновременно ему было ужасно интересно, почему возле авиария собралось столько людей и что вообще происходит. Его любопытная птичья мордочка торчала из ворот с тех самых пор, как оттуда вышел Кусачка. А теперь я направилась к грифоненку и, погладив его по холке, вывела наружу.

Хотя мы выходили из клетки не первый раз, Закат немного смутился. Он сел и неуверенно оглядывал моих сокурсников, помахивая хвостом.



– Когда они маленькие, то еще ничего, – едва слышно пробормотал Уин. – Может, с этим мы и подружимся.

– Да не нервничай ты, – Хоэл фамильярно хлопнул его по плечу. – Ты не один здесь побаиваешься грифонов.

Уин одарил его сомневающимся взглядом. Уж кто точно не испытывал ни капли страха перед королями небес, так это Белка.

– Закат, – позвала я своего грифоненка. Он вопросительно уставился на меня большими желтыми глазами. – Мне нужно отлучиться на какое-то время. А пока меня не будет, за тобой присмотрят мои друзья. Теперь они и твои друзья тоже, как Гордец и Кусачка.

– Ур-р, – задумчиво ответил малыш.

– Какой милый! – восхитилась Мади.

Закат услышал, и хвост сразу стал вилять еще быстрее. А я невольно задумалась: интересно, все ли грифоны падки на лесть?

– Ну уж его-то можно потрогать? – уточнил Дилан.

– Можно, – улыбнулась я. – Только аккуратнее, он не всегда умеет рассчитывать силу.

Едва не перебив меня, на вершине зазвонил колокол. Мелодичный перелив окатил всю гору, волной спускаясь до подножия.

– Эйри! – окликнул ректор. – Пора выступать к Мавеннару.

Ну вот! На самое важное, как всегда, времени и не хватило.

На глаза навернулись слезы. Я шмыгнула, пытаюсь их скрыть, прижалась к гладким перьям на голове Заката и прошептала:

– Ты навсегда останешься в моем сердце, малыш.

Я старалась сдерживать свои чувства. Не хотелось, чтобы тоска проникла через нашу связь, расстраивая грифоненка. Зачем ему это? Пусть радуется жизни.

Но что-то, видимо, все-таки просочилось, потому что Закат жалобно курлыкнул, встал на задние лапы, а передние завалил мне на плечи, прижимаясь в неловких объятиях. Я охнула, едва выдержав вес мохнатой грифоньей тушки, но подсобрала сил, выпрямилась и обняла Заката в ответ.

– Я вернусь, – твердо произнесла я. – Обязательно вернусь!

## Глава 40

Я говорила, что мне хватит четырех часов лёта, чтобы о чем-то серьезно поразмышлять? Ха-ха-ха! Да там вообще ни о чем думать было невозможно!

Мне не предоставили отдельного грифона. Летать я не умела, а хорошо выдрессированных грифонов, которые могли бы донести такую неумеху целой до Мавеннара, прямо сейчас на Облачных вершинах не нашлось. Кусачке меня не доверили – после нескольких лет в авиарии он и сам сомневался в том, что выдержит дорогу. А усаживать меня на неопытного грифона было опасно. Ректор побоялся, что даже качественная страховка, присланная Тареном, меня не спасет, если вдруг в голову зверя стукнет его орлиная сущность и он вздумает «нарезать виражи».

Поэтому меня усадили вместе с Освальтом на Зарю. Ректор хотел за мной присмотреть сам, а я была достаточно худенькой, чтобы грифоница выдержала нас двоих. Для Коллара нашли пожилого, очень спокойного грифона, чей наездник скончался несколько лет назад от старости. Архея, как и меня, закрепили с помощью страховки.

На спине Зари я чувствовала себя странно. Я и на лошадях-то не каталась, а тут сразу грифоница, да еще такая крупная и золотая... Золотые были королями среди королев небес не только из-за цвета, но и из-за того, что размерами и силой превосходили остальных. Наверное, потому Заря и не нашла себе пару – с ней не мог сравниться ни один самец. Сложно принимать остальных всерьез, когда ты круче всех на горе.

Я ерзала, опутанная ремнями страховки, и аккуратно трогала золотистые перья, пока Освальт раздавал последние приказания. В столицу отправлялась половина академии – третий и четвертый курс, несколько ребят со второго и все преподаватели-наездники. Из тех, кто мог летать, на горе оставались лишь заболевший третьекурсник и Куланн. Старый вояка нахохлился, словно старый сыч, из-за того, что ректор заставил его торчать тут. Но кто-то же должен был приглядывать за академией.

Все со своими грифонами построились на площади перед учебным корпусом. Было нервно. Старшие курсы бодрились и даже пытались распевать боевую песню, но я замечала, что они делают это несколько натужно. Грифоны тоже не все вели себя послушно, прыгали по мостовой, крякали, курлыкали и издавали прочие звуки, которым у меня не получалось подобрать названия. Наверное, звери чувствовали волнение наездников, но, в отличие от людей, не умели так хорошо сдерживать чувства.

Ректор занял место на Заре, только когда убедился, что все готовы к полету. Мужчина легко запрыгнул грифонице на спину, посмотрел на меня и одним движением сдвинул чуть в сторону.

– Так удобнее? – спросил Освальт.

– Угу, – промычала я.

А я-то думала, почему все время сползаю Заре на бок...

– Господин Освальт, – позвала я, нерешительно хватаясь за шею грифоницы. Солнце вышло из-за облака, и в глазах от сверкания перьев начинало немного рябить. – А правда, что золотых грифонов осталось всего пара особей, хотя во времена Эмхира Кровавого их было несколько десятков?

– Правда, – ответил он. – Похоже, уходит их эпоха. Еще двадцать-тридцать лет – и о золоте в небе останутся только воспоминания.

Опять золото в небе... Я поежилась. И почему повсюду это пророчество!

– Подождите, – мысли пронзила внезапная догадка. – Так вы нарочно меня посадили на Зарю? Это из-за Мавеннарского оракула?

– А ты бы предпочла полететь с отцом? – хмыкнул Освальт.

– Он мне не отец, – буркнула я.

– Отеческие чувства иногда принимают крайне странные формы, – серьезно ответил он. – Не торопись осуждать Коллара. А насчет пророчества – да, поэтому и посадил. Прости, но я вынужден трезво смотреть на вещи. Если нужно будет подогнать некоторые факты, чтобы Тарен стал королем, я это сделаю. Надеюсь, ты не против?

Я покачала головой. Было бы глупо возражать. Мне же хочется, чтобы у любимого мужчины все было хорошо? Хочется.

Просто на миг я ощутила себя неуютно из-за того, как будто на мне опять начала затягиваться паутина. Только не магическая, а

аристократической лжи.

– Взлет! – скомандовал ректор, взмахнув рукой.

Мир вдруг сильно встряхнуло. Заря изогнула спину, взмахивая крыльями, и меня откинуло назад. Я взвизгнула, до смерти испугавшись, что сейчас свалюсь с грифона. Однако ремни страховки выдержали, а сзади меня крепко схватили руки хохочущего ректора.

– Давненько я никого не учил первым полетам! Уже и забыл, как вы, первокурсники, неуклюжи.

Я обиженно промолчала, лишь в Зарю вцепилась сильнее. И почему мой первый полет проходит не с Тареном? Он и моложе, и красивее, и слова поаккуратнее подбирает...

Хотя ради справедливости требовалось признать, что наверняка со стороны это действительно выглядело смешно. Заря покачивалась в воздухе, набирая высоту. Я слышала, что даже на лошадях всадники вынуждены подстраиваться под движения животного, но мне никак не удавалось поймать ритм. Меня хаотично болтало туда-сюда, как яйца для омлета в миске повара Мабона. Если бы не страховка и ректорская хватка, валяться бы мне уже давно на мостовой кверху лапками.

Подумав об этом, я глянула вниз – и едва сдержала новый визг ужаса. Земля стремительно уходила из-под ног. С каждым мгновением падение становилось все более опасным. Вот под нами показалась черепичная крыша учебного корпуса, а вот под сапожками мелькнула и верхушка Библиотечной башни. На площади остались маленькие-маленькие человечки, отсюда казавшиеся игрушечными.

В животе от мысли, что будет, если ляпнуться с такой высоты, все перевернулось. Мне пришлось отцепить одну ладонь и закрыть ею рот, чтобы не орать. Никто из студентов не визжал и не кричал. Ну и что, что у меня, в отличие от них, первый полет? Позориться не хотелось, поэтому я прикусила палец и на всякий случай зажмурила глаза.

Когда я их вновь открыла, мы уже поднялись над Туманным венцом и летели на северо-восток, в сторону Мавеннара. В мысли даже и без ментальной связи пробивалось недовольство Зари – я слишком сильно дергала ее за перья в попытках не упасть.

– Можешь отпустить, – сказал ректор. – Тебя держат ремни.

– Н-не м-могу, – процедила я, старательно избегая смотреть вниз.

Освальт снова засмеялся.

– Не бойся. Самое страшное позади.

Я опять зажмурилась, чуть-чуть опустила голову и осторожно приоткрыла один глаз. Затем выдохнула и распахнула уже второй.

Ректор не обманул. По лицу хлестал ветер, наверху было гораздо холоднее, чем на Орлиной Голове, зато какой отсюда открывался вид!

Теперь я понимала, откуда взялась фраза «раскинулся как на ладони». С высоты грифоньего полета Вайль казался таким крошечным, что полностью поместился бы в руке. Речка, текущая по долине и между горами, превратилась в ниточку – не хуже паутинок ментальной связи, только серебристая, а не золотая. Из многих труб шел дым, но здесь его запах совсем не чувствовался – только морозная свежесть. Дышать было сложно, даже невзирая на то что я привыкла к особому разреженному воздуху на Облачных вершинах.

Скоро появился краешек еще одного городка, притаившегося между горами. Я восторженно охнула – а вон и постоянный двор, в котором мне пришлось остановиться на ночевку несколько месяцев назад, когда я ехала наниматься на работу!

– Здорово, правда? – спросил ректор.

Я задрала голову, увидела его улыбку и сразу приняла серьезный вид. Выгляжу, наверное, как наивная простолюдинка... Коей, собственно, и являюсь, хм.

Освальт опять рассмеялся. Вот хохотун! И не скажешь по нему.

– Эйри, в небе не принято скрывать свои чувства. Если хочешь – покричи, никто не осудит. Здесь одна душа на всех.

И он сам издал такой громкий ликующий клич, что у меня чуть не заложило уши. Сзади вдруг грянули студенты – каждый на свой лад, а грифоны им вторили клекотом. Я в восторге обернулась. Оказывается, мы летели клином – ректор впереди, затем четвертый курс, следом третий, замыкали преподаватели. Коллар, видимо, был где-то в хвосте, потому я его не видела – очень уж далеко мы растянулись.

«Ох-ох-ох, – заныл в голове знакомый голос. – Вы все радуетесь, а некоторым, между прочим, тяжело! Надо было не подтрунивать над Гордецом, а тренироваться с ним вместе...»

Заря неожиданно вскинула голову и насмешливо заклекотала. Откуда-то сзади послышался едва слышный ответ, больше похожий на криканье. Заря забулькала, хихикая.

«Выдерни-ка этой высокомерной грифонице парочку перьев, – возмутился Кусачка. – Чего она обзывается?»

«Вот еще. Ты же сам хотел полететь со мной в Мавеннар, – упрекнула я, хотя понятия не имела, что за перепалка только что произошла между грифонами. – Теперь терпи. Может, похудеешь – заодно и польза будет».

Кусачка обиженно фыркнул в ответ. Худеть ему явно не нравилось.

«Ты точно выдержишь путь?» – осведомилась я.

«Конечно, выдержу! Грифон я или кто?»

Я придержала при себе мысль о том, что Кусачка в его нынешнем состоянии больше похож на толстого котика, пусть и с крыльями. И к сливкам такая же слабость.

– Он сильно изменился, – тихо заметил ректор. – И я не про его вес. Похоже, ты хорошо влияешь на Кусачку и Гордеца.

– Они чувствуют любовь, – я пожала плечами. – Намного более чутко, чем люди.

– Да, это так. Помню, после того как Кусачка попытался убить своего наездника, он вообще не хотел открываться для связи и атаковал любого, кто к нему подойдет. Заманить его в авиарий удалось только с помощью чар.

– А вы не пытались узнать, что именно случилось? Почему Кусачка стал себя так вести? Может, это была вина его наездника?

– Пытались, – признался он. – Но наездник превратился в дурачка, который не мог связать двух слов, и мы от него ничего не добились. А Кусачка говорить просто не хотел.

«До сих пор не хочу, – раздалось в голове. – Только с теми, кто приносит сливки и говяжью вырезку».

– Он нас слышит, – предупредила я ректора.

– И не сомневался, – хмыкнул тот. – Передавай ему привет.

Я послушала мысленный ответ грифона.

– Э-э... мне стыдно повторять то, что он сказал. Кажется, он вас недолюбливает за то, что вы несколько лет не выпускали его наружу.

– Ну, хотя бы клюнуть не пытается, и то ладно, – засмеялся Освальт. – А теперь держись крепче. Нам нужно обогнуть вон ту гору. Повезло, что сегодня погожий день, а то летели бы в сырых облаках и все промокли...

Он еще рассказал немного о том, как мы будем лететь, дал несколько советов, как удержаться на грифоне, показал, где и что

находится внизу. Вскоре я так увлеклась разглядыванием деревушек и рощиц, казавшихся плюшевыми, что напрочь забыла, что собиралась еще что-то обдумывать. А потом меня и вовсе потянуло в сон. Полет Зари выровнялся, меня уже больше не болтало из стороны в сторону, да и я начала привыкать к покачиванию, которое создавал каждый взмах крыльев. Сказывался, наверное, и катастрофический недосып.

Поэтому в какой-то момент я натянула пониже капюшон плаща, прислонилась к изящной грифоньей шее и сама не заметила, как задремала.

## Глава 41

– Эйри, – меня потрясли за плечо. – Эйри, проснись. Подлетаем к Мавеннару.

Я оторвала щеку от теплой подушки, выпрямилась, собираясь потянуться... Кровать подо мной внезапно накренилась. Я распахнула веки, с ужасом обнаружила, что это вовсе никакая не кровать, а подо мной пустота, только где-то далеко внизу виднеются крыши домов, и завизжала.

Сильные руки тотчас подхватили меня и вернули в вертикальное положение.

– Заря, не шали, – строго произнес ректор.

От грифоницы донеслось отчетливое хихиканье. Я уже полностью пришла в себя и сердито одернула плащ.

– Эх ты, Заря, а я ведь тебе доверяла!

Хихиканье сменилось виноватым курлы-курлы. Я вздохнула.

– Ладно, прощаю.

Грифоница сразу повеселела. А я потерла лицо, раздумывая о том, остаются ли на лице следы от перьев так же, как от подушки, и огляделась.

Мы уже давно покинули горы. Под крыльями Зари простиралась огромная равнина с полями. Вдалеке виднелся лес, надвое рассеченный рекой. Эланне, одна из главных водных артерий королевства, питающая его сердце – Мавеннар. Она уже походила не на ниточку, как речка в Вайле, а на ленту или даже широкий пояс, небрежно брошенный богами на землю.

Я проследила за серебристой гладью от леса до разбросанных горошин – домиков окрестных деревень, затем до пригорода, подступавшего к невероятно высоким белым стенам. Знаменитая крепостная стена Мавеннара – «живое» напоминание об эльфийской культуре. Люди такие не строили, ограничивались тем, что пониже да попроще. В Аэнвине лишь столица и еще несколько городов поменьше были исключением, да и то потому, что строились на эльфийских руинах.



За крепостными стенами домики жались друг к другу тесно-тесно – и не разглядишь узенькие улочки под крышами. Зато было хорошо видно новый королевский дворец, построенный не так давно, в правление отца почившего короля Серена. И отца Тарена, мысленно добавила я.

Даже отсюда, с огромного расстояния, дворец выглядел впечатляющим. В грандиозности с ним мог поспорить только гигантский храм на холме, посвященный Хедену и Энеде, – тот самый, в котором жил оракул. Однако мое внимание сразу привлекла совсем другая постройка – белая башня, еще один остаток эльфийской эпохи.

Она стояла почти в центре города, высоко-высоко поднимаясь над крышами окрестных зданий. Чем выше, тем страннее становилась ее архитектура. Стены исчезали, а вместо них появлялись арки, словно входы в пещеры. Причем там не было ни балконов, ни каких-либо ограждений. Кого-нибудь другого это удивило бы, но я достаточно прожила на Облачных вершинах, чтобы понять: это гнезда для грифонов, чьи наездники служат в личной гвардии короля. А само здание – знаменитая Крылатая башня, главный штаб Грифоньей стражи!

Правда, сейчас над ней не вилося ни одного грифона. Скорее всего, они все находились на боевом дежурстве. Ведь Мавеннаром, как драгоценным камнем, можно было любоваться бесконечно, но никак не получалось игнорировать его неуместную, уродливую «оправу» – полосу военного лагеря, вставшего у самого края пригорода.

Благодаря стараниям Мади я натренировалась ворочать большими числами и решать задачки, но сейчас растерялась, оглядывая уходящие вдаль ровные квадраты «кварталов» в лагере, образованные палатками. Видимо, так обозначались границы отрядов или особых родов войск – я могла лишь догадываться. Повсюду горели чадающие костры, ходили люди. Ржание коней доносилось даже сюда. Сколько же там всего человек? Наверняка не меньше нескольких тысяч! А может, и гораздо больше.

Нас, разумеется, заметили. В воздух тотчас взвилось несколько стрел, но они не достигли клина – мы летели слишком высоко. Ректор все равно выругался сквозь зубы.

– Сволочи. Заря, солнышко мое, отправишь им «снаряд»?

Грифоница довольно крикнула и опорожнила кишечник. Судя по звукам сзади, так поступила не только она.

Я хихикнула. Если такой «снаряд» прилетит с неба, то может и убить, но эти ребята сами напросились.

– Надеюсь, они оценят привет от нас, – хмыкнул Освальт. – А теперь – к Тарену.

Заря наклонилась, поворачивая к Крылатой башне. За золотой грифоницей последовал весь клин. Мы стали постепенно снижаться, и дома внизу начали приобретать все большую четкость. Солнце уже садилось, и скоро в горле стало першить от дыма из труб, но я свесилась с Зари и с интересом разглядывала Мавеннар.

Какой же он все-таки красивый! Мне не доводилось в нем бывать, я лишь слышала чужие рассказы, и они сильно разнились. Кто-то ругал город за многолюдность и грязь, кто-то восторгался архитектурой. А скоро я увижу его своими глазами и составлю собственное мнение!

Я так увлеклась, что даже ненадолго забыла, какая причина привела нас в столицу. Спихватилась, только когда ректор снова меня легонько встряхнул.

– Подготовься. Сейчас будем приземляться.

Я кивнула и немного согнулась, крепче сжимая Зарю. При посадке, как и при взлете, грифоны изгибали спину, и у неопытного наездника был риск неуклюже свалиться. Мне это благодаря страховке не грозило, но и позориться перед гвардией не хотелось.

А нас уже ждали. По верхушке башни ходили люди, какой-то человек размахивал флагом, подавая клину знаки с помощью особой «грифоньей азбуки». Я о ее существовании уже знала, однако еще не учила – сдавать ее предстояло только на втором курсе.

– Опускаться на башню будем по очереди, по пять наездников зараз, – «перевел» ректор. – Для всех нас слишком мало места, это не Облачные вершины. Мы с тобой пойдем первыми.

Башня стремительно приближалась. В навыках Зари сомневаться не приходилось, и все же было немного нервно. Я напряглась и смогла выдохнуть, только когда грифоница уже складывала крылья, клекотом приветствуя жителей Крылатой башни. Откуда-то снизу ей бодрыми криками ответили другие грифоны.

Ну, слава богам, приземлились. Теперь надо как-то выпутываться из страховки.

– Я сама слезу, – торопливо сказала я подходящему человеку, решив, что он подумал, будто мне нужна помощь.

Оглянулась... и вновь забыла, как дышать.

Это был Тарен. Мы не виделись всего ничего – и десяти дней вроде бы не прошло, а он успел за это время неуловимо измениться. Кажется, скулы чуть заострились, в ясных голубых глазах помимо привычного насмешливого выражения появилась серьезность, а может, даже и суровость, которой раньше там не было. Превосходный костюм, сидящий точно по фигуре, из синего стал черным – принц не стал нарушать правила приличия и соблюдал траур по безвременно ушедшему младшему брату.

Как же Тарен был хорош! Я невольно залюбовалась им. В голове проскочила мысль, что я должна быть очень, очень счастливой, что такой мужчина сделал мне предложение.

Он улыбался, приближаясь к нам. Однако Силвейн, похоже, не ожидал меня встретить. Радужная улыбка при виде меня резко поблекла, а глаза округлились.

Миг мы с принцем смотрели друг на друга. Затем он вдруг перевел взгляд на ректора и рявкнул:

– Освальт, я же просил защитить ее, а ты притащил девочку в осажденный город!

– И вам здравствуйте, ваше высочество, – недовольно ответил тот. – Быстро, однако, вы учитесь командовать. У меня есть веская причина, но вы уверены, что ее нужно выкладывать прямо сейчас?

Опомнившись, Тарен прокашлялся, потер веки и посмотрел на нас уже совсем другими, виноватыми глазами.

– Прости. Последние дни выдались безумными. На нас уже было несколько атак от объединенного войска маркиза и бывшей королевы. Эйри... – он замолчал, растерянно глядя на меня. – Как... ты?

– Привет, – неловко сказала я. – Лорна оказалась шпионкой королевы, представляешь? А я по тебе скучала.

Сама не знаю, зачем я это брякнула и как вообще оно соскочило с языка, но Тарен, похоже, и не слушал, торопливо расстегивая страховку.

– Вот же зараза, – ругнулся он. – Попробуй распутай. Надежный купил подарок – себе на голову. Освальт, ты прилаживал?

– Куланн, – пояснил ректор, уже давно сошедший с Зари.

По его лицу гуляла подозрительная ехидная улыбочка, когда он на нас смотрел.

К счастью, Тарен уже расстегнул последний ремешок. Я собралась было прыгнуть с грифоницы, но меня в воздух подняли сильные руки и аккуратно опустили на крупные каменные блоки, из которых была сложена Крылатая башня.

А в следующий миг я обнаружила себя крепко прижатой к груди Тарена.

– И я по тебе скучал, – с какой-то такой хрипотцой ответил он, что сразу стало ясно: не врет...

Когда Тарен отстранился, в его глазах стояла неизъяснимая нежность. Мне почему-то стало стыдно. Не верилось: это я вызываю у него подобные чувства? Я – неуклюжая воровка яблок и непутевая студентка?

– Ты за это время похудела еще сильнее, – с тревогой отметил он. – И побледнела, кажется.

Он нахмурился и повернулся к Освальту.

– Что вы там с ней делали?

– Пытали и издевались, конечно же, – поддел тот. – Тар... Ваше высочество, – поправился ректор, – я все объясню, но чуть позже. Вам стоит дождаться последних грифонов. Там вас ждет сюрприз. Вряд ли вы сочтете его приятным, но, повторюсь, у меня были веские основания так поступить.

Тарен насторожился, однако кивнул и, чтобы не мешать прибывающим наездникам, отошел к высоким зубцам башни, крепко держа меня за руку. Я стояла рядом, не зная, как правильно себя вести, и отчаянно краснела. Обслуга, которая уводила грифонов куда-то вниз, не подавала виду, что происходит что-то необычное. Студенты и даже преподаватели, которые летели с нами, наоборот, поглядывали на нас с Тареном с большим интересом.

Силвейна, похоже, в этом ничто не смущало. На его лице ни один мускул не дрогнул. И я вдруг успокоилась. А потом и вовсе подступила на шаг ближе к Тарену – чтобы чувствовать его тепло и едва

заметный исходящий от него аромат трав, которые добавляют в ванну аристократам.

Если уж сам принц не стыдится меня, я-то почему должна?

Тарен радушно, как подобает хозяину, здоровался со всеми прилетевшими гостями. В Крылатой башне все было отлажено, поэтому много времени это не заняло. Грифонов уводили в одну сторону – по особой лестнице, созданной специально для львиных лап, они спускались к свободным гнездам на верхних этажах. Студентов и преподавателей – в другую сторону, по обычной лестнице, на нижние этажи, где располагались предназначенные для гостей покои.

Я опасалась, что Мэйлир опять устроит сцену. Однако он лишь посмурнел и подобрался, когда проходил мимо Тарена. А тот, выгнув бровь, повернулся к ректору.

– Ну а что я должен был делать? – буркнул Освальт. – Он лучший на курсе! Да, с гнильцой, но у него еще есть шанс осознать ошибки и исправиться. Я пообещал взять всех добровольцев, а Мэйлир прибежал из Вайля и чуть в ногах не валялся, умоляя простить его хотя бы на время осады.

Тарен со вздохом махнул рукой:

– Ладно, боги ему судьи. Я в его возрасте тоже был не шибко умным.

Зато, когда он увидел тяжело приземляющегося Кусачку, лицо у него наконец-то вытянулось.

– А этот здесь откуда?

Ректор засмеялся.

– А вот об этом пусть поведает Эйри.

Когда ко мне обратился изумленный взгляд, я прикинулась, что страшно увлечена разглядыванием города из пустого пространства между зубцами.

«Уставшим с дороги грифонам здесь вряд ли в утешение подают сливки, да?» – кисло уточнил Кусачка.

«Да. Придется есть то же самое, что остальные грифоны. И, может, все же немножко похудеть. А то Заря так и не будет воспринимать тебя всерьез».

Грифон заворчал, но, к счастью, лакомств для себя вымогать не стал и послушно направился за слугой, который поманил его за собой. Тарен дернулся – слуга ничего не знал о том, что за ним вышагивает

только-только выпущенный из авиария «злбный зверь». Я торопливо придержала принца.

– Все будет хорошо. Кусачка не станет ни на кого кидаться, если с ним будут достойно обращаться. Дстойно – это как с другими грифонами. Хотя он будет благодарен, если его угостят красными яблоками или миской сливок.

– А клюв у него не треснет? – пробормотал Тарен. – Ну ладно, распоряжусь насчет этого. О, – на его губах заиграла ехидная улыбка. – Освальт, я понял, о каком сюрпризе ты говорил.

На башню опустилс последний грифон – тот самый, уже седой от возраста, который нес Коллара. После долгого полета Паук выглядел отнюдь не так надменно, как обычно.

– Доброго вечера, достопочтенный архей! – хитро приветствовал его Тарен. – Хорошо выглядите. Вы такого цвета, потому что открыли новый вид магии – зеленый?

Коллар бросил на него свирепый взгляд, но на людях повел себя с будущим королем уважительно. Ну, насколько Паук это вообще умел.

– Долгих вам лет жизни, ваше высочество, – процедил он, терпеливо дожидаясь, пока подоспевший слуга расстегнет страховочные ремни. – Добрый знак, что даже в такой ситуации вы сохраняете чувство юмора. Надеюсь, мы сможем поговорить в ближайшее время?

– С вами – хоть сейчас! – бодро отозвался Тарен.

Архей явно собирался сказать что-то язвительное, но в этот момент грифон устало переступил с ноги на ногу. Паука тряхнуло, и он позеленел еще сильнее, а вид из раздраженного стал измученным.

– Может быть, через полчаса, – бледным голосом ответил архей.

– Как скажете, – согласился Тарен, спрятав улыбку, и повернулся ко мне. И вот опять в его глазах заплескалась эта невероятная нежность, которую я никак не заслужила. – Раз у нас есть немного времени, идем, Эйри. Я покажу тебе твои комнаты.

## Глава 42

Побыть вместе мы, конечно же, не успели. Пока шли вниз, смущенно молчали и перебросились лишь парой незначительных фраз. А когда Тарен наконец довел меня до комнат, к нему уже сломя голову бежал слуга с просьбой от капитана Грифоньей стражи срочно спуститься в кабинет. Принц властным движением заставил гонца подождать снаружи, а сам зашел со мной в покои.

Я ахнула, оглядывая роскошную обстановку. Да тут все еще шикарнее, чем даже в доме ректора!

– Это какая-то ошибка, – сразу же сказала я. – У меня не может быть таких богатых покоев.

– Может, – спокойно ответил Тарен. – Никогда так не говори. Ты достойна лучшего, особенно как моя избранница. А теперь прости, мне нужно уйти на какое-то время. Потом я зайду к тебе, расскажешь все. – Он усмехнулся. – Больше всего я жажду услышать, как здесь очутился Кусачка. Похоже, в мое отсутствие у вас в академии жизнь была ключом.

– Обязательно расскажу, – заверила я. – Только возвращайся быстрее.

– Постараюсь, – произнес он снова с такой хрипотцой, что меня пробрало мурашками от макушки до пяток.

Когда Тарен вышел, я встряхнулась, приводя себя в чувство, и принялась исследовать новое жилье. У меня не было сомнений, что на самом деле принц вернется еще очень нескоро. Пока они все обсудят с капитаном, потом с Освальтом, Колларом и остальными, пройдет куча времени. Я надеялась, что Тарен не станет пренебрегать обязанностями. Мне тоже хотелось его увидеть, но... Есть вещи и поважнее.

В общем и целом покои мне понравились, хотя по-прежнему казались... Я даже не могла подобрать для этого правильное слово. «Чересчурными» – что-то вроде того. В академии студенческое жилье было обставлено так, что ты сам становился в нем главной ценностью. А здесь, среди позолоты, мебели с причудливой резьбой и прочих финтифлюшек, я, наоборот, почувствовала себя маленькой и

незначительной. Все как будто кричало о том, что здесь должен жить важный человек. Но будет ли видно его на этом фоне?

Больше всего мне понравился балкон, хотя, пожалуй, это слово сюда не подходило совсем. Скорее это была площадка для взлета. Наверное, предполагалось, что в комнате поселят офицера Грифоньей стражи, который вместе со своим грифоном будет отправляться на дежурство прямо отсюда.

Открывающийся с балкона вид я тоже оценила. Поскольку мы опускались с самой вершины башни, я не знала, на каком этаже расположены покои, но что очень высоко над крышами обычных домов – это точно. Даже крепостные стены Мавеннара не закрывали обзор, и было видно тот самый лес вдалеке, который я заметила еще на подлете к городу.

Я полюбовалась тем, как в столице с наступлением темноты светлячками зажигаются окна и уличные фонари, а затем задернула занавески и занялась более важными делами.

В первую очередь я проверила, насколько здесь изменилась золотая сеть ментальных связей. Как и следовало ожидать, она выглядела совершенно иначе. «Паутина» вокруг была меньше, чем на Облачных вершинах, но и горели нити ярче. Логично – в столице обитало меньше грифонов, зато все они были крепко связаны с наездниками и друг с другом. Наоборот, гигантская сеть, в которой я путалась в академии, поблекла и отдалилась.

Связь с Закатом все еще ощущалась хорошо, хотя тоже побледнела. Я аккуратно прикоснулась к ней и убедилась, что малыш сладко спит. По-видимому, он находился в авиарии. Найти ниточку Гордеца было ничуть не более сложно. Сонный грифон подтвердил, что к ночи они оба вернулись в загоны, но он уже принялся обустривать на Орлиной Голове гнездо для Заката и еще одно для себя самого. Я едва успела поблагодарить его, как он снова задремал. Осмысленная связь прервалась, и появились расплывчатые мыслеобразы – грифоньи сны. Грезил Гордец, разумеется, о синем небе и бесконечных просторах.

После этого я связалась с Кусачкой. Тот похвастался, что его поселили рядом с Зарей и накормили нежнейшей крольчатиной, и тоже ушел спать.



Следовать его примеру пока не хотелось, а Тарен все не шел. Я выглянула в коридор, но никого знакомого там не обнаружила. Замерший у двери слуга мое появление истолковал по-своему и сразу рассыпался в заверениях, что ужин вот-вот принесут. Действительно, стоило закрыть дверь, как в нее постучались. На столе передо мной расставили сразу несколько блюд. От густого аромата меня чуть повело – я сразу вспомнила, как давно ела последний раз.

Сервируя стол, служанка положила семь приборов – два ножа, три вилки и две ложки. Слава богам, еще будучи служанкой, я помогала накрывать столы для преподавателей, поэтому знала, для чего нужен каждый прибор. Но, когда женщина вышла, схватила вилку и смолотила все, используя только ее и собственные руки.

Бедные аристократы, как они вынуждены мучиться с целой кучей приборов...

После плотного ужина, разумеется, начало клонить в сон. Концентрация стала теряться. А у меня было еще столько дел!

Я повздыхала и решила не бороться с дремотой, а использовать это состояние, чтобы уйти глубже в медитацию.

И не прогадала.

Золотые нити гвардейских грифонов засияли еще ярче. Появились и новые, совсем тоненькие и бледные. По опыту академии я уже знала, что это слуги, живущие в башне, и другие служащие штаба гвардии, которые сами на грифонах не летают. Некоторые линии стали толще. Я проследила за одной и вдруг почувствовала Зарю. Откуда-то мне стало известно, что она находится всего на три этажа выше меня, готовится ко сну и с интересом думает о том, что Кусачка, оказывается, крупнее других ее сородичей.

Я поскорее отодвинулась от нити Зари, чтобы не подслушивать ее сокровенные мысли. Но тут же возникла другая мысль – может, теперь наконец получится найти Урагана? Видимо, со мной происходило нечто подобное тому, чем сегодня поделился ректор: связаться с грифонами, рядом с которыми я провела хоть немного времени, становилось все легче и легче с каждым днем. А значит, через Урагана я смогу держать связь и с Тареном, даже если судьба раскидает на разные концы Аэнвина.

Я задышала медленнее, пытаюсь сориентироваться в путанице нитей. В столице прямо сейчас было не так много «местных»

грифонов – не больше пяти десятков. Памятуя о предупреждении, которое недавно сделал передавший страховку гонец, я не спешила без разрешения наездников «подсоединиться» к каждой нити. Придется попытаться узнать Урагана без этого.

Вскоре одна из «паутинок» как будто бы откликнулась мне созвучными воспоминаниями. Ураган потянулся ко мне сам – прямо перед лицом соблазнительно вильнула нить. Я осторожно коснулась ее и сразу улыбнулась.

«Смешная и неумелая начинающая наездница, привет! – приветствие грифона могло бы показаться обидным, если бы не радость в голосе. – Сородичи с Облачных вершин уже начали о тебе рассказывать!»

«Что?» – растерялась я и мгновенно сообразила: это, наверное, Кусачка разболтался со знакомыми грифонами перед тем, как заснуть.

Вдруг в связь пробился другой голос, такой родной и любимый, но совершенно неожиданный. «Эйри?» – удивленно спросил он.

Я затаила дыхание. Тарен! Мелькнул мыслеобраз – духота небольшого кабинета, собравшиеся в нем люди, ожесточенные споры между мужчинами по поводу того, как сопротивляться захватчикам. Каждый совет справедлив, но подчас они противоречат друг другу. И какой из них выбрать?

Словно глотнув застоявшегося воздуха, я поскорее разорвала связь. Тарен на военном совете. Еще не хватало его отвлекать! Пусть занимается тем, что сейчас по-настоящему важно.

Чтобы больше никуда случайно не влезть, я отстранилась от золотой сети. И только сейчас заметила, что ее покрывает какая-то белесая дымка. Словно бы туман просочился в пустоту, чтобы скрывать ментальные связи грифонов от нежелательных глаз.

Хм. Туман?

Додумать эту мысль я не успела – раздался стук в дверь, заставивший меня очнуться.

– Эйри, ты не спишь? – раздался голос Тарена.

Я на несколько мгновений застыла в недоумении. Я же вот только что застала его на совете... Затем оглянулась и увидела в окне, что небо засыпано звездами, а высоко над домами зависла круглая, как яблочко, луна. То ли я нечаянно заснула, то ли слишком глубоко погрузилась в медитацию...

Непонятно откуда пришел новый мыслеобраз. На горном уступе в окружении густого тумана с закрытыми глазами сидел белолицый эльф. Он резко распахнул веки, и на меня уставились золотые глаза.

Я вздрогнула. Наваждение сразу развеялось.

Опять сон, что ли?

В дверь продолжали стучать. Я с трудом заставила себя подняться с расстеленного прямо на полу одеяла, которое положила туда, чтобы не заснуть, и скорее побежала открывать. Ну, вернее поковыляла, потому что спина и ноги от долгого сидения по ощущениям напоминали деревянные.

Тарен, стоя в коридоре, окинул меня удивленным взглядом.

– Я уже думал, ты заснула. Хотя вид у тебя такой, будто я действительно поднял тебя с кровати.

– Не совсем с кровати, – мутно объяснила я и устало потерла веки. – Заходи. Я тебя ждала и, кажется, замедитировалась.

– Такое бывает, – усмехнулся он и зашел в комнату.

Вид у него тоже был утомленный. Наверняка у принца, да еще в осажденном городе, забот полон рот. Я растерянно огляделась.

– Предложила бы тебе чего-нибудь, но сама еще не выяснила, что где лежит.

– Не переживай, я достаточно наглый, чтобы самому все взять, – хмыкнул он, пододвинул одно из кресел и устроился в нем.

Я направилась к другому креслу, однако Тарен меня перехватил и усадил на колени. Комната крутанулась перед глазами – и передо мной уже была мужская грудь с расстегнутыми верхними пуговицами рубашки, а сильные руки обхватывали меня за талию. Я застыла на миг, оцепенев от его близости. У меня, конечно, случался флирт с парнями, и не раз, но чтобы вот так...

– Ты не хочешь этого? – спросил он едва слышно, дотронувшись губами мочки моего уха. От этого прикосновения по всему телу прошла дрожь, а голова вновь поплыла в туман, только уже совсем иного рода. – Я не забыл, что ты говорила при нашем расставании. Если скажешь, я отпущу.

– Н-нет, – промямлила я, сама не зная, чего хочу.

О, вернее, хотела-то я как раз того, чтобы ладони на моей талии сжались крепче, а губы переместились от уха совсем в другое место! Но было ли это разумно в нашей ситуации?

Сжав зубы, я уже схватилась за подлокотники... и не нашла в себе сил подняться. Я слишком долго врала себе о чувствах к этому мужчине. Потом его потеряла, отчасти по собственной же вине. Как теперь можно опять от него отказаться, если в голове бьется лишь одна мысль – как поглубже зарыться в эти объятия, потеряться в них, спрятаться от всего мира? Забыться в его тепле, слышать только его сердцебиение, хотя бы на час, хотя бы на ночь!

– Только не засыпай, – засмеялся Тарен.

– Ну вот еще, – обиделась я, слегка отрезвев.

– У тебя просто сделался такой вид... – он покачал головой и во внезапном порыве крепче прижал к себе, утыкаясь в мою макушку и глубоко вдыхая запах моих волос. – Проклятье, Эйри, я так скучал! Если хочешь спать – спи, но учти, что я сяду рядом и буду всю ночь на тебя смотреть.

– А я думала, ты обо мне быстро забудешь, – тихо сказала я.

– Это невозможно, – серьезно ответил он. – Ты не видела придворных дам. Они почти все как Лорна, а бывшая королева даже превосходит ее.

– Понятно, почему она выбрала Лорну шпионкой, – сварливо заметила я. – Видимо, они друг друга стоят.

– Точно, – Тарен скривился. – Я думал, что оставляю тебя в самом надежном месте страны, а получилось наоборот. Зря я сорвался на Освальта. Хорошо, что он привез тебя сюда.

Я поерзала у него на коленях и развернулась так, чтобы видеть его лицо. Такое красивое, такое близкое, оно хмурилось. Я вздохнула, догадываясь, о чем разговор пойдет дальше.

– Пожалуйста, объясни мне, как тебе удалось связаться со мной прямо во время совета, – попросил принц.

– Не знаю. Я коснулась связи с Ураганом, подумала о тебе – и вот уже очутилась прямо в твоей голове.

– Ты понимаешь, что это значит? – мягко произнес он.

– Ничего хорошего для моей учебы в Небесной академии, – тоскливо ответила я.

– Эйри, милая моя, ты эн-хей, и в этом больше не может быть никаких сомнений. То, что ты сделала, называется телепатической связью. Так умели маги-эльфы, но никогда не мог никто из людей.

– Ректор сказал, что он слышит каждого грифона на Облачных вершинах, – возразила я.

– Освальт – талантливый наездник, с этим никто не спорит. Но он не способен наладить связь с человеком через его грифона. Вообще никто на это не способен. Если бы это было возможно, никогда не появились бы курьеры на грифонах. Зачем куда-то лететь, если можно передать вести с помощью мысли?

– Э-э... – промычала я, совсем не чувствуя себя величайшим магом всех времен и народов.

Я точно сейчас сделала то, о чем мечтали целые поколения людей, и нарушила при этом кучу законов природы?

Наверное, у меня был совсем глупый вид, потому что Тарен снова рассмеялся. Как это у него часто бывало, весело и совсем не обидно.

– Я счастливый человек, раз среди всех женщин влюбился именно в ту, которая совершает чудеса, даже не подозревая об этом.

Сердце стукнуло невпопад.

– Тарен, ты так легко говоришь об этом...

– О чем? О том, что ты эн-хей? – он криво усмехнулся. – Я был дураком, считая, что шило можно утаить в мешке. Ты начала бледнеть почти сразу после зачисления в академию, но я убеждал себя, что это от того, сколько сил ты тратишь на учебу. А теперь для сомнений места уже не осталось. Твой дар развивается семимильными шагами, и с каждым днем ты теряешь все больше и больше цвета.

– Я становлюсь уродливой? – забеспокоилась я.

– Нет. Ты становишься еще красивее.

Он сказал это таким голосом, что сердце всколыхнулось, а к щекам стал приливать жар.

– Спасибо, – смутилась я. – Хотя вообще-то я имела в виду другое. Ты очень легко говоришь о том, что влюблен.

– Потому что это правда. И больше я не вижу смысла это скрывать.

Снова от прямого и искреннего взгляда синих глаз мне захотелось растаять. Да, это не Уин, совсем не Уин...

– А если нет? – заставила себя произнести я. – Коллар предупреждал, что я разливаю вокруг себя магию ведрами, никак это не контролируя. Досталось и Закату, и Кусачке с Гордецом. Что, если я одурманила тебя? Ты мне нравился еще до того, как застукал меня в

авиарии с яблоками. Вдруг я тебя нечаянно приворожила, опутала чарами, как Коллар – Мэйлира перед дуэлью?

– Ты намекаешь на то, что эти чувства поддельные?

– Ну да, – кивнула я.

– Эйри, на самом деле важна лишь одна вещь, – он коснулся моего подбородка и нежно приподнял его, заставляя смотреть принцу в глаза. – Что ко мне чувствуешь ты?

– Ну...

И как произнести это слово – «любовь», если не делал этого ни разу в жизни? Щеки уже не горели – полыхали пожаром. Ужасно хотелось спрятать взгляд, но деваться было некуда – Тарен не позволял отвернуться и пристально в меня вглядывался. И с каждым мигом он становился мрачнее и мрачнее.

Проклятье! Я мысленно выругалась. Следовало догадаться, что Тарен поймет это вполне однозначно. Я уже отказала ему. Мужчины после такого не возвращаются – очень уж болезненно на подобные вещи реагирует их самомнение. Но Тарен не сдался, не опустил руки и не побегал забываться в объятиях какой-нибудь продажной мавеннарской красотки. Сегодня он держал меня за руку у всех на глазах, без смущения показывая, что я ему дорога, хотя принцу должно быть зазорно связываться с простолюдинкой.

– Как ты думаешь, что я к тебе чувствую, если я через полкоролевства кинулась тебя спасать из осады? – тихо сказала я. – Ты мне важен, Тарен. Но ты принц...

– А ты магесса, – перебил он. – Это эн-хеи нисходят до королей, а не наоборот.

– Фальшивка, которую собираются устроить ректор и Паук, эн-хеем меня не сделает, – твердо ответила я. – Вряд ли подданные ждут, что их король свяжет жизнь с девушкой, которая вытирает руки о скатерть.

Тарен пожал плечами:

– Во-первых, подданные от меня ничего не ждут, потому что еще две недели назад о моем существовании и не подозревали. Во-вторых, плохими манерами ты во дворце никого не удивишь. В Аэнвине были уже две анлезийские королевы, а в Анлезии принципиально не пользуются вилками, потому что считают их орудием демонов. Мыться там не принято вообще, потому что, по убеждениям

анлезийцев, через воду в тело проникают болезни. Мерана, конечно, уже отказалась от некоторых обычаев родины, но, судя по слухам, она успела изрядно повеселить двор в первые годы жизни в Мавеннаре.

– Да ладно, – недоверчиво протянула я.

– Хеден и Энеда свидетели, – поклялся Тарен. – Только в носу ковыряться за столом не стоит, но ты в таком и не замечена.

Я фыркнула, шутливо толкнув его в плечо.

– Что-то мне подсказывает, что ты меня все равно обманываешь. Но сути это не меняет. Какая из меня королева?

– Точно такая же, как эн-хей, – великолепная и сумасшедше красивая, – убежденно ответил он. – Я сделал тебе предложение и не собираюсь забирать его. И хватит считать себя недостойной. Это мавеннарская знать тебя недостойна.

Я попыталась найти хоть какой-нибудь аргумент для возражения, но ничего так и не пришло в голову. Поэтому я всего лишь вздохнула.

– Тарен... Это все не для меня.

– Прости, – он ласково и одновременно печально коснулся моей щеки. – Знаю, ты не веришь в то, что пророчество было о тебе. Но даже если ты всего лишь архей, выбора тебе не оставят – тебе в любом случае придется погрузиться в политику и принимать участие в задачах, касающихся всей страны. Похоже, никому из нас не удалось отвертеться от своей судьбы. Я принц, ты магесса, и нам обоим не слишком нравится то, чем мы вынуждены заниматься. Мы можем только решать, зря или не зря потратим возможность послужить Аэнвину.

– Ну вот ты точно говоришь как король, – поддела я. – У меня так не получится.

– Просто подражай мне, – подмигнул он.

Я заулыбалась, с любовью глядя на него.

Да, это было так. Теперь это стало предельно ясно. Я любила Тарена. Да и как вообще его можно не любить? Смелый, умный, красивый, с легким нравом, не жестокий, но при этом знающий, когда нужно проявить жесткость, – это же мечта, а не мужчина. Но главное – за ним хотелось тянуться. Он не боялся быть первым и привлечь к себе внимание – только если это необходимость, а не ради того, чтобы покрасоваться или удовлетворить свое самолюбие.

Когда я наконец сложила все это в слова, мне стало легче. Точно так же, как в тот раз, когда наконец удалось сформулировать, что не так с Уином. Как будто слова тоже были неким волшебством, которое упорядочивает бытие. Что-то вроде схем и плетений археев.

На этой мысли снова что-то мелькнуло на краю сознания. Словно бы я давно должна была о чем-то догадаться, но никак не получалось.

– Эйри, – отвлек меня Тарен, ласково проведя пальцами по щеке и заставив сердце затрепетать. – Когда ты так затихаешь, поцеловать тебя хочется еще сильнее, чем обычно.

– А тебе часто хочется меня поцеловать?

– Постоянно. Раньше я считал, что мучение – это когда ты рядом, но к тебе нельзя прикоснуться, потому что нельзя испортить тебе учебу и репутацию связью с преподавателем. Но оказалось, что настоящее мучение – это не видеть тебя вообще. И раз ты уже здесь, в Мавеннаре, я не собираюсь допускать ту же ошибку, что в академии, и отпускать тебя.

На меня устремился испытующий взгляд. Я смущенно уставилась вниз, на пуговицы элегантного черного камзола.

– Ну так чего ты ждешь? – шепотом ответила я.

Принц был не из тех, кому надо повторять приглашение. Его губы накрыли мои в поцелуе мгновенно. И чем дольше длился этот поцелуй, тем сильнее билось мое сердце, а руки Тарена крепче сжимались на моей талии.

Если сначала горели только мои щеки, то теперь жар охватил все тело. Изнутри поднималась волна, которая сметала на своем пути все преграды из предрассудков и доводов разума, которыми я пичкала себя еще в академии. Голова стала пустой вмиг. Исчезло все. Существовали только жадно приникающие ко мне губы, прерывистое дыхание и объятия, которые становились теснее.

Тарен не выдержал первым. Поцелуи начали спускаться ниже, ловкие пальцы расстегнули пуговицы формы. Я не сопротивлялась, а, наоборот, помогала. Если последующие годы мне суждено провести в Белой академии, разве плохо напоследок хотя бы ненадолго обрести счастье рядом с любимым мужчиной?

– Эйри...

Горячий шепот опалил мою кожу. Форменная куртка полетела на пол, следом – камзол. Тарен подхватил меня на руки и донес до



кровати. В синих глазах бушевал целый ураган страсти. Оно и неудивительно, если Тарен не лгал насчет того, что не прикасался ни к одной женщине с тех самых пор, как был выслан из столицы и приехал на Облачные вершины. И странное дело – у меня в груди все замирало от восторга и предвкушения, когда я думала о том, как эта лавина чувств, которые принц так долго сдерживал, обрушится на меня...

Но, лишившись рубашки, я невольно сжала плечи. Тарен, ощутив мое напряжение, остановился.

– Боишься? – тихо спросил он. – Если не хочешь...

– Хочу, – перебила я. – Просто... я вся такая бледная... Вдруг тебя это отталкивает?

Он засмеялся.

– Сколько можно тебе повторять? Ты потрясающая, Эйри. Разве не заметно, насколько сильно ты мне нравишься?

Я опустила взгляд и поняла, какую глупость сморозила. Да, величину... хм... восторга Тарена не заметить было сложно.

– Извини, – пробормотала я.

– Ты извини, – парировал он. – В конце концов, это я преподаватель, совращающий невинную студентку.

– Формально ты уже не мой преподаватель, а я не твоя студентка, – поправила я и хитро прищурилась. – И вообще, господин покровитель, хватит слов, пора переходить к действию.

– Вот эта черта мне в тебе тоже очень нравится, – признался Тарен и вновь принялся покрывать меня поцелуями.

Больше мы уже не прерывались на болтовню. Только на стоны, страстные признания и другие любовные глупости. Вспышка боли быстро растаяла в море ласки и наслаждения, в которое меня окунул Тарен. Под его руками хотелось выгибаться, лхнуть к его телу как можно ближе, чувствовать его... везде.

Когда мы наконец, тяжело дыша, опустились на подушки, луна уже не смотрела в окна. Наверное, стыдливо сбежала, чтобы не видеть наши обнаженные тела и счастливые переплетения рук и ног. Ну а я, тесно прижимаясь к Тарену, уже не стеснялась ни капли. С ним это было излишне. Особенно после всего, что мы вытворяли на кровати.

– Теперь Коллар точно пойдет к демонам, – твердо сказал Тарен, водя пальцами по ложбинке на моей спине. – Ты моя, и точка.

– Слово короля? – пошутила я.

– Пока еще принца, – поморщился он. – Коронация послезавтра. Удивительно, почему Мерана и дядя до сих пор сидят сложа руки.

– Может, они отступятся? – с надеждой спросила я.

Тарен только хмыкнул.

– Если бы. Отсутствие хода с их стороны означает лишь то, что они что-то готовят, и это случится либо завтра, либо прямо перед церемонией.

– Ты очень спокоен для человека, на которого вот-вот совершат покушение.

– Прости, не хотел тебя пугать, – он потянулся ко мне и нежно поцеловал. – Дела и правда обстоят не лучшим образом, но у меня тоже заготовлена пара сюрпризов.

Я задумалась.

– Если бы хотел, ты бы уже короновался, верно? Ты в столице, тебе ничто не мешает это сделать.

Тарен кивнул.

– В том положении, в котором я оказался, играет мало роли – убьют меня королем или всего лишь принцем. Я жду, чтобы как можно больше врагов сбросили маски.

– Надеюсь, ты хорошо знаешь, что делаешь, – вздохнула я. – А там, может, все-таки ситуация как-нибудь разрешится...

Уже произнося эти слова, я понимала, насколько наивна. Боги мгновенно доказали, что это правда. Не успела я договорить, как из открытого окна донесся громкий клекот, какой мог издать только грифон.

Тарен насторожился.

– Что это значит? – спросила я, наблюдая за тем, как он приподнялся на локтях, напряженно глядя в окно.

– Сигнал тревоги. Началось то, чего мы с Йоратом и ждали.

Тарен быстро поднялся с кровати и стал торопливо одеваться.

– Куда я закинул ремень? Где он, когда так нужен, Хеденов топор мне в...

Он спохватился и оглянулся на меня.

– Извини, не хотел сквернословить в твоем присутствии.

Я фыркнула.

– Забавно, что о моей нравственности беспокоится человек, стоящий передо мной в чем мать родила. И, кстати, я тоже училась

у Куланна и слышала все его ругательства. В этом отношении ты меня уже ничем не удивишь.

– О, поверь, самую смачную брань Куланн приберегает для того момента, когда студенты впервые садятся на грифонов, – пробормотал Тарен.

Я не стала над ним подшучивать дальше, а помогла искать разбросанную по всей спальне одежду, заодно собирая и свою.

Когда в дверь постучали, принц был уже почти готов – если не считать того, что ремень мы так и не нашли.

– Не входи, – предупредил слугу Тарен, глянув на меня – я успела накинуть на себя только ночную сорочку. – Какие новости?

– Предатели открыли Восточные ворота, – затараторили из коридора. – Завязался бой с войсками, окружающими Мавеннар.

Тарен шумно выдохнул.

– Вот и начался штурм. Мне нужно вылетать туда, Эйри.

Я открыла было рот, но он властно взмахнул рукой, не давая вставить и слово.

– Нет, даже не думай в этом поучаствовать. Ты остаешься здесь. После сегодняшней ночи твоя жизнь для меня важнее всего, – припечатал Тарен. – Не покидай башню ни в коем случае. Я приставлю к тебе двух надежных человек в качестве охраны, но помни, что доверять можно только капитану Йорату и Освальту. Поняла?

– Поняла, – вздохнула я. – Вообще-то я собиралась сказать, что люблю тебя и буду ждать.

Смягчившись, он подошел ближе, привлек к себе и вновь поцеловал.

– Я тоже тебя люблю, Эйри. И буду молить богов, чтобы мы оба пережили эту ночь и больше никогда не разлучались.

## Глава 43

Прошло совсем немного времени, прежде чем первые наездники начали покидать башню. Я вышла на площадку-балкон и следила за тем, как грациозно грифоны расправляют крылья и планируют вниз, поддерживаемые потоками ветра.

Гвардейские грифоны выглядели совсем иначе, чем те, что обитали на Облачных вершинах. Почти все – самцы, крупные, прекрасно натренированные. Их легко было отличить по сверкающим доспехам, которые закрывали морду и круп. Один раз во тьме мелькнуло золото – наверное, защищать столицу полетел кто-то из золотых сородичей Зари.

С той стороны башни, где располагались мои покои, Восточные ворота было не видно. Я могла наблюдать только ведущую к ней крупную улицу, которая горела слишком яркими для обычной ночи огнями. Крики, грохот битвы, клекот грифонов доносились даже сюда, вселяя в сердце страх.

К этому моменту я уже полностью оделась. Здесь, наверху, царил зимний холод, а ветер пронизывал до костей. Обхватив себя за плечи, я выдохнула облачко пара. Возникло почти непреодолимое желание через Урагана опять вторгнуться в сознание Тарена и проверить, как он, все ли с ним в порядке, но с огромным усилием я засунула эти мысли подальше. Вот сейчас точно нельзя отвлекать принца. Любая промашка может стоить ему жизни.

Зато вместо Урагана в мою голову влез Кусачка.

«Все вокруг проснулись, – сообщил он. – Грифонов из академии отправляют в город защищать улицы. Говорят, самим нападать нельзя. Хорошо, что Гордец не полетел. Он был бы недоволен».

Я промолчала, потому что не знала, что сказать. Настроения не было никакого. Тарен может погибнуть этой ночью, а я вынуждена торчать здесь и только смотреть на то, как мой возлюбленный терпит поражение! У него-то нет такого многочисленного войска, как у королевы и ее союзника-маркиза.

«А я свободный грифон», – вдруг опять встрял Кусачка и стих, как будто в ожидании ответа.

«Так и есть», – подтвердила я.

«Значит, я могу полететь туда, где идет бой, и раскрыть парочку вражеских голов?» – спросил он с такой интонацией, словно от нетерпения аж пританцовывал на месте.

«А ты точно отличишь защитников города от врагов?» – засомневалась я.

«Я буду следить за тем, кого приказывает атаковать твой муженек, и клевать только их».

«Тарен мне не муж», – смутилась я.

«Ой, ладно тебе, – забулькал, хихикая, грифон. – Ты пока еще не научилась полностью закрывать связь, когда занимаешься чем-нибудь интересненьким».

О боги... Мои щеки опять обьяло жаром.

«Ты подглядывал, что ли?» – возмутилась я.

«Ну, не подглядывал, а подслушивал, да и то нечаянно, только потому, что вы были уж очень громкими!» – возразил он.

«Ага-ага».

Кусачка фыркнул.

«Так ты отпустишь меня к остальным грифонам? Я могу присмотреть, чтобы с твоим драгоценным принцем ничего не случилось».

Я улыбнулась – для считающего себя свободным Кусачка спрашивал у меня многовато разрешений.

«Отпущу, отпущу. Только смотри сам в беду не попади. И спасибо за защиту Тарена».

Сверху на башне раздался торжествующий клекот. Затем часть неба закрыл силуэт весьма толстенького грифона, стремительно пикировавшего вниз.

«Со мной ничего не будет – враги разбегутся от одного моего вида. А ты если почувствуешь опасность – зови», – напоследок напутствовал Кусачка и окончательно исчез, завернув за башню.

Я захлопнула дверь, ведущую на балкон, и принялась нервно ходить по комнате туда-сюда.

Опасность, ха! Да мне тут самое большее грозит подхватить насморк, пока любимый мужчина бьется насмерть с узурпаторами!

Увы, закрытие двери не помогло. Шум сражения все равно проникал в комнату. Я села на кровать, прижав ладони к ушам и

ненадолго закрыв глаза.

Хорошо, что из ребят, которые полетели сегодня в столицу, я никого не знала близко. Закат, Мадж, Хоэл и остальные однокурсники – все они в безопасности, за них можно не переживать. Было бы невозможно сидеть взаперти, зная, что все, кто мне дорог, рискует сегодня погибнуть. А ведь ночь так хорошо начиналась...

Я отняла руки от головы и вздрогнула – раздался грохот, будто где-то совсем неподалеку бухнул гром. Однако небо было чистым, погода вообще после обеда радовала пригожестью. Значит, пушки? Порох долгое время в Аэнавине находился под запретом из-за того, что его якобы изобрели демоны, но многие считали, что такое смертоносное оружие грех не использовать. Похоже, так думала и бывшая королева.

Я метнулась к окну, стараясь высмотреть, что происходит в городе. Побери меня демоны! Ничего не понятно, даже не ясно, куда били пушки. Вряд ли в Восточные ворота, если они уже открыты.

От заново вспыхнувшего соблазна связаться с кем-нибудь из знакомых грифонов и взглянуть на сражение их глазами меня отвлек шум в коридоре. Охрана, которую приставил Тарен, заступила на пост почти сразу после того, как ушел принц. Я о ней уже и забыла. А теперь двое мужчин-стражей с кем-то ругались, не пуская его ко мне. Я напрягла слух.

Ага, ну понятно. Конечно, Коллар.

– Эйри, ты там? – он повысил голос. – Мне действительно необходимо отправить в глубокий сон этих стражников и выбить дверь, чтобы поговорить?

Я цыкнула и сама ему открыла. Тарен не велел доверять архею, но если тот и правда начнет пробиваться ко мне силой, ничего хорошего из этого не выйдет.

– Чего вы хотите?

Коллар бросил мрачный взгляд на охрану и вошел. К ночи он переоделся, вопреки традициям выбрав черный наряд, больше похожий на доспех, и теперь пугал даже больше, чем обычно. В длинных белых мантиях археи вызвали впечатление мудрецов, а сейчас Паук выглядел скорее как черный властелин из сказок.

– Вражеская атака пошла не совсем так, как мы ожидали, – сообщил он. – На стороне Мераны выступили анлезийские маги. Без

твоего участия не обойтись. Будь готова к тому, что в ближайшее время к тебе вылетит Освальт на Заре и заберет в город. Я тоже покидаю башню и прямо с улиц устрою тебе исполнение пророчества.

– А мне казалось, вам нужна смерть Тарена, – прямо сказала я. – Иначе зачем бы вы угрожали мне этим в академии? С чего бы мне доверять вам теперь?

Коллар вдруг прищурился, глядя куда-то в сторону.

– Это мужской ремень у тебя под столом?

Я промолчала. Оправданий от меня этот человек не услышит, да и стыдиться мне тут нечего.

Архей явственно скрипнул зубами.

– Вот паршивец...

– Чья бы корова мычала, – не удержалась я.

– Я и не говорю, что был прав, – процедил он. – Но надеялся, что у Тарена хватит ума не ставить тебя в такую же ситуацию, в какую я однажды поставил Гленду и тебя заодно. А если он погибнет сегодня или Мерана с маркизом одержат верх? Подумала, как будешь сначала вынашивать, а потом воспитывать ребенка, который обладает правами на престол, а потому превратится в главную мишень для новой власти?

– Я постараюсь сделать так, чтобы Тарен не проиграл, – резко ответила я, потому что, разумеется, других аргументов у меня не нашлось.

Паук зло тряхнул головой:

– Значит, будешь выполнять все, что я скажу. Можешь думать обо мне как угодно, но я старался только ради тебя и твоего блага. Тарену провалиться я тоже уже не могу позволить. Не после того, как убедил археев примкнуть к нему и оставить Мерану с маркизом без магической поддержки.

– Что? – вырвалось у меня.

– Да, девочка, представь себе, все это время мы с тобой играли на одной стороне – за Тарена. Думаешь, я просто так дал тебе семь дней, чтобы проявить способности?

Пока он буравил меня «безглазым» взглядом, я мысленно прикинула даты. Святые воды Фиреннэна! Точно, срок Коллара заканчивался прямо перед коронацией! Неужели он планировал с помощью пророчества поддержать власть Тарена?

Или опять лгал, чтобы мной манипулировать.

– Вы только и делали, что обманывали, недоговаривали и угрозами смерти вынуждали плясать под вашу дудку, – напомнила я. – А теперь хотите, чтобы я вот так просто, без доказательств, вам поверила?

Он навис надо мной, притопнув ногой от нетерпения.

– Как тебе такое доказательство, что я мог бы уже давно опутать тебя паутиной и заставить ползать передо мной на коленях? Или наслать морок и внушить, что Тарен уже мертв, а я – твоя единственная надежда на спасение? Да, мои решения спорны – я привык действовать с позиции силы и вытравил из себя все человеческие слабости после того, как мне самому угрожали убить любимую женщину с еще не рожденным ребенком во чреве. Я не смог тогда победить своих врагов, вынужден был пойти у них на поводу и запретил себе любить, чтобы такая ситуация никогда не повторилась вновь, а теперь расплачиваюсь за это. И я мог бы оправдывать свои действия еще очень долго, но у нас на это нет времени, Эйри! Если ты выбрала себе в пару такого человека, как незаконнорожденный принц, тебе придется постараться ради того, чтобы сохранить свое счастье. Если не можешь сама проявить свои способности, когда это необходимо для его спасения, так позволь мне подстроить их. Думаешь, я не понимаю, что, если по моей вине твой избранник погибнет, ты первым же делом уничтожишь меня, как только освоишь дар?

Снаружи снова грохнуло громовым раскатом. Коллар метнулся к окну и сдавленно выругался.

– Они уже продвинулись до Лебединой площади... – Архей обернулся ко мне и процедил: – Время на болтовню вышло. Не веришь мне – доверься хотя бы Освальту. Он упрямец не хуже Тарена и никогда не сделает ничего, что могло бы навредить его «птенцам» из академии. Мой план ему известен. Как только они с Зарей появятся возле твоей комнаты – садись на грифона и летите ко мне.

Стремительным шагом он покинул комнату, хлопнув дверью. В его присутствии я сохраняла гордое молчание, но, как только Паук скрылся, кинулась на балкон.

Хеденов топор мне в... неприличное место! Ну и где тут Лебединая площадь? С прошлого раза ничего не изменилось – по-прежнему было не видно ни зги и понятно примерно столько же!



Проглотив панику, я вдохнула, выдохнула, сосредоточилась и присмотрелась к ночному городу внимательнее. Тогда наконец заметила мечущиеся во мгле крылатые силуэты, отсюда походившие на кляксы, разлитые на измазанной углем бумаге. Особенно много их было в одном месте над крышами домов. Там, наверное, и находилась упомянутая Колларом площадь. Правильность догадки тут же подтвердили яркие вспышки – должно быть, это археи швырялись во врагов заклинаниями.

Ну или маги из Анлезии, которых, по словам Паука, привела с собой бывшая королева, закидывают наших.

Я подняла голову, охватывая город взглядом и пытаюсь понять, куда направляются вражеские отряды. Открытием это не стало – Лебединая площадь находилась на пути ко дворцу.

Очевидное решение: кто захватит дворец, тот и в дамках. Я, видимо, проспала момент, в который объяснялось, как вообще бывшая королева оказалась за пределами города. Вряд ли она по своей воле покинула бы Мавеннар. Ну а теперь она становилась все ближе и ближе к его сердцу.

Внезапно над площадью сверкнула колдовская молния и ударила в одного из паривших над домами грифонов. Тот рухнул с высоты, словно марионетка, у которой обрезали нити. И наездник наверняка вместе с ним.

Еще вспышка. Еще грифон с жалобным криком упал и разбился о камни мостовой.

О Энеда, прошу, лишь бы не Тарен, лишь бы не Тарен!

Сердце подскочило и забилося где-то в горле. Со стороны, с такого расстояния происходящее не казалось чем-то ужасным – упала точка, исчезла из виду, вот и все. Не было видно ни крови, ни расширенных от ужаса зрачков зверя и его наездника. Но откуда-то, благодаря странному чутью я знала, что они погибли, хотя и не желала в это верить.

Этого просто не могло быть. На губах еще горели страстные поцелуи Тарена, тело ярко помнило его прикосновения, а смутная боль внутри не давала забыть, что между нами произошло ночью. Не укладывалось в голове, что буквально через час польется кровь, будут погибать люди. И среди них, вполне возможно, мой возлюбленный.

Я должна что-то сделать, иначе никогда себе этого не прощу. Выполню все требования Коллара и даже больше, если получится.

Никакие предосторожности меня уже не могли остановить. Все мыслимые и немыслимые границы, которые я перед собой выставляла, снесло волной страха за Тарена. Прямо на балконе, не обращая внимания на пронизывающий ветер, от которого начинали стучать зубы, я ринулась в золотую сеть.

Первым я нашла Кусачку. Он даже не заметил мое вторжение. Грифон загнал в тупик между домами нескольких вражеских воинов и с яростным клекотом прыгал по одному из них, вряд ли еще живому. Остальные были настолько испуганы, что забыли об оружии в руках и не рисковали приближаться к чудовищу, которое методично уничтожало их собрата. «Кон-сер-вы! Кон-сер-вы!» – радостно вопил Кусачка.

Похоже, с ним действительно ничего не будет. Я поскорее отсоединилась от связи, чтобы меня не унесло свирепой рекой, бурлящей в голове у разошедшегося грифона.

Дальше должен был быть Ураган. Однако я в панике носилась по золотой сети и никак не могла найти нужную нить. Отчаявшись, я схватилась за первую попавшуюся – и обнаружила себя на улицах Мавеннара. Бой грохотал в некотором отдалении. Здесь же собрались студенты – часть выпускного курса. Они перегородили телегой боковую улицу и охраняли проход, чтобы туда не ринулись враги. Перед телегой уже валялось несколько мертвых тел – те сторонники королев, которые рискнули это сделать.

Драка только что закончилась. В темноте мелькнул Мэйлир, державший обнаженную шпагу. Другие студенты приходили в себя и спрашивали друг у друга, нет ли раненых.

«Привет, – заинтересованно сказал мне грифон. – Ты та девушка, которая умеет говорить со всеми, да?»

«Да, привет», – отозвалась я и уже собиралась выскочить из его головы, когда в разговор вторгся новый голос.

«Эйри?! – пораженно спросил Мэйлир. – Что ты здесь делаешь? Как у тебя это получилось?»

Через грифонье зрение я видела, как юноша замер и уставился на своего грифона. К своей досаде, я понятия не имела, как его зовут.

«Долго объяснять, – отмахнулась я. – Не знаешь, где Тарен? У меня не получается его найти!»

Наверное, Мэйлир уловил панику в моем тоне, потому что шутить не стал.

«Ищи за Лебединой площадью. Он взял несколько самых умелых гвардейцев и полетел туда устраивать засаду».

«Спасибо!» – горячо поблагодарила я.

Увы, в том пространстве, где существовала золотая ментальная сеть, человеческих ориентиров не было. Не было и таких понятий, как «дальше» или «позади», по той простой причине, что в мгновение ока вся сеть могла измениться. Я попыталась последовать совету Мэйлира – и растерянно зависла над переплетением нитей. Передающаяся по ним пульсирующая боль раненых грифонов сбивала с толку, добавляла мне паники, потому что одним из этих несчастных мог быть Ураган вместе с его хозяином. Вдобавок нити опять терялись в странной белесой дымке, которая раньше здесь не появлялась.

Задержав дыхание, я снова ринулась наугад и попала в разум к незнакомому грифону, который стоял прямо на крыше здания, выбирая момент для атаки на воинов внизу. Дело происходило как раз на Лебединой площади – в дрожащем свете факелов было видно дома, окружившие фонтан со статуями птиц и разрушенные торговые палатки. Сверкнула новая вспышка, и я успела заметить Коллара, которого сюда, похоже, перевезли на грифоне. Архей безостановочно делал пассы руками, отправляя все новые и новые смертоносные заклинания во врагов, которые скопились на противоположном конце площади. Татуировка на щеке Паука словно жила собственной жизнью, постоянно изменяясь, словно и правда вплеталась в магию.

Увы, часть атак отражал спрятавшийся за вражескими воинами мужчина в белом, насылая ответные чары. Анлезийский маг, о котором говорил Коллар?

Как бы я ни ненавидела отца, а все же посочувствовала. Паук не спрятался за чужими спинами, а принял участие в бою, причем полез в самый очаг. Трусливым такого человека не назовешь, и хотя бы этим он заслужил уважение.

Ощувив удивление гвардейца, в чью связь с грифоном кто-то нагло влез, я оттолкнулась от этой связи и вновь взмыла над всей золотой сетью. Нить, которой я только что касалась, была частью

крупного сгустка. Внимательнее присмотревшись, я обнаружила, что он напоминает тот сгусток, частью которого был грифон Мэйлира. Чуть поодаль находилось еще несколько – это бились с врагами сработавшиеся отряды Грифоньей стражи.

Ураган мог находиться в любом из них. И сколько я так буду перебирать грифона за грифоном, наездника за наездником?

Холод наконец доконал меня. Пришлось выскользнуть из сети в действительность, вернуться в комнату и сесть возле почти погасшего камина. Как только по окоченевшим пальцам потекла кровь, я провалилась обратно в пронизанное золотыми линиями небытие.

Соображай, Эйри, соображай!

Мысленно отдалившись от сети, я взглянула на нее по-новому. Стало видно закономерность в расположении отрядов. Я подплыла к нескольким блеклым нитям, затаившимся в отдалении, и осторожно коснулась той, что показалась знакомой.

Боги, спасибо! С плеч от облегчения скатилась парочка гор.

«Опять ты, шалунья, – пожурил Ураган. – Наездники не любят, когда мы без спроса разговариваем с кем-то еще. Даже если это их семья».

«С Тареном все хорошо?» – накинулась я, проигнорировав несвоевременное нравоучение.

«Эйри? Ты опять это проделываешь?» – зазвучал удивленный голос Тарена.

«Я за вас волнуюсь! Там грифоны погибают вместе с наездниками! Я боялась, что это ты!»

«Сиди в башне. У нас все будет хорошо».

Он мог говорить что угодно, но благодаря ментальной связи до меня доносился отголосок его подлинных чувств. Тарен врал. Убеждая, что все в порядке, он не хотел меня волновать, а на самом деле гарантий, что засада сработает, как надо, не было. План сработал бы идеально, если бы Мерана не нашла способ протащить с собой анлезийских колдунов, чье появление на границе разведчики профукали либо пропустили намеренно, продавшись королеве. Даже несколько магов могли полностью перевернуть ход боя, несмотря на то что Коллар неожиданно проявил совесть и поднажал на других археев, чтобы они выступили на стороне принца. Девочке ни в коем случае

нельзя соваться. Шальная стрела или срикошетившая магия – и она погибнет. Пусть сидит в башне, разберемся и так...

Вдруг наступила тишина, а я почувствовала себя так, словно меня за шкуру вытащили из реки.

«Ты как совсем молоденький грифоненок, – сурово произнес Тарен. – Только открой для тебя мысли – сразу ныряешь с головой и до дна. Не выходи из башни. Ментальных поползновений это тоже касается».

И меня, как щенка, выкинули на берег. Я потянулась обратно, но связь с Ураганом и Тареном была наглухо закрыта.

Я сжала зубы, вынырнула из медитации, порывисто встала и принялась нервно ходить по комнате туда-сюда.

Милостивая Энеда, ну почему все... так! Упрекать принца бессмысленно – на его месте я бы поступила точно так же, но злиться это мне ничуть не мешало. Если он погибнет, мне тоже придется несладко! Ну и что, что снаружи опасно! Мне теперь тихо сидеть в сторонке? Грифоньи наездники так не поступают!

Я резко села, задев стол и нечаянно столкнув с него фарфоровую чашку с водой.

Плевать. Пора возвращаться к золотой сети.

Хотя я покинула ее на какое-то время, ничего не изменилось. Разве что легкий туман, окутывающий золотую сеть, стал немного гуще. На сей раз я присмотрелась к нему повнимательнее. Дымка тянулась от самого крупного скопления нитей на Облачных вершинах до сгустков в Мавеннаре. В предыдущие дни я ничего подобного не видела, но это ни о чем не говорило. Мой дар стремительно развивался после того, как я научилась налаживать с грифонами ментальную связь...

Постойте. Это же может быть именно тот ответ, который я искала с тех самых пор, как Коллар начал мне угрожать Белой академией!

«Венец?» – неуверенно обратилась я к нему, чувствуя себя ужасно глупо. Но что еще делать, если точно знаешь, что этот туман живой, а имя его тебе неизвестно?

Он слабо всколыхнулся в ответ. Слышит! Понимает!

«Как мне связаться с тобой?»

Никакой реакции. Ну да, это же не грифон...

Я принялась размышлять. Может, схему, переданную через Кусачку и Заката, нужно было применить здесь, а не на Облачных вершинах? Но я по-прежнему не видела белых нитей, из которых Коллар помогал мне создать плетение.

Нити. Я повторила это про себя и задумчиво оглядела золотую сеть. Эн-хей может управлять нитями разных цветов, а не только белыми, как археи. Что, если мой талант как раз в том, чтобы сплести нити ментальной связи, а не белую паутину, как Коллар?

Днем мы с ним столько раз повторили схему, что вызвать ее в памяти не составило труда. Я поколебалась и первой взяла нить Заката.

На меня сразу обрушилась лавина его снов: небо в клеточку, как малыш его видел из авиария, лужайка на склоне, где мы с ним играли на днях, много-много яблок. Чуть не захлебнувшись в стремительно меняющихся картинах, я выпрыгнула из мечтаний грифоненка и вновь оказалась в пустоте, над золотой сетью.

Что я тут делаю? А, сплетаю магический узор. Проклятье, неужели так будет каждый раз?

Боги, лишь бы нет.

Подсобравшись, я крепче перехватила нить и начала аккуратно ее закручивать. Готова была примерно треть, когда стало ясно, что «струнка», связывающая меня с Закатом, слишком коротка. Нужны были еще ленты, чтобы схема получилась полноценной.

Прости, Гордец, но ты тоже пойдешь в дело.

Взрослый грифон лучше управлял своими снами – на сей раз через прикосновение почти ничто не просочилось. Я увереннее стала двигать руками, вплетая нить Гордеца в орнамент.

Но очень быстро стало ясно, что и ее не хватает. Узор был завершен ровно на две трети. Нить Кусачки вписалась бы сюда идеально.

Похоже, не зря боги послали мне на пути именно трех грифонов. Нам суждено быть вместе!

Кусачка все еще гонял по мавеннарским улицам врагов. Я снова постаралась отстраниться от видений, чтобы опять в них не провалиться и не потерять время, когда каждый миг на счету. Грифон, кажется, даже не почувствовал, что я что-то делаю с его связью.

И вот схема была закончена. Я затаила дыхание – насколько это было возможно в пустоте, где нет воздуха как такового, – и принялась

ждать.

Однако ничего не происходило. Схема не таяла, как это случилось днем, но и никуда не девалась, просто паря передо мной.

Проклятье, да что ж еще я не учла?

Коллар говорил, что у узора есть закругления, с помощью которых можно встроить одну схему в другую. Я нашла их и заметила, что там торчат наружу два кончика – как будто начало и конец узора. Мысленно пожав плечами, один «огрызок» я привязала к себе. Ухватила за второй и поманила к себе туман.

«Ну-ка иди сюда...»

Дымка, конечно, не пошевелилась. Со вздохом я сама потянулась к ней и, влетев в разреженное облачко, огляделась. Надо было найти хоть что-нибудь, похожее на нить. Иначе как соединить схему с Туманным венцом?

Через какое-то время мои старания были награждены. Рядом промелькнула белесая паутинка. Цоп! Я мгновенно схватила за нее и завязала узелок, скрепляя себя с разноцветными нитями.

Ну, да помогут мне боги!

Миг плетение висело без изменений, затем стремительно начало бледнеть, испаряться, как пар над миской с горячим супом, и впитываться в едва заметную дымку. Та, наоборот, принялась густеть. А потом ка-ак навалилась на меня!

Я чувствовала себя так, словно на меня обрушился водопад. Если бы в пустоте существовала земля, мое тело беспомощно распласталось бы по ней, придавленное могучим потоком. Он подхватил разум и унес его, словно ураганный порыв – сорванный желтый лист осенью. Перед глазами начали мелькать образы, подобно тем, которые являлись мне через связь с Закатом. Небо, горы, Облачные вершины, грифоны – картины сменялись за ничтожные доли мгновения, превращаясь в кашу, в которой я вскоре уже ничего не могла разобрать. Зажмуриться не помогало – изображения передавались прямо в мозг. Биение сердца быстро начало зашкаливать. Я ничего не могла сделать, даже вздохнуть, только безмолвно кричать, потому что оно давило, давило из всех сил изнутри...

Все прекратилось. В глаза слепяще светило солнце. Я судорожно набрала в легкие воздуха и обнаружила, что дышу свободно, а сердце уже успокоилось.

Странно. Очень странно.

Поморгав, я огляделась. Меня окружали горы – прямо как на Облачных вершинах, но что-то было не так. Помотав головой, я поняла, что именно.

Это и были Облачные вершины, только без Вайля, Небесной академии и даже без Туманного венца. Совершенно дикие, полностью покрытые лесом. Такие, какими они могли выглядеть несколько веков назад, когда эльфы еще не покинули континент, а в горах безраздельно царствовали грифоны.

«Иллюзия», – догадалась я. Меня закинуло внутрь чьего-то воспоминания.

Я находилась на площадке, где мы играли с Закатом. На том самом валуне, где малыш устраивался, чтобы сгрызть яблоко, сейчас сидел светлокожий мужчина. Он был очень высокий – выше любого знакомого мне человека – и при этом удивительно пропорционально сложенный. Глаза сверкали жидким золотом. Длинные, до лопаток, белоснежные волосы развевались по ветру, не скрывая заостренных ушей.

Эльф.

Книжки не вращали – как в них и рассказывалось, мужчина обладал неземной красотой. От нее перехватывало дыхание, и в то же время она была холодной, отстраненной. Восхищаться таким мужчиной можно было, но не полюбить, как у меня это случилось с Тареном.

– Здравствуй, – мягко сказал эльф. – Ты наконец-то нашла способ связаться со мной.

Я пораженно уставилась на него.

– Туманный венец?! Ты все-таки живой?

Он рассмеялся.

– И да, и нет. Мое тело истлело много веков назад. Перед смертью разум и душа были преобразованы в магические плетения и поставлены охранять одно из самых драгоценных созданий моего народа – грифонов. Я одновременно и я, и не я. Эльф по имени Аурелейан и то, что вы, люди, зовете Туманным венцом. Мертв и жив.

– О... – только и смогла выдохнуть я, глядя на него во все глаза.

Не верилось, что я смогла совершить невозможное – поговорить с Туманным венцом, который вдобавок оказался эльфом!



– Прости, я бы поболтала с тобой, – спохватилась я, – но мне срочно нужна твоя помощь. Там, снаружи, умирают мои друзья и вместе с ними – их грифоны.

– Я чувствую, – печально кивнул Аурелейан. – Один пал. Такая потеря... А я слишком далеко, чтобы что-то сделать.

– Зато я рядом! Ты можешь научить меня чему-нибудь быстро?

Он спрятал улыбку.

– Что такое «быстро» для того, кто веками клубится на горе туманом, наблюдая за бесконечными закатами и рассветами?

Демоновы вилы!

– Ну хоть что-нибудь! – взмолилась я. – Хоть чем-нибудь ты им можешь помочь?

Эльф склонил голову набок, изучая меня золотыми глазами.

– Вы, люди, удивительные существа. Даже те, в ком течет наша кровь. Единственный человек до тебя смог связаться со мной – маг Ариан. Он просил о том же, о чем и ты. И тоже хотел все «побыстрее».

– Но вы же откликнулись на его просьбу? – с надеждой спросила я.

– Конечно. Присядь.

– Не могу! Там же прямо сейчас...

– Нет никакого «сейчас», – перебил эльф. – Мы с тобой в воспоминании, которое существует посреди нигде и никогда. Ты наверняка уже заметила, что при погружении в медитацию время идет иначе? Это потому, что ты приближаешься к потоку магии, а она действует совсем по другим правилам, нежели те, к которым привыкли люди.

У меня начала кружиться голова.

– Честно говоря, ничего не поняла, – призналась я.

Коллар бы меня, наверное, уже треснул. У Аурелейана чаша терпения была гораздо глубже.

– Тебе некуда торопиться, – пояснил эльф. – Как только мы закончим, я верну тебя в тот самый миг, в который ты начала сплетать золотой узор.

– И многому мне предстоит научиться? – с опаской уточнила я.

Высказывания эльфа о времени по-прежнему казались достаточно туманными, как бы смешно это ни звучало, учитывая его «туманное» состояние. Может, течения времени здесь и не существовало, зато оно

ощущалось. Ветер шевелил листву на кустах, играл с моей растрепанной косой, до ноздрей доносился запах горных цветов. Даже если солнце не двигалось с места, что насчет остального? Я была не готова прожить целую жизнь на поляне, посреди нигде, чтобы потом вернуться туда, с чего все начиналось. Если всю мою голову займут скопившиеся за пять-шесть веков, а то и за целую тысячу лет, эльфийские знания, я забуду, и что происходит в Мавеннаре, и кто все те люди, которым срочно нужно спасение!

– Сядь, – повторил Аурелейан. – Расслабься. Ты скоро привыкнешь к тому, что никуда не нужно бежать. В первую встречу я расскажу тебе ровно столько, сколько ты сможешь воспринять и сколько необходимо для спасения сражающихся грифонов. Чтобы встретиться со мной снова на этой же поляне, тебе будет достаточно лишь подумать обо мне.

– Как здорово придумано! – восхитилась я.

Эльф вновь улыбнулся.

– Спасибо. Я пожертвовал собой, чтобы защищать грифонов в том числе и от людей, но Ариан изменил мое мнение о вас. С тех пор мне приходится учитывать и ваши, наезднические нужды. Хотя в вас остается еще столько загадочного! Надеюсь, ты приоткроешь для меня завесу людских тайн. Например, у вас получается быть разными, но притом такими одинаковыми, что я начинаю вас путать...

– Пожалуйста, уважаемый эльф! – перебила я и умоляюще заглянула ему в глаза. – Я обязательно обо всем расскажу – как-нибудь потом. Ну а сейчас... В смысле в этот раз... Мы можем наконец заняться обучением?

Он коротко вздохнул, не переставая улыбаться.

– Можем. Слушай...

\*\*\*

Когда я раскрыла глаза, то тут же вздрогнула – комнату в Крылатой башне огласил звон. Задетая фарфоровая чашка наконец докатилась до края стола, упала и разлетелась на осколки. К моим ногам потекла струйка разлившейся воды. Я с недоумением уставилась

на нее и вдруг вспомнила, как ее сбила... сколько времени назад? Миг? Несколько суток? Лет?

Эльф не обманул. Не знаю, как долго мы находились в его воспоминании, но он вернул меня ровно в то мгновение, в которое я соприкоснулась с золотой сетью.

Только за этот краткий срок я успела измениться. Теперь передо мной с кристальной ясностью очертилось все, что необходимо сделать.

Я снова воспользовалась ментальной связью и безжалостно растолкала дрыхнувшего Гордеца.

«Чего тебе, маленькая человечка?» – неласково спросил он, не желая просыпаться.

«Ты нужен в Мавеннаре. Очень нужен! Без тебя все провалится, многие грифоны погибнут! Собери всех, кто готов сражаться, и как можно скорее води их сюда».

Я почувствовала, как Гордец заинтересованно поднимается на лапы и встряхивает крылья. Стать предводителем, пусть и временным, для всех грифонов Облачных вершин – такое предложение ему было ой как тяжело проигнорировать!

Гордец не ответил, зато я ощутила, как он мощным прыжком выскакивает из авиария и взмывает в ночное небо. Сработало! Даже если он приведет всего пару грифонов, это уже лучше, чем ничего.

Затем я мысленно поискала Зарю, но оказалось, что вызывать ее нет смысла – она и так уже летит к башне. Я едва успела поправить плащ, как на поручни-жердочку балкона опустилась красавица-грифоница, сверкнув в свете ламп обворожительным оперением. Заря даже в такой момент не упускала возможности покрасоваться, зная, что боевые доспехи на теле и голове только подчеркивают ее великолепие.

Ректор соскользнул со спины грифоницы с поразительной для немолодого человека ловкостью и резким тоном приказал:

– Эйри, возьми страховку. Коллар сказал, что уже предупредил... – он осекся, вытаращившись на меня. – Что с твоими глазами?

– А что с ними? – удивилась я.

– Они сверкают золотом! И твоя кожа... Она почти вернула цвет! – Освальт замолчал и с осторожностью спросил: – Что ты

сделала, девочка? Ты же не умудрилась каким-то образом отказаться от архейских сил?

– Нет, господин ректор, я умудрилась сделать кое-что получше: открыла в себе эн-хейские силы, чтобы вам с Колларом не пришлось разыгрывать спектакль, – парировала я. – Страховка уже у меня. Но учтите, что делать будем, как я говорю, иначе до утра погибнет еще больше наездников и грифонов. Вы с этим согласны?

– Конечно, – оторопело сказал он. – Раз ты эн-хей и точно знаешь, где твой дар пригодится лучше всего, тебе и командовать.

– Прекрасно. – Я крутанула ремнями в руке. – Так мы летим или как?..

## Глава 44

Эта ночь была страшной.

Эта ночь была удивительной.

В нее произошло столько всего, что я потом помнила только отрывки, которые не всегда получалось уложить в цельную картину. Растеряться было легко – мы носились над всем городом, в темноте, среди криков, клекота и лязга металла. Я заставила ректора отправиться на Лебединую площадь, где сражение достигло накала. Археи швыряли друг в друга молниями и огненными снарядами, свистели стрелы и арбалетные болты, грифоны камнями падали на вражеские отряды, одним ударом прореживая их численность.

Там я выпустила на свободу Туманный венец.

Через меня, через мою магию колдовское облако хлынуло на площадь, затапливая ее до самых крыш. Миг – и скоро туман так смешался с ночной мглой, что стало невозможно что-то рассмотреть дальше своего носа.

Я окружила Зарю магическим щитом, от которого отскакивали и шальные стрелы, и вражеские заклинания, и мы полетели дальше. Слишком много врагов ворвалось в Мавеннар, а Туманный венец не мог охватить весь город. Когда дымка становилась разреженной, слабела и магия Аурелейана.

Туманный венец ужасающим серым валом катился за нами. Везде, где он появлялся, воины Мераны слепли, падали, задыхаясь и царапая себя за горло, а раны грифонов и их наездников чудесным образом исцелялись. Стоило туману отползти, взбодрившиеся защитники Мавеннара с новыми силами бросались на растерянных противников.

Благодаря окрепшей связи я чувствовала, как яростно атакует попавших в засаду врагов Ураган и как рубит их саблей Тарен. Собственными глазами мне удалось увидеть, как Коллар смертоносными плетениями уничтожает последнего из анлезийских археев. За Кусачкой и следить не пришлось – ему надоело загонять мятежников в уличные тупики, где их забивали пехотинцы, и он поднялся к нам, кидаясь на всех, кто смел преградить Заре путь.

Со штурмующими столицу отрядами было покончено за какой-то час. А потом воодушевленные защитники во главе с Тареном перестроились и атаковали лагерь за городскими воротами.

Мерана и командиры ее войска этого не ожидали. Среди врагов началась паника, многие бежали, бросив оружие. Не помогли даже несколько пушек, которые действительно были привезены из Анлезии.

Все закончилось вскоре после рассвета. Разгром повстанцев завершили десятки грифонов, которые в ранний утренний час прилетели с Облачных вершин сражаться бок о бок с собратьями.

Впервые в истории крылатую армию возглавлял грифон, который нес на спине другого – Гордец побоялся оставить Заката без присмотра и взял его с собой. Но самое удивительное было не это. В лучах поднимающегося солнца перья малыша сверкали чистым золотом...

Пророчество оракула сбылось. Это не только вдохновило защитников Мавеннара, которые с удвоенными силами бросились на врагов. Это поставило точку в битве за Мавеннар, хотя драки с разбежавшимися по округе сторонниками бывшей королевы вспыхивали еще несколько дней подряд.

Уже потом я выяснила, что Тарен заранее догадался, какие из ворот откроют для вражеских войск. Горожанам с соседних улиц посоветовали спрятаться, а тех, кто жил в самых опасно расположенных домах, укрыли в других местах. Повсюду на тот случай, если открытие ворот не удастся предотвратить, спрятались верные принцу отряды. Они должны были перехватить врагов, направлявшихся ко дворцу, и планомерно всех уничтожить. И это в самом деле сработало бы – если бы не анлезийские маги, которые едва не перевернули ход боя.

И это был не единственный сюрприз. Когда с мертвых и пленных мятежников начали снимать шлемы, оказалось, что под ними не темноволосые аэнвинцы, а почти сплошь кучерявые блондины. Теперь даже у тех, кто до последнего не верил в Тарена и выступал за бывшую королеву, не осталось сомнений в том, что Анлезия руками Мераны пыталась прибрать к себе нашу страну.

Но это все было позже. А пока мы с ректором только-только вернулись из-за крепостных стен в город. Солнце поднималось все выше, туман таял, да и смысла в его использовании больше не было –

войско Тарена и так справлялось с противниками. Мы могли наконец отдохнуть.

Освальт опустил Зарю на вершину Крылатой башни. Кусачка тяжело плюхнулся рядом. На него было страшно взглянуть – шерсть покрывали пятна крови, из бедра торчала стрела. Туманный венец его немного подлечил, но древко с острием вытащить не мог. Грифоница не пострадала в бою, однако сильно устала из-за того, что несла двух человек, а доспехи, от которых она много лет как отвыкла, натерли ей кожу. Обоим грифонам срочно требовался уход.

Впрочем, не только им. Ректор прыгнул на твердую поверхность уже не так резво, как раньше.

– Старость не радость, – тоскливо пробормотал он, болезненно морщась и потирая поясницу.

Я неловко отцепила ремни страховки, кулем сползла со спины Зари на каменные плиты да так и осталась лежать на них, глядя в небо.

– Кто бы говорил, господин Освальт, кто бы говорил, – прохрипела я.

У меня ныла не только спина. После творения магии на протяжении нескольких часов усталость навалилась такая, что от нее тошнило. Перед глазами все плясало, ноги-руки не разгибались. Вот теперь пришло полное осознание, почему Куланн нас так гонял, никого не щадя. Попробуй проводи полночи на грифоне в одном положении, на холоде, и еще пытайся не свалиться на крыши домов, когда зверь под тобой постоянно крутится, уклоняясь от стрел.

Надо мной появилось хитрое лицо ректора.

– Ну что, девочка, еще не передумала становиться наездницей?

– Нет! Даже не надейтесь!

Он расхохотался.

– Вам помочь? – робко спросил подошедший слуга.

– Не надо, сама справлюсь, – отмахнулась я. – Лучше грифонам помогите.

Но за них уже и так взялись. С Зари снимали доспехи, а возле Кусачки суетился лекарь, который приказал увести его вниз, в гнездо, чтобы там вытащить стрелу и наложить повязки.

Через связь я ощутила грифоний страх. Невзирая на недавнюю браваду, Кусачка так вымотался, что был готов плюхнуться на пузо прямо здесь и скулить. При каждом движении ныла рана в бедре, боль

оттуда растекалась по всему телу. Проведший несколько лет в авиарии зверь уже забыл, что это такое, ведь в чисто прибранном загоне он даже занозы себе не ставил. А тут целая стрела!

Сил подойти к нему не было, поэтому я мысленно погладила Кусачку. В ответ донеслась тихая благодарность, затем он наглухо закрыл связь – не только от меня, а от всех. Заря нет-нет да оглядывалась проверить, как поведет себя заинтересовавший ее грифон, и Кусачка опасался потерять перед ней «лицо». Он гордо поднял голову и так выпрямился перед лекарем, словно собирался на парад, а не в гнездо.

– У этого грифона золотые перья! – вдруг удивился мужчина, осматривающий его в поисках других ран. – Впервые такое вижу.

– Золотые? – переспросил Освальт и перевел взгляд на меня. – Эйри, твое влияние?

– О боги, Закат! – спохватилась я.

И как можно было забыть об этом! Мы же видели его на спине Гордеца, и он сверкал золотом. Настоящим золотом, а не просто лучами рассветного солнца! Наверняка моя магия опять «пролилась» через край и позолотила перышки связанного со мной грифоненка!

Я мысленно искала Гордеца и попросила его принести Заката на верхушку Крылатой башни. Повезло – они уже направлялись сюда. Как бы Гордец ни прикипел душой к малышу, ему хотелось принять участие в разгроме вражеского лагеря, а с такой хрупкой и хулиганистой ношей на спине это было невозможно.

А пока они летели к нам, я встала на карачки, пытаюсь подняться, и именно в таком положении увидела, как на крышу башни грациозно опускается Ураган с Тареном на спине.

Наверное, это была судьба. А может, компенсация богов за те блага, которые они на меня высыпали. Как иначе объяснить, что любимый мужчина всегда заставлял меня в настолько дурацком виде?

– Эйри, ты в порядке? – спросил принц, не успев даже соскочить с грифона.

Плюнув на гордость, я поскорее приняла руку ректора, не очень старательно прячущего улыбку, и выпрямилась. Так что, когда Тарен сжал меня в объятиях, я выглядела, пожалуй, даже прилично.

– В порядке, в порядке, – пробормотала я.



Он насквозь пропах самыми мужскими запахами, которые только можно придумать: потом, кровью, железом, промасленной кожей доспехов, дымом из труб, над которыми летал грифон. Далеко не самые приятные «ароматы», но меня вдруг повело. Захотелось крепче вжаться Тарену в грудь и вдыхать их, вдыхать полной грудью.

Так должен пахнуть защитник королевства. Так должен пахнуть мой любимый мужчина.

Он наконец отстранился — только для того, чтобы пристально всмотреться в мое лицо.

— Твои глаза... — ахнул Тарен. — Значит, это правда, а не трюк Паука. Ты стала эн-хеем и исполнила пророчество!

— Ну... вроде того, — смутилась я, поскольку до сих пор не ощущала себя каким-то великим магом. — Только это не моя заслуга, а Туманного венца. Это он меня научил, что делать.

— Коллару не говори, — вставил ректор. — Проклятый архей в спорах со мной был готов себе руку отгрызть, лишь бы не признавать, что хваленые маги ошиблись, отказывая облаку в одушевленности. А мы в Небесной академии это, между прочим, всегда знали.

Я рассмеялась. Ну кто бы сомневался, что Освальт так скажет!

— Коллару теперь придется многое пересмотреть, — многозначительно ответил Тарен. — Ко мне прислали гонца, что у него якобы срочные новости для меня. Теперь догадываюсь какие.

Он крепче сжал мою ладонь, глядя куда-то в сторону. Я повернулась и увидела, что к нам приближаются двое археев.

Это были мужчина и женщина. Довольно молодые — я бы дала им лет по двадцать пять, хотя причудливые татуировки на лице, седые волосы и бесцветная кожа, как всегда, затрудняли определение возраста. Оба выглядели так, словно тоже совсем недавно покинули кипящий на улицах бой.

— Ваше высочество, спасибо, что прибыли, — они поклонились принцу, говоря почти одновременно, голос в голос. И затем мне: — Госпожа эн-хей. Мы пришли сопроводить вас.

Сердце рухнуло в пятки. За мной явились так быстро? Да я же только-только с грифона слезла! У этих археев вообще все с головой хорошо?

— Я не отправлюсь в Белую академию! — вырвалось у меня.

Тарен загородил меня плечом и хмуро кивнул.

– Если вы здесь затем, чтобы взять Эйри, то вы не имеете на это права. Она моя жена и будущая королева.

«Жена?!» – едва не икнула я, но вовремя прикусила язык.

Тарен – честный, порядочный мужчина. Официально брак между нами не заключен, но произошедшее этой ночью расставило все по местам в наших отношениях. Кусачка уже называл его моим мужем, а грифоны, хоть и не всегда понимают нас, людей, удивительно прозорливы.

Вот и сейчас они, как будто поняв, что может произойти, приняли стойку. Не успевший уйти с площадки Кусачка оттолкнул боком лекаря и, припадая на больную лапу, шагнул ближе ко мне. Заря и Ураган, заклекотав, угрожающе распахнули крылья.

Женщина-архей нервно оглянулась на грифонов. Мужчина, наоборот, рассмеялся.

– Экие боевые курочки! Да не кудахтайте вы так.

Кусачка злобно щелкнул клювом. Бесстрашный маг даже не моргнул и продолжил улыбаться.

– Ваше высочество, вы что, уже забыли, кого из археев Коллар отправил на помощь вашему войску?

– Не забыл, – сухо ответил Тарен. – Но мне хорошо известно, что в первую очередь археи служат Белой академии.

– Зря вы так считаете, – серьезно сказал мужчина. – Мы перешли на вашу сторону, потому что вы обещали отменить закон, по которому дети археев тоже обязаны становиться археями. Мы с Гвен, – он кивком указал на женщину с ним, – ждем ребенка и надеялись, что у него однажды будет выбор, которого не было у нас. Пока вы держите свое слово, у нас нет причин выступать против вас.

– Тогда чего вы хотели? – мрачно осведомилась я.

– Боюсь, вы изначально неправильно нас поняли, – вступила в разговор магесса. – Мы здесь по поручению Коллара. Он ждет срочной встречи с вами здесь, внизу.

– Пусть ждет дальше, – покачал головой принц. – Йорат загнал в угол бывшую королеву вместе с маркизом и собирается их схватить. Мне надо лететь туда.

– Это не займет много времени, а сведения очень важные, и лучше вам их получить до того, как вы полетите куда-то еще, – настойчиво

произнесла женщина. – Просим вас поторопиться, потому что Коллар ранен.

Тарен шумно выдохнул через нос и глянул на меня.

Я понимала его сомнения. Как бы мы ни относились к Пауку, он не побоялся выйти на улицы, драться за нас с врагами и, если посланники не лгали, даже пострадал за это. Человек, задумавший что-то против нас, так поступать не будет. С другой стороны, с Колларом никогда заранее не знаешь, что он выкинет и каковы его истинные цели.

– Ладно, – согласился принц. – Йорат сам разберется, что ему делать с пленниками, а дворец за час без меня не развалится. Эйри, ты готова? Или не хочешь?

– Готова, – ответила я.

Тарен повернулся к двум археям и приказал:

– Ведите. Но сначала заглянем в мой кабинет – мне нужно оттуда кое-что забрать.

## Глава 45

Супруги археи проводили нас до нижних этажей, где располагались покои без просторных балконов – для высокопоставленных гостей, которые не летали на грифонах. Коллар вчера занял комнаты, ничуть не уступающие моим по богатству обстановки. Кто бы сомневался, что именно так и будет.

Но я едва заметила позолоту и искусно украшенную мебель. И даже сам Паук, полулежавший с забинтованной ногой за небольшим чайным столиком, не сразу привлек мое внимание. Его полностью поглотила женщина, которая по-хозяйски деловито хлопотала рядом с Колларом, не позволяя растерянному слуге выполнять свою работу.

– Может, добавить сахара? – ласково и одновременно с упреком спрашивала она, держа фарфоровую чашку с чаем. – Милый, я же знаю, что ты любишь послаще. К тому же после ранения тебе нужно восстанавливать силы.

– Хорошо, Гленда, дорогая, ты меня убедила, еще ложечка не помешает, – мягким и покорным, совершенно несвойственным ему голосом отвечал архей.

У меня отвалилась челюсть.

– Мама?!

Женщина, восторгаясь, обернулась. Да, это была она – Гленда, моя мать. Она немного похудела с нашей последней встречи около полугода назад, когда я уехала, чтобы работать в Небесной академии, а в остальном выглядела почти так же – точная копия меня, только старше и с локонами, которые, невзирая на проседь, не потеряли насыщенного каштанового цвета. Только в глазах появился этот поразительный свет, которого не было раньше... Неужели его причина – жестокий, бессердечный человек по кличке Паук?

– Доченька! – воскликнула мама.

Меня мгновенно прижали к груди, осмотрели с ног до головы и с осуждением поцокали языком.

– Тебя там в этой академии совсем не кормили, что ли?

– Ну мама! – возмутилась я, красноречиво двигая бровями и стреляя глазами на Тарена и всех остальных.

Она сокрушенно покачала головой и отпустила меня.

– Ладно, ладно. Новый цвет глаз тебе очень идет, между прочим.

Я только вздохнула. Моя мама всегда была особенной женщиной.

Тарен прокашлялся. Она спохватилась и склонилась перед ним в низком поклоне.

– Прошу прощения, ваше высочество.

– Ничего страшного, – заверил он. – Наоборот, мне приятно познакомиться с матерью моей супруги.

Мама заморгала, переводя взгляд с него на меня.

– Простите еще раз, ваше высочество... Эйри, ты могла бы и намекнуть...

– Подозреваю, она и сама до сегодняшнего дня не догадывалась, что стала чьей-то женой, – ехидно вставил Коллар, глядя на Тарена. – Кстати, ваше высочество, как вам было сегодня сражаться – удобно? Штаны без ремня не спадали, рукой придерживать не приходилось?

Тот хмуро бросил на стол, между чашками с чаем, странно знакомую бумагу.

– Контракт на мое обучение в Небесной академии? – удивилась я. – Что он здесь делает?

Коллар подтянул к себе лист, пробежал строчки глазами и хмыкнул.

– Ошибаешься, это брачный контракт. Как интересно, подписан еще до начала обучения Эйри в академии. Девочка моя, ты вообще читаешь, что тебе подсовывают на подпись?

Пока я стояла столбом с открытым ртом, Тарен с мрачным видом забрал у архея бумагу.

– Я знал, что вы что-то задумали, и должен был подстраховаться. Давайте сэкономим время: мне неинтересно, что вы по этому поводу думаете. Эйри – моя жена. Законная. Уверены, что хотите лишить Аэнвин его будущей королевы? А если вам взбредет в голову уничтожить контракт – не утруждайтесь, это копия. Оригинал в надежном месте и будет обнародован, если с копией что-то произойдет.

Я наконец отмерла, незаметно ткнула новоявленного мужа пальцем и шепотом укорила:

– Мог бы и предупредить!

Он слабо улыбнулся.

– Извини. Надеялся обойтись без этого.

Паук прищурился.

– Быстро учитесь, ваше высочество.

– Не только вы умеете приберегать важные документы, – парировал Тарен. – Это же вы приложили руку к тому, что якобы сожженное завещание моего настоящего отца обнаружилось сразу после его смерти?

– Не имею к этому ни малейшего отношения, – так легко сказал он, что сразу стало ясно: имеет. – Ваш отец очень хотел, чтобы вы стали королем, и приложил к этому усилия. Но скажите, ваше высочество, вы уверены, что хотите выяснять правду о давних событиях именно сейчас?

– Зачем вы отправили гонца, отвлекая меня от преследования Мераны? – вопросом на вопрос ответил принц.

– Я уж думал, вы никогда не спросите, хотя вроде бы как торопились, – проворчал Коллар и тоже выложил на стол стопку листов. – Присядьте, пожалуйста. Сведения сейчас будут озвучены государственной важности, поэтому прошу покинуть комнату всех, кроме его высочества и его дражайшей супруги.

Ну конечно, не поддеть он просто не мог. Я сложила руки на груди, ожидая, пока выйдут чета археев, слуга и мама. Она напоследок сжала мое плечо, горячо шепнула на ухо, что любит меня, и скрылась в коридоре.

Как только это случилось, я сразу напала на Коллара:

– Как здесь оказалась моя мать? Она должна быть на другом конце страны, а не в осажденном городе!

– Она не только твоя мать, но и женщина, которую я люблю, а мы слишком долго были в разлуке, – отсек Паук. – Она сама сделала выбор. Я ни к чему ее не принуждал, наоборот, привел в самое надежное место, которое мне известно, – в Крылатую башню.

– Прекрасно, вся семья в сборе, – пошутил Тарен, устраиваясь в одном из кресел. – А теперь давайте наконец перейдем к делу. Что это за бумаги?

– Для начала позвольте спросить: вы знаете, где сейчас находится главный архей?

Принц нахмурился.

– Должен быть во дворце. Я посылал к нему ночью за помощью в боях, но он прибыл слишком поздно – Эйри уже выпустила на врагов туман. А какое это имеет значение?

– Непосредственное. У меня для вас плохие новости, ваше высочество. – Коллар пододвинул к нему бумаги. – Нашлись доказательства, что глава археев опоздал вовсе не случайно. Он связан с Мераной и анлезийцами. Появление иноземных магов во время штурма Мавеннара – его рук дело. Вероятно, поняв, что вторжение провалилось, он попытается вас убить и присоединится к королеве. Насколько мне известно, сейчас ее преследует капитан Йорат? Будет лучше, если он завершит это дело сам – на тот случай, если для вас готовится ловушка. Капитану я уже восточку с предупреждением отправил, можете не благодарить. В таверне рядом с Крылатой башней ждет шпион, передавший мне эти сведения. Он старался предупредить нас до штурма, но не успел, а его напарник погиб. Прошу вас послать туда кого-нибудь из надежных гвардейцев и достойно его наградить.

Тарен настороженно склонил голову.

– Но я его не нанимал.

– Вы не хотите, чтобы мой человек стал вашим? – приподнял бровь Паук. – Он работал на благо Аэнвина, думаю, вам пригодятся такие люди.

– Щедрый подарок от вас, – медленно произнес принц. – Поблагодарил бы, но по опыту знаю, что вы в таких случаях ждете ответных реверансов. Чего вы хотите взамен?

Тот усмехнулся.

– Чтобы вы с Эйри сели на Зарю, сделали круг над городом, показав себя в лучах дневного солнца всему Мавеннару, опустились перед дворцом и отдали приказ схватить предателя.

– О, я так полагаю, вы предпочли бы сами его исполнить, – многозначительно покивал Тарен.

– Ну, я бы не отказался, но есть некоторые помехи для исполнения этого плана, – Коллар развел руками, глядя на перебинтованную ногу. – Могу отправить с вами Гавайна и Гвен – это та пара, которая ждет за дверью. Они талантливые маги и не подведут. Что до остального... Когда вы схватите главного архея, его место освободится. Я жду, что оно достанется мне.

Да-а, Коллар от скромности точно не умрет.

– Вы ведь этого и добивались все время? – предположила я, вспомнив сплетни старшекурсников, когда новый архей только-только прибыл в Небесную академию. – Трюки с эн-хеем, возведение Тарена на престол – все это лишь затем, чтобы стать первым среди магов? То, что нынешний главный архей – предатель, это вообще правда или опять интриги?

Он вздохнул и заговорил совсем другим тоном, гораздо больше похожим на тот, которым общался с моей мамой.

– Милая, я в тебе вообще никогда не сомневался. Еще до твоего рождения знал, что ты самое удивительное чудо, которое случалось в жизни – в моей так уж точно, а на Аэнвин мне тогда было глубоко плевать. Позже я понял, что если хочу добра тебе, то нужно постараться сделать что-то и для себя, потому что просто спрятать вас с матерью оказалось мало. Действительно, главный архей мне мешал. Это никак не отменяет того, что он предатель. – Коллар постучал указательным пальцем по бумагам. – Прочтите и сами в этом убедитесь. Доказательства не подтасованы. По словам моего шпиона, есть несколько свидетелей этому. Если архей не позаботился о том, чтобы их убрать, они все подтвердят.

– Допустим, – Тарен внимательно смотрел на него. – Но Эйри натолкнула меня на одно размышление. Кто на самом деле отравил Серена? Уже начинаю думать, что это была вовсе не Мерана.

Паук оставался совершенно бесстрастным.

– Я находился в Небесной академии, поэтому глупо подозревать меня. Но, кто бы это ни сделал, я бы пожал ему руку. Страной не должен править избалованный дурак, который проводит дни в выборе нового наряда для бала и блюд, вместо того чтобы заниматься государственными делами. Не понимаю, чем вы недовольны, ваше высочество. Если не хотели становиться королем, отдали бы корону Меране – мне достоверно известно, что она приходила к вам с подобным предложением.

– Хватит с меня словесных игр, – нахмурился он. – Я всего лишь хочу правды. Тем более теперь, когда мы вроде как связаны узами родства.

– Правды? – Коллар пожал плечами. – Как пожелаете. Это я уговорил вашего отца, старого короля, дать незаконнорожденному наследнику шанс, сохранил завещание и передал его в нужные руки,



когда скончался Серен. Я не предполагал, что моя дочь свяжет жизнь с принцем, но раз это случилось – мне остается только одобрить ее решение, потому что она выбрала достойного человека. Что касается самой Эйри и ее наследства, здесь же, в этих бумагах, документ, подтверждающий, что она моя законная дочь. Подпись поставлена девятнадцать лет назад. И нет, не смотрите на меня так, я отнюдь не пытаюсь вас убедить в том, что я достойный человек или хороший отец. Человек я ужасный, отец паршивый, а тестем буду еще хуже, клянусь в этом перед богами. Но я вам нужен, и именно таким, какой я есть – сволочью. Самая главная правда состоит в том, что вы оба не готовы править. Вас обоих этому не учили, вы не умеете лгать и притворяться. А значит, мгновенно утонете в дворцовых интригах и лишитесь голов, как это чуть не произошло сегодня. Я, наоборот, упражнялся в плетении козней много лет. Если кто-то представляет опасность для моих детей или государства, я убью этого человека недрогнувшей рукой и буду после этого сладко спать. Способны ли на это вы? Уверен, нет. Я вам нужен – по крайней мере, до тех пор, пока вы не окрепнете, чтобы полностью взять управление страной на себя, и пока у вас не появятся наследники.

– Ну, – Тарен прочистил горло, скосившись на меня, – за последним делом долго не постоит.

Я зарделась. А принц наконец подтянул к себе бумаги и заглянул в них.

– Коллар, знаете, почему вы всех так бесите? Вы вечно оказываетесь правы. Пост, разумеется, будет вашим. Я даже не против, чтобы вы были отвратительным тестем – при условии, что вы станете замечательным дедом.

– В этом не сомневайтесь, Гленда не оставит мне выбора, – проворчал Паук.

Или мне все же стоило теперь называть его отцом?

Я отвлеклась – в мысли просочилась бурная радость Заката, который носился по площадке наверху башни. Для малыша все это было в новинку, он остался в полном восторге от полета через горы и теперь искал меня, чтобы похвастаться своим новым золотым оперением. Счастье грифоненка было таким ярким и всеобъемлющим, что у меня на губы поневоле полезла улыбка.

Тарен взглянул на меня и поднялся.

– Нам пора.

– Не забудьте взять Зарю, – напутствовал Коллар, устало откидываясь на подложенные под спину подушки. – В учебниках все равно напишут, что вы спустились ко дворцу вместе, осиянные золотым светом, но важно, чтобы горожане видели это собственными глазами.

Я мысленно потянулась к Заре – проверить, как она. И даже через связь ощутила, насколько она измождена после ночной вылазки. Грифоница забралась в гнездо к Кусачке и бессильно улеглась рядом, по-птичьи мурлыкая, чтобы успокоить сородича, которому собирались тянуть стрелу из раны. Я еще раз мысленно погладила несчастного Кусачку и уже собралась возвращаться в реальность, как в голову влез Гордец.

«Нужно куда-то лететь? Я могу!»

«Ты же нес на себе Заката. Разве не устал?»

«Нисколько, – хвастливо ответил тот. – И у меня, между прочим, тоже появились золотые перья!»

«А как же твоя гордость? – удивилась я. – Ты ведь отказывался признавать любого наездника».

Грифон фыркнул.

«Что вы, люди, о ней знаете? Настоящая гордость – это когда помогаешь семье! А ты и Закат – ее часть».

Повезло ему, что его семья – это будущие король и королева Аэнвина. Придержав эту мысль при себе, я тоже встала.

– Заря несла нас с ректором до Мавеннара и потом полночи витала с нами над городом. Она слишком устала. Полетим на Гордеце, а «осияет» нас Закат.

Архей поморщился, но кивнул.

– Сойдет. Я в любом случае вас поддержу, а хронисты запишут в летописи то, что им скажут. И позовите Гленду, пожалуйста.

Бесцветные глаза с надеждой уставились на дверь в ожидании любимой женщины. Я украдкой вздохнула.

Могла ли я отныне ненавидеть Коллара? Точно нет. Питать к нему дочерние чувства я тоже вряд ли когда-нибудь начну, зато хотя бы стала его понимать. Гордец прав: семья – это семья, какой бы она ни была.

Когда мы вышли, Тарен обратил внимание на мою задумчивость и истолковал ее по-своему.

– Прости. Я опять решил все сам, не спросив твоего мнения. И брачный контракт, и назначение Коллара главным археем...

– Не поверишь, – рассмеялась я, – но то, что в договоре на мое обучение есть какой-то подвох, было понятно с самого начала. Конечно, ты мог бы и предупредить, но что сделано, то сделано. И если уж на то пошло, то мой ответ: да, я хочу стать твоей женой, хоть и не рвусь быть королевой. Но если без этого невозможно быть с теми, кого я люблю, то придется научиться этому так же, как мастерству наездников.

Он расслабился, по-прежнему крепко и нежно сжимая мою ладонь.

– Спасибо. А что насчет Коллара?

– Пусть. – Я медленно поднималась по лестнице. – Меня он убедил. А вот что ты так быстро согласишься с его доводами – этого я не ожидала.

Тарен помолчал, уступив дорогу одному из врачей, который с сундучком лекарств бегал между этажами, спеша к очередному раненному ночью гвардейцу.

– Знаешь поговорку: «Знакомый демон лучше незнакомого»?

– О, понимаю.

Он кивнул.

– Мы выиграли сегодняшний бой, но война на этом не закончится. Придется не только разбираться с устаревшими законами в своем королевстве, но и ставить зарвавшуюся Анлезию на место. Дел еще прорва. Прости, что ввязал тебя во все это. Даже если мы с Колларом на нашей стороне быстро уладим дела с Белой академией, твоя учеба на наездника вряд ли будет проходить так, как положено.

– Ну, во-первых, я бы и сама ввязалась, – хмыкнула я, вспомнив, как мне не хватало Тарена в последние дни. – А во-вторых, учиться в Белой академии мне не придется. Туманный венец сам меня всему научит. Он уже пообещал. А он знает гораздо, гора-а-аздо больше, чем архей.

– Вот как, – принц оценивающе глянул на меня. – Похоже, за эту ночь произошло больше, чем я думал.

Я загадочно улыбнулась.

– Идем скорее наверх. А то Закат уже изнывает от желания покорить весь Мавеннар своими чудесными перышками!

– А ты как будто совсем не желаешь при свете дня прокатиться на Гордеце перед студентами из академии, которые еще месяц назад тебя ни во что не ставили, – подмигнул он.

– Злопамятство – плохое качество для королевы, – нравоучительным тоном произнесла я, и мы оба рассмеялись.

Какие из нас правители, покажет время. Ну а пока – мы будем стараться изо всех сил, и это совершенно точно.

## Эпилог

*Два месяца спустя*

– Как звали короля, при котором в Аэнвин вошло герцогство Керуэнн?

– Пуилл Второй!

– В каком году случилась Дрейтенская битва?

– М-м-м...

Чтобы скрыть замешательство, я вгрызлась в яблоко и задумалась, не «прыгнуть» ли быстренько в безвременье золотой сети. Вдруг Аурелейану известна дата? Он к моменту этой битвы уже умер, конечно же, но вдруг слышал что-то от студентов...

Мади, естественно, раскусила мою уловку и закатила глаза.

– Нет, Эйри, так не пойдет! У тебя это должно от зубов отскакивать, иначе не сдашь экзамен. Можно сколько угодно бегать к эльфу, но профессор Бранвен это обязательно заметит и не зачтет ответ. – Она вдруг задумалась и строго добавила: – Нет, я оговорила. Нельзя постоянно бегать к эльфу! Ты же должна сама все знать!

Я вздохнула. И тут же заработала упрек от служанки:

– Ваше величество! Пожалуйста, постойте спокойно. Складочки на платье неровными выходят.

С моих губ сорвался второй вздох, но я убрала яблоко, выпрямилась и постаралась замереть, насколько это вообще возможно, когда ты стоишь на подставке, а вокруг вертятся сразу трое девушек, поправляющих тебе платье и прикрепляющих к нему живые цветы.

Свою собственную свадьбу нельзя запороть. Даже если ты вроде как уже давно замужем.

По бумагам это произошло еще летом, и мы с Тареном вели себя, словно все так и было. Мы оба короновались, спали в одной постели – да что там, я уже носила ребенка под сердцем. Однако настоящего бракосочетания до сих пор не было, и нас это немного тяготило.

Тарена – потому что он таким образом лишал меня красивого платья, церемонии и всего того, о чем обычно мечтают девушки. Меня – потому что это получалось неправильно: надо же дать клятву перед

богами как положено. Нельзя начинать свое правление со лжи, если хочешь изменить что-то в мире к лучшему.

Впрочем, чем дальше, тем больше я понимала, что без хитростей, которые я совсем недавно так презирала, в политике не обойтись. Я до сих пор не могла простить родителям, что мне лгали на протяжении девятнадцати лет, но обида сразу куда-то девалась, когда я видела, какими горящими глазами смотрят друг на друга мама и Коллар и как осуждающе в то же время на них поглядывают некоторые придворные. Архей и служанка, немыслимо! Но больше никто не смел открыть рот и оскорбить главного королевского мага, чья дочь сидела на троне.

Боги хранили меня – на моем пути вокруг были любящие люди, которые не желали мне зла. А если бы мне не повезло так же, как и Коллару? Была бы я такой же добренькой или превратилась бы в Паука?

Не хотелось об этом думать, но, скорее всего, случилось бы второе.

Когда я ловила косые взгляды уже на себе с Тареном (вчерашний преподаватель и вчерашня кухарка, как можно!), то лишь укреплялась во мнении, что официальная свадьба необходима. Пора показать людям, что сословные заморочки – это глупость, и прекратить плодить истории вроде моей.

Коллар даже одобрил эту идею. Трудность состояла в том, что было бы очень странно, если бы мы начали приглашать всех на свою свадьбу уже после того, как объявили о супружестве. Поэтому после долгих обсуждений мы решили устроить церемонию только для близких людей. Правда, как-то так получилось, что в их число вошла половина Небесной академии и Грифоньей стражи, некоторые друзья мамы и еще какие-то люди, которых привел Коллар... Причем правду знали единицы, а большинство считали, что мы просто повторяем церемонию «на публику», потому что первая вышла скромной и вообще тайной. Главное, что Коллар обещал уладить все шероховатости, торжественно поклявшись, что в этот день нас ничто тревожить не будет. Мы ему доверились.

Тем не менее праздник задержался. На него попросту не хватало времени. То нужно было срочно решить, как поступить с Мераной и дядей-маркизом, чтобы они больше не строили козни против законного наследника трона. То во дворец текли бесконечные посольские

делегации из соседних государств, заинтересовавшихся политикой нового правителя. То приходилось уделять личное внимание каждому аристократу, чтобы они чувствовали себя важными и нужными и не пытались поднять мятеж...

Я тоже во всем этом участвовала. Я ведь была не просто супругой короля, а королевой-эн-хеем, первой такой в Аэнвине. Да, кажется, и на всем континенте. Пока с историей у меня были некоторые проблемы, на что и пеняла Мади.

Да, между прочим, об истории! К Аурелейану я теперь могла попасть в любой миг. Он пообещал научить меня всему, что знает сам, в обмен на то, что я тоже буду защищать грифонов. Конечно же, я согласилась и благодаря эльфу всего лишь после месяца умела такое, что было недоступно даже многим археям. Поступление в Белую академию для меня отныне не имело никакого смысла.

Если бы только знать, что один из моих главных страхов разрушится настолько легко! Но кто мог это предвидеть...

Впрочем, у каждой монеты две стороны. Сложно быть королевой, эн-хеем и одновременно обучаться на наездника. Экзамены-то я сдам, в этом нет сомнений. Аурелейан мне и тут помог, увлеченно репетируя со мной домашнее задание – он утверждал, что это помогает ему лучше понять людей. Но как лавировать между Облачными вершинами и столицей, если между ними несколько часов лета, я беременная и на грифона садиться не могу, а Тарен успевает по мне соскучиться, стоит только выйти погулять в сад?

Да и дел государственных навалом. Присутствие королевы необходимо то тут, то там. А еще же и магия! Оказывается, археи занимались таким количеством всего, что голова шла кругом. И, конечно, они хотели, чтобы самый великий маг на свете помог им во всем разобраться!

Я с шумом выпустила воздух из легких, надув щеки. Мади, устроившаяся с учебником рядом на софе, это заметила.

– Опять задумалась о судьбах всего мира? Свою сначала устрой, – посоветовала она. – Давай лучше историю позубрим.

– Вообще-то я свою уже устроила, – пробормотала я.

Рука дернулась, чтобы почесаться, и тут же на меня сердито глянула служанка. Я мгновенно вытянулась в струнку.

Да что ж ты будешь делать...

– Почему вы платье Мадри так не подтыкаете, – с тоской сказала я. – Подружка невесты тоже должна выглядеть идеально!

– Но я же не королева и не эн-хей. Вот и страдай, – хихикнула она и сделала нечто невероятное – показала мне язык.

Я поражено уставилась на нее. Что за преобразование вечно холодной «принцессы»!

Внезапная догадка озарила мой разум.

– А что у тебя с Хоэлом?

– А что у меня с ним? – невинно похлопала ресницами подруга.

– Ну давай, признавайся! Так же нечестно!

Она загадочно улыбнулась и поправила белокурые локоны.

– Пока ничего. Я всего лишь обратила на него внимание.

– И только? – хитро прищурилась я.

– И только! – уверенно повторила Мадри. – Сама знаешь, у меня есть обязательства перед семьей. Хоэлу придется попотеть и сначала доказать, что он действительно надежен, а не один из прохвостов, которые увиваются за каждой юбкой.

Я улыбнулась, решив дальше не выпытывать у нее подробности. И так ясно, что Белка потихоньку растапливает сердце однокурсницы. Ну а в том, что он надежен, я ни капельки не сомневалась.

Легко на помине! В дверь раздался стук, и почти сразу она начала открываться.

– Эйри, ты готова? – раздался голос Хоэла. – Там уже...

Одна служанка ахнула, вторая взвизгнула, третья кинулась к двери с криком:

– Вон!!! Мужчинам запрещено видеть невесту до бракосочетания!

Она почти что грудью врезалась в дверь и захлопнула ее. С другой стороны раздалось слабое возражение:

– Но я же не жених!

– Любому мужчине, за исключением отца! – отрезала служанка.

Внезапно за дверью зазвучал новый голос, ниже и скрипучее:

– Лорд Хоэл, что вы здесь делаете? Вы должны быть в зале с прочими гостями.

– Э-э... Простите, господин Коллар...

И тишина. Хоэла как будто ветром сдуло. Мы с Мадри рассмеялись. Хоэл побаивался архея после того, как стало известно, кто именно помогал мне обвести Паука вокруг пальца. Но мы обе



знали, что на самом деле Коллару парнишка даже нравится своей смелостью и независимостью. А главное – тем, что он не отвернулся от однокурсницы, когда ту настигла беда.

За дверью прокашлялись.

– Эйри, время пришло, – сказал Коллар.

– Еще один миг! – крикнула я, наблюдая за тем, как служанка цепляет на подол последний цветок.

– Поскорее, пожалуйста, – сухо ответили из коридора. – А то твой муж устанет изображать невинного благодетельного жениха и сбежит. И грифон твой проказничает, приставая к гостям.

– Который? – уточнила я.

– Все!

Я снова засмеялась. Кусачка и Гордец по-прежнему утверждали, что они свободные грифоны. Но всем, кроме них, правда была очевидна.

– Готово, – довольно выдохнула служанка, дорабатывавшая подол.

Мади отложила учебник, подняла на меня взгляд и ахнула.

– Эйри, ты великолепна!

– Обманываешь, – смутилась я.

Служанки, переглянувшись, хихикнули и поднесли ко мне зеркало в полный рост.

– Ваша подруга совершенно права, ваше величество! Краше вас в Аэнвине невесты нет!

Я повернулась и неуверенно уставилась на отражение.

– О, – только и получилось произнести у меня.

Это была я – и не я. Куда делась та нескладная, нечесаная девчонка в заляпанном переднике, которая таскала яблоки с кухни и пряталась от повара Мабона? Канула в небытие, наверное. На меня смотрела очаровательная девушка с огромными золотыми глазами. Может, чуть бледнее обычных людей, но далеко не такая белая, как археи. Волосы больше не вызывали впечатления седых – в руках дворцовых мастериц они стали платиновыми, собирались на голове в причудливую прическу и спускались на плечи волной, украшенной жемчужной сеткой.

А платье, платье! Белое с золотым, оно невероятно шло и к моим волосам, и к глазам. Неделью назад я спорила с портнихами, опасаясь, что такое сочетание, да еще с живыми цветами, будет перебором. Но

получилось идеально! Маленькие бутончики роз особого сорта добавили мороки, поскольку их пришлось закреплять в последний момент, зато какой аромат от них шел и как прекрасно они смотрелись на платье!

– Эту свадьбу надо было устроить хотя бы ради такого наряда! – твердо произнесла Мад и поднялась с софы. – Ты лучшая, и это заслуженно. Жаль только одно – что не весь Мавеннар тебя увидит такой. Интересно, что сказали бы те, кто еще несколько месяцев назад над тобой насмеялся из-за твоего происхождения?

Я с полуслова догадалась, на кого она намекает.

– Правила этикета обязали нас отправить приглашение всем Кеффилам, но каждый из них нашел благовидный предлог для отказа.

– Ты точно любимица богов, – хмыкнула подруга.

Вот тут спорить с ней было сложно. У меня не возникало никакого желания видеть в лучший день своей жизни кого-то из семейки виконта. Даже Мэйлира, хотя он немного приподнялся в моих глазах в последнее время.

Он хорошо показал себя во время боя за Мавеннар, и его восстановили в академии. С Тареном у них состоялся суровый разговор один на один, после которого юноша вышел покрасневшимся и сразу вернулся на Облачные вершины. Когда я поинтересовалась у мужа, что он ему такого сказал, Тарен уклончиво ответил, что это был мужской разговор и они с Мэйлиром друг друга поняли.

Друзья же мне рассказали, что старший Кеффил лишился здоровой части гонора и сильно поменял свое окружение. Возможно, этому поспособствовал и суд над Лорной, во время которого всплыло много неприятных подробностей о девушке, почти сведшей с ума многообещающую звезду Небесной академии. Дочке бургомистра отныне не светило ничего лучше отдаленного монастыря, где она будет находиться до самой смерти. Когда Лорну высылали из Вайля, Мэйлир не пришел ее проводить. И правильно сделал – жители забросали экипаж тухлыми овощами и потрохами. Душный запах Лорны очень надолго приобрел гниющие нотки.

В отличие от брата, Хит возвращаться в академию не рвался. Он засел в загородном фамильном имении и не казал оттуда носа. И ясно почему – в столице быстро стало известно о поджоге студенческого

общежития и о том, как сын виконта гнобил будущую королеву. Разумеется, в обществе его поведение единодушно осудили, а карьера младшего Кеффилла теперь находилась под большим вопросом. Тарену, у которого при звуках этой фамилии каждый раз скрипели зубы, даже не понадобилось вмешиваться – молва все сделала за нас.

Наверное, на небесах действительно сидел кто-то, кто за мной приглядывал. Я бы не удивилась, если бы это оказалась сама милостивая Энеда.

– Последний штрих! – объявила служанка. – Ваше величество, пожалуйста, наклонитесь!

Я послушно склонила голову, позволяя девушкам набросить мне на голову тончайшую вуаль. Ее снимет Тарен после того, как жрец даст на это разрешение. Это была настолько древняя деталь обряда, что уже мало кто помнил, зачем она вообще нужна, и часто ее не соблюдали. Однако я настояла на том, чтобы сегодня все прошло по правилам. А теперь, глядя на себя в зеркало, осталась довольна своим решением.

Ну красота же!

– Ты одета? Мне уже можно входить? – напомнил о себе Коллар из коридора.

Я шевельнула рукой. Плетение магии распахнуло перед отцом дверь. Он собрался сделать шаг в комнату, но так и застыл на пороге с поднятой ногой и открытым ртом, когда увидел меня.

– Гленда, вылитая Гленда! – выдохнул Коллар. На несколько мгновений его взгляд подернулся туманом – архей мысленно вернулся в прошлое, вспоминая чудесные дни, когда они только познакомились с моей мамой. Затем он очнулся, моргнул и наконец ступил в комнату. – Идем, дочь. Почти меня такой честью.

Служанки помогли мне сойти с «пьедестала», и я приблизилась к Коллару. Он подал мне руку, чтобы проводить к залу. Сзади встала Мадис – подружка невесты, еще чуть дальше – раскрасневшиеся и довольные служанки.

Будь я аристократкой, за мной выстроилась бы целая толпа из фрейлин и приближенных. Но я мало кого знала, несмотря на то что провела во дворце уже два месяца. Вернее, перезнакомилась-то я уже со многими. Вот только кто из них стоил того, чтобы находиться рядом

со мной в такой день? Поэтому сейчас я была уверена в том, что рядом самые надежные люди, пусть их и мало.

А скоро к ним присоединится и муж.

В зал я почти летела. Бракосочетание решили провести в небольшой церкви, примыкавшей к дворцовому комплексу. Она соединялась с дворцом крытой галереей, поэтому нам не помешал снег, к этому дню обильно украсивший Мавеннар. Даже не ощутив морозца, я выдохнула клуб пара, стремительно зашла в раскрытые двери часовни – и пораженно замерла, совсем как недавно Коллар.

Украшением часовни занимались декораторы вместе с археями. С помощью иллюзий они создали впечатление теплой летней ночи, когда солнце только-только закатилось за горизонт, но тьма еще не заволокла землю. Под потолком действительно распростерлось ночное небо с мерцающими капельками-звездами. Гости стояли по сторонам от дорожки, разделившей часовню надвое, и кутались в таинственном полумраке. Отовсюду лилась мягкая, немного печальная музыка. Девушка расставалась с прежней, невинной жизнью, и переходила в новый, незнакомый и пугающий статус жены, поэтому веселые, буйные мелодии будут потом, а сейчас было время легкой и светлой грусти. Ароматно пахло цветами и свечным воском. У стен высились «деревья» – хитро изготовленные подсвечники, усеянные крошечными огоньками.

Ну прямо-таки волшебный лес!

Для меня он был еще волшебнее, потому что его пронизывали золотые нити, которые соединяли гостей церемонии. Отныне мне было под силу видеть связи не только между грифонами, но и между людьми. Аурелейан обещал, что при должном усердии я смогу даже еще больше...

Вход в часовню изнутри охраняли три огромные фигуры, похожие на золотые изваяния. Справа выпячивал грудь строгий Гордец – нечастый гость в столице. Он предпочитал проводить время на Облачных вершинах, обустроивая гнездо, наслаждаясь безграничными небесными просторами и как бы между прочим присматривая себе самку среди свободных грифониц. Слева плечом к плечу замерли Кусачка и Заря. Они давно образовали пару и тоже ждали пополнения в семье в виде золотых грифонят. И, конечно, Кусачка тотчас меня мысленно упрекнул:

«Ну что стоишь как столб? Не задерживай нам праздничный ужин!»

Кто бы сомневался, что он скажет именно это!

«Не волнуйся, не прокиснут твои отборные сливки», – пожурила я.

«А я их и не хочу», – запальчиво ответил грифон, взмахнув хвостом.

Врал, конечно. Никуда не делась его любовь к сладенькому. Но гордая Заря гоняла супруга, чтобы вместо слоев жира под толстой золотистой шкуркой перекачивались тугие мышцы, а Кусачка ради возлюбленной был готов на все, даже на отказ от вкусняшек.

Как я его понимала!

Так, подождите. Грифонов же должно быть четыре!

Не успела я проверить ментальную связь, как пропажа нашлась. С задних рядов на меня выпрыгнул страшный-ужасный зверь размером с молодого бычка, распахнув крылья и заклекотав. Коллар вздрогнул, кто-то из гостей взвизгнул, а я рассмеялась и потрепала застывшего рядом со мной Заката по пушистой голове.

– Я тоже рада тебя видеть. Пожалуйста, води себя сегодня прилично, и тогда завтра мы сможем поиграть вместе.

Меня окатило волной любви и тепла от грифоненка. Он шлепнул свою попу на ковровую дорожку рядом с Гордецом и очень постарался выглядеть, как старший товарищ, строго, однако мечущийся туда-сюда львиный хвост с кисточкой выдавал его нетерпение. Закат здорово подрос, напивавшись от меня магией, но ребяческий задор никуда не делся. Ему, много месяцев проведенному в тесном авиарии, куда интереснее было летать над Мавеннаром и носиться с другими грифонами по двору Крылатой башни, чем сидеть, вытянувшись по струнке, на церемонии. И все же ради меня он был готов и на такое.

К тому же здесь собралась не только семья Заката, но и другие грифоны, чье уважение он хотел заслужить. Рядом с Гордецом величественно возвышался Ураган, следом – грифон капитана Йората... И так до самого конца ковровой дорожки – увитой цветами арки, где меня ждал жених. И тоже нетерпеливо, судя по тому, как он оборачивался!

Коллар торжественно повел меня вперед, минуя ряды гостей. Глаз выхватывал знакомые лица. Вон Хозл вытягивает шею, пытаюсь

разглядеть Мади. Брейт и Гвиллим, ясное дело, шушукаются. Археи Гавайн и Гвен улыбаются, женщина держит ладони на округлившемся животе. Ректор и Куланн, судя по лицам, ужасно горды за коллегу-преподавателя и студентку. Профессор Бранвен морщинистой рукой аккуратно промакивает глаза платочком. А вон там...

Уин.

Всего за два месяца он вытянулся, стал серьезнее и задумчивее. Тарен был не очень-то рад видеть на нашей свадьбе человека, которого он считал соперником, но я настояла на его присутствии. Тарен при всем своем уме не видел того, что видела я. Магическая связь между первым курсом окрепла, нити стали толще, сияли ярче. Волей-неволей мы, студенты, влияли друг на друга. Уин проникался высокими стремлениями товарищей, а оторванные от жизни аристократы, наоборот, благодаря ему учились тверже стоять на земле и понимать тех, кого раньше презрительно именовали простонародьем. Я верила Белке, его искренней и горячей идее, что мы все вместе еще можем стать отрядом с первым в истории эн-хеем-наездником – конечно же, с Хоэлом во главе. И у нас будет «одна душа на всех», а это значит, что Уин еще изменится. Но как же это произойдет, если не дать ему на это шанс?

А Тарена я заверила, что наколдую плешь любому, кто посмеет ко мне приставать.

Мы с отцом миновали последний, а вернее, первый ряд гостей. Остался позади один из самых дорогих мне людей – мама, по щекам которой от переизбытка чувств текли слезы. Она призналась мне, что почти сразу после того, как родители Коллара вышвырнули ее из дома и пригрозили смертью, потеряла надежду на воссоединение с любимым мужчиной. И уж тем более она не могла себе представить, что ее дочь сядет на трон.

Что ж, похоже, чудеса случаются!

Коллар замер, а за ним – Мади и служанки. Мы остановились перед аркой, в которой стоял тучный жрец. Еще дальше под самый потолок, теряясь в сумраке, поднимались статуи богов: могучий Хеден с топором, ласковая Энеда с зеленой ветвью в руках, а по бокам – другие боги пантеона. Главные свидетели нашего бракосочетания.

Правда, меня в этот момент больше всего волновали не они, а мужчина, стоявший перед аркой. Он медленно обернулся, заставив

меня затаить дыхание.

Для свадьбы Тарен выбрал белый с золотом наряд – в тон моему. Я привыкла видеть его в синем, но, оказывается, это сочетание тоже шло ему великолепно. Да Тарену, похоже, вообще шло все! Как бы он ни выглядел, мое сердце начинало трепетать при виде его.

Его глаза расширились, но он тут же справился с собой, и в мыслях зазвучал любимый голос.

«Опаздываешь, дорогая невеста», – пожурил Тарен, не размыкая губ.

«Это все из-за платья! Еще скажи, оно тебе не нравится».

«Очень нравится. Но я бы предпочел видеть тебя без одежды. Хотя, пожалуй, эту вуаль можно оставить – она интригует».

К щекам прилил жар.

«Перестань, я же краснею».

«От этого ты становишься такой милой, что я бы смущал тебя бесконечно».

Я фыркнула. Даже на свадьбе Тарен оставался собой.

«Что вы, люди, точно делаете бесконечно, так это сюсюкаетесь», – проворчал в наших мыслях Ураган, через ментальную связь с которым мы и общались.

Широко улыбнувшись, Тарен протянул мне руку.

«И правда, пора уже наконец дать нашим гостям то, чего они ждут больше всего, – праздничный ужин».

Он крепко и одновременно нежно сжал мою ладонь, помогая встать под арку. В зале стихли все шепотки. Сердце, наоборот, билось так громко, что я едва слышала что-то там вещавшего жреца. Дрожащим голосом повторила слова супружеской клятвы, что разделю с мужем любые испытания и радостные моменты, став с ним единым целым.

– Теперь можете поцеловать друг друга, – объявил жрец, брызнув на нас святой водой, символизировавшей Фиреннэн, первоначальный источник жизни на земле.

Тарен медленно поднял вуаль. Его глаза сверкали сапфирами, а загадочная улыбка сводила с ума. Вдруг он притянул меня к себе в таком страстном и жарком поцелуе, что разум поплыл, а я напрочь забыла, где мы находимся.

Этот мужчина любит меня. И он мой законный муж!

Грянула веселая музыка. Дворцовую часовню осветили десятки ярких разноцветных огней, зажегшихся под потолком благодаря археям. В зале захлопали в ладоши, раздались радостные возгласы с пожеланиями любви, долгой жизни и разнообразных благ. А Тарен под мой счастливый смех неожиданно поднял меня на руки и громко провозгласил:

— Моя волшебница. Моя королева. Моя жена!

*Конец*